

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

№ 5

**ЧУВАШСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ
ВЕСТНИК**

АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ

Чебоксары – 2010

*Учредитель ГНУ «Чувашский государственный
институт гуманитарных наук»*

Редакционная коллегия:

Ю.М. Артемьев, И.И. Бойко, Ю.Н. Исаев (главный редактор),
В.П. Иванов, М.Г. Кондратьев, Г.А. Николаев (заместитель главного редактора),
Л.П. Петров, А.А. Трофимов (художественный редактор),
А.П. Хузангай

Ответственный редактор
Г.А. Николаев

Чувашский гуманитарный вестник.
Чебоксары, 2010. № 5

Научный журнал
Основан в феврале 2006 г.
Выходит 1 раз в год

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2010 г.
© Редколлегия журнала
«Чувашский гуманитарный вестник»
(составитель), 2010 г.

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках издание, посвященное 80-летию со дня образования Чувашского государственного института гуманитарных наук – учреждения с богатейшей историей и славными традициями.

«Сăмах ылтăнпа пĕр» – «Слово равно золоту», – говорят у нас в народе. Красивое, звучное, дорогое сердцу и разуму чувашское слово является не просто средством общения, но и связующей нитью, передающей бесценные знания. Поэтому труды «властителей дум», философов, историков, языковедов и других ученых мужей – всех тех, кто посвятил свою жизнь изучению мирового историко-культурного наследия, – сегодня как никогда востребованы. Накопленный профессионалами высокого класса огромный багаж знаний дает ответы на важнейшие вопросы прошлого и современности, открывая дорогу в будущее.

Чувашская профессиональная гуманитарная наука начинала формироваться в труднейшие 20-е годы XX века – во времена борьбы с безграмотностью, когда делались первые шаги в национально-государственном и культурно-языковом строительстве. Уже через некоторое время заложенный фундамент стал основой для динамичного развития отдельных отраслей гуманитарных знаний. По сути институт по праву можно назвать кузницей кадров чувашской отечественной гуманитарной научной школы. В его стенах воспитаны и вышли на научную орбиту блестящие исследователи, которые составили в последующие годы гордость, славу и честь российской тюркологии и чувашеведения.

Отличительными чертами сотрудников института являются профессиональная зрелость, академическая компетентность, научное новаторство, постоянный поиск неопровержимых исторических фактов, но что самое главное – деятельная любовь к Чувашии. Подготовленные учеными монографические исследования, фундаментальные обобщающие труды и отдельные статьи крайне важны для осмысления процессов, происходящих в обществе, определения приоритетов его развития. Отрадно отметить, что здесь на высоком уровне проходят острые научные дискуссии, вырабатываются оригинальные теории, рождаются новые национальные идеи и программы.

Уверен, что Чувашский государственный институт гуманитарных наук и впредь будет сохранять и приумножать прекрасные исторические традиции. Желаю всем крепкого здоровья, дальнейших успехов, неиссякаемой энергии, благополучия, счастья и любви!

Президент Чувашской Республики

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'M. Ignatyev'.

М. Игнатъев

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ

ЧГВ, 2010 г., № 5

ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ

© Ю.Н. Исаев, Г.А. Николаев

Чувашский государственный институт гуманитарных наук — одно из старейших научных учреждений Чувашской Республики. В статье дан краткий обзор его истории и научной деятельности со дня основания до 2010-х годов. В настоящее время институт является современным центром гуманитарных наук, координирующим научные изыскания практически во всех основных отраслях чувашеведения.

Ключевые слова: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, чувашеведение.

18 августа 2010 г. старейшее научное учреждение Чувашской Республики Чувашский государственный институт гуманитарных наук отмечает знаменательную дату в своей истории — 80 лет со дня основания¹. Он занимает особую нишу в научном пространстве Российской Федерации. В стране (да и в мире) нет другого учреждения, которое бы занималось комплексным изучением проблем чувашеведения в фокусе практически всех основных отраслей гуманитарных знаний: антропологии, археологии, истории, искусствоведения, литературоведения, социологии, экономики, этнологии, фольклористики и языкознания. В особо значимые дни, — а юбилей и является таковым, — уместно обращение к Прошлому. Это необходимо как для подведения итогов работы Института и оценки пройденного им пути, так и для определения стратегии последующего его развития.

Все сущее имеет свои истоки. Родники питают своими водами ручьи, ручьи — реки, реки — моря. Начало центру гуманитарных наук Чувашской Республики положил организованный в Чебоксарах Чувашский комплексный научно-исследовательский институт (ЧКНИИ). Своим рождением на-

Юрий Николаевич Исаев — кандидат филологических наук, директор Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Геннадий Алексеевич Николаев — кандидат исторических наук, заместитель директора по науке и развитию Чувашского государственного института гуманитарных наук.

учное учреждение обязано в первую очередь, конечно же, череде бурных политических событий первой четверти XX в.: краху Российской империи как политической системы и формированию советской государственности, национально-территориальному размежеванию народов обширной многонациональной и поликонфессиональной державы, образованию Чувашской автономной области и Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики. Растущая, набирающая силу молодая Чувашская автономия испытывала острую потребность в научном обеспечении своих народнохозяйственных и социально-культурных программ. В числе важных сопутствующих социокультурных и этнокультурных факторов, послуживших благотворной почвой для его рождения, – национальный подъем и этническая консолидация чувашей, повышение образовательного уровня населения и рост интереса народа к собственной истории и культуре. В первые десятилетия XX столетия передовая часть чувашского общества дышала воздухом обновления, жаждала перемен. Поэт Михаил Сеспель в 1921 г. взывал к соплеменникам²:

<i>Курап: чѣрѣлет чăваш ячĕ,</i>	Я слышу, как гром отдаленный,
<i>Таҫта аслатиллĕ саспа</i>	Народная сила гудит
<i>Юратнă ҫĕршивăн хăвачĕ</i>	И хочет скорее, привольней
<i>Часрах вăранашпăн тапать...</i>	Излиться из мощной груди...

<i>Хастарлă, хыт утăмлă пулăр,</i>	Шагайте бодрее и тверже,
<i>Ҫĕршивăн хастар ачисем,</i>	Отчизны любимой сыны,
<i>Вут кайăклăн вĕсĕр, ан юлăр,</i>	Не можем отстать мы, – не можем!
<i>Ан юлăр кун-сул уттинчен.</i>	От поступи нашей страны.

И, наконец, Институт есть плод поступательного развития чувашской гуманитарной научной мысли в XVIII – начале XX вв. В памяти всплывают имена тех, кто закладывал первые камни в фундамент чувашеведения: Е.И. Рожанский (1741–?), В.П. Вишневецкий (1804–1885), А.А. Фукс (1805–1853), В.А. Сбоев (1810–1856), С.М. Михайлов (1821–1861), Н.И. Ильминский (1822–1891), Н.И. Золотницкий (1829–1880), В.К. Магницкий (1839–1901), И.Я. Яковлев (1848–1930), Н.М. Охотников (1860–1892), Н.Ф. Катанов (1862–1922), И.Н. Юркин (1863–1943), К.П. Прокопьев (1872–1938), Н.И. Ашмарин (1870–1933), Г.Т. Тимофеев (1878–1938), Н.В. Никольский (1878–1961), Г.И. Комиссаров (1883–1969), Ф.Т. Тимофеев (1887–1941)...

Созданный многопрофильный Институт – состоял из секторов экономики и промышленности, сельского хозяйства, лесного хозяйства, культуры и быта, марксистско-ленинской педагогики; имел научную библиотеку с книжным фондом в 60 тыс. томов – призван был изучать естественные богатства, экономику, культуру и быт народов Чувашской АССР, проводить научно-исследовательские работы, вызванные планами его хозяйственного и культурного строительства, координировать научные изыскания в республике,

**Михаил Сергеевич Сергеев –
первый директор Чувашского
комплексного научно-
исследовательского института.**

развивать краеведение и вовлекать в данное движение широкие трудящиеся массы. В мае 1932 г. в его структуре получило окончательное оформление Центральная лаборатория в составе химико-технической, агрохимической и гидрогеологической секций. В том же году, в октябре, при нем была организована аспирантура (упразднена 8 октября 1933 г.). Из-за нацеленности ЧКНИИ в первую очередь на разработку народнохозяйственных тем исследования исторического и языковедческого плана в его научной работе занимали небольшое место. Гуманитарные изыскания в основном вылились в сбор материалов по конкретным темам, проведение экспедиций и публикацию статей историко-публицистического и этнологического плана в газетах и журналах. Первым директором Института стал народный комиссар просвещения Чувашской АССР М.С. Сергеев (1897–1943). В силу известных обстоятельств – в 1937 г. он был обвинен в буржуазном национализме, объявлен «врагом народа» и репрессирован; умер в заключении – его имя долгое время оставалось в тени. Михаил Сергеевич – уроженец с. Малое Карачкино Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (ныне Ядринский район Чувашской Республики), выпускник Симбирской чувашской учительской семинарии, 1-го Московского университета, в 1926–1927 гг. возглавлял финно-угорский отдел Наркомпроса РСФСР, в 1927–1930 гг. стоял у руля Наркомпроса Чувашской АССР³.

Организационно громоздкий по структуре, не обеспеченный в должной мере квалифицированными, способными самостоятельно решать поставленные исследовательские задачи кадрами, ЧКНИИ объективно не мог в первые же годы своей деятельности стать научным центром республики. Был предпринят поиск оптимальной формы его организации. В 1932 г. ЧКНИИ подвергается реорганизации: на базе его сельскохозяйственного сектора создается Научно-исследовательский институт социалистической реконструкции сельского хозяйства (функционировал до 1934 г.). 10 августа 1933 г. ЧКНИИ был реорганизован в два самостоятельных научных учреждения: 1) Чувашский комплексный НИИ промышленности и 2) Чувашский НИИ социально-культурного строительства при Народном комиссариате просвещения Чувашской АССР.

В НИИ социально-культурного строительства были созданы следующие секторы: 1) историко-партийный, 2) культуры и быта, 3) языка и литературы, 4) искусства, 5) педагогики. В 1930-е годы научным учреждением последовательно руководили В.А. Долгов (временно исполнял обязанности директора), С.С. Кутяшов, А.С. Сергеева (исполняла обязанности директора по совместительству), Н.В. Васильев (Шубоссинни), Н.А. Резюков (временно исполнял обязанности директора), И.Я. Яковлев (Саламбек). С возложенными на Институт задачами его коллектив, вследствие ряда обстоятельств и условий субъективного и объективного характера (относительно низкая научная квалификация сотрудников, совмещение ими научной работы с партийной и хозяйственной деятельностью, плохое финансирование и пр.), справлялся лишь отчасти. 20 сентября 1936 г. НИИ социально-культурного строительства постановлением Совнаркома Чувашской АССР был переименован в Чувашский научно-исследовательский институт культуры (ЧНИИК). Согласно положению об Институте, ЧНИИК стал научно-исследовательским учреждением республиканского значения и состоял непосредственно в ведении Совнаркома Чувашской АССР. Он должен был вести научные разработки по утвержденным правительством тематическим планам. В Институте были организованы три группы научных сотрудников: 1) по языку, 2) по фольклору, литературе и искусству и 3) по истории. Но научно-исследовательская работа на новых началах была дезорганизована репрессиями 1937 г.

В 1938 г. ЧНИИК был передан в ведение Народного комиссариата просвещения Чувашской АССР. Он получил собственное здание по улице Чернышевского и был переименован в Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ЧНИИ ЯЛИ). Его штат насчитывал 17 чел., в том числе научных работников – 9 чел. ЧНИИ ЯЛИ подчинялся Наркомпросу, находился на его бюджете и отчитывался перед ним. Он включал в себя следующие секторы: 1) языка, 2) фольклора, литературы и искусства, 3) истории и этнографии чувашей, 3) научной библиотеки и 4) рукописного фонда. В Институте был организован Ученый Совет – совещательный орган при директоре. С началом Великой Отечественной войны ряд сотрудников Института ушли на фронт: И.С. Тукташ, М.Я. Сироткин (с сентября 1940 г. по март 1941 г. временно исполнял обязанности директора учреждения; впоследствии стал профессором, доктором филологических наук, членом-корреспондентом Академии педагогических наук), Н.Р. Романов, Т.Г. Гусев, Д.Е. Сапожников. В конце августа 1941 г. деятельность ЧНИИ ЯЛИ была приостановлена.

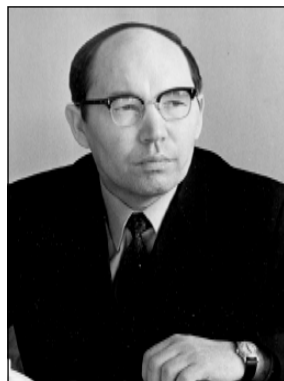
Война лишь на время прервала работу Института: 25 ноября 1942 г. его деятельность была возобновлена в трех штатных единицах; уже к концу года увидела свет подготовленная здесь П.Г. Григорьевым брошюра «Минин и Пожарский», повествующая об участии чувашского народа в борьбе против иноземных захватчиков. В сентябре 1944 г. при Институте был учрежден Рукописный фонд, основу которого составили собранные в 1937 г. фольклорные записи, поступившие из Книжной палаты, Чувашского государ-

ственного издательства неопубликованные рукописи и купленное у профессора Н.В. Никольского рукописное собрание. Постановлением правительства Чувашской АССР Институт с 1 января 1948 г. был переведен в его ведение и вновь сменил свое название: стал называться Чувашским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР (ЧНИИ ЯЛИ). В 1956 г. в структуре Института появился сектор экономики, и учреждение стало называться НИИ языка, литературы, истории и экономики (НИИ ЯЛИЭ) при Совете Министров Чувашской АССР. Тяжелый груз управленческо-организаторских проблем, которые пришлось решать Институту в 1942–1963 гг., лег на плечи кандидата исторических наук (с 1948 г.) П.Г. Григорьева, С.И. Ухватова, В.В. Чебухова (исполнял обязанности директора), кандидата исторических наук Т.Г. Гусева, кандидата сельскохозяйственных наук И.А. Афанасьева, кандидата исторических наук В.Н. Любимова и кандидата экономических наук М.А. Андреева, возглавлявших его в данный отрезок времени.

1960-е – 1980-е годы в истории Института стали периодом наиболее динамичного развития и как научного учреждения, и как гуманитарного научного центра. Постепенно расширялся штат учреждения. Если в 1966 г. в нем трудились 29 чел., то к началу 1980 г. – 54 чел. В Институте появились новые научные подразделения. В конце 1966 г. в НИИ ЯЛИЭ были созданы: 1) сектор быта и социологических исследований и 2) сектор искусств. В 1971 г. был создан Редакционно-издательский отдел. В штат Института была введена должность ученого секретаря. Все секторы были преобразованы в отделы: 1) экономики, 2) истории и археологии, 3) этнографии и социальных исследований, 4) языка, 5) литературы и фольклора, 6) искусств. Из года в год росло число высококвалифицированных научных сотрудников. К началу 1980 г. в нем работали 54 чел., в том числе 1 доктор наук и 8 кандидатов наук. За 1930-е – 1970-е годы сотрудниками Института было подготовлено и защищено 40 кандидатских и 7 докторских диссертаций. С 1963 г. НИИ ЯЛИЭ стал координатором научных исследований по гуманитарным наукам в республике. В 1972 г. он обрел собственное трехэтажное здание по Московскому проспекту. В 1963–1968 гг. Институт возглавлял кандидат исторических наук (с 1967 г. – доктор исторических наук) И.Д. Кузнецов, а в течение последующих 20 лет, в 1968–1988 гг., – доктор исторических наук В.Д. Дмитриев.

В истории учреждения период «дмитриевского правления» стал самым результативным как по объему выполненных научно-исследовательских работ, так и по масштабам развития его материально-технической базы. Слово о гордости чувашского народа – знаменитом уроженце д. Новое Сюрбеево Цивильского района Чувашской Республики, участнике Великой Отечественной войны. Природа щедро одарила Василия Дмитриевича Дмитриева. В нем талант крупного организатора науки гармонично сочетается с талантом кропотливого исследователя. Своими многочисленными трудами по истории Чувашии и волжских народов, выполненными на академическом

**Василий Дмитриевич Дмитриев –
директор ЧНИИ ЯЛИЭ в 1968–1980 гг.
Фото 1971 г.**

уровне, наш выдающийся земляк снискал огромный авторитет в среде маститых российских ученых. Как историка его высоко ценят и за пределами страны. И еще один немаловажный факт: имя Василия Дмитриевича известно практически каждому образованному чувашу. И сегодня, что отгадно отметить, он продолжает восхищать нас – пишет все новые и новые труды. Есть историческая справедливость в том, что именно в годы директорства В.Д. Дмитриева коллектив учреждения был удостоен высокой награды Родины: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 июня 1980 г. Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР за заслуги в исследовании чувашского языка, литературы и истории, развитии просвещения и культуры Чувашской АССР был награжден орденом «Знак Почета».

Крушение советской политической системы и последовавшие распад СССР, политическая мобилизация общества и «парад суверенитетов» открыли качественно новую страницу в развитии научного учреждения. Ряд высококвалифицированных специалистов Института в 1980-е – 1990-е годы, откликаясь на зов Времени, оставили научно-исследовательскую деятельность и активно включились в политическую и общественную деятельность, стали работать в правительственных структурах (А.П. Хузангай, П.С. Краснов, В.Н. Викторов, Н.А. Бикалова, Т.И. Петрова, Л.Г. Федорова, Э.Я. Дмитриева, В.П. Иванов, И.И. Бойко). Сокращение бюджетного финансирования вызвало трудности в издании научной продукции, в организации научных исследований и форумов, отток кадров в образовательные учреждения республики. В создавшихся сложных условиях руководство Института предпринимало энергичные шаги по стабилизации ситуации. В начале 1991 г. НИИ ЯЛИЭ (в 1994 г. переименован в Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН) был переведен на новые методы финансирования и хозяйствования. Последовали организационно-структурные изменения. В составе научных подразделений для изучения малоразработанных направлений были учреждены лаборатории: при отделе искусствоведения – лаборатория архитектуры и строительной эстетики; при отделе этнологии, археологии и антропологии – 1) лаборатория религиоведения и 2) этносоциологи-

ческих исследований; при отделе языкознания – лаборатория терминологии и культуры речи. Был создан отдел компьютерной полиграфии. В 2001 г. были образованы: 1) отдел археологии, 2) отдел социологии и межнациональных отношений, 3) отдел чувашской энциклопедии; упразднен отдел экономики. Дирекции Института удалось добиться принятия правительством республики решений о дополнительной материальной поддержке сотрудников учреждения, что позволило в значительной степени снять проблему кадрового обеспечения разрабатываемых тем. Идеологическая «оттепель» открыла Институту дорогу к активной работе над научными проблемами, прежде оставшимися малоизученными или вовсе неизученными. С марта 1989 г. по апрель 2010 г. учреждением последовательно руководили доктор экономических наук С.Р. Малютин (избран директором на альтернативной основе), доктор искусствоведения А.А. Трофимов и доктор исторических наук В.С. Григорьев.

Сегодня ЧГИГН, комплексно изучающий теоретические и научно-прикладные проблемы чувашского языка, литературы, фольклора, истории, археологии, антропологии, этнологии и искусствоведения чувашского народа и Чувашской Республики, выполняет функции многопрофильного научного центра по чувашеведению. Его заслуги перед обществом поистине впечатляют. За восемь десятилетий им издано около 900 книг по истории, этнологии, археологии, филологии, экономике, искусству и другим отраслям гуманитарных знаний – солидная часть в данном внушительном научном багаже является собой фундаментальные исследования, проведено около 200 комплексных, археологических, этнографических, фольклорных, лингвистических и других экспедиций, свыше 600 научных сессий и конференций. За прошедшие восемь десятилетий отсюда проторило дорогу в мир большой науки не одно поколение исследователей. Особенно весомый вклад в чувашеведение внесли И.А. Андреев, М.А. Андреев, Ю.М. Артемьев, И.И. Бойко, А.Е. Горшков, П.В. Денисов, В.Д. Димитриев, В.Г. Егоров, Н.Е. Егоров, Н.И. Егоров, В.П. Иванов, И.Е. Ильин, В.Ф. Каховский, М.Г. Кондратьев, Г.Е. Корнилов, И.Д. Кузнецов, С.Р. Малютин, И.П. Павлов, Н.П. Петров, В.Г. Родионов, А.К. Салмин, В.И. Сергеев, Л.П. Сергеев, А.А. Трофимов, М.Р. Федотов, М.Ф. Чернов. Ряд сотрудников, получивших здесь научную закалку, выросли в крупных исследователей и успешно трудятся как в республике, так и за ее пределами – В.Н. Викторов, Л.М. Гаврилова, В.И. Елагин, И.Н. Мадебейкин, П.Н. Метин, О.А. Мудрак, В.В. Орлов, Т.В. Погодина, Е.А. Ягафова и другие. С 2006 г. здесь издается научный журнал «Чувашский гуманитарный вестник», призванный выполнять важную миссию в координации гуманитарных изысканий в республике.

Институт работает в тесном сотрудничестве с научными учреждениями и исследователями Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Нижнего Новгорода, Ижевска, Казани, Саранска, Уфы, Йошкар-Олы, Оренбурга, Новосибирска и других городов Российской Федерации. Он имеет научные контакты и развивает сотрудничество с учеными-гуманитариями Болгарии,

Коллектив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Август 2010 г.

Венгрии, Германии, Казахстана, Китая, США, Турции, Украины, Финляндии, Франции, Швеции, Японии и других стран, поддерживает тесную связь с творческими союзами, вузами и другими образовательными учреждениями Чувашской Республики.

Сегодня Чувашский государственный институт гуманитарных наук – одно из динамично развивающихся научных учреждений Чувашской Республики. В нем трудятся 87 чел. (часть из них по совместительству), из которых 55 чел. являются научными работниками (в том числе 10 чел. – доктора наук, 29 чел. – кандидаты наук, 12 чел. – без ученой степени, а также 2 лаборанта и 2 лаборанта-исследователя). Функционирует восемь научных подразделений: 1) отдел истории, 2) отдел этнологии и антропологии, 3) отдел искусствоведения, 4) отдел литературоведения и фольклористики, 5) отдел археологии, 6) отдел социологии, 7) отдел языкознания, 8) отдел чувашской энциклопедии, а также редакция словарей и серийных изданий. ЧГИГН имеет развитую инфраструктуру. Его научная библиотека располагает богатым собранием литературы по профильным отраслям знаний. Особую ценность в ее фонде представляют дореволюционные издания, сосредоточенные в отделе редких книг. В распоряжении исследователей и посетителей из других научных учреждений и вузов республики около 2 млн единиц Генеральной словарной картотеки. Важнейшая структурная составляющая ЧГИГН – Научный архив. В его фондах находится более 15 тыс. единиц хранения по истории и культуре чувашского этноса, других народов страны. Информационные возможности Научного архива поистине огром-

ны. Ряд хранящихся в нем рукописных собраний являет собой уникальный материал. К их числу принадлежит, к примеру, фонд первого чувашского профессора Н.В. Никольского, включающий в себя 260 томов. Во всем мире аналогов данному собранию не более нескольких десятков. Редакционно-издательский отдел ЧГИГН обеспечивает качественное полиграфическое исполнение научных разработок института. Его сотрудники осуществляют набор, редактирование, корректуру, верстку оригинал-макетов книг различных форматов, обработку иллюстративного материала и тиражирование выпускаемой научной продукции. Книги издаются как в мягком, так и в твердом переплете...

В начале августа 1980 г., накануне 50-летия Института, редакционная коллегия периодически выходившей в нем стенной газеты «Исследователь» обратилась к бывшим своим питомцам – ведущим ученым республики – со следующими вопросами: 1) Какую роль сыграл НИИ ЯЛИЭ в Вашей научной жизни? 2) Что хотели бы Вы пожелать Институту в юбилейные дни? На последний из них были получены такие ответы⁴.

П.В. Денисов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории СССР Чувашского государственного университета (ЧГУ) им. И.Н. Ульянова (в Институте работал в 1952–1956 гг.): «Мое искреннее пожелание – чтобы Институт в ближайшие годы вошел в систему Академии наук СССР, так как по объему и научному уровню опубликованных, выполненных работ он полностью отвечает самым высоким требованиям».

В.Ф. Каховский, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории ЧГУ им. И.Н. Ульянова (в Институте работал 1989–1993 гг.): «В эти юбилейные дни, наряду с добрыми пожеланиями дальнейших успехов, хочется посоветовать: 1) создать хорошо оборудованный археологический кабинет; 2) для экспедиции приобрести хотя бы минимум оборудования (палатки, спальные мешки, кухонную посуду и пр.) с тем, чтобы условия полевой работы были удовлетворительными».

И.Д. Кузнецов, доктор исторических наук, профессор ЧГУ им. И.Н. Ульянова (в Институте работал в 1932–1937 гг. – по совместительству, 1958–1967 гг. и 1989–1991 гг.): «Меня спрашивают: какие бы я высказал пожелания (теперь уже большому коллективу научных сотрудников Института? Прежде всего следует отметить, что ЧНИИ является благоустроенной базой для серьезных и глубоких исследований по гуманитарным наукам, в особенности по чувашеведению во всех его аспектах. Коллектив Института выполняет большую и ценную работу, необходимую для дальнейшего процветания культуры, науки, экономики Чувашии (и не только Чувашии). Вместе с тем НИИ является и кузницей подготовки и пополнения научных кадров в ученых степенях и званиях без отрыва от производства. Не совсем ладным, на мой взгляд, является то, что некоторые сотрудники по получении диплома кандидата наук торопятся перейти на работу в вузы, по сути дела покидают НИИ должниками. А ведь совершенно ясно, что подготовить докторскую диссертацию в НИИ удобнее, сподручнее, чем в вузах. Опыт пока-

зывает, что те товарищи, которые соискание докторской степени начинают после перехода в вуз, не справляются с этим делом, даже получая отпуск на завершение и защиту докторской диссертации. Думается, что дирекция и Ученый совет Института должны уделять внимание тем сотрудникам, которые имеют стремление и предпосылки к разработке научно-теоретических проблем на докторском уровне. Большинство гуманитариев докторской степени, работающих ныне в Чувашском университете, прошли такую школу. Наконец, пора уже серьезно поставить вопрос о включении нашего Института в систему академических учреждений. Этот вопрос не просто престижный, а деловой, с точки зрения не только координирования Академией наук СССР тематики исследований, но и действительно для кооперирования (интервирования) работы по научному исследованию проблем подъема Нечерноземья и проблемы всего Поволжья в предстоящие 15–20 лет, повышения эффективности и качества, усиления содружества в работе мощных коллективов научных работников».

Л.П. Сергеев, доктор филологических наук, заведующий Чувашской лабораторией НИИ национальных школ Министерства просвещения РСФСР (в Институте работал в 1964–1972 гг.): «Желаю всему коллективу научных сотрудников Института новых творческих свершений, дальнейшего укрепления связи науки с жизнью, с производством, повышения качества и результативности научных исследований. Мои конкретные пожелания в области чувашского языкознания сводятся к следующему: 1) не забывать о чувашских народных говорах – продолжить работу по сбору диалектного материала как в районах Чувашии, так и за пределами республики. Восстановить хорошую традицию – издание диалектологического сборника «Материалы по чувашской диалектологии»; 2) включить, при первой возможности, в план научно-исследовательской работы Института подготовку и издание памятников старочувашской письменности (с подробным научным комментарием)».

П.А. Сидоров, доктор экономических наук, заведующий кафедрой народного хозяйства ЧГУ им. И.Н. Ульянова (в Институте работал в 1957–1961 гг.): «Желаю Институту повысить категорию. Отделу экономики – обрести свое лицо в науке: проводить фундаментальные исследования в области коллективного территориального планирования, усилить социальный аспект в экономических исследованиях».

В.Я. Каноков, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой чувашской литературы ЧГУ им. И.Н. Ульянова (в Институте работал в 1953–1961 гг.): «Желаю Институту дальнейшего расцвета, масштабных трудов в области чувашской филологии. Коллегам – научной смелости, глубины исследовательской мысли»...

Из текстов анкет тридцатилетней давности предстает царивший в Институте дух. Он особенный – практичный, динамичный, нацеленный на Будущее. И в праздники, и в будни его коллектив жил своей особенной жизнью, всецело погруженной в научное творчество. В данном плане здесь прак-

тически ничего не изменилось. И сегодня сотрудники Института, как и их коллеги тридцать лет назад, кропотливо разрабатывают актуальные темы и дышат, образно выражаясь, воздухом Поиска, Обновления и Созидания. Стратегия развития Центра гуманитарных наук республики прежняя – войти в систему Российской академии наук. Задача ближайших дней – дать новую динамику его развитию. Первые шаги в данном направлении уже сделаны.

Чувашский государственный институт гуманитарных наук достойно подошел к своему 80-летию. Его дружный научный коллектив, где рука об руку работают **старшее** (И.И. Бойко, Ю.В. Викторов, В.С. Григорьев, Н.И. Егоров, В.П. Иванов, И.Е. Ильин, М.Г. Кондратьев, В.П. Никитин, В.Г. Родионов, М.И. Скворцов, А.А. Трофимов, Г.И. Федоров, А.П. Хузангай и другие), **среднее** (Г.А. Дегтярев, А.П. Долгова, В.А. Ендеров, В.Н. Клементьев, Е.Г. Лебедева, Д.Ф. Мадуров, Г.Б. Матвеев, Е.П. Михайлов, А.И. Мордвинова, Л.П. Петров, В.Г. Харитоновна и другие) и **молодое** (Д.А. Захаров, Н.Г. Ильина, Е.В. Касимов, А.В. Кузнецов, В.В. Никифорова, О.Н. Терентьева, Е.В. Федотова, Ю.В. Яковлев и другие) поколения исследователей, уверенно смотрит в будущее. В одной упряжке мудрость, зрелость и дерзость – залог стабильности и динамического развития Института. Дорогу осилит идущий.

Источники и литература

¹ Часть фактических данных, легших в основу настоящего сообщения, нами извлечена из следующей литературы: *Ефимов И.Е.* Научно-исследовательская работа в Чувашии. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1933. 76 с.; Ученые и сотрудники Чувашского государственного института гуманитарных наук (1930–2005) / Сост. *Г.Б. Матвеев*. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. 192 с.; Чувашский государственный институт гуманитарных наук. 1930–2000. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 228 с.; *Гориков А.Е., Изоркин А.В.* Центр гуманитарных наук Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. 136 с.

² *Сеспель М.К.* Собрание сочинений: поэзия, проза, драматургия, письма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. С. 158, 159.

³ Подробнее см.: Организаторы науки и образования: Очерки. Иллюстрированное издание. Чебоксары, Чуваш. кн. изд-во, 2008. Т. 5. С. 221–228.

⁴ См.: Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. II. Ед. хр. 2030. Инв. № 4462. Без нумерации.

Y.N. Isaev, G.A. Nikolaev. A road will be mastered by going.

The Chuvash State Institute of the humanities – one of the oldest scientific institutes of the Chuvash Republic. The article provides a brief overview of its history and scientific activities from the foundation until 2010th years. Now the Institute is a modern center of the humanities, coordinating scientific researches practically in all basic branches of chuvashvedeniya (the Chuvash people science).

**ИНФОРМАЦИЯ МОСКОВСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
О РУССКОМ ПРОТЕКТОРАТЕ НАД КАЗАНСКИМ
ХАНСТВОМ И О ПРИСОЕДИНЕНИИ ЕГО К
РОССИИ, ПЕРЕДАННАЯ ДИПЛОМАТАМИ
СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ**

ЧГВ, 2010 г., № 5
© В.Д. Димитриев

Освещается вопрос об информации, доводимой Московским правительством в 1517–1584 гг. до сведения императоров «Священной Римской империи германской нации» о русском протекторате над Казанским ханством, о присоединении к России территорий Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, о договорных отношениях России с Ногайской Ордой.

Ключевые слова: Московское правительство, Священная Римская империя, Казанское ханство, русский протекторат, Астраханское ханство, Сибирское ханство.

В исторической литературе не приходилось встречать работ, касающихся вопроса об информации, передаваемой московским правительством через своих дипломатов государствам Западной Европы, в частности Священной Римской империи, об обстоятельствах, характере и результатах установления протектората Русского государства над Казанским ханством, о присоединении ханства к России. Государства Западной Европы следили за геополитикой России и были заинтересованы в получении информации о её внешней политике.

Крупным государством Западной Европы являлась Священная Римская империя, основанная в 962 г. в результате подчинения германским королём Оттоном I Северной и Средней Италии. С конца XV в. она называлась «Священной Римской империей германской нации». С X до середины XIII в. в состав империи входили Германия, большая часть Италии. В XI в. в неё вошла Бургундия. Ещё с X в. в зависимости от империи находилась Чехия. С 1438 г. императорская корона закрепилась за австрийским домом Габсбургов. Габсбурги правили в Чехии, Венгрии, Испании, Нидерландах. В рассматриваемое нами время Священной Римской империей правили Максимилиан I (1493–1519 гг.), Карл V (1519–1556 гг.),

Василий Дмитриевич Димитриев – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Чувашской АССР и РСФСР (г. Чебоксары).

Фердинанд I (1556–1564 гг.), Максимилиан II (1564–1576 гг.), Рудольф II (1576–1612 гг.)¹.

В многотомном издании «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными» опубликованы заслуживающие внимания документы о том, как объясняло московское правительство правителям Священной Римской империи установление Россией протектората над Казанским ханством и его присоединение к России.

Как известно, великий князь Московский и всея Руси Иван III в 1487 г. установил протекторат над ханством, который продержался до 1521 г. В XV–XVII вв. одни государства в других постоянных посольствах не держали. В Москву прибывали посольства из других государств на несколько месяцев, такие же посольства направляла Москва в другие государства. В марте 1517 г. в Москву прибыло из Священной Римской империи посольство во главе с Жигмонтом Гермонстером. 10 ноября 1517 г. русский дипломат Меншой Путятин по поручению московского великого князя Василия Ивановича заявил Ж. Гермонстеру, что татарским царям и царевичам, которые служат России, московский великий князь даёт своё жалованье. «Наперёд того, – передавал М. Путятин Ж. Гермонстеру слова великого князя Василия III, – был в Казани царь Ибреим^а, и Ибреима царя не стало. И отец наш [Иван III] посадил на Казань царем из своих рук Алегам^б царя. И Алегам царь учал отцу нашему великому государю неправду чинити. И отец наш послал да Алегам царя с Казани велел к себе свести. А которые у него князи были и с ним то лихо чинили, и он тех велел к себе свести да их велел казнити. А Казань дал брату его Магмед-Аминю^в царю. И Магмед-Амин царь, будучи в Казани, послушавши лихих людей за своею молодостию, учал был неправые же дела чинити. И отец наш послал к нему и велел ему у себя быти. А в Казань послал брата его Абдылетифа^г царя. И Абдылетиф царь, будучи в Казани, послушавши лихих людей, да почал лихие дела чинити. И отец наш, послав, велел его к себе привести, да и в крепости его у себя держал. А Магмед-Аминя царя отец наш, понаказав и тех людей показнив, которые ему лихо делали, да пожаловал – опять ему Казань дал; ино и ныне в Казани Магмед-Амин царь, которого посадил отец наш да и мы. А Абдылетифа царя есмя, понаказав, из крепости выпустили и пожаловали есмя: дали ему в своем Государстве место город Коширу. И Абдылетиф царь и ныне, будучи на наше жалование, у нас нам служит. И мы его жалуем.

А Мещерская земля (Касимовское ханство. – *В.Д.*) в нашем государстве, и тем местом жалуем мы царей и царевичев. И они на тех местех

^а Ибреим – казанский хан Ибрагим, сын Махмутека (Махмута), правивший в 1468–1479 гг.

^б Алегам – казанский хан Алихан, сын Ибрагима от первой жены, правивший в 1479–1484, 1485–1487 гг.

^в Магмед-Амин – казанский хан Мухаммад-Амин, сын Ибрагима от второй жены, правивший в 1484–1485, 1487–1495, 1502–1519 гг.

^г Абдылетиф – казанский хан Абдул-Латиф, брат Мухаммад-Амина, правивший в 1496–1502 гг.

на нашем жалованье живут, а нам служат. И ныне есмя пожаловали тем местом Шихавлеара царевича^а, и он и ныне на нашем жалование живет. А у него мнозие люди, а нам служат.

Да и иные многие цари и царевичи приезжают нам служити. И мы их жалуем и места им на тех в своем Государстве даем. И они у нас на тех местех живут и нам служат. И ты, Жигмонте, тому не дивися: от прародителей наших и при отце при нашем, и при нас в наших Государствех такие обычаи водятся»².

Приведённая цитата свидетельствует, что великий князь Московский и всея Руси Василий III сообщает императору «Священной Римской империи германской нации» Максимилиану I правдивую картину протектората его отца великого князя Московского и всея Руси Ивана III с 1487 г. до 1505 г. и своего протектората с 1505 г. по 1517 г. Возведение казанских ханов на престол, смещение и наказание их были во власти московских великих князей. Василий III объективно характеризует политику русских великих князей XIV–XVI вв. в части приглашения ханычей, эмиров, биев (князей), мурз и уланов с их военными отрядами (служилыми татарами) Золотой Орды, затем Крымского, Астраханского, Казанского, Сибирского ханств, Ногайской Орды на русскую службу. Сообщения Василия III подтверждаются сведениями русских летописей XIV–XVI вв., сохранившимися документами Государева архива русских великих князей и царей, архивным фондом Посольского приказа России, документами Крымского, Касимовского ханств, Великого княжества Литовского и многими другими источниками. А.Х. Халиков установил, что в XIV–XVII вв. перешло на русскую службу около 500 татарских феодальных родов (фамилий)³.

Василий III дает императору Максимилиану I верную информацию и о положении Касимовского ханства, основанного в середине XV в. на Мещерской земле Русского государства и преданно служившего России.

III раздел I тома того же собрания памятников дипломатических сношений России с европейскими государствами называется «Сношения царя Иоанна IV Васильевича с императорами Максимилианом II и Рудольфом II (1576–1578)». В этом разделе нас интересует информация Ивана IV о присоединении к России Казанского и Астраханского ханств, об отношениях между Россией и Ногайской Ордой.

В начале 1576 г. в Можайске встречали послов императора Священной Римской империи Максимилиана II Яна Кобендзля и Даниеля Принца глава Посольского приказа России М.Д. Карпов, князь М.Ф. Борятинский, дьяк В. Колударов, сопровождающие их 500 дворян и детей боярских. М.Д. Карпову, М.Ф. Борятинскому и В. Колударову была дана царская память на ведение переговоров с послами Максимилиана II. В памяти указы-

^а Шихавлеара царевич – Шах-Али (Шигалей), сын Шейх-Аулияра, племянника золотоордынского хана Ахмета, потомка Кичи Мухаммада и Тимур Куллу, касимовский хан в 1516–1519, 1536–1567 гг., казанский хан в 1519–1521, 1546–1552 гг.

валось: если послы спросят у получивших памяти про Казань, то последние от имени царя Ивана IV должны были сказать, что Государь поставил в Казани церкви и построил в регионе много городов, что теперь в Казанской земле многие русские люди живут в городах и сёлах. «А куды Государь велит казанским людям на свое дело итти, и казанских людей на государеву службу ходит сколько коли велит; а всех людей Казанские земли в сборе живёт до ста тысяч». «А нечто спросят про Асторохань, и им говорити, что в Асторохани государевы воеводы живут, и церкви в Асторохани многие ж поставлены. И русские люди в Асторохани многие ж живут. А астороханские люди Государю послушны и ясаки плотят, и на государеву службу ходят, где им Государь велит». О Ногайской Орде послам следовало сообщить, что ногайский князь и мурзы, все в государской воле Государю служат: «куда им Государь велит на свое дело ходить, и они на государеву службу ходят, а иные начальники ногайские, Юсуфовы дети княжие, и многие мурзы ногайские у Государя служат в Московском государстве»⁴. В действительности же, как знаем из источников, в первой половине 70-х годов XVI в. в Казанской земле продолжалось антимосковское сепаратистское движение, полыхала так называемая «черемисская война», в 1574 г. Иван IV обратился к волостям и сотням Казанской земли с уставной грамотой об установлении мирного правопорядка. Ногайский князь и мурзы часто нарушали условия соглашений с Москвой, совершали набеги в пределы Казанской земли и русских уездов.

В начале февраля 1576 г. вместе с послами Максимилиана II в столицу Священной Римской империи Вену (тогда писали «Ведна») отправилось русское посольство в составе белоозерского наместника князя З.И. Сугорского и дьяка Андрея Арцыбашева. Им дана память с ответами на вопросы в столице Священной Римской империи: «А нечто спросят про Казань и про Асторохань: как ныне Казань и Асторохань Государю нашему служат и каким обычаем взял их Государь? – и князю Захарью и Андрею говорити: «Казанское царство великое изнача было; сажались цари на царство на Казанское из рук Государей наших: которого царя Казанской земле Государь Московской посадит, те и бывали на Государстве; а опосле того Казанское царство почало ширится и всякими обильи исполнилось, и люди многих орд в нём учинилися государских сродичев. И казанские люди, забыв правду и Государей наших искони вечных, почали от Государей от наших, от Царства Руского отставати. А отца Государя нашего, блаженные памяти Великого Государя, Царя (Василий III царём не был. – *В.Д.*) и Великого князя Василья Ивановича всеа Руси не стало. Государь наш Великий царь и Великий князь Иван Васильевич всеа Руси в те поры ещё был не в совершенных летех. И казанские люди взяли себе царя из Ногай, астороханских царей и из крымских взяли себе многих болших людей; и, от Государя нашего отступив, учали воевать Государя нашего землю. А как Государь наш возрасту своего донялся, сел на свой конь, и Государь наш, Царь и Великий князь Иван Васильевич всеа Руси на Казанское царство ходил сам двжды со всеми сво-

ими землями и с Божьею помощью Государь наш Царь и Великий князь, поченши своею царскою персоною и всего христолубивого воинства победоносное хоругви, Царство Казанское взял и царя (т.е. хана. – *В.Д.*) свел, и многих казанских людей, болши трех сот тысяч, побил в приступ Казанского взятъя, и в городе Царства Казанского поставил многие церкви и архиепископа, и архимаритов, и игуменов, и весь освященной собор устроил, и по Волге по реке и по Каме по реке многие города поставил, и многих князей и детей боярских в Казани и по городом казанских пригородов устроил. И ныне Казань во Государя нашего Великаго царя и Великаго князя воле. А которые ясачные люди в Казанском уезде живут, и те государевым казанским воеводам ясаки платят и на государевы службы ходят, куды им Государь на которого недруга велит итти и колким людям велит итти; а всех людей Казанские земли живет в сборе до ста тысячъ»⁵. В начале этой цитаты несколько преувеличенно характеризуется русский протекторат над Казанью и власть московских великих князей, правильно подчёркивается, что в Казанское ханство прибывали воинские отряды, князья и мурзы из других татарских ханств. Почему-то умалчивается о захвате Казанского престола крымскими ханами Гиреями. Указывается лишь о занятии престола ханами из Ногай и Астраханского ханства. О строительстве Свяжска, мирном вхождении Горной стороны ханства в состав России, о ясачных людях Свяжского уезда ничего не сказано. Фраза о том, что во время взятия Казани было побито 300 тыс. человек не соответствует действительности. Не верна цифра о 100 тыс. жителей Казанской земли «в сборе». Указание «побито 300 тысяч человек» делалось потому, что в международном праве средневековья признавались лишь сила оружия, насилие.

В характеристике присоединения Астраханского ханства указывается на кочевой образ жизни местного татарского населения, значении овладения Россией всем волжским путём и выхода её к Каспийскому морю, говорится о введении русского управления и вооруженных сил, строительстве церковей⁶.

Послы должны были сообщить в Вене, что Ногайская Орда, князь Тинехмат, мурзы и все ногайские татары кочуют «по Волге возле моря и по Яику, а Государю нашему служат: куда Государь ни пошлёт на свое дело, и они ходят тысячь до двадцати и до тридцати». И здесь говорится о службе детей князя Юсуфа, многих ногайских мурз в Московском государстве⁷. От детей князя Юсуфа произошли известные в истории России русские князья Юсуповы.

В 1577/78 г. в Священной Римской империи у императора Рудольфа II побывало посольство Ждана Квашнина. В данной ему памяти указывалось, что о Казанском царстве следует сообщить почти то же, что было написано в памяти М.Д. Карпову, М.Ф. Борятинскому и В. Колударову 1576 г. Но фраза этой памяти «...на которого недруга велит итти и колким людям велит итти; а всех людей Казанские земли живет в сборе до ста тысячъ» заменена фразой «...на которого своего недруга велит итти; а собирается их на службу

до пятидесяти тысяч»⁸. Эта фраза правдоподобнее. В грамотах Ивана IV, отправленных в Вену императору Рудольфу II и в Рим папе римскому Григорию XIII 6 марта 1580 г. с гонцом Афанасием Резановым и 25 августа 1580 г. с гонцом Истомой Шеврюгиным, также указано: «А которые ясачные люди в Казанском уезде живут, и те государевым казанским воеводам ясаки платят, и на государевы службы ходят, куда им на которой своего недруга Государь велит итти; а собирается их на службу до пятидесять тысяч»⁹.

Текст памяти М.Д. Карпову, М.Ф. Борятинскому и В. Колударову 1576 г. с уточнением о 50 тыс. служилых людей в Казанском уезде повторяется также в наказе Ивана IV посланнику Якову Молвянинову и подьячему Тишине Васильеву от 10 марта 1582 г., отправленном к императору Рудольфу II и папе Григорию XIII вместе с прибывшим в Москву послом Антонием Посевинусом. Фраза наказа в конце текста о Казанской земле отличается от вышеприведённой памяти и текста двух грамот Ивана IV: «...ратны люди на службу ходят, а которые ясачные люди в Казанском уезде живут, и те государевым казанским воеводам ясаки платят и на государевы службы ходят, куды им на которого своего недруга Государь велит итти»¹⁰.

25 ноября 1584 г. царь Фёдор Иванович с согласия боярской думы направил к императору Священной Римской империи (Германии) Рудольфу II в Прагу посланника Лукьяна Захарьина сына Новосильцова. В данной ему памяти значилось: «А нечто вспросят про Казань и про Астарахань: как ныне Казань и Астарахань Государю царю и Великому князю служат? – и Лукьяну говорити: «Казань и Астарахань во всём в Государя нашего воле. И ратные люди на службу ходят, а которые ясачные люди живут в Казанском уезде, и те государевым казанским воеводам ясаки платят и на государевы службы ходят, куды им которого своего недруга Государь велит итти. А которые дальние волости луговые стороны поддались к Сибири и учили были воровать, и Государь наш посылал воевод своих, и Государя нашего воеводы в тех волостях всех изменников, сыскав, казнили и города поставили для укрепления. И Казанская земля во всём в Государя нашего воле утвердилась». В памяти указывается, что сибирский хан Кучум «учал быть непослушен» царю Ивану IV. И он «за то непослушание велел на него итти из Перми казаком своим воложским и казанским, и астороханским с вогненным боем (т.е. с ружьями. – *В.Д.*). И те казаки, пришед, Царство Сибирское взяли, людей многих побили, а царь побежал в Казатцкую орду». С вогулов, остяков начали собирать дань¹¹.

В Казанском ханстве ясачные люди (чуваши, марийцы, удмурты) несли не только ясачную повинность. Они являлись и служилыми людьми, призывались в ханскую армию. И после присоединения к России ясачные чуваши, марийцы и удмурты Казанской земли во время войн с трёх ясаков (с шести фактических дворов) поставляли в царскую армию, в полки дворянского ополчения, одного конного воина с оружием. Собственно служилыми людьми в Казанской земле второй половины XVI – начала XVIII вв. являлись татарские мурзы, уланы, служилые татары (казаки), чувашские тар-

ханы, чувашские, мари́йские, удмуртские сотники, пятидесятники, десятники, служилые чуваша, служившие со своих поместий. Известно, что в отряде Ермака служили казанские казаки.

Приведённые документы свидетельствуют о том, что великий князь Московский и всея Руси Василий III, цари Иван IV и Фёдор Иванович информировали императоров Священной Римской империи, папу римского о Казанском ханстве, затем Казанской земле России в основном объективно, несколько преувеличив значения протектората над Казанью, но не скрывая применявшегося ими насилия при присоединении к России Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, при подавлении народных движений. В XIV—XVI вв. в международном праве признавалась прежде всего сила оружия.

Литература и источники

¹ Колесницкий Н.Ф. «Священная Римская империя» // Советская историческая энциклопедия. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1969. Т. 12. Стб. 616–618; Габсбурги // Советская историческая энциклопедия. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1963. Т. 4. Стб. 18—19.

² Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Часть 1. Сношения с государствами европейскими. Памятники дипломатических сношений с империей Римской (с 1488 по 1594 год). СПб., 1851. Том I. Стб. 190, 193, 287–289.

³ Халиков А.Х. 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения. Казань: Татар. кн. изд-во, 1992.

⁴ Памятники дипломатических сношений... Стб. 506–510.

⁵ Там же. Стб. 593, 608–610.

⁶ Там же. Стб. 610.

⁷ Там же. Стб. 610–611.

⁸ Там же. Стб. 711, 732–733.

⁹ Там же. Стб. 780, 810.

¹⁰ Там же. Стб. 841, 856–857.

¹¹ Там же. Стб. 909, 910, 921–922.

V.D. Dimitriev. The information of the Moscow Government about Russian protectorate over Kazan Khanate and its annexation to Russia, transferred by diplomats of the Holy Roman Empire.

The question on the information which the Moscow Government was reporting to the emperors of «The Holy Roman Empire of the German nation» in the years 1517–1584 about Russian protectorate over Kazan Khanate, annexation of Kazan, Astrakhan and Siberian Khanates to Russia, the contractual relationship between Russia and the Nogai Horde is taken up.

**КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА ЧУВАШИИ КАК
НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ
ЗАМЕТКИ**

ЧГВ, 2010 г., № 5
© Е.В. Касимов

В процессе развития региональной историографии коллективизации сельского хозяйства Чувашии можно выделить ряд этапов. Они различаются степенью воздействия партийных и государственных органов на исследовательскую практику, кругом рассматриваемых вопросов, характером и полнотой освещения темы, интенсивностью региональных исследований, насыщенностью и разнообразием источниковой базы.

Ключевые слова: коллективизация, сельское хозяйство, крестьянство, Чувашия, историография.

Коллективизация сельского хозяйства относится к числу наиболее дискуссионных проблем отечественной истории. К настоящему времени исследователями проделана значительная работа по изучению названной темы и существует объективная необходимость в обобщении накопленного опыта. В данной статье ставится цель выделить основные этапы развития региональной историографии коллективизации сельского хозяйства, определив их характерные черты и особенности. При этом принималось во внимание развитие советской исторической науки в целом, поскольку связь между общероссийской и региональной историографией, безусловно, присутствует. Но следует иметь в виду, что пики исследовательской активности не совпадали и, как правило, новые тенденции в освещении тех или иных вопросов получали распространение на местах с небольшим запозданием, под влиянием трудов ведущих историков-аграрников страны – В.П. Данилова, И.Е. Зеленина, Н.А. Ивницкого и др.

Коллективизация сельского хозяйства представляла собой объединение и преобразование мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства. Этот многосложный процесс протекал неравномерно на разных этапах отечественной истории. Поэтому важно, прежде

Евгений Витальевич Касимов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Чувашского государственного института гуманитарных наук.

всего, определиться с используемыми в статье дефинициями и уточнить вопрос о хронологических рамках колхозного движения. В советской историографии сложилось четкое разграничение понятий «коллективизация» и «колхозное движение» (колхозное строительство). По своему значению первый термин был более узким и употреблялся исключительно для характеристики аграрных преобразований 1929–1937 гг. Соответственно в истории колхозного движения выделялись два основных периода: до 1929 г., когда создавались предпосылки для коллективизации сельского хозяйства, и после 1929 г. – непосредственное развертывание коллективизации. Внутри второго периода, в свою очередь, выделялись два этапа. Первый из них (1929–1932 гг.) обычно обозначался как «сплошная (массовая) коллективизация сельского хозяйства», «социалистическое преобразование (переустройство) сельского хозяйства Чувашии» или «массовое колхозное движение». Вторым этапом (1933–1937 гг.) назывался временем «организационно-хозяйственного укрепления колхозов», «завершения социалистической реконструкции сельского хозяйства республики», «победы колхозного строя».

На наш взгляд, нет необходимости разграничивать понятия «колхозное движение» и «коллективизация», поскольку последний термин широко употреблялся уже в документах 1918–1919 гг. при характеристике динамики организации сельскохозяйственных коммун и артелей. Таким образом, используемые в статье понятия «колхозное строительство», «колхозное движение» и «коллективизация сельского хозяйства» рассматриваются как синонимы. Хронологические рамки коллективизации ограничиваются 1918–1937 гг. – от времени возникновения первых сельскохозяйственных коммун на территории Чувашии до завершения «в основном»¹ сплошной коллективизации сельского хозяйства.

Если исходить из ведущих методологических подходов, применявшихся в исторических исследованиях, а также характера взаимодействия государства и исторической науки, то в самом общем виде в историографии можно выделить два основных периода: советский (1920-е – начало 1990-х годов) и постсоветский (с начала 1990-х годов по настоящее время). На первом этапе господствовавшая марксистско-ленинская идеология жестко ограничивала творчество и самостоятельность ученых. По сути, от исследователей региональной истории требовалось лишь подкреплять на конкретном фактическом материале решения высших партийных органов и теоретические положения классиков марксизма-ленинизма. Поэтому атрибутом научных трудов советского времени являлось обильное цитирование решений Центрального Комитета ВКП(б) и выступлений лидеров партии. О каком-либо критическом отношении к партийным документам и законодательным актам не могло идти и речи. Работам был присущ также особый пафос, отражавший напряженность борьбы и правоту дела рабочего класса и крестьянства, веру в скорое торжество коммунистических идеалов.

Концептуальная схема освещения исторических событий также задавалась «сверху». В общих чертах она выглядела примерно следующим об-

разом. На основе положений В.И. Ленина о том, что переход от мелкотоварного крестьянского хозяйства к крупному коллективному сельскохозяйственному производству является составной частью построения социализма, в литературе подчеркивалась необходимость ликвидации противоречия между социалистической промышленностью, развивающейся по принципу расширенного воспроизводства, и раздробленным, отсталым мелкотоварным крестьянским хозяйством, не всегда способным осуществлять даже простое воспроизводство. Помимо того, что мелкое крестьянское хозяйство не в состоянии было удовлетворить возрастающий спрос населения на продовольствие, не могло обеспечить промышленность сырьем, отмечалась необходимость ликвидации базы капитализма в деревне, эксплуатации бедноты и значительной части середняков. Согласно принятой концепции, поскольку задача коренного преобразования способа производства в сельском хозяйстве требовала самой серьезной подготовки, массовое колхозное движение началось, когда были созданы соответствующие предпосылки – в 1929 г. С небольшими вариациями вывод о неразрывном сочетании двух сторон: необходимости и возможности социалистического переустройства сельского хозяйства – присутствует практически во всех работах по истории Чувашии 1930-х годов, изданных до наступления эпохи «перестройки». Другими словами, преобразование сельского хозяйства на основе перевода индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства признавалось исторической закономерностью и экономической необходимостью.

Массовая коллективизация рассматривалась как составная часть кооперативного движения. Исходя из положений В.И. Ленина (так называемый «ленинский кооперативный план»), была создана схема, представлявшая процесс кооперирования крестьянства как последовательный переход от более низких к более высоким ступеням, от «низших» форм кооперации к «высшим» (колхозам). Соответственно, исследователи пытались доказать, что в Чувашии колхозы возникали и развивались на базе снабженческой и сбытовой кооперации. Но поскольку в действительности немногие колхозы «выросли» до 1928 г. из кооперативных объединений, этот тезис остался неподкрепленным фактическим материалом.

Еще одной отличительной особенностью советской историографии являлось освещение вопроса о методах, которыми осуществлялись преобразования аграрной сферы. Во все годы упор делался на показ добровольности этого процесса. Исследователи писали про неуклонное проведение в жизнь Коммунистической партией ленинского указания о подведении крестьянских масс на их собственном опыте к осознанию необходимости перехода на путь общественного ведения хозяйства. Приводились факты, какую роль в убеждении крестьян в превосходстве крупного хозяйства сыграли колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции (МТС). Освещались многочисленные формы вовлечения крестьян в коллективные хозяйства: проведение конференций единоличников, приглашение селян на колхозные отчетные собрания, помощь индивидуальным хозяйствам в проведении сельскохозяйствен-

ных работ и др. Нарушения принципов добровольности, особенно наблюдавшиеся зимой – весной 1920 г., оценивались в литературе как незначительный эпизод по сравнению с гигантской положительной работой, выполненной партией по осуществлению коллективизации. Подчеркивалось, что все ошибки и «перегибы» были быстро и своевременно исправлены, советское правительство и ЦК ВКП(б) разработали широкую программу организационной, материальной и финансовой помощи колхозам и колхозникам. Публикация Примерного устава сельскохозяйственной артели и статей И.В. Сталина «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам колхозникам», установление новых льгот для коллективных хозяйств, снятие с них некоторых видов задолженности, помощь колхозам семенами, создание МТС, проведение перевыборов Советов, подготовка колхозных кадров, охрана колхозной собственности от расхищения, упорядочение организации и оплаты труда положительно сказались на ходе коллективизации. Таким образом, делался вывод, что проводившиеся в деревне социалистические преобразования пользовались поддержкой абсолютного большинства крестьян.

Развернувшаяся в ходе проведения коллективизации сельского хозяйства борьба с кулачеством, в соответствии с господствовавшими в советской исторической науке представлениями, рассматривалась как неуклонный курс партии на выкорчевывание корней капитализма в деревне. Указывалось, что политика «ликвидации кулачества как класса» проводилась по желанию трудящихся масс крестьянства «в целях обеспечения наиболее благоприятных условий для социалистического переустройства сельского хозяйства»². Ориентируясь на речь И.В. Сталина во время научной конференции аграрников-марксистов (декабрь 1929 г.), исследователи переход от политики ограничения и вытеснения кулака из производства к политике «ликвидации кулачества как класса» связывали с успехами коллективизации. Подчеркивая, что колхозы и совхозы в 1929 г. дали товарной продукции больше, чем кулаки в 1927 г., историки писали о наличии достаточной материальной базы и массовом характере колхозного движения как двух главных условиях, предопределивших изменение политики в отношении кулачества. Использование насильственных методов при экспроприации кулачества представлялось как ответная (вынужденная) мера партии и правительства на враждебные действия кулаков, развернувших открытый террор против партийных и советских работников, сельского актива, колхозов.

В целом, переустройство аграрной сферы оценивалось не иначе, как «великое завоевание Коммунистической партии». В литературе обращалось внимание на повышение уровня сельскохозяйственного производства и увеличение государственных заготовок сельхозпродуктов, на приобщение крестьянства к передовой культуре и знаниям, подъем материального благосостояния колхозников и т.п. В советской историографии о снижении показателей сельскохозяйственного производства в результате проведения политики сплошной коллективизации не говорилось ни слова или только мимоходом упоминалось о сокращении поголовья скота без указания его масштабов. В

тех же работах, где правдиво показывалось, что поголовье скота в начале 1930-х годов сильно сократилось, этот факт связывался исключительно с вредительской деятельностью кулачества. С небольшими вариациями в формулировках говорилось о «разбазаривании» кулаками собственного имущества и использовании «извращений» принципов коллективизации в 1930 г. (принудительное обобществление коров, мелкого скота и птицы) для подстрекательства крестьян к забою скота перед вступлением в колхоз, а также «подрывных действиях антисоветских элементов внутри колхозов», например, организации массовых падежей животных посредством оставления их без корма, заражения различными болезнями.

Подчеркивалось, что сельскохозяйственная артель является глубоко демократической организацией, поскольку колхозники принимали «широкое участие в управлении производством». Благодаря коллективному управлению якобы создавались условия «для воспитания нового человека – человека коммунистического завтра»³.

Политика гласности в годы «перестройки» и резкое ослабление идеологической цензуры после распада Советского Союза породили плюрализм в оценках концептуальных аспектов истории коллективизации сельского хозяйства. Ушла в прошлое марксистско-ленинская методология с ее классовым подходом к анализу явлений и процессов. Историки получили доступ в секретные архивные фонды, в научный оборот стали вводиться новые комплексы исторических источников⁴. В результате произошло переосмысление всей истории коллективизации. Исследователи пришли к выводу, что переход в конце 1920-х годов к масштабному реформированию аграрной сферы был обусловлен не созданием мифических предпосылок, а главным образом волевым решением руководства страны тех лет. В качестве причин сплошной коллективизации называется связь с обеспечением нужд индустриализации и ориентацией на непосредственный подъем сельскохозяйственного производства. В постсоветской историографии подчеркивается насильственный характер аграрных преобразований 1930-х годов в целом, а не просто наличие отдельных «перегибов», «извращений», «искривлений партийной линии». Решение властей Чувашии резко форсировать процесс коллективизации представляется вытекавшим из установок ЦК ВКП(б) и других руководящих органов Советского государства. Широкое распространение получает точка зрения о преждевременности и ошибочности свертывания нэпа. Кардинально менялись оценки раскулачивания: все современные исследователи солидарны в том, что политика «ликвидации кулачества как класса» отрицательно сказалась на развитии советской деревни и дальнейшей истории крестьянства.

Вместе с тем для лучшего понимания тенденций развития исторической мысли в XX в. представляется целесообразным раздробить выделенные периоды в изучении колхозного строительства в Чувашии на пять этапов, в зависимости от степени воздействия партийных и государственных органов на исследовательскую практику, круга рассматриваемых вопросов, характера и полноты освещения темы, интенсивности региональных исследо-

ваний, насыщенности и разнообразия источниковой базы: 1920-е – вторая половина 1930-х годов, конец 1930-х – середина 1950-х годов, вторая половина 1950-х – середина 1980-х годов, вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов, с начала 1990-х годов по настоящее время. Рассмотрим их подробнее.

В 1920–1930-е годы изучение процесса коллективизации находилось на начальной стадии. В эти годы делались лишь первые шаги по обобщению накопленного фактического материала и определению проблематики научных исследований. Историография представлена прежде всего статьями в журналах «Чувашское хозяйство» («Социалистическое строительство ЧАССР») и «Чăваш ялĕ» («Социализмла çĕр ёçĕ»), «Большевизма колхозшăн»).

По своему содержанию работы этих лет могут быть объединены в две группы. Первый ряд работ характеризовался большой насыщенностью фактическим материалом. В их основе лежали докладные записки и отчетные материалы государственных органов, связанных с колхозным движением в Чувашии, а авторами обычно являлись государственные деятели: нарком земледелия Чувашской АССР Л.С. Спасов, председатель Чувашколхозсоюза Д.З. Захаров, начальник Чувашского управления народнохозяйственного учета П.Д. Краснов и др.⁵ При этом сочинения носили практическо-рекомендательный характер, то есть опыт колхозного строительства рассматривался сквозь призму практической необходимости утверждения коллективного производства в деревне. В центре внимания находились вопросы организационно-экономического состояния коллективных хозяйств и дальнейшего вовлечения крестьян в колхозы, целью статей было обоснование идеи необходимости и полезности коллективизации, решение практических вопросов жизнедеятельности коллективных хозяйств.

Главной же отличительной особенностью этих трудов было выведение во многих случаях оценок и выводов из фактического материала, а не простое подведение фактов под идеологические концепции. Это стало возможным благодаря существовавшей до конца 1920-х годов относительной свободе выражения собственной точки зрения⁶. Поэтому именно в эти годы были верно указаны слабые стороны колхозного движения в Чувашии: большое количество «бумажных колхозов», частый распад коллективных хозяйств, неспособность новых объединений продемонстрировать преимущества коллективного труда и т.д.⁷ В результате труды, увидевшие свет на рубеже 1920–1930-х годов, на протяжении более полувека оставались единственными специальными исследованиями по истории колхозного движения на территории Чувашии в первое послереволюционное десятилетие.

По мере развертывания массовой коллективизации в республике, с середины 1930-х годов все большее внимание в литературе стало уделяться вопросам организационно-хозяйственного укрепления колхозов и показу на основе статистических материалов позитивных изменений в аграрной сфере и быту крестьян под влиянием коллективизации⁸.

Вторую группу работ объединяет ярко выраженный агитационно-пропагандистский характер содержания, описательность в изложении и невысо-

кий уровень анализа происходивших в деревне изменений. Авторы этих сочинений освещали колхозное строительство в Чувашии исключительно в позитивном свете, пропагандировали как реальные, так и вымышленные достижения коллективных хозяйств. Многие из работ подобного плана посвящены функционированию отдельных колхозов, по мнению авторов, добившихся в своей деятельности заметных положительных результатов⁹.

К данной группе можно отнести и многочисленные сборники и брошюры публицистического плана, приуроченные к юбилейным датам – годовщинам Октябрьской революции, образования Чувашской автономной области. Выпускаемые в пропагандистских целях, они содержат довольно однотипный набор фактов, и общая схема изложения материала в них примерно следующая: ужасная жизнь крестьянства до Октябрьской революции – переход крестьян на путь колхозной жизни – рост посевных площадей в республике – применение техники в сельском хозяйстве (увеличение количества машинно-тракторных станций, числа тракторов и комбайнов) – расширение вложений государства в сельское хозяйство – проведение агротехнических мероприятий в колхозах и повышение урожайности – развитие животноводства благодаря созданным колхозным строем условиям – примеры зажиточной жизни колхозников¹⁰.

Труды данной группы несут дух эпохи «великого перелома», мировосприятие современниками окружающей действительности, но, в большей степени, эти работы имеют не столько историографическое, сколько источниковедческое значение.

Сложен и противоречив второй этап изучения коллективизации в Чувашии (**конец 1930-х – середина 1950-х гг.**). Во-первых, он протекал в условиях культа личности И.В. Сталина, когда все научные положения отечественных историков определялись «Кратким курсом истории ВКП(б)» (1938 г.). Труды этого времени переполнены цитатами из партийных документов и речей лидеров Советского государства. Характерной чертой исторических работ являлась ярко выраженная идеализация как политики сплошной коллективизации сельского хозяйства, так и производственных успехов первых коллективных хозяйств. С позиций концептуального осмысления колхозного движения, это время можно назвать периодом застоя и догматизма. Во-вторых, сложная международная обстановка конца 1930-х годов и Великая Отечественная война оказали существенное влияние на тематику исследований немногочисленных в то время историков, в результате чего вопросы истории колхозного движения в Чувашии примерно на десятилетие, вплоть до начала 1950-х годов, выпали из сферы внимания ученых. Кроме того, в это время прекращается издание журналов, затрагивавших вопросы коллективизации сельского хозяйства: «Большевикла колхозшӑн» (За большевистский колхоз, 1937), «Социалистическое строительство ЧАССР» (1937), «Агитатор блокночӑ» (Блокнот агитатора, 1938), «Ёҫ хӗрарӑмӗ» (Работница, 1941), «Ленин ҫулӑпе» (По ленинскому пути, 1942).

Вместе с тем завершение коллективизации выдвинуло на повестку дня задачу обобщения и осмысления ее истории. Победа в Великой Отечественной войне, продемонстрировавшая положительные стороны и прочность созданной колхозной системы, еще больше обострила интерес исследователей к истории коллективизации. За счет привлечения архивных документов происходит расширение источниковой базы и постепенно прикладной характер исследований сменяется научным¹¹. В первой половине 1950-х годов появляются специальные диссертационные исследования о социалистическом переустройстве чувашской деревни¹², послужившие основой для первых обобщающих работ¹³.

Круг рассматриваемых исследователями аспектов истории колхозного движения по-прежнему был ограничен: сказывались кратковременность осмысления недавно минувших событий и господство в советской исторической науке определенных идеологических установок, вытекавших из формационного подхода к изучению общественной жизни. На первом плане находились вопросы партийного руководства коллективизацией и организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

Одним из важнейших направлений в историографии этого времени становится изучение предпосылок сплошной коллективизации сельского хозяйства. Исследователи единодушно обосновывали тезис о том, что к 1929 г. была подготовлена соответствующая почва для массового колхозного движения в Чувашии. В качестве его важнейших предпосылок назывались национализация земли, всемерное развитие индустрии (особенно сельскохозяйственного машиностроения), организация и укрепление простейших видов сельхозкооперации, распространение положительного опыта совхозов и первых колхозов, финансовая помощь государства колхозам республики и значительное финансирование сельского хозяйства в целом, направление рабочих в деревню для разъяснения крестьянам аграрной политики партии и оказания непосредственной производственно-технической помощи, подавление кулацкого сопротивления в 1928–1929 гг., разгром «троцкистов» и «бухаринцев», ликвидация в течение 1920-х годов старых форм землепользования, деятельность крестьянских комитетов общественной взаимопомощи, введение контрактации сельхозпродукции, укрепление рядов Чувашской партийной организации, повышение активности и организованности групп бедноты.

Третий этап историографии истории коллективизации (**вторая половина 1950-х – середина 1980-х годов**) ознаменовался количественными и качественными переменами в исследовательской работе. После XX съезда КПСС и развенчания культа личности И.В. Сталина элементы десталинизации проникли и в историческую науку, благодаря чему стал возможным частичный пересмотр догматических положений «Краткого курса истории ВКП(б)». В частности, исследователи стали чаще писать о «перегибах» при проведении коллективизации сельского хозяйства. Совершенствовалась методика исследований, значительно расширилась источниковая база исследований, сократилась практика использования цитатно-иллюстративного

метода подачи материала, вырос уровень обобщения исторических фактов, более разветвленным стал научно-справочный аппарат трудов. В результате уровень научных сочинений заметно возрос.

Период с конца 1950-х по середину 1980-х годов характеризовался заметным оживлением творческой мысли, широким развертыванием исследовательских работ. В поле зрения историков оказались не только самые общие, коренные вопросы истории сплошной коллективизации¹⁴, но и многие частные аспекты колхозного движения на территории Чувашии. В научной литературе нашли отражение деятельность первых коллективных хозяйств в годы «военного коммунизма» и новой экономической политики¹⁵, проблемы организационно-хозяйственного укрепления коллективных хозяйств в годы второй и третьей пятилеток¹⁶. Объектом специального изучения стали вопросы социального противостояния в деревне и проведения политики ликвидации кулачества¹⁷, деятельность политотделов МТС¹⁸, подготовка колхозных кадров¹⁹, состояние сельских партийных организаций Чувашии накануне и в годы массовой коллективизации²⁰, значение для колхозного строительства вхождения Чувашии в состав Нижегородского края²¹, подъем культурного уровня и материального благосостояния колхозников²². Самое пристальное внимание уделялось в это время показу участия в коллективизации различных социальных групп и общественных организаций – комсомольцев²³, рабочих²⁴, профсоюзов²⁵, крестьянских комитетов общественной взаимопомощи²⁶, сельских Советов²⁷. С разной степенью полноты освещения вопросы аграрных преобразований нашли отражение в коллективных трудах по истории республики²⁸. Кроме того, издавались исторические очерки популяризаторского плана об отдельных, наиболее известных колхозах республики²⁹.

Быстрое нарастание потока исторической литературы обусловило необходимость ее анализа и обобщения, рассмотрения динамики нарастания исторических знаний – появляются первые историографические работы по теме³⁰. По отдельным вопросам истории колхозного движения в Чувашии (масштабы применения административных мер в 1930 г., время начала и завершения сплошной коллективизации и др.) по сути развернулись научные дискуссии.

В отечественной историографии коллективизации сельского хозяйства СССР период с середины 1950-х до середины 1980-х годов нередко разделяется на два этапа: время ограниченной критики проявлений культа личности И.В. Сталина в исторических исследованиях (до середины 1960-х годов) и частичная реанимация некоторых элементов «сталинской» концепции в ряде исторических работ. Однако в региональной историографии коллективизации сельского хозяйства Чувашии такая четкая грань не может быть проведена из-за изначально весьма слабых проявлений «оттепели» в исторической науке на рубеже 1950–1960-х годов. Тем не менее общая историографическая ситуация в стране, естественно, не могла не повлиять на содержание конкретно-исторических исследований на местах. Так, наиболее заметно эти перемены проявились в творчестве научного сотрудника отдела истории

Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики Н.И. Иванова, которому принадлежит приоритет в разработке многих аспектов коллективизации сельского хозяйства Чувашии. В 1967 г. в брошюре «Коммунисты – организаторы и руководители колхозного движения в Чувашии» исследователь отметил, что серьезные перегибы и ошибки в осуществлении ленинского кооперативного плана в Чувашии «появились из-за ненужного ускорения и без того высоких темпов социалистического преобразования сельского хозяйства, которого добивались некоторые руководители партии и государства, особенно представители Колхозцентра СССР»³¹. Соответственно решения Чувашского обкома и районных комитетов партии порождались обстановкой форсирования темпов коллективизации по всей стране. Однако к началу 1970-х годов взгляды Н.И. Иванова претерпели заметную эволюцию, поскольку именно в это время в партийной печати была резко раскритикована «очернительская» тенденция в освещении истории КПСС, под которой понималось преувеличение места и масштабов негативных явлений в ходе преобразования деревни³². В своей новой брошюре, «Ленинский путь крестьянства Чувашии» (Чебоксары, 1970), историк возникновение «перегибов» в стране связал уже с «ошибочным курсом» областных и краевых партийных организаций, взятым на коллективизацию сельского хозяйства в течение весенней посевной кампании 1930 г. Если в 1967 г. он отмечал увлечение руководящих организаций созданием колхозов-гигантов, то через три года писал об отсутствии «особенного увлечения созданием коммун и колхозов-гигантов» в республике³³. В новой книге появилось также указание о существенной помощи ЦК и Нижегородского краевого комитета ВКП(б) в устранении «перегибов», тогда как прежде Н.И. Иванов возлагал на крайком прямую ответственность за «искривления партийной линии» в колхозном строительстве³⁴. Кроме того, если в 1967 г. исследователь фактически поставил под сомнение готовность республики к коренным преобразованиям в аграрной сфере, сделав вывод, что «Чувашская АССР была подготовлена к коллективизации крестьянских хозяйств значительно слабее, чем другие республики и области страны», то спустя несколько лет данный сюжет был значительно сокращен, а оценка весьма показательно уточнена: «Социалистическое преобразование сельского хозяйства Чувашии наталкивалось на многие трудности и препятствия»³⁵.

За исключением трудов Н.И. Иванова второй половины 1960-х годов новые тенденции в рассмотрении ключевых вопросов истории сплошной коллективизации сельского хозяйства не получили распространения в региональной историографии. Авторы большинства работ вину за «искривление партийной линии» по-прежнему возлагали на районных партийных и советских работников. Не изменилась и оценка февральского решения Чувашского обкома ВКП(б) о форсировании коллективизации, как еще больше поощрявшем «перегибы». Неоднозначны были лишь подходы к рассмотрению масштабов допущенных ошибок. В одних сочинениях подчеркивалось, что «левацкие» искривления партийной линии обнаружались со стороны отдельных

партийных и советских работников³⁶. В других трудах говорилось о широком применении методов администрирования³⁷.

Начало «перестройки», сопровождавшейся заметной демократизацией общественной жизни и ослаблением государственного контроля за исторической наукой, наложило существенный отпечаток на характер научных исследований, и представляется целесообразным **вторую половину 1980-х – начало 1990-х годов** выделить как особый промежуточный, переходный этап, в ходе которого происходило постепенное переосмысление истории коллективизации сельского хозяйства. Стимулированию исследований в области сплошной коллективизации сельского хозяйства прямо поспособствовал сам Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев, в связи с 70-летием Октябрьской революции отметивший: «Надо откровенно сказать: на новом этапе не хватило по-ленински внимательного отношения к интересам трудового крестьянства... Если бы больше посчитались с объективными экономическими законами... то не было бы и тех перегибов, которые имели место при проведении коллективизации»³⁸. О непосредственном же мировоззренческом перевороте в оценках коллективизации можно говорить начиная с состоявшейся 24 октября 1988 г. в Москве дискуссии ведущих историков-аграрников страны, по итогам которой был сделан вывод, что насильственное проведение коллективизации отбросило не только ленинский кооперативный план, но и основные принципы социализма³⁹.

Характерной чертой историографии этих лет было то, что, опираясь на вышеприведенные слова М.С. Горбачева, исследователи, пока еще не отрицающая социалистического выбора, писали о негативных моментах коллективизации, которая представлялась «отступлением от ленинской политики по отношению к крестьянству», одним из проявлений «деформаций социализма». Поэтому работы тех лет представляют собой своеобразный симбиоз новых и старых оценок. Наиболее показательны в этом отношении «Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии» (Чебоксары, 1989) – обобщающий труд по истории аграрной сферы Чувашии XX века. Например, в главе, посвященной массовой коллективизации сельского хозяйства, приводятся веские аргументы в подтверждение выводов о том, что «во многих селениях имелись факты принуждения крестьян к вступлению в колхоз» и руководство коллективизацией в Чувашии и по всей стране «осуществлялось преимущественно административными методами, заключавшимися в декретировании колхозов, форсировании темпов, нарушении добровольности». Тем не менее вина за «перегибы» возложена на Чувашский обком, а в первую очередь – на Нижегородский крайком ВКП(б)⁴⁰. По сравнению с предшествующим временем не сильно изменилась и общая оценка значения коллективизации сельского хозяйства. По-прежнему подчеркивались значительные достижения в производстве и поставке государству сельскохозяйственной продукции, улучшении материального благосостояния и повышении культуры колхозников. Отличие заключалось в подчеркивании мысли, что «вклад деревни в общественное развитие мог быть намного значитель-

нее, если бы не были допущены серьезные искажения и отступления от ленинских концепций по аграрным вопросам»⁴¹.

Еще один показательный пример переходного характера «перестроечной» историографии представляет собой изданный в 1990 г. сборник документов «Сельское хозяйство и крестьянство Чувашской АССР. 1920–1937 гг. (Осуществление коллективизации)», ставший в Чувашии первым по данной тематике⁴². Рукопись книги была подготовлена к весне 1988 г., когда новые оценки коллективизации сельского хозяйства, утвердившись в публицистике, еще только пробивали себе дорогу в мир научной литературы. Выводы ведущих советских историков о негативных последствиях коллективизации и ее насильственном характере, естественно, наложили отпечаток на ход дальнейшей работы над сборником, и он был дополнен новыми материалами, а также уточненными концептуальными оценками в Предисловии. Но радикально содержание книги в сжатые сроки не могло измениться. Например, в рецензии Н.Е. Егорова на рукопись сборника отмечалось, что в ней «пишется о грубых нарушениях, допущенных в ходе массовой коллективизации, а «живых» документов (например, протоколы собраний граждан тех или иных селений и т.д.) не имеется... Есть только отзвуки допущенного произвола. Нет и документов, указывающих на то, как исправлялись перегибы и ошибки»⁴³. Однако, несмотря на замечание, даже известные составителям документы не были включены в сборник. Так, один из важнейших информационно насыщенных источников по истории раскулачивания – «Доклад Чувашского отдела ОГПУ о выселении кулаков в июле – августе 1931 г.» – был использован лишь для составления примечаний⁴⁴. Не вошли в сборник и информационные сводки Чувашского обкома ВКП(б), наиболее ярко показывающие размах и разнообразие административных мер при вовлечении крестьян в колхозы в начале 1930 г., хотя именно эти документы легли в основу ранее изданной обстоятельной статьи А.М. Шорникова «Об извращениях ленинской политики по отношению к крестьянству в конце 20-х – начале 30-х гг. в Чувашии»⁴⁵. В то же время сборник состоит преимущественно из архивных материалов и показывает процесс обобществления крестьянских хозяйств не только с позиции официальной идеологии, но и с точек зрения отдельных социальных групп – единоличников, колхозников. Очевидно, что целый ряд документов не мог быть опубликован в предшествующие годы, поскольку они показывали колхозный строй и методы коллективизации в негативном свете. Следует также отметить, что данный сборник документов принципиально отличался от подобных изданий по другим регионам РСФСР: освещение колхозного строительства начиналось в нем не с 1927 г., как это было принято в советской историографии⁴⁶, а с момента образования Чувашской автономии, то есть с 1920 г.

Если в средствах массовой информации и общественном сознании со второй половины 1980-х годов обозначился широкий интерес к проблемам коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания, то в науке наблюдалось снижение исследовательской активности к данной тематике. На рубе-

же 1980–1990-х годов разработкой истории колхозного движения занимался фактически только А.М. Шорников. Именно он был автором соответствующей главы в «Очерках истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии»⁴⁷, Предисловия и Комментариев к отмеченному сборнику документов «Сельское хозяйство и крестьянство Чувашской АССР», а также ряда статей, введших в научный оборот новый архивный материал⁴⁸. Несмотря на консерватизм оценок исследователя по сравнению с взглядами ведущих историков-аграрников страны, его труды объективно способствовали существенному расширению представлений об истории коллективизации сельского хозяйства Чувашии.

Впрочем, в региональной историографии получили в то время и более радикальные взгляды в оценках негативных последствий насильственной коллективизации сельского хозяйства. Исследователи отмечали порождение режима тотальной регламентации производственных процессов в сельском хозяйстве, малоэффективность колхозного производства и убыточность подавляющего большинства колхозов и, в результате, низкие темпы развития аграрного производства⁴⁹.

Новейший этап отечественной историографии (**с начала 1990-х годов**) в исторической литературе обычно именуется постсоветским. Основным фактором, определившим его особенности, стали экономические, политические и идеологические изменения, происшедшие в России после распада Советского Союза в 1991 г. Хотя тенденции, характеризующие постсоветскую историографию колхозного движения, проявились раньше – в ходе «перестройки», окончательное освобождение от прежних идеологических установок и шаблонов происходит только в начале 1990-х годов. На основе методологического плюрализма осуществляется коренной пересмотр событий советской истории, в том числе и сплошной коллективизации сельского хозяйства. Однако в первой половине 1990-х годов на количестве и качестве издававшихся работ сказался тяжелый экономический кризис, приведший к резкому вздорожанию полиграфических расходов и оттоку ряда ученых из науки в другие сферы деятельности. Например, и так немногочисленные работы часто издавались в первой половине десятилетия в виде тезисов⁵⁰.

Последовательный отход от советских оценок коллективизации сельского хозяйства наблюдается в региональной историографии со второй половины 1990-х годов. Важнейшим шагом на этом пути стал выход в 1997 г. сборника научных статей «Аграрный сектор экономики Чувашии в XX веке». В опубликованных в нем работах переосмысливаются многие вопросы истории колхозного строительства в Чувашии: предпосылки и причины сплошной коллективизации сельского хозяйства, ее результаты и последствия, трагические последствия раскулачивания, участие Советов в колхозном строительстве⁵¹. Показательно, что, несмотря на наличие множества общих моментов в освещении аграрных преобразований 1930-х годов, исследователи разошлись во мнениях по ключевому вопросу о значении и последствиях коллективизации сельского хозяйства. Так, В.М. Михайлов, отмечая много-

численные трагические ошибки, сопровождавшие беспощадную ломку традиционных крестьянских устоев, подчеркнул, что «все изменения в сельском хозяйстве Чувашии были осуществлены в русле общемировых тенденций и соответствовали глубинным интересам национального развития»⁵². Иная точка зрения представлена В.Г. Харитоновой: «В целом масштабы издержек и экономических потерь в результате просчетов и перегибов ... оказались столь существенными, что даже успехи, достигнутые сельским хозяйством Чувашии в конце 30-х гг., не смогли их затмить»⁵³. То есть в полной мере можно говорить о переходе историографии коллективизации на уровень поливариантных оценок.

В дальнейшем, хотя историография коллективизации обогатилась рядом научных статей по проблеме⁵⁴, хотя вопросы колхозного движения не выпадали из поля зрения ученых, занимавшихся историей 1920–1930-х годов⁵⁵, коллективизация сельского хозяйства Чувашии не становилась предметом специальных исследований.

Как определенное подведение итогов изучения коллективизации сельского хозяйства, как обобщенный взгляд на историю колхозного строительства в 1920–1930-е годы может рассматриваться коллективная монография «История Чувашии новейшего времени» (Чебоксары, 2001). В книге на основе ранее введенных в научный оборот фактов и устоявшихся в новейшей исторической науке концептуальных оценок коллективизации сельского хозяйства представлена цельная картина аграрных преобразований рубежа 1920–1930-х годов.

Обозревая все сказанное, можно отметить, что конкретные условия, в которых развивалась историческая наука, наложили существенный отпечаток на содержание исследований. Фактор активного государственного вмешательства стал определяющим в развитии советской историографии, которая отличается односторонностью и прямым замалчиванием отдельных сторон колхозного движения, что, несомненно, снижает научную ценность советского историографического наследия. Однако это не повод нигилистически относиться к работам прошлых лет, оценивать советскую историческую науку как полностью сфальсифицированную, наполненную мифами. Благодаря исследователям прежних лет были уточнены многие количественные показатели колхозного строительства в Чувашии, введен в научный оборот значительный объем исторических источников, определены ключевые и актуальные проблемы исследования. Это имеет особенно большое значение в связи с тем, что для новейшего этапа отечественной историографии характерно повышенное внимание исследователей к социально-политическим аспектам коллективизации, а организационно-экономические вопросы практически полностью оказались сняты с повестки дня. Кроме того, в 1990-е годы преобладало стремление на теоретическом уровне опровергнуть оценочные суждения, сложившиеся в советской историографии, тогда как эмпирическая база исследований расширялась медленно, и происходило это в первую очередь за счет краеведческих работ, введивших конкретно-истори-

ческий материал по отдельным селениям и районам Чувашской республики⁵⁶. Не случайно при составлении компилятивных трудов до сих пор используется фактический материал, введенный в научный оборот в советские времена⁵⁷. Это наглядно свидетельствует о том, что историкам еще предстоит долгая и трудная работа по восстановлению подлинных событий, происходивших в чувашской деревне в 1920–1930-е годы.

Источники и литература

¹ Критерий оценки завершения коллективизации сельского хозяйства «в основном» был установлен Постановлением ЦК ВКП(б) от 2 августа 1931 г. – «вовлечение в колхозы не менее 68–70% крестьянских хозяйств с охватом не менее 75–80% посевных площадей крестьянских хозяйств». См.: Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927–1935. М., 1957. С. 398.

² *Любимов В.Н.* Социалистическое преобразование Советской Чувашии. Чебоксары, 1955. С. 122.

³ *Ахмеев Г.Н.* Строительство коммунизма и совершенствование общественных отношений в деревне. Чебоксары, 1962. С. 5.

⁴ Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. М., 1989; О выселении кулаков из пределов Чувашской АССР в июле – августе 1931 г.: Из доклада ОГПУ при СНК Чувашской АССР // Вестник Чувашской Национальной академии, 1993. № 1. С. 123–140; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 1918–1939. Документы и материалы. В 4 томах. М., 2000–2003. Т. 1–3; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 томах. М., 1999–2002. Т. 1–4; и др.

⁵ *Йатман Й.* Чăваш республикĕнчи йалхусайти кооператси [Сельскохозяйственная кооперация Чувашской республики] // Чăваш ялĕ, 1927. № 9. С. 24–26; *Краснов П.* Колхозное строительство Чувашии // Социалистическое строительство ЧАССР, 1931. № 1. С. 41–57; *Овчинников Ф.А.* Сельское хозяйство Чувашии к X съезду Советов // Там же, 1934. № 3 (7). С. 77–93; *Орлов Д.* Опыт колхозного строительства в Чувашии // Чувашское хозяйство, 1930. № 1 (5). С. 62–70; *Оссанĕв А.* Йалхусайти ёне пĕрлештерекен кооперативсем [Сельскохозяйственные кооперативы] // Там же, 1927. № 4. С. 29–32; *Саххарĕв Т.* Йалхусалăхне ушкăнлатас ёсsem синĕн [О коллективизации сельского хозяйства] // Там же, 1928. № 11–12. С. 5–11; *он же.* Пирĕн республикери колхозсен йухăмĕ [Колхозное движение в нашей республике] // Там же, 1930. № 11–12. С. 3–6; *он же.* Ушкăнла хусалăхсен 12 сул хушшинчи юхăмĕ [Колхозное движение за 12 лет] // Там же, 1929. № 10. С. 4–6; *Спассĕв Л.* Тăваш йалхусалăхĕн 10 сул хушшинчи ситĕнĕвĕсем [Достижения сельского хозяйства Чувашии за 10 лет] // Там же, 1930. № 11–12. С. 1–3; и др.

⁶ Относительность этой свободы наглядно доказывается публичной травлей Д.С. Эльмена, развернувшейся после выхода в свет его статьи в журнале «Чувашское хозяйство» (1928. № 3–4).

⁷ *Орлов Д.* Указ. соч. С. 65; *Саххарĕв Т.* Йалхусалăхне ушкăнлатас ёсsem синĕн. С. 5.

⁸ *Егоров И.П.* Динамика животноводческого строительства в совхозах и колхозах Чувашии // Социалистическое строительство ЧАССР, 1935. № 4–5. С. 76–82; *Кутяшов С.С., Кузнецов И.Д.* Чувашская колхозная деревня на пути культурного подъема. Очерки по материалам культурной экспедиции 1933 года. Чебоксары, 1934; *Стальский Ю.И.* Борьба за новый быт в чувашской деревне // Социалистическое строительство ЧАССР, 1935. № 6. С. 138–151; и др.

⁹ *Акакĕв Л.* «Волонтер» комунĕн пурнăсĕ [Жизнь коммуны «Волонтер»]. Шупашкар, 1934; *Никкитĕн Н.* «Ирĕклĕх» комунĕ пурнăсĕ [Жизнь коммуны «Свобо-

да»] // Чăваш ялĕ, 1928. № 11–12. С. 55–56; *Филиппів.* «Чăмăртанни» комунăн сул-йĕрĕ // Там же, 1929. № 6. С. 23–24; и др.

¹⁰ 20 лет ЧАССР. Чебоксары, 1940; 15 лет Советской Социалистической Чувашии (1920–1935 гг.). Чебоксары, 1935; Краткий очерк хозяйственного и культурного строительства Чувашской АССР за 15 лет (1920–1935 гг.). Чебоксары, 1935; Чувашия к XIV годовщине Октября. Материалы для докладчиков. Чебоксары, 1931; Юбилейные торжества в Чувашии (15 лет Чувашской АССР). (1920–1935). Чебоксары, 1935; *Юсупов Л.* Чувашская АССР. М., 1933; и др.

¹¹ *Андреев М.А.* Подъем сельского хозяйства и укрепление общественного хозяйства колхозов Чувашской АССР в годы первых трех сталинских пятилеток // Ученые записки / ЧНИИ. Чебоксары, 1953. Вып. VII. С. 25–63; *Димитриев В.Д.* Чувашия в год великого перелома // Ученые записки / ЧНИИ. Чебоксары, 1955. Вып. XI. С. 112–172; *Кузьмин В.Л.* Из истории реализации ленинского декрета о земле в Чувашии // Записки / ЧНИИ. Чебоксары, 1953. Вып. VII. С. 3–24.

¹² *Андреев М.А.* Социалистическое переустройство сельского хозяйства Чувашской АССР (в годы первых трех сталинских пятилеток): Автореф. дис. ... канд. эк. наук. М., 1952; *Любимов В.Н.* Коммунистическая партия в борьбе за социалистическое преобразование Советской Чувашии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954; *Сергеев И.С.* Коллективизация сельского хозяйства в Чувашской АССР (1930–1935 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1955.

¹³ *Андреев М.А.* Социалистическое преобразование сельского хозяйства Чувашской АССР. Чебоксары, 1956; *Любимов В.Н.* Социалистическое преобразование Советской Чувашии. Чебоксары, 1955.

¹⁴ *Иванов Н.И.* Коммунисты – организаторы и руководители колхозного движения в Чувашии. Чебоксары, 1967; *он же.* Ленинский путь крестьянства Чувашии. Чебоксары, 1970; *Кузнецов И.Д.* Некоторые особенности сплошной коллективизации сельского хозяйства Чувашской АССР // Вопросы истории социалистического преобразования и развития сельского хозяйства Чувашской АССР. Чебоксары, 1985. С. 21–51; *Шумилов Г.И.* Коллективизация сельского хозяйства Чувашии в годы первой пятилетки // Вопросы археологии и истории Чувашии: Ученые записки / ЧНИИ. Чебоксары, 1960. Вып. 19. С. 167–198.

¹⁵ *Димитриев В.Д.* К истории сельского хозяйства и крестьянства Советской Чувашии в годы гражданской войны // Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Чебоксары, 1983. С. 34–57; *Кузнецов И.Д.* К вопросу о предпосылках массовой коллективизации сельского хозяйства в Чувашской АССР // Там же. С. 58–71; *Петров И.Е.* Из истории социалистического строительства в Чувашии в период нэпа (1921–1925 гг.) // Ученые записки / ЧГПИ. Чебоксары, 1963. Вып. 17. С. 162–200; *он же.* Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. Чебоксары, 1968; *он же.* Чувашия в период иностранной интервенции и гражданской войны. Вып. II. 1919–1920 гг. Чебоксары, 1959.

¹⁶ *Иванов Н.И.* Чувашия в период завершения реконструкции народного хозяйства (1933–1937 гг.) // История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 22–109; *Калашников В.Н.* Борьба КПСС за укрепление и развитие союза рабочего класса и колхозного крестьянства в период подготовки и введения новой Конституции (1935–1937 гг.). Чебоксары, 1959; *Михайлов В.М.* Организационно-хозяйственное укрепление колхозов и развитие социалистических отношений в сельском хозяйстве Чувашской АССР в годы третьей пятилетки (1938–1940 гг.) // Вопросы истории социалистического преобразования и развития сельского хозяйства Чувашской АССР. Чебоксары, 1985. С. 72–97; *он же.* Производительные силы сельского хозяйства и сельскохозяйственное производство Чувашской АССР в годы третьей пятилетки (1938–июнь 1941 г.) // Вопросы истории сельского хозяйства Чувашии. Чебоксары, 1984. С. 61–93; *Михайлов П.М.* Чувашская АССР в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму в предвоенные годы (1938–июнь 1941 г.) // Ученые записки / ЧГПИ. Чебоксары, 1961. Вып. 13. С. 74–104; *Шорников А.М.* Укрепление колхозного строя в 30-х годах // Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Чебоксары, 1987. С. 52–63.

¹⁷ *Иванов Н.И.* Ликвидация кулачества как класса // История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1971. Вып. 1. С. 197–222; *Тимофеев В.Г.* Классовая борьба в чувашской деревне в 1921–1928 годах // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в период строительства социализма. Чебоксары, 1982. С. 70–75; *он же.* Органы милиции Чувашии в борьбе против кулачества (1920–1928 гг.) // Вопросы истории и историографии чувашского народа. Чебоксары, 1976. Вып. 4. С. 154–173.

¹⁸ *Изоркин А.В.* Роль политотделов МТС в укреплении колхозов Чувашской АССР в 1933–1934 годах // Вопросы аграрной истории Чувашии. Чебоксары, 1981. С. 75–101.

¹⁹ *Сергеев Т.С.* Создание национальных кадров для сельского хозяйства и их роль в повышении культурно-технического уровня чувашского колхозного крестьянства в годы предвоенных пятилеток (1928–1941 гг.) // Ученые записки / ЧГПИ. Чебоксары, 1968. Вып. 28. С. 121–140; *Симулин А.М.* Партийное руководство подготовкой кадров народного хозяйства в Чувашской АССР в период строительства социализма (1928–1932 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971.

²⁰ *Павлов Г.П.* Деятельность Чувашской областной организации ВКП(б) по подбору и расстановке партийных и советских кадров для села в годы первой пятилетки // Вопросы истории социалистического преобразования и развития сельского хозяйства Чувашской АССР. Чебоксары, 1985. С. 52–71; *он же.* О некоторых вопросах организационного укрепления сельских партийных организаций Чувашии в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в период строительства социализма. Чебоксары, 1982. С. 81–88; *он же.* Перестройка работы сельских партийных организаций Чувашии в годы массовой коллективизации (1930–1937 гг.) // Вопросы истории сельского хозяйства Чувашской АССР. Чебоксары, 1986. С. 36–57; *он же.* Совершенствование деятельности сельских партийных организаций Чувашии накануне массовой коллективизации (1926–1929 гг.) // Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Чебоксары, 1987. С. 19–40.

²¹ *Гусев Т.Г.* Помощь трудящихся Горьковского края Чувашской АССР в социалистическом строительстве (1929–1936 гг.) // Ученые записки / ЧГПИ. Чебоксары, 1961. Вып. 13. С. 179–209; *Михайлов П.М.* Аслă вырăс халăхĕн тăванла пулăшăвĕ [Братская помощь великого русского народа]. Шупашкар, 1959; *Никитин Н.П.* Сила великой дружбы. Чебоксары, 1966.

²² *Михайлов В.М.* Рост материального благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства Чувашской АССР в годы третьей пятилетки (1938–июнь 1941 г.) // Вопросы истории сельского хозяйства Чувашской АССР. Чебоксары, 1986. С. 36–57; *Сергеев Т.С.* Культурное строительство в Советской Чувашии в годы предвоенных пятилеток (На материалах колхозной деревни). Чебоксары, 1976; и др.

²³ *Иванов Н.И.* Комсомол Чувашии – боевой помощник партии в борьбе за колхозы. Чебоксары, 1969; *Крайнов Г.Н.* Комсомол Поволжья – активный помощник Коммунистической партии в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. 1929–1937 гг. (На материалах Марийской, Удмуртской, Чувашской АССР): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986; *Материалы по истории комсомола Чувашии.* Чебоксары, 1968. С. 35–50; *Очерки истории Чувашской областной организации ВЛКСМ.* Чебоксары, 1978. Гл. 3–4. С. 119–198; *Румянцев М.В.* Комсомольцы и молодежь Чувашии за победу социализма и коммунизма: К 60-летию ВЛКСМ. Чебоксары, 1978.

²⁴ *Дювбанов П.М.* Ведущая роль рабочего класса в социалистическом переустройстве сельского хозяйства (На материалах автономных республик Среднего Поволжья). Казань, 1975; *Иванов Н.И.* Роль рабочих бригад и двадцатипятидесятников в коллективизации сельского хозяйства Чувашской АССР (1929–1932 гг.) // Историография, этнография, социология. Ученые записки / ЧНИИ. Чебоксары, 1968. Вып. 40. С. 15–37; *Михайлов П.М.* Парти чĕнниш (Сирĕм пилĕк пин шучĕпе яла янă рабочисен Чăваш республикичи ёĕĕ синасен) [По зову партии (О работе рабочих двадцатипятидесятников в деревнях Чувашии)]. Шупашкар, 1962; *Шарков В.Г.* Рабочий класс Чувашии в годы первой и второй пятилеток: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 1974; *Шарков В.Г., Смирнов Ю.П.* Шефская помощь рабочих

Чувашии в укреплении колхозного строя в годы второй пятилетки // Вопросы истории и историографии чувашского народа. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 27–39.

²⁵ *Алексеев Б.Л.* Роль профсоюзов Чувашии в социалистическом преобразовании сельского хозяйства республики (1927–1932) // Вопросы истории и историографии чувашского народа. Чебоксары, 1976. Вып. 4. С. 86–102; *он же.* Участие профсоюзов Чувашии в осуществлении коллективизации сельского хозяйства (1927–1937 гг.) // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в период строительства социализма. Чебоксары, 1982. С. 102–106.

²⁶ *Григорьев В.С.* Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи Чувашии в 1921–1933 годах // Вопросы аграрной истории Чувашии. Чебоксары, 1981. С. 39–74; *он же.* Участие кресткомов Чувашии в борьбе за осуществление ленинского кооперативного плана в 1921–1933 годах // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в период строительства социализма. Чебоксары, 1982. С. 75–77.

²⁷ *Иванов Н.И.* Участие местных Советов Чувашии в подготовке условий массовой коллективизации деревни (1928–1929 гг.) // Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Чебоксары, 1987. С. 41–51.

²⁸ История Чувашской АССР. Чебоксары, 1967. Т. 2; Очерки истории Чувашской областной организации КПСС. Чебоксары, 1974; Развитие экономики и культуры Чувашской АССР. Чебоксары, 1960.

²⁹ *Коротков С.К.* Кольцовка сути [Свет над Кольцовкой]. Шупашкар, 1963; *Мулюков Г.Ф.* Ордена Ленина колхоз «Гвардеец» (Историко-экономический очерк). Чебоксары, 1983; и др.

³⁰ *Иванов Н.И.* Обзор литературы по истории коллективизации сельского хозяйства Чувашии // Ученые записки / ЧНИИ. Исторический сборник. Чебоксары, 1966. Вып. XXXI (31). С. 295–310; *Кузьмин В.Л.* Из историографии аграрной истории Советской Чувашии (1917–1941 гг.) // Вопросы аграрной истории Чувашии. Чебоксары, 1981. С. 142–157.

³¹ *Иванов Н.И.* Коммунисты – организаторы и руководители колхозного движения. С. 22.

³² *Голиков В., Мурашов С., Чиквишвили И., Шатагин Н., Шаумян С.* За ленинскую партийность в освещении истории КПСС // Коммунист, 1969. № 3.

³³ *Иванов Н.И.* Ленинский путь крестьянства Чувашии. С. 26.

³⁴ Там же. С. 22, 24–25.

³⁵ *Иванов Н.И.* Коммунисты – организаторы и руководители колхозного движения. С. 12; *он же.* Ленинский путь крестьянства Чувашии. С. 20.

³⁶ *Гусев Т.Г., Любимов В.Н.* Борьба за коллективизацию сельского хозяйства Чувашской АССР // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1957. Вып. III. С. 198; *Шумилов Г.И.* Указ. соч. С. 182.

³⁷ История Чувашской АССР... Т. 2. С. 73–74; Очерки истории Чувашской областной организации КПСС... С. 198–199.

³⁸ *Горбачев М.С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 19.

³⁹ Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» // История СССР, 1989. № 3. С. 61.

⁴⁰ Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства... Ч. 1. С. 127–130.

⁴¹ Там же. С. 298.

⁴² Отдельные материалы по истории коллективизации Чувашии были включены в сборник документов «Коллективизация сельского хозяйства в Нижегородско-Горьковском крае. 1927–1937» (Киров, 1985).

⁴³ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 800. Л. 109.

⁴⁴ Сельское хозяйство и крестьянство Чувашской АССР. 1920–1937 гг. (Осуществление коллективизации). Сборник документов. Чебоксары, 1990. С. 403.

⁴⁵ *Шорников А.М.* Об извращениях ленинской политики по отношению к крестьянству в конце 20-х – начале 30-х гг. в Чувашии // Исследования по аграрной истории Чувашии. Чебоксары, 1989. С. 14–36.

⁴⁶ См.: Коллективизация сельского хозяйства в Нижегородско-Горьковском крае. 1927–1937. Киров, 1985; Коллективизация сельского хозяйства Среднего Поволжья, 1927–1937.

Куйбышев, 1970; Коллективизация сельского хозяйства Татарской АССР, 1927–1937. Казань, 1968; и др.

⁴⁷ Глава была написана в соавторстве с И.Д. Кузнецовым.

⁴⁸ *Шорников А.М.* Из истории сельскохозяйственных коммун Чувашии // Из истории Чувашии советского периода. Чебоксары, 1991. С. 53–68; *он же.* Об извращениях ленинской политики по отношению к крестьянству в конце 20-х – начале 30-х гг. в Чувашии // Исследования по аграрной истории Чувашии. Чебоксары, 1989. С. 14–36.

⁴⁹ Изучение проблем индустриализации и коллективизации в курсе истории родного края (Методические рекомендации). Чебоксары, 1989. С. 22; *Михайлов В.М.* Сельское хозяйство и крестьянство Чувашской АССР (1935 – июнь 1941 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. С. 13, 17.

⁵⁰ *Владимиров С.В.* Психологический фактор в условиях коллективизации в Чувашии // Высшая школа – народному хозяйству Чувашии: Тезисы докладов. Чебоксары, 1992; *Михайлов В.М.* О проблемах истории доколхозной деревни Чувашской АССР // История Чувашии: проблемы и задачи изучения. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Чебоксары, 1933. С. 62–65.

⁵¹ *Клементьев В.Н.* Советы Чувашии и массовая коллективизация деревни (1929–1932 гг.): переосмысление традиционных подходов // Аграрный сектор экономики Чувашии в XX веке. Чебоксары, 1997. С. 64–72; *Михайлов В.М.* Сельскохозяйственная реформа в Чувашской АССР во второй половине 20-х – 30-е годы // Там же. С. 52–63; *Харитонова В.Г.* Преобразования в аграрном секторе экономики Чувашии в советскую эпоху и их итоги // Там же. С. 73–86.

⁵² *Михайлов В.М.* Сельскохозяйственная реформа в Чувашской АССР... С. 61.

⁵³ *Харитонова В.Г.* Указ. соч. С. 74.

⁵⁴ *Надькин Т.Д.* О модернизации деревни национальных автономий Среднего Поволжья в 30-е годы // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований. Самара, 2007. С. 390–398; *Сергеев Т.С.* Подготовка колхозных кадров и их роль в повышении культурно-технического уровня и производственной активности чувашского населения в годы массовой коллективизации // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. Гуманитарные и общественные науки. Чебоксары, 1999. № 4. С. 51–53; *Смирнов Ю.П.* Крестьянство в условиях социального преобразования деревни: характер восприятия (По материалам Чувашской АССР) // Крестьянство и власть Среднего Поволжья. Саранск, 2004. С. 338–342; *Харитонова С.Б.* Женщины Чувашии и политика коллективизации: ментальные аспекты // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований. Самара, 2007. С. 379–384.

⁵⁵ *Григорьев В.С.* Социальная работа в российской деревне (Крестьянская взаимопомощь в первой половине XX в.). Чебоксары, 1998; *Минеева Е.К.* Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920–1930-е годы). Чебоксары, 2009; *Орлов В.В.* Этнополитические и социально-экономические аспекты развития Чувашии в 20-е годы XX века. М., 2009.

⁵⁶ *Бикалов А.Д., Бикалова Н.А.* Прицивилье. История и экономика Чувашского края в XVIII–XX веках. Чебоксары, 2000; *Кирсанов В.Н., Кирсанов А.В.* Стемасы. Алатырь, 2000; *Мулюков Г.Ф.* «Гвардеец» меняет курс. Тойси, 1996; *Ухтияров А.И.* Родимый край – село родное (Краткая история села Трёхизб-Шемурша). Чебоксары, 1996; и др.

⁵⁷ *Владимиров В.В., Дубинин В.Х.* Развитие аграрных отношений и систем управления сельским хозяйством в Чувашии: исторический аспект и поиск эффективной модели. Монография. Чебоксары, 2008.

E.V. Kasimov. Collectivization of agriculture of Chuvashia as a scientific problem: historiographic notes.

In the development of the regional historiography of collectivization of agriculture of Chuvashia it is possible to mark out several stages. They differ with degree of influence of party and state structures on research practice, circle of the matter in questions, character and completeness of coverage of the topic, the intensity of regional studies, saturation and variety of the original sources.

УРОЖЕНЦЫ ЧУВАШИИ В НЕМЕЦКОМ ПЛЕНУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В ходе Великой Отечественной войны свыше 20 тыс. уроженцев Чувашской АССР попали в немецкий плен. Они подвергались жестокому физическому и психологическому испытаниям, насильно умерщвлялись в застенках лагерей. Часть военнопленных вступила в ряды легиона «Идель-Урал», но не сражалась против Красной Армии. Большая часть плененных уроженцев Чувашии сохранила верность Родине.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, уроженцы Чувашской АССР, плен, лагерь для военнопленных, легион «Идель-Урал».

В годы Великой Отечественной войны в немецкий плен попали около 4,5 млн советских солдат, большинство из которых умерли в застенках лагерей: были казнены, погибли от голода, издевательств, непосильной работы на каменоломнях, рудниках и шахтах. Плен стал жесточайшим физическим, психологическим и нравственным испытанием для советского солдата и офицера. С одной стороны, общая беда сплачивала красноармейцев, которые и в плену стремились дать отпор врагу, бежать из неволи при первой же возможности. С другой стороны, желание выжить в корне преображало сущность человека, делая его предателем, палачом, полицейским на службе врага, заставляя вступать в различные воинские подразделения неприятеля и сражаться против Красной Армии.

Настоящая работа является продолжением научного исследования автора, посвященного проблеме военного плена уроженцев Чувашии в годы Великой Отечественной войны¹. Она опирается на массив источников, отложившихся в Государственном историческом архиве Чувашской Республики. В ходе исследования мы решили сконцентрировать внимание на следующих вопросах: причины и факторы, обусловившие пленение советских солдат и офицеров; условия плена и смертность; использование военнопленных в войне на стороне Германии; борьба за свободу.

Дмитрий Анатольевич Захаров — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Чувашского государственного института гуманитарных наук.

На региональном уровне данная проблема до сих пор является малоизученной. Сюжет о военнопленных частично затронут чувашским краеведом В.М. Бурмистровым². Внимание же историков посвящено лишь теме коллаборационизма чувашских военнопленных. Значительной работой здесь можно отметить исследование Г.А. Александрова «Военнопленные из республик Поволжья на службе вермахта»³, в котором автор поднимает вопрос военно-политического сотрудничества военнопленных – уроженцев Чувашской АССР с немцами в годы войны. В своей научной статье Г.А. Александров опирался на документы архива управления ФСБ по Чувашской Республике, что позволило ему осветить аспект сотрудничества с немцами: показаны организационная структура и подготовка легионеров, развитие идеологии, некоторые этапы боевого пути легиона «Идель-Урал». Более широкое повествование ведет И.А. Гилязов, который проанализировал материалы немецких архивов. В монографии «Легион «Идель-Урал», пережившей уже несколько изданий, автор раскрывает феномен советского коллаборационизма на примере представителей тюрко-мусульманских народов⁴.

С началом Великой Отечественной войны сотни тысяч советских военнослужащих оказались в немецком плену. Несомненно, в основе таких массовых потерь лежали стратегические причины, которые заключались в неожиданности и эффективности удара противника, военно-оперативном превосходстве немецких генералов и офицеров, завоевании люфтваффе господства в воздухе. С первых месяцев войны резко обострились и социально-политические противоречия, сохранявшиеся в советском обществе (национальный вопрос, последствия репрессий и коллективизации)⁵.

Значительное число советских военнопленных появилось в итоге успешных наступательных операций и контратак противника. В первые месяцы войны Красная Армия понесла существенные потери в ходе окружений воинских частей в Белоруссии, Прибалтике, под Смоленском, Уманью, Киевом, Брянском и Вязьмой. Тогда, по официальным данным, попало в плен и пропало без вести 2438900 чел.⁶ По другим данным, к концу 1941 г. было захвачено в плен 3355000 военнослужащих, бойцов народного ополчения, мобилизованных и др.⁷ В 1942 г. крупные неудачи постигли советские подразделения в Крыму (150 тыс. чел.) и под Харьковом (240 тыс. чел.)⁸. В последующие годы таких масштабных окружений Красная Армия не испытывала.

Окружение деморализующе действовало на бойцов и командиров: возникали паника, растерянность, чувство безысходности и бессмысленности сопротивления, которые во многом способствовали попаданию в плен миллионов советских военнослужащих. О деморализации и дезорганизации армии при окружении отмечается в показаниях чуваша Ильи Аксакова: «Будучи в окружении... в течение 20 дней ходили в составе полка вместе с командиром... то в одну, то в другую сторону, но выйти не удавалось. В течение 20 дней питались продуктами из запасов, резали лошадей и коров. После... командиры... нам объявили, что высшее командование вышло из окружения

на самолетах, а нам придется выходить, кто как сумеет⁹. При этом военнослужащие начали мелкими группами ходить кто куда»¹⁰. И. Аксаков пошел в группе военнослужащих вместе с командирами роты и полка, другими офицерами, которые через несколько дней оставили ночью солдат и ушли. Был оставлен в сложной ситуации и личный состав 45-го мотострелкового полка, в котором воевал А. Байбухтин: «...В этом лесу (ночью) полковник Чернов и другой комсостав нас бросили – отошли под предлогом «мы уйдем на совещание». Ждали час, два, так и до рассвета, и больше их не видели»¹¹. Отсутствие командования, его беспомощность и растерянность во многом способствовали добровольной сдаче в плен военнослужащих.

Трагичные и неоднозначные картины рисуют в своих показаниях И. Бурин и Я. Вадимов, согласно которым их пленение в 1941 г. стало следствием предательства командиров. Так, роту, в которой служил Иван Бурин, немцы окружили и предложили сдаться в плен. Тогда «наши командиры вышли из леса... к немцам, а за ними вышли и все бойцы, командиры наши на опушке леса выстроили нас в четыре шеренги перед немцами. Затем немцы у всех взяли винтовки, патронные сумки и ремни и тут же сложили в кучу...»¹². В похожей ситуации оказался в плену и Яков Вадимов, подразделение которого выстроил перед немцами и сдал лично командир роты¹³. Сейчас мы не можем точно утверждать, что именно двигало этими командирами: чувство самосохранения или желание спасти личный состав от бездумного истребления в безвыходной ситуации. Однако для первого года войны с его катастрофичными поражениями для Красной армии, внезапными окружениями данные обстоятельства пленения не являлись редкостью.

Подобную стихию окружения, хаос отмечал А. Александров, попавший в окружение в ходе Харьковской операции 1942 г.: «Линия огня все приближалась... сзади нас снаряды и мины стали взрываться ближе и ближе. Потом стали видны взрывы от «катюш». Видно было, что от них вспыхивали наши машины. Когда мы начали достигать высоты, то с фронта по нам открыли сильный пулеметный и минометный огонь»¹⁴. Скоро в воздухе появился немецкий самолет-разведчик, который стал координировать действия авиации и артиллерии. Перемешавшиеся советские части были разбиты и рассеяны, большинство красноармейцев попало в плен.

В условиях окружения некоторые военнослужащие проявляли трусость. Уроженец Алатырского района попал в окружение в составе 10-й армии под Белостоком в июле 1941 г. Личный состав 169-го стрелкового полка «находился в окружении 18 дней... командования с ними не было»¹⁵... У всех было личное оружие и боеприпасы»¹⁶. Однако солдат бросил свою винтовку и патроны и был взят в плен немцами при прочесывании леса. Под Минском добровольно в группе сдались в плен, имея на руках оружие и боеприпасы, три односельчанина из Порецкого района и один уроженец Ядринского района: «Мы увидели немецких солдат, поэтому мы вышли на шоссе на дорогу с оружием, где и сдались немцам в плен... желая сохранить свою жизнь»¹⁷. Стремясь спасти свою жизнь, боясь окружения, поддаваясь слухам и пани-

ческому настроению, некоторые солдаты бежали с поля боя, нередко вглубь страны. Дезертиры, бросившие свою часть, арестовывались органами НКВД даже в Чувашии. Так, в 1941 г. были задержаны уроженцы республики Б. и П., которые дезертировали из Прибалтики. Часть красноармейцев практиковала нанесение себе увечий с целью попадания в лазарет. Подобные «самострелы» также арестовывались, в том числе и республиканскими органами внутренних дел¹⁸.

На многих солдат сильное деморализующее влияние оказывали большие людские потери Красной армии, фатальные военные неудачи, явно превосходящие силы противника. Уроженец Козловского района сдался в плен вместе со своими сослуживцами под Борисполем в сентябре 1941 г., после того как взвод попал в окружение и был атакован автоматчиками на бронетранспортерах¹⁹.

Психология человека, решившегося сдаться в плен, красноречиво показана в воспоминаниях уроженца Батыревского района Юрия Владимировича: «Размышляя над случившимся, я пришел к мысли, что, наверное, и мне не избежать плена. «Почему же все сдаются, а мне нельзя этого сделать?» – спросил я себя. И тут же ответил на этот свой вопрос: «Можно, так как после полностью проигранного сражения другого выхода, чтобы остаться в живых, уже не осталось. Предпочесть плену самоубийство, чего от нас требуют воинские уставы, не может быть и речи. Стоит жить дальше хотя бы для того, чтобы увидеть, как и когда закончится эта проклятая война»... Я взял с брестера шомпол от сгоревшей винтовки и привязал к нему двумя концами носовой платок. Теперь оставалось только ждать, когда появятся немцы»²⁰. Что это – трусость или стремление сохранить свою жизнь в безвыходной ситуации? Однозначного ответа на этот вопрос мы не можем дать, однако сам автор в примечаниях к воспоминаниям оговаривается, что во всех послевоенных анкетах указывал сдачу в плен не 24 мая 1942 г., а 25 мая, когда в плен попала основная группировка советских военнослужащих на Барвенковском выступе²¹. Ю. Владимирович понимал, что одиночная сдача в плен расценивалась бы проверяющими и карающими органами СССР, а также простыми односельчанами, как проявление малодушия.

Но, несмотря на все трудности окружения, всегда находились командиры и солдаты, которые предпочли сдаче в плен борьбу, смерть. В Прибалтике попал в плен Алексей Анисимов, который служил водителем тягача в 51-м корпусном артиллерийском полку²². Наиболее подготовленное в военном отношении подразделение, выведенное заблаговременно на огневые позиции, вело тяжелые оборонительные бои под Тарту и Ригой. При отступлении к Нарве полк оказался в окружении и потерял организационную целостность. Сам А. Анисимов с группой товарищей-артиллеристов и моряков из Чудской флотилии, также оказавшихся в окружении, пытался вырваться из него. 30 солдат и матросов, возглавляемых лейтенантом, решились на отчаянный шаг, атаковав инженерный батальон немцев, который преграждал им путь к реке. Группа была частично уничтожена и рассеяна, а Аниси-

мов, идя вдоль реки, встретил двух безоружных русских солдат, которые стали уговаривать сдаться в плен, предварительно уничтожив документы и бросив оружие²³. После его отказа солдаты ушли, но через час уже вернулись с немцами²⁴.

Возникали и объективные ситуации для пленения, например, внезапное столкновение с противником, когда не всегда удавалось организовать сопротивление. Так, в ходе рукопашной схватки был пленен командующий 12-й армией П.Г. Понеделин²⁵. В безвыходной ситуации оказался и чуваш Андрей Абрамов, который также сражался в составе окруженной 12-й армии: вместе с группой солдат он спрятался в подвале дома, где советские военнослужащие были обнаружены немцами²⁶. Не являлся исключительным эпизод пленения уроженца Порецкого района, который заснул с товарищем на посту во время охранения, пропустив тем самым отход своей части и наступление немцев²⁷. Труднее было избежать плена летчикам, сбитым над территорией противника, так как падающий самолет или парашют были легко наблюдаемыми целями. Уроженец Красноармейского района в составе экипажа совершал полет с целью доставки «пакета в пункт сбора донесений Юго-Западного фронта в г. Россошь». «Не долетая Россоши 3–5 км по нам открыли залповый пулеметно-ружейный огонь. Высота полета в это время была 7–10 м. После залпа мотор перестал тянуть... После удара мы потеряли сознание. Пришли в сознание в немецкой автомашине. В воздухе был ранен в левую ногу осколком, а летчик получил пулевые ранения в ногу и руку»²⁸. Нередко в ходе войны, особенно на ее начальном этапе, отмечались случаи, когда бойцы не имели оружия, достаточного количества боеприпасов и не могли организовать сопротивления при угрозе плена. Так, Василий Аверкин в октябре 1941 г. попал в плен, не имея оружия²⁹. После израсходования боеприпасов была вынуждена сдаться в плен одна из групп защитников Севастополя, среди которых находился и Яков Агатеев, уроженец Чувашской АССР³⁰.

Большое число военнослужащих попадали в плен, будучи тяжелоранеными, в бессознательном или беспомощном (засыпало в окопе и т.п.) состоянии на поле боя, в полевых госпиталях, брошенными своими товарищами при отступлении. Так, в первый же день войны тяжелораненый в обе ноги Иван Амелов остался лежать на поле боя до подхода противника; в 1943 г. был контужен и пленен немцами житель с. Кувакино; в ходе Курского сражения получил тяжелую контузию и захвачен в плен командир роты ПТР, уроженец Порецкого района; оказалась засыпанной в землянке военфельдшер Наталья Алексеева³¹. Подобных примеров в годы войны было достаточно много. Так, генерал-лейтенант М.Ф. Лукин в ходе прорыва из окружения шел в одной цепи с солдатами, был ранен и попал в плен³².

Наиболее трагично складывались судьбы раненых военнослужащих, которых бросали свои же товарищи: «На четвертый или пятый день войны, утром, наша колонна добралась до города Волковыска. Около места нашей стоянки находился военный госпиталь, в котором было много раненых. Ве-

роятно, персонал, поспешно все бросив, бежал, и поэтому из госпиталя к дороге двинулась колонна раненых, многие из которых были на костылях, двигались с трудом. Толпа перебинтованных и окровавленных людей остановилась на обочине дороги, многие из них стали умолять: «Братишки, не бросайте нас, заберите с собой». Никто не отзывался на мольбы о помощи. Тогда группа раненых вышла на проезжую часть дороги, перегородив ее своими телами. Несколько автомобилей с находящимися в них гражданскими людьми с разбегу врезались в толпу, раздался треск костылей, хруст человеческих костей...»³³. Только при взятии Севастополя в руки немцев попали около 15 тыс. раненых красноармейцев, которых не успели эвакуировать³⁴. Среди плененных был и уроженец Цивильского района Иван Васильев³⁵. В подобной ситуации оказался и призывник из Канашского района, который был ранен в ноги и контужен под Харьковом в мае 1942 г. Определенный в санчасть дивизии он после атаки немцев попал в плен³⁶.

С началом войны резко обострился национальный вопрос. Призывники из прибалтийских республик, Западной Украины и Западной Белоруссии не всегда стремились сражаться в рядах Красной Армии. В лучшем случае они дезертировали. Отмечалось множество случаев, когда они поворачивали оружие против своих сослуживцев, вступали в национальные подразделения под началом немецкой армии. Уже 22 июня 1941 г. литовские «партизаны» задержали и расстреляли 360 красноармейцев, оказавшихся в окружении³⁷. Уроженец Яльчикского района служил в Литве и попал в плен в июне 1941 г. в результате предательства литовских сослуживцев, которые разоружили всех русских солдат в полку³⁸. Лейтенант Андрей Алексеев воевал в Станиславской области Украинской ССР. В начале июля 1941 г. его подразделение было окружено, и он в составе группы в 30 чел. стал прорываться на восток. «Ночь двигались, день лежали во ржи или в лесу. Часто имели стычки с украинскими националистами. 10–12 июля от дождя развезло почву, и мы проводили день около одной деревни в маленькой роще. Находившийся в нашей группе лейтенант Бойко Кирилл самостоятельно сходил в деревню и принес хлеба, чем выдал наше расположение. К вечеру, когда успокоилась наша тревога и все спали, на нас напала группа украинских националистов». В завязавшейся рукопашной схватке отряд красноармейцев был частично уничтожен и в Тарнопольской области был пленен украинскими крестьянами³⁹. В руки других националистов попал Петр Алексеев: в июле 1942 г. близ Севастополя он был пленен крымскими татарами, переодетыми в красноармейскую форму⁴⁰.

Разрозненные подразделения Красной Армии, военнослужащие, выходявшие из окружения, нередко становились жертвами вероломного предательства местных жителей Западной Украины и Прибалтики. Уроженец Цивильского района попал в окружение под Уманью, когда были пленены 6-я и 12-я армии. Его полк с боями прорывался из окружения, неся большие потери. 8 августа 1941 г. он с группой бойцов спрятались от немцев в камышах, вечером к ним пришел украинец в гражданской одежде, у которого по-

просили хлеба. Крестьянин выполнил их просьбу, а через 15 минут привел и немцев⁴¹. Пленению способствовали также немецкая пропаганда, ухудшение питания, тяжелые физические и психологические нагрузки, идеологическая неустойчивость.

Попавшие в плен советские военнослужащие с первых минут становились объектом негуманного отношения. Некоторые исследователи и публицисты, разделяя идеи Геббельса, и по сей день считают, что немцы были вправе относиться к ним подобным образом, ибо Советский Союз не подписал Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными в 1929 г. Однако статья 4 данного документа требует: «Держава, взявшая военнопленных, должна заботиться об их содержании». Более того, в статье 82 четко указывается на необходимость распространения конвенции на всех военнопленных: «Если на случай войны одна из сторон окажется не участвующей в конвенции, тем не менее положения таковой остаются обязательными для всех воюющих, конвенцию подписавших»⁴².

Изначально война Германии против СССР была направлена на истребление местного населения, а пропаганда Геббельса нужна была для завуалирования и «оправдания» массового уничтожения советских граждан. В марте 1941 г. Гитлер четко заявил: «Речь идет о борьбе на уничтожение... Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке сама жестокость – благо для будущего. Командиры должны пожертвовать многим, чтобы преодолеть свои колебания»⁴³. И вот свидетельства рядового немецкого солдата, которому перед отправкой в Россию командир роты «дал секретный приказ: военнопленных Красной Армии брать лишь в исключительных случаях, т.е. когда этого нельзя избежать. В остальных случаях следует всех советских солдат расстреливать»⁴⁴. Подобный момент пленения красноречиво описывает красноармеец А. Александров: «... Тут мы сразу наткнулись на вооруженных немцев, которые сделали в воздух несколько предупредительных выстрелов. Мы оба сели на траву... Сержанта обыскали и спрашивали: «Комиссар? Офицер?», он ответил: «Нет». Потом его отвели в балку и расстреляли. У меня отняли планшет, карту, деньги и бритву. Сняли шинель и плащпалатку. Также повели к месту расстрела...»⁴⁵. Уроженца Чувашии спас от расправы немецкий солдат, который решил использовать его в качестве переносчика боеприпасов.

Советские военнослужащие, попавшие в плен, первоначально размещались в сборных пунктах немецких военных подразделений, затем они отправлялись во фронтовые дулаги, а затем в шталаги и офлаги на оккупированной территории СССР или в лагеря Германии, Польши и ряда других стран⁴⁶. Под сборные пункты и дулаги приспособлялись сельскохозяйственные постройки, складские помещения. Например, И. Аксаков вместе с другими красноармейцами был помещен в колхозную конюшню⁴⁷. Но чаще всего пленных концентрировали на открытом пространстве – оврагах, низинах, карьерах⁴⁸. Содержащиеся там люди, как правило, на несколько дней лишались продуктов питания и питья. Так, около 50 тыс. красноармейцев, взятых

в плен около Могилева в июле 1941 г., были согнаны на берег Днепра, причем место содержания даже не было обнесено колючей проволокой. Не получая питания в течение недели, пленные съели всю траву, лягушек. Люди теряли от голода сознание и зрение⁴⁹. О нехватке продуктов питания и воды в дулаге оставил воспоминания Ю. Владимиров: «Меня невыносимо мучила жажда. К счастью, на дне кормушки я обнаружил буровато-желтую воду, оставшуюся, вероятно, еще со времени последнего кормления лошадей. Я сунул голову в кормушку, но в этот момент пожилой пленный, находившийся поблизости, быстро стащил меня вниз, крикнув: «Ты что, рехнулся? Неужели собираешься пить лошадиную мочу? Вот возьми мою флягу!». Я сделал несколько глотков, но жажда все равно сохранилась. Тогда я решил собрать на лугу конский щавель и гусиную лапку. Набрал несколько горстей, я съел все, как это делал в детстве»⁵⁰.

Данные действия в отношении военнопленных преследовали различные цели: во-первых, обеспечивалась высокая их смертность, которая определялась позицией руководства Германии; во-вторых, подавлялось их стремление к сопротивлению. В результате, сборные пункты, где размещались сотни и тысячи военнопленных, охраняли всего несколько десятков немецких солдат и полицейских из состава пленных.

Отправка из прифронтовой полосы в шталаги сопровождалась массовыми расстрелами военнопленных. Одно из самых массовых убийств советских солдат во время этапирования произошло в октябре 1941 г. на участке дороги Ярцево–Смоленск. Тогда немецкие конвоиры без повода расстреливали и сжигали красноармейцев, загоняя их в стоящие у дороги разбитые советские танки и поливая горючим. Военнопленных, пытавшихся выбраться из горящих машин, расстреливали. Ряды и фланги колонны «равнялись» пулеметными очередями, давились немецкими танками⁵¹. Транспортировка по железной дороге также сопровождалась массовой гибелью невольников. Летом перевозка осуществлялась в наглухо закрытых вагонах, а зимой зачастую в полувагонах и на открытых площадках. При этом в дороге, как правило, пленные не получали ни пищи, ни воды. Путевой сторож С.Ю. Орбидан вспоминал о доставке пленных в лагерь в Даугавпилс: «В июле 1941 г. на разъезд 214-й километр прибыл первый эшелон с советскими военнопленными... В каждом вагоне было по 70–80 человек. Вагоны были закрыты наглухо. Когда открыли вагоны, военнопленные жадно глотали воздух открытыми ртами. Многие, выйдя из вагонов, падали от истощения. Тех, кто не мог идти, немцы тут же, у моей будки, расстреливали. Из каждого эшелона выбрасывали по 400–500 трупов. Пленные рассказывали, что они по 5–6 суток не получали в дороге ни пищи, ни воды»⁵². Свидетельница А.В. Тауклис рассказала советским следственным органам, что «осенью 1941 г. на станцию Саласпилс прибыл эшелон с советскими военнопленными в составе 50–60 вагонов. Когда открыли вагоны, на далекое расстояние разнесся трупный запах. Половина людей были мертвы; многие были при смерти. Люди, которые могли вылезти из вагонов, бросились к воде, но охрана от-

крыла по ним огонь»⁵³. Чуваши И. Скобелев вспоминал, что им на дорогу выдали по 100 г ливерной колбасы и буханку хлеба: «Все это каждый съел немедленно, и в течение трех суток ехали голодными»⁵⁴. По мнению польского исследователя Ш. Датнера, в результате нечеловеческих условий транспортировки погибло 200–250 тыс. советских военнопленных⁵⁵.

Первые лагеря на оккупированной территории представляли собой открытое пространство в поле или овраге. Летом и осенью 1941 г. для жилья использовались имеющиеся сельскохозяйственные постройки, нежилые помещения, стадионы, разбитые казармы и церкви, но чаще пленные жили просто под открытым небом. В то же время при пленении солдаты лишались теплых вещей, порой гимнастерок, обуви, головных уборов, взамен которых выдавались поношенная одежда и деревянные колодки, что сильно влияло на здоровье военнопленных. С ухудшением погоды в необорудованных лагерях рылись подземные сооружения: «...Вырыли большие рвы, длиной метров 15–20 и шириной 5–6. Рвы шли под уклон, все время углубляясь. Вход оставался открытым, а остальную часть рвов накрыли досками и засыпали землей»⁵⁶. С возросшей потребностью Германии в рабочей силе зимой 1942 г. во многих лагерях силами военнопленных стали строиться бараки, которые, однако, редко имели печи. Призывник из Аликовского района, попавший в 1941 г. в шталаг 326 (VIK)⁵⁷, вспоминал: «В лагере до зимы находились под открытым небом. Купали холодной водой и песком. Кормили в сутки раз (225 г хлеба), суп – брюква литр. Зимой заперли в тесные бараки. Я заболел...»⁵⁸.

Прибывавшие с востока пленные увеличивали и без того высокую плотность в шталагах, что напрямую сказывалось на распространении болезней, смертности. В бараках, рассчитанных на несколько сотен человек, размещались тысячи пленных. Так, в бараках Резекненского лагеря вместо 250–300 чел. проживало около 2 тыс., в результате чего «большинство военнопленных не имели возможности не только спать, но и стоять»⁵⁹. Летом 1941 г. в Минском лагере содержалось около 100 тыс. военнопленных и 40 тыс. гражданских лиц. По свидетельству самих немцев, «заклученные, загнанные в это тесное пространство, едва могут шевелиться и вынуждены отпирать естественные надобности там, где стоят»⁶⁰.

Главной причиной высокой смертности был голод. Сами немцы констатировали: «Военнопленные, проблема питания которых едва ли разрешима, живут по 6–8 дней без пищи»⁶¹. В октябре 1941 г. нормы питания для военнопленных, задействованных на тяжелых физических работах, были следующие: в сутки полагалось хлеба – 321 г, мяса – 29 г, жиров – 9 г, сахара – 32 г. Основная масса пленных получала 214 г хлеба, 22 г сахара, 16 г жиров, что составляло 660 ккал. при норме в 2800 ккал.⁶² Но даже и эти урезанные нормы не доходили до военнопленных, так как верховное командование Германии постоянно снижало нормы продовольствия⁶³. Более того, для плененных красноармейцев предписывалось выдавать суррогатные и низкокачественные продукты: «Опыты по изготовлению специального хлеба

для русских показали, что наиболее выгодная смесь получается из 50% ржаной муки грубого помола, 20% отжимок сахарной свеклы, 20% целлюлозной муки и 10% муки из соломы или листьев... Питание русских должно быть обеспечено исключительно за счет конины и низкокачественного мяса»⁶⁴. Чтобы преодолеть ежедневное чувство голода, люди ели кору деревьев, лебеду, земляных червей. Отмечались факты людоедства⁶⁵. В результате тяжелых условий смертность от голода в некоторых лагерях достигала до 1 тыс. чел. в сутки. По докладу рейхсминистра оккупированных восточных территорий А. Розенберга, сделанному им в декабре 1941 г., в лагерях на Украине «в результате истощения ежедневно умирает до 2500 пленных»⁶⁶.

По показаниям бывшего советского военнопленного, чуваша Ф.Д. Блинова (Паймук): «В офицерском лагере военнопленных в г. Владимир-Волынский из-за плохого питания доходили до полного состояния голода и отчаяния. Например, с зимы 1941 г. до августа 1942 г. умерло от голода, тифа, дизентерии... 22 тыс. офицеров»⁶⁷. Ф. Белков, уроженец Первомайского района, вспоминал, что к июню 1942 г. в Сумском лагере из 22 тыс. военнопленных в живых осталось только 900 чел.⁶⁸ О скудной норме питания в лагере возле Гатчины рассказывал другой житель республики: «завтрак – 200 г хлеба и суп из травы, обед – чай, ужин – 100 г хлеба и суп»⁶⁹. Однако это был не предел. Уроженец с. Гарт Поречского района в Донбасском лагере получал на сутки «только 200–250 г хлеба, а иногда и ничего не получали, иногда получали крупу и редко махорку»⁷⁰. Призывник из Канашского района отмечал, что в шталаге «ел лягушек, крапиву, хлеба получали 1,5 кг на 12 человек»⁷¹.

Более подробные воспоминания о голоде в лагерях оставил чуваш Иван Скобелев: «...На территории Литвы построен новый лагерь на месте военного городка. Вся площадь покрыта зеленью. Кругом исполинские липы. Шикарные казармы. Но ничто нас не радовало кроме травы, которая обильно росла на территории лагеря. Голодные набросились на подножный корм. Ели траву сырую, ели с водой и солью. Не наедались! А вкуснее, чем подорожник, не было ничего. Ели и делали запасы. В результате 1500–2000 человек за три дня съели всю траву на огромной площади. А пленные все прибывали и прибывали. Внутри лагеря обглодали даже деревья. Перебили окна, чтобы куском стекла соскабливать волокна деревьев для еды. Роскошные липы теперь стояли совершенно голые»⁷².

Местное население оккупированных территорий стремилось оказать помощь пленным. В ходе этапирования жители Украины и Белоруссии бросали конвоируемым красноармейцам хлеб, другие продукты питания, рискуя при этом быть застреленными немецкими солдатами. В некоторых лагерях с молчаливого согласия комендантов отмечались передачи от гражданских лиц, хотя верховным командованием Германии это пресекалось специальными распоряжениями.

С момента пленения раненые красноармейцы не имели должного ухода со стороны немцев. Нередко тяжелораненые, особенно раненные в ноги, расстреливались на месте. Хотя есть примеры оказания квалифицированной

помощи раненым бойцам Красной Армии, что объяснялось скорее моральными качествами отдельных немецких солдат и офицеров. Младший сержант Амелов был тяжело ранен в обе ноги 22 июня 1941 г., подобран поляками и передан немцам, которые отправили его на автомашине в полевой госпиталь. Там ему сделали перевязку, на левую ногу наложили гипс, а в августе была проведена успешная операция по ампутации ноги⁷³. В дальнейшем легкораненых присоединяли к колоннам военнопленных и этапировали в лагерь. С более серьезными ранами транспортировали в лагерные лазареты или гражданские больницы. По воспоминаниям жителя Цивильского района, попавшего в плен в составе санчасти в 1943 г., немцы «нас, раненых, на поезде привезли в г. Сталинск, в «госпиталь», где не давали никакой помощи. Нас оставили в нижнем белье»⁷⁴.

Организованного медицинского обслуживания в лагерях не было, хотя в некоторых создавались лазареты, где необходимой помощи раненые все же не получали. Они не обеспечивались лекарствами, перевязочными материалами, достаточным питанием, лежали на голой земле или бетоне, реже на нарах, застеленных соломой. Призывник из Аликовского района тяжело заболел в лагере и был переведен в лазарет: «Весной 1942 г. вышел из санчасти. Она так только называлась, там совершенно нечем было лечить»⁷⁵. Не хватало медицинских инструментов, вследствие чего операции по ампутации порой проводились при помощи молотка и ножовки, операции по удалению аппендикса – посредством отточенного гвоздя. После операции и заживления ран инвалидов-военнопленных отпускали по домам, если устанавливалось, что они выходцы с оккупированных территорий. Уроженец п. Ибреси, будучи наводчиком орудия, получил тяжелое ранение в бою: оторвало руку. Попав в плен, лечился в гражданской больнице, после был переведен в общий лагерь для военнопленных. Откуда был выпущен: выдал себя за украинца. В дальнейшем содержался в инвалидном доме, после закрытия которого женился и переехал к супруге⁷⁶.

Истребление раненых и больных комендатурами лагерей было своего рода нормой. Так, в феврале 1943 г. в Мариуполе нуждающиеся в лечении военнопленные были заперты в 18 товарных вагонах, вывезены в Старо-Крымский тупик и заморожены. Чтобы население не оказало помощи, на вагонах нарисовали череп с костями и написали: «Не подходить, заразно»⁷⁷. Чрезвычайная государственная комиссия, которая расследовала преступления немцев на территории Латвийской ССР, констатировала: «Зимой 1942/43 г. в лагере вспыхнула эпидемия сыпного тифа. В качестве меры борьбы с тифом... фашистские мерзавцы организовали массовые расстрелы: достаточно было заболеть 3–4 военнопленным, как всех остальных, находившихся в этом бараке, немцы выводили к ямам на крепостной эспланаде и расстреливали. Так фашистские мерзавцы истребили... около 45 тыс. советских военнопленных»⁷⁸.

Расстрелы, изощренные казни практиковались во всех лагерях для советских военнопленных. Во многом они регламентировались и поощрялись руководством Германии. «Памяткой об охране советских военноплен-

ных» от 8 сентября 1941 г. предписывалось «для подавления сопротивления беспощадно применять оружие... немедленно стрелять (без окрика), стараясь в них попасть»⁷⁹. Многочисленные факты свидетельствуют о насильственном умерщвлении пленных красноармейцев в немецких лагерях. Так, в поселке Дарница Киевской области в годы оккупации были лишены жизни свыше 68 тыс. чел.: «при судебно-медицинском исследовании трупов... в подавляющем большинстве случаев причиной смерти были сквозные огнестрельные ранения головы»⁸⁰. В шталаге № 340 (г. Даугавпилс) немцы умертвили 124 тыс. пленных, в шталаге № 350 (г. Рига) были расстреляны более 130 тыс. военнопленных⁸¹. В лагерях на территории Литовской ССР было уничтожено около 165 тыс. красноармейцев⁸². Часть пленных была умерщвлена немцами через повешение, закапывание заживо в землю и т.д.⁸³ В лагерях смерти (Майданек, Малый Тростенец, Освенцим и др.) уничтожение советских военнопленных было главной целью комендатур.

Поражение под Москвой, крах блицкрига, огромные потери в живой силе, возрастание потребности в рабочих заставили военно-политическое руководство Германии к концу 1941 г. пересмотреть свое отношение к военнопленным, в которых теперь стали видеть бесплатную рабочую силу. Широкое распространение получила отправка бывших военнослужащих Красной Армии на работы в угольную и военную промышленности Германии, в сельское хозяйство. Узники лагерей трудились на строительстве дорог и оборонительных сооружений. Физический труд пленных был изнурительным; в результате эксплуатации многие из них погибали. Показателен отчет правления завода в Ландсберге за ноябрь 1941 – январь 1942 г.: «с самого начала советско-русские рабочие мало работали из-за плохого питания... прибыли 500 советско-русских военнопленных. Двое сразу же возвращены в основной лагерь, 33 работают в лагере, 82 умерли, 198 больны. Осталось 315. Из них пригодны для работы 185»⁸⁴.

Бывшие военнопленные-уроженцы Чувашии в показаниях отмечали, что работали на добыче камня, строительстве железных дорог, лесозаготовках, рыли окопы и траншеи, разгружали и загружали составы⁸⁵. Некоторые из пленных заносились, добровольно или принудительно, в списки рабочих команд и получали за свой труд заработную плату, усиленное питание. Так, житель Порецкого района был оформлен в рабочую компанию по сооружению укреплений для вермахта, за что получал стандартный солдатский паек⁸⁶. Уроженец Аликовского района был принудительно определен в дорожную рабочую команду, в которой им всем выдали немецкое обмундирование⁸⁷. В своих показаниях житель Козловского района приводит следующую форму «обязательства для вступления в рабочий батальон»: «Я готов в рядах Германской армии употреблять все силы на освобождение моей родины и поэтому вступить в рабочий батальон. Этим самым я считаю раньше мною в Красной Армии принесенную присягу недействительной. Я обязуюсь беспрекословно подчиняться приказам моих начальников»⁸⁸. Такое поведение было расценено советскими следственными органами как сотруд-

ничество с немецкими властями. Примером может послужить судьба жителя Моргаушского района, который работал у немцев в плену на лесозаготовках, а после освобождения был переведен советскими властями в Красноярск на спецпоселение сроком на 6 лет, где работал на шахте⁸⁹.

Как правило, военнопленные-рабочие содержались под конвоем. Невольники стремились избежать отправки на работы в Германию. Уроженец Яльчикского района был определен горняком на шахту, где за отказ работать был наказан содержанием в карцере. В конечном счете он умышленно повредил себе ногу⁹⁰. Подобным образом поступил житель Алатырского района: чтобы не работать в шахте, он повредил себе руку и облил кислотой ногу⁹¹.

В своих показаниях один из уроженцев Чувашской АССР объясняет личные мотивы поступления на работу в промышленность Германии и условия труда. По прибытии в г. Эссен в 1942 г. и прохождении врачебной комиссии, военнопленных стали вербовать на оборонную промышленность. Вопрос ставился жестко: или на завод, или в концлагерь. «Я, конечно, боялся избияния, посылки в концлагерь и дал согласие работать на немцев на заводе»⁹². 22-летний парень был оформлен рабочим на завод «Крупп», размещен в бараке, в котором было 12 комнат, вмещающих в себя по 18–23 чел. Рабочим выдали соломенные постели, организовали относительно неплохое питание: в день выдавали по одной буханке хлеба на 4 человека, обеспечивали овощным супом дважды в день, а в дальнейшем стали давать по 100 г колбасы и немного маргарина. Кроме того, платили по 10–15 марок в месяц. Однако режим работы был тяжелым: трудились по 10 часов в сутки, а выходные делались только по воскресеньям через две недели, причем дни отдыха были заполнены лекциями пропагандистов Русской Освободительной Армии, посещение которых было обязательным⁹³.

Немецкое руководство практиковало использование советских военнопленных не только в качестве рабочей силы, но и привлекало их в формирования лагерной полиции, отрядов «добровольцев» («хиви»), воинских подразделений вермахта. По подсчетам отечественных исследователей, в сотрудничестве с немцами были отмечены от 0,2 до 1,5 млн чел.⁹⁴

В лагерную полицию военнопленные шли по разным мотивам: одни стремились таким образом сохранить себе жизнь, другие разочаровались в советской власти или изначально были ее противниками. По утверждению Ф. Черона, «подлецов, кто мог продать родного брата за пайку хлеба, среди нашей толпы было сколько угодно»⁹⁵. Однако, вступив на путь сотрудничества с немцами, лагерные полицейские связывали себя уголовными преступлениями против бывших солагерников: немцы требовали, чтобы смертные приговоры, экзекуции исполняли именно они. Состав лагерной полиции был разнообразным: от бывших рядовых солдат до высших командиров. В национальном плане охрана комплектовалась преимущественно из представителей нерусских народов, в основном из украинцев. Были среди них и чуваша. По воспоминаниям уроженца Цивильского района, в Уманьском лагере по-

лицаем был чуваш «Васька», который избивал до смерти красноармейцев. «Василий носил английский френч, носил палку длиной 1 метр специально для избияния военнопленных»⁹⁶. Другой житель республики в показаниях следствию отметил, что во время пребывания в лагере полицейскими служили два жителя Аликовского района, которые обслуживали карцер, «пороли нагайками военнопленных»⁹⁷.

Значительное число пленных вступало в ряды «хиви» – «добровольных помощников вермахта», которые стали появляться с июля 1941 г. Первоначально они служили в немецких вспомогательных частях водителями, санитарями, саперами, поварами, ездовыми, сапожниками, кузнецами, носильщиками боеприпасов, работали на строительстве дорог и оборонительных сооружений, аэродромов. После того как потери вермахта стали расти, «добровольцев» начали привлекать к карательным операциям против партизан и населения оккупированных территорий. Каждый «хиви» получал паек немецкого солдата, и после двухмесячного испытательного срока ему начислялась заработная плата и дополнительное довольствие⁹⁸. Уроженец Алатырского района в 1943 г. из лагеря был зачислен в 81-ю дивизию вермахта в строительную компанию, в составе которой принял присягу на верность рейху. В том же году он был направлен на работу в Калининскую область, где в составе подразделения рыл траншеи, окопы, принимал участие в ремонте дорог. В 1944 г. был переведен в Германию, где выполнял работы на оборонительных сооружениях. По его показаниям, за свой труд он получал 37 марок в месяц⁹⁹. В ветеринарной компании служил житель с. Шемурша, который ухаживал за лошадьми¹⁰⁰. Охранял скот и житель д. Шинеры Цивильского района, за свою работу получивший право питаться в солдатской столовой¹⁰¹. По воспоминаниям другого жителя республики, с момента вступления в немецкую армию «стали кормить лучше: по 500 г хлеба, 2 раза в сутки горячая пища, а утром чай». Он был оформлен как рядовой солдат, получил немецкое обмундирование, однако оружия ему не выдали. Наравне с военнослужащими вермахта он трудился в рабочем батальоне на лесопильном заводе¹⁰².

Большинство военнопленных, переходя на службу в армию Германии в качестве «хиви», стремилось сохранить свою жизнь, вырваться из стен лагеря. При этом зачастую в будущем они рассчитывали перейти на сторону Красной Армии или бежать к партизанам. Так, житель Урмарского района, служивший в немецком обозе, при первом же удобном случае бежал и присоединился к отряду «Победа», действовавшему в Белоруссии¹⁰³. Из немецкой воинской части совершил побег и житель Марпосадского района, который присоединился к Мозырскому партизанскому отряду и войну закончил с медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и «За победу над Германией»¹⁰⁴. Огромное число хиви, по некоторым данным, около 700 тыс. чел. за всю войну¹⁰⁵, объяснялось и тем, что люди не видели в своих действиях прямого преступления, тем более, что оружия им, как правило, не выдавали. Стоит учитывать, что нередко военнопленные переводились в нестроевые

подразделения вермахта принудительно: «В июне 1943 г. нас, военнопленных, построили и тех, кто выше ростом, вывели из строя и отправили на службу в обоз при немецкой артиллерийской части»¹⁰⁶.

С провалом блицкрига военно-политическое руководство Германии стало пересматривать свое отношение к созданию вооруженных формирований из народов СССР. На пересмотр позиций, по мнению И. Гилязова, повлияли также огромное число советских военнопленных, стремление представителей некоторых народов к сотрудничеству с немцами, активность эмигрантских лидеров, политиков Турции и ряда других зарубежных стран¹⁰⁷. Первые мероприятия по селекции военнопленных по национальному признаку были отмечены уже летом 1941 г. По воспоминаниям И. Скобелева, в лагере их разбили «по национальной принадлежности, вывели на спинах шинелей и гимнастеров масляной краской крупные буквы: «р» (русский), «у» (украинец), «б» (белорус), «а» (азиат)»¹⁰⁸. В октябре 1941 г. вышел приказ Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии (ОКВ) об отделении тюркских военнопленных от остальных плененных красноармейцев и размещении их в лагерях Польши, Украины, Белоруссии и Прибалтики. В январе–феврале 1942 г. в составе вермахта стали формироваться четыре восточных легиона: Туркестанский, Кавказско-магометанский (летом 1942 г. переименован в Азербайджанский), Грузинский и Армянский. Позднее, 2 августа 1942 г., выделился в самостоятельную единицу Северокавказский легион. 15 августа 1942 г. в Едлине (Польша) был образован Волго-татарский легион (именовался также Волжско-Уральский легион – «Идель-Урал»), объединивший в своих рядах не только поволжских татар, но и чувашей, марийцев, мордву, удмуртов и башкир¹⁰⁹.

В дулагах на советских военнопленных составляли анкету, где одним из вопросов была национальная принадлежность. Пленный красноармеец, указавший национальность одного из народов Поволжья и давший согласие на вступление в легион, переводился в сборно-формировочный лагерь. Подобные были организованы в Польше: Демблин, Седльце, Ченстохов и др. Условия жизни там сильно отличались от большинства немецких шталагов: будущему легионеру выдавалось усиленное питание, хорошее обмундирование, как правило, немецкого образца с эмблемой Волго-татарского легиона. В лагере происходила разбивка по подразделениям – ротам и взводам, после чего под командованием немецких офицеров и унтер-офицеров бывшие красноармейцы занимались строевой и тактической подготовкой¹¹⁰.

В сохранившихся показаниях одного из чувашских легионеров можно проследить некоторые этапы вербовки в Волжско-татарский легион: «В лагере Белая Церковь объявили, что чуваша, татары, мордва, марийцы и удмурты должны строиться в отдельный строй для отправки в другой лагерь». В результате набралось 200 чел., которых отправили в лагерь Демблин, где в конце 1942 г. общая численность составляла около 2 тыс. чел. Всех военнопленных кормили усиленным пайком: «давали 500 г хлеба, мясо, колбасу». В Демблине часто приходили агитаторы, в том числе чувашской националь-

ности, которые читали лекции, стремясь разжечь националистические чувства: «Пропагандист рассказывал историю происхождения чуваш. Он говорил, что чуваша произошли от болгар, что при царизме чуваша жили под русским гнетом». В основе пропаганды лежало то, что «каждая нация должна освободиться от русских и большевиков, ликвидировать колхозы и распределить земли». Первые две недели будущие легионеры ничем не занимались, потом «стали выводить к речке группами, где играли в народные игры». Немцы, наблюдая за игрой, выделяли для себя лидеров, которые потом были отправлены на курсы младших командиров¹¹¹. В дальнейшем будущие легионеры были отправлены в основной лагерь, где формировалось подразделение «Идель-Урал».

В основном лагере Волго-татарского легиона в Едлине шло окончательное формирование подразделения. 5 сентября 1942 г. первая партия легионеров была приведена к присяге на верность Германии. Этот день позднее был объявлен официальной датой рождения подразделения (по другим данным – 6 сентября)¹¹². Следует отметить, что присягу легионеры могли принимать неоднократно: и в сборно-формировочных лагерях, и при переводе на новое место службы и т.д. По воспоминаниям бывшего легионера, уроженца Ибресинского района, принятие присяги происходило следующим образом: «По прибытию в Сельцы (Седльце. – Д.З.) нас построили на площади и производили принятие присяги. Текст присяги читал немецкий офицер, а переводчик переводил на ломаном языке. После этого производился осмотр, после прохождения медкомиссии годных к службе в боевых подразделениях зачисляли в боевые батальоны, заодно предложили подписать текст присяги»¹¹³. Тем, кто еще имел красноармейское обмундирование, выдавали немецкий френч, брюки, шинель, ботинки, нательное белье и пилотку. Начислялось довольствие: «300–400 г хлеба, два раза в сутки мясные щи, овощи и фрукты, кофе с повидлом или сахарным песком, творог»¹¹⁴. Об еще более сытном обеспечении вспоминали уроженцы Первомайского района: 600 г хлеба, два раза в день горячая пища, сыр, колбаса, масло, сигареты и др.¹¹⁵ Кроме того, легионер получал матрац, постельные принадлежности, оформлялась заработная плата. Особым отличительным знаком стала нарукавная нашивка, которая существовала в различных вариантах. Одним из основных была эмблема в виде щита, на сине-зеленом поле которого пересекались стрела и кинжал. Наверху латинскими буквами было написано «Идель-Урал».

Наиболее крупным подразделением в легионе были батальоны, которые состояли из рот, взводов и отделений. Младшие командиры комплектовались из представителей самих народов, которые прошли соответствующую 2-недельную подготовку, тогда как командиры рот чаще были немцы. Отдельное внимание при формировании легиона отводилось военной подготовке. Обычно ее продолжительность достигала четырех месяцев при ежедневной нагрузке 7–9 часов. Содержание военных занятий включало в себя строевые занятия, усвоение немецких команд, уставов немецкой армии, изу-

чение материальной части советского и немецкого оружия, знакомство со средствами борьбы против танков и тактическую подготовку. Один час отводился на спортивные игры¹¹⁶. Военная подготовка легионеров вначале проводилась общая. Затем они разбивались по военным специальностям (пехотинцы, пулеметчики, кавалеристы, артиллеристы и др.), и занятия дифференцировались. Заключительным этапом подготовки были боевые стрельбы и полевые учения. Роты вооружались трофейными советскими винтовками, пулеметами «Максим», 82-мм и 50-мм минометами, противотанковыми пушками. Однако боевое оружие легионерам первое время не доверяли; оно выдавалось вместе с боеприпасами за 10–20 дней до выезда на фронт¹¹⁷.

В легионе проводилась систематическая идеологическая обработка бойцов. Данная работа была возложена на Татарское представительство в Берлине во главе с Шафи Алмасом. С целью развития националистических чувств для чувашских солдат в первой половине 1944 г. выходило приложение к газете «Идель-Урал» на родном языке «Атӑл-Уралшӑн», редактором которого был А.П. Кадеев. С июля 1944 г. по февраль 1945 г. печаталась газета «За национальную свободу» под редакцией Ф.Д. Блинова, взявшего в качестве фамилии театральный псевдоним Паймук. По словам И. Скобелева, Паймук был «страшным националистом... носился с идеей создания самостоятельного чувашского государства»¹¹⁸. В целом легион подпитывался именно националистическими идеями различных народов Поволжья и Приуралья. В марте 1944 г. в Грайфсвальде (Померания) состоялся даже курултай народов «Идель-Урал», на котором присутствовали и чувашские делегаты (Изосимов, Кадеев, Скобелев). Главной своей целью курултай провозгласил достижение государственной независимости «Идель-Урала»¹¹⁹. В ходе пропагандистской работы использовались и другие формы: политзанятия немецких командиров через переводчиков, речи различных представителей национальных меньшинств перед строем, коллективное исполнение религиозных обрядов, демонстрация документальной кинохроники. В целях пропагандистского воздействия на легионеров был организован также ряд экскурсий специально отобранных солдат и командиров в Берлин, где им демонстрировали показательные стороны жизни и быта Германии, водили на предприятия, в театр, показывали выставку трофейного советского оружия. Перед легионерами выступал А. Гитлер¹²⁰.

В конце 1942 – начале 1943 г. были сформированы три первых подразделения легиона – 825, 826 и 827-й батальоны. В течение второй половины 1943 г. были введены в строй 828, 829, 830, 831-й батальоны. Каждый полевой батальон имел в своем составе три стрелковые, пулеметную и штабную роты по 130–200 чел. в каждой. Общая численность батальона составляла 800–1000 солдат и офицеров, в том числе до 40 чел. немецкого кадрового состава. На вооружении имелись три 45-мм противотанковые пушки, ротные и батальонные минометы, пулеметы, легкое стрелковое оружие – все советского образца¹²¹.

Первый же опыт боевого применения национальных батальонов дал для вермахта негативные результаты. В феврале 1943 г. в Витебскую область для борьбы с партизанами прибыл 825-й батальон, который 22–23 февраля, перебив немецких офицеров, практически в полном составе (506 чел.) перешел на сторону партизан, захватив с собой три 45-мм пушки, шесть станковых пулеметов, четыре батальонных миномета, 22 ручных пулемета и др.¹²² Побег на сторону партизан отмечался и в 827-м батальоне, который летом 1943 г. действовал в Западной Украине, и в других подразделениях. Реакция немецкого командования, оценившего «ненадежность» национальных частей Волжско-татарского легиона, заключалась в расформировании подразделений, переводе их на западный театр военных действий.

Среди национальных формирований, организованных вермахтом, существовал 837-й Волго-финский батальон, который был подчинен Северокавказскому легиону. Основу подразделения составили чуваши, марийцы, мордва и удмурты. В течение марта–августа 1943 г. батальон был сформирован: структурно он состоял из трех стрелковых рот, пулеметно-автоматной и штабной рот, противотанковой батареи. Общая численность личного состава достигала 1 тыс. чел. Основные командирские должности занимали чуваше. Например, командир 1-й роты чуваш Иванова в дальнейшем дослужился до должности заместителя командира батальона и получил звание лейтенанта немецкой армии. В августе 1943 г. батальон был направлен в Черниговскую область, где вел борьбу с партизанами. В результате наступления Красной Армии он был передислоцирован первоначально на правую сторону Днепра, где его личный состав участвовал в возведении оборонительных сооружений, а затем во Францию для борьбы с партизанами. В сентябре 1944 г. батальон перестал существовать¹²³.

Можно отметить ряд других подразделений, в которых служили средневожские народы, в том числе и чуваше: например, 627-й восточный батальон, который был сформирован в декабре 1943 г. во Франции и участвовал в боях в Нормандии. Значительное число чувашей служило в строительных, саперных и снабженческих соединениях, которые структурно относились к легиону «Идель-Урал». О службе в 1002-й строительной роте оставил воспоминания уроженец Ибресинского района: «В августе 1943 г. наш батальон и другой № 1062 были направлены в район г. Борисова. По прибытии в этот район мы занимались военно-строительными работами, но вооруженной борьбы с партизанами не вели. Примерно через неделю из нашего подразделения сбежало 26 человек, после этого побега у нас отобрали винтовки... В ноябре 1943 г. нас привезли в г. Минск... [где] делали укрепления, рыли бункера. Летом 1944 г. из Минска были направлены в район Познань. Здесь мы также занимались военно-строительным делом. В январе 1945 г. нас направили в район Берлина, после чего... 3 мая мы оказались у американцев»¹²⁴.

Летом 1942 г. в г. Шварценберг (Саксония) был образован лагерь для военнопленных чувашской национальности. Его формирование было сопряжено с перспективами создания легиона «Идель-Урал», и к 1943 г. там дис-

лоцировалась резервная рота. Уже в июне 1942 г. там приводили к присяге первых легионеров. По мнению Г.А. Александрова, контингент лагеря предполагалось использовать в качестве «будущих немецких ставленников на случай оккупации немцами Чувашской АССР»¹²⁵. Идеологом и организатором создания национальной роты выступил профессор Йоханнес Бензинг, сотрудник Восточного министерства, хорошо знавший чувашский, татарский, узбекский, русский и другие языки. «Легион», как сами называли свое формирование военнопленные, состоял из 108 добровольцев чувашей и структурно представлял собой роту из трех взводов¹²⁶. Так как в подразделении служили исключительно чувашаи, в том числе и из Башкирской АССР, то и руководящие должности были доверены им. Вообще, лагерь охраняли 1 немецкий офицер и 6 солдат вермахта, которые жили вне территории казарм, в то время как порядок обеспечивал командир роты, который по совместительству являлся и переводчиком. Условия жизни в лагере были относительно неплохими: легионеры жили в двухэтажных теплых казармах, свободно передвигались, им выдавалось немецкое обмундирование. В сутки они обеспечивались трехразовым питанием, а также 500 г хлеба, 40 г масла и 20 г сахара. Начислялась и зарплата – от 5 марок и выше.

Среди легионеров проводилась огромная идеологическая работа, в которой отличился первый командир роты Анатолий Кадеев, уроженец Шемуршинского района. В довоенное время он окончил 10 классов средней школы, после мобилизации получил звание политрука и в 1941 г. попал в плен. В работах Г.А. Александрова данная одиозная фигура представлена очень выдержанно, однако военнопленные в своих показаниях отмечали не только его жестокость по отношению к солагерникам, выражавшуюся в их избиениях, но и националистическую устремленность¹²⁷. Будучи командиром роты, он активно агитировал за вступление в легион. «Господин переводчик», как он сам заставлял себя называть, говорил: «Немецкая армия самая сильная армия в мире, она победит Красную Армию, советское государство будет уничтожено. Под руководством германского государства на чувашской земле будет свободное чувашское государство, тогда нам, легионерам, будут предоставлены земли большими площадями...»¹²⁸. В воскресные дни он проводил агитационную работу, читая перед аудиторией газеты на чувашском языке «Идель-Урал», «За национальную свободу», «Чăваш сĕрпшывĕ». Редактором последней газеты он был сам. Летом 1943 г. он покинул роту, поступив в Берлинскую школу пропагандистов, где продолжил редакторскую деятельность.

Так как рота была резервной, то участия в военных операциях она не принимала, более того: у немецкого командования в течение 1943 г. к легиону «Идель-Урал» как к боевой единице интерес пропал. Поэтому на протяжении всей войны она простояла в Шварценберге, а личный состав был привлечен к лесозаготовкам и сельскохозяйственным работам.

Как подчеркивали сами легионеры, вступление в легион было их добровольным решением¹²⁹, что противоречит советским штампам об исклю-

чительно насильственной вербовке в подразделения вермахта. Например, рядовой 601-го восточного батальона (хотя он и не относился к легиону, но факт показателен), уроженец Шемуршинского района, так вспоминал запись добровольцев: «В феврале 1943 г. в Бобруйский лагерь военнопленных приехал майор немецкой армии. Собрал военнопленных в клубе человек 300 и через переводчика объяснил, что [мы], русские солдаты, будем ходить на партизан, будем наравне с немецкими солдатами получать паек, обмундирование, водку и спросил: кто согласен оставаться в немецкой армии... Все, кто был в клубе, человек 300, вышли...»¹³⁰. Возможно, здесь присутствует количественное преувеличение, чтобы оправдать свое поведение и вступление в армию Германии, однако добровольность выбора очевидна. Немецкие офицеры вряд ли были заинтересованы, чтобы насильно загнанные в части вермахта советские солдаты, затем при удобном случае выстрелили им в спину и перешли на сторону Красной Армии. В то же время подобная «добровольность» была вынужденной: военнопленный стоял перед сложным выбором: смерть от голода и издевательств или возможность сохранить свою жизнь, пусть даже и в рядах легионеров. В дальнейшем многие легионеры пользовались удобным случаем для перехода на сторону Красной Армии, партизан и союзнических войск.

Большинство же красноармейцев стремились вырваться из плена, совершив побег. Уже начиная с первых дней войны отмечались многочисленные факты побегов, чему во многом способствовала небрежная охрана пленных. Поздней осенью 1941 г. совершил свой первый побег Андрей Абрамов: «Мы были погружены в открытые платформы, опутанные колючей проволокой. Некоторые наши товарищи обрезали ее и во время тихого хода... стали прыгать из вагона». В октябре 1942 г. он совершил вторую попытку вырваться из плена, однако тоже неудачную¹³¹. Более удачный побег совершил И. Аксаков, который в июле 1941 г., воспользовавшись отсутствием охраны, бежал, и в итоге перешел линию фронта¹³². Однако, если побег был удачным, трудности возникали при продвижении по оккупированной территории, где нередко местные жители не оказывали помощи, более того, стремились сообщить в полицейскую комендатуру о беглецах. Так, в Житомирской области был арестован украинской полицией бежавший из плена А. Абрамов¹³³. Еще большие сложности были у военнопленных, которые бежали из лагерей, расположенных на территории Германии. А. Байбухтин, который сумел бежать из лагеря Цвикау (Саксония) в апреле 1943 г., вспоминал: решили «пробраться в Польшу, чтобы соединиться там с каким-либо партизанским отрядом и дальше при первой возможности перейти на советскую территорию»¹³⁴. В лесах Германии он и его товарищи скрывались около 3 месяцев, пройдя за это время 115 км, но, не доходя до Дрездена, они были арестованы. В пути ориентировались по звездам, деревьям и мху, произрастававшему на нем, питались картофелем, который копали на полях, а ранней весной – травой и ягодами, иногда воровали у немецких крестьян кур¹³⁵.

Многие беглецы, не имея возможности соединиться с частями Красной Армии, пополняли ряды партизанских отрядов на оккупированной территории СССР, а также Польши, Чехословакии, Югославии. Бежавший из плена Минзагит Алеев вступил в партизанский отряд, который действовал в Черниговской и Гомельской областях¹³⁶. Лейтенант И. Агафонов в марте 1945 г. присоединился к отряду чешских партизан, совершив побег из лагеря. Воевал в должности начальника штаба отряда в горах Чехословакии до воссоединения с частями Красной Армии, был награжден медалью чешского правительства¹³⁷. Владимир Елизаров неоднократно совершал побег из лагерей, и после третьей попытки ему удалось освободиться. В 1944–1945 гг. он воевал в рядах французского сопротивления¹³⁸. В польском партизанском отряде им. Калиновского сражался выходец из с. Орауши Вурнарского района Г. Илюкин; в Италии взвод разведки 32-й партизанской бригады им. Гарибальди возглавлял уроженец д. Хундыкасы Моргаушского района П. Любимов; под кличкой «Чуваш» воевал в польских лесах командир партизанской группы Я. Николаев – уроженец д. Чедино Мариинско-Посадского района и др.¹³⁹

Помощь в освобождении оказывали и жители Украины, которые называли пленных своими родственниками и просили коменданта лагеря вернуть их домой. Как правило, подобные просьбы удовлетворялись, так как немецкое руководство пыталось, с одной стороны, разыграть националистическую карту¹⁴⁰, с другой стороны, вернувшиеся домой пленные теоретически должны были работать в сельском хозяйстве и, соответственно, снабжать вермахт. Источники зафиксировали многочисленные случаи освобождения из плена людей неукраинской национальности, за которых заступались девушки и женщины, называя их мужьями и братьями. Чуваш Венедикт Алексеев совершал полет на самолете и был сбит, раненым попал в плен в июле 1942 г. и помещен в лазарет г. Волчанск Харьковской области. Руководство госпиталя разрешало местным жителям приносить продукты для военнопленных, ухаживать за ранеными. В ходе таких посещений летчик познакомился с 19-летней Валей Торчинской. В начале августа его, как офицера, перевели в Харьковскую тюрьму, где Венедикт сохранил связь с девушкой и попросил выручить его из плена. Вале удалось получить необходимые справки в городской управе, по которым Алексеев был назван ее двоюродным братом. Документы были представлены немецкому коменданту, который их подписал, и молодой человек был выпущен на свободу. В октябре 1942 г. они вступили в брак¹⁴¹.

Таким образом, около 27 тыс. уроженцев республики в годы Великой Отечественной войны попало в плен, во многом из-за стратегических просчетов командования в 1941–1942 гг. Большая их часть была казнена, погибла от голода и издевательств в ходе этапирования и в лагерях. Уроженцы Чувашии, попавшие в плен, были привлечены на тяжелые физические работы. Основная их масса сохранила верность Родине и стойко переносила все лишения, веря в победу Красной Армии. В то же время историческим фак-

том стало и существование волжско-татарского легиона «Идель-Урал», который, несмотря на усилия немецкого командования, не стал послушным орудием в борьбе против Красной Армии. Кроме незначительного числа убежденных националистов и предателей, легионеры предпринимали попытки совершения побега, прибегали к саботажу, срывая планы немцев разыграть религиозную и националистическую карты Среднего Поволжья. Чувашши и татары не стали предателями советского народа. Сейчас в Татарстане проходит активная работа по приравниванию бывших легионеров к участникам антифашистской борьбы¹⁴². Думается, более углубленное изучение данной проблемы, открытие и анализ новых документов позволят полностью реабилитировать бывших участников легиона «Идель-Урал».

Источники и литература

¹ См.: *Захаров Д.А.* Репатриация советских военнопленных в 1944–1945 годах (По материалам Чувашской АССР) // Чувашский гуманитарный вестник, 2009. № 4. С. 99–112; *он же.* Легион «Идель-Урал»: служба чувашских военнопленных в националистическом подразделении вермахта // Проблемы региональной культуры. Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Чебоксары, 2009. С. 22–24.

² *Бурмистров В.М.* Наши земляки в борьбе с фашизмом. Чебоксары, 2005. 599 с.; *он же.* Живите и помните. Чебоксары, 2007. 356 с.

³ *Александров Г.А.* Военнопленные из республик Поволжья на службе вермахта // Вопросы истории, 2005. № 10. С. 143–150.

⁴ *Гилязов И.А.* Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «третьего рейха». Казань, 2005. 383 с.

⁵ См. подробн.: *Ибатуллин Т.* Военный плен: причины, последствия. СПб., 1997. 118 с.; *Шнейер А.* Плен. Советские военнопленные в Германии, 1941–1945. М., Иерусалим, 2005. 623 с.

⁶ Всероссийская Книга Памяти 1941–1945. Обзорный том. М., 1995. С. 415; См. также: *Штрайт К.* Они нам не товарищи: Вермахт и советские военнопленные, 1941–1945 гг. М., 1991. С. 147–148.

⁷ *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М., 2004. С. 54.

⁸ *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. М., 1956. С. 230, 232.

⁹ Речь идет об окружении 39-й армии в 1942 г. в Смоленской области, в ходе которого командующий армией генерал-лейтенант И.И. Масленников с группой штабных офицеров действительно был эвакуирован согласно приказу командования Калининского фронта.

¹⁰ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 36. Л. 8.

¹¹ Там же. Д. 499. Л. 1 об.

¹² Там же. Д. 673. Л. 9.

¹³ Там же. Д. 692. Л. 10 об.–11.

¹⁴ Там же. Д. 50. Л. 5–5 об.

¹⁵ В ходе наступления группы армий «Центр» в Белостокско-Минский котел попали 3-я, 4-я и 10-я армии. 30 июня 1941 г. при попытке пересечь шоссе Барановичи–Минск управление 10-й армии было уничтожено.

¹⁶ ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.

¹⁷ Там же. Д. 520. Л. 22.

¹⁸ Там же. Ф. Р–203. Оп. 11. Д. 19. Л. 79.

¹⁹ Там же. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 6. Л. 3 об.

²⁰ *Владимиров Ю.В.* Как я был в немецком плену. М., 2008. С. 136–137.

²¹ Барвенковский котел стал результатом неудачных действий Красной Армии в ходе Харьковской операции в мае 1942 г. В окружении оказались 6-я и 57-я армии, потерявшие в ходе боев 277 тыс. чел., из них 177 тыс. – безвозвратно.

²² 51-й КАП потерял большую часть военнослужащих убитыми и пленными при прорывах к Ленинграду в сентябре 1941 г.

²³ Немцы широко практиковали засылку в леса и болота уже плененных советских солдат с целью агитации окруженных военнослужащих к добровольной сдаче в плен. Тем самым сохранялись жизни немецким солдатам, экономилось время для подавления очагов сопротивления.

²⁴ ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 302. Л. 68–72.

²⁵ Генерал-майор П.Г. Понеделин попал в плен 7 августа 1941 г. под Уманью. Заочно был приговорен к расстрелу как «паникер и трус», содержался в немецких лагерях до 1945 г., но на сотрудничество с фашистами не пошел. Освобожден американскими войсками и передан властям СССР. В 1950 г. расстрелян по приговору Военной Коллегии. Реабилитирован посмертно в 1956 г.

²⁶ ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

²⁷ Там же. Д. 22. Л. 3.

²⁸ Там же. Д. 126. Л. 11.

²⁹ Там же. Д. 10. Л. 6.

³⁰ Там же. Д. 16. Л. 13.

³¹ Там же. Д. 204. Л. 14 об.; Д. 4. Л. 2; Д. 8. Л. 2; Д. 186. Л. 3.

³² Генерал-лейтенант М.Ф. Лукин, командующий 19-й армией, попал в плен под Вязьмой в октябре 1941 г. В плену в тяжелых условиях держался достойно, отверг предложение Власова о сотрудничестве в РОА. Освобожден в мае 1945 г. В 1993 г. ему присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

³³ Цит. по: *Шнеер А.* Указ. соч. С. 124.

³⁴ Всероссийская Книга Памяти 1941–1945. Обзорный том. М., 1995. С. 88.

³⁵ ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 766. Л. 8.

³⁶ Там же. Д. 421. Л. 18–18 об.

³⁷ *Шнеер А.* Указ. соч. С. 137.

³⁸ ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 13. Л. 5.

³⁹ Там же. Д. 110. Л. 15.

⁴⁰ Там же. Д. 188. Л. 5.

⁴¹ Там же. Д. 127. Л. 3 об.–4.

⁴² Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000. С. 1012, 1024–1025.

⁴³ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 2. М., 1969. С. 430–431.

⁴⁴ Цит. по: *Шнеер А.* Указ. соч. С. 169.

⁴⁵ ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 50. Л. 8.

⁴⁶ **Dulag** (Durchgangslager) – пересыльный лагерь. **Stalag** (Stammanschaftslager) – стационарный лагерь для рядового и младшего командирского состава сухопутных войск. **Oflag** (Offizierslager) – лагерь для офицерского состава.

⁴⁷ ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 36. Л. 2.

⁴⁸ См. подробн.: *Датнер Ш.* Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне. М., 1963. С. 352–353.

⁴⁹ Цит. по: *Шнеер А.* Указ. соч. С. 177.

⁵⁰ *Владимиров Ю.В.* Указ. соч. С. 159.

⁵¹ *Шнеер А.* Указ. соч. С. 178–179.

⁵² Из сообщения Чрезвычайной государственной комиссии о преступлениях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской Советской Социалистической Республики // Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944). М., 1985. С. 169.

⁵³ Там же.

⁵⁴ *Скобелев И.* Чуваш и татары в логове фашистов // Республика, 2003. № 23–27, 31.

- ⁵⁵ *Датнер Ш.* Указ. соч. С. 351.
- ⁵⁶ *Черон Ф.Я.* Немецкий плен и советское освобождение. Париж, 1987. С. 38.
- ⁵⁷ В шталаге 326 (VIK) Зенне (Вестфалия) в 1941–1945 гг. побывали не менее 300 тыс. и погибли свыше 65 тыс. советских воинов. Основной причиной гибели были сыпной тиф и истощение организма от недоедания. Сейчас на месте лагеря находится музей с сохранившимися постройками времен Второй мировой войны.
- ⁵⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 1. Д. 470. Л. 8.
- ⁵⁹ Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Рига, 1946. С. 156.
- ⁶⁰ Докладная записка министерального советника Дорша рейхслейтеру Розенбергу о лагере военнопленных в гор. Минске // Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944). М., 1985. С. 132.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Нормы питания советских военнопленных в 1941 г. <http://army.armor.kiev.ua/hist/paek-sov-plennyx.shtml>.
- ⁶³ *Полян П.* Жертвы двух диктатур. М., 1996. С. 145.
- ⁶⁴ Из протокола совещания в министерстве снабжения о питании советских военнопленных и гражданских рабочих // Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944). М., 1985. С. 142.
- ⁶⁵ См. напр.: *Голубков С.* В фашистском концентрационном лагере. Воспоминания бывшего военнопленного. Смоленск, 1958. С. 106–107.
- ⁶⁶ *Штрайт К.* Они нам не товарищи: Вермахт и советские военнопленные, 1941–1945 гг. М., 1991. С. 259.
- ⁶⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 1. Д. 39. Л. 42.
- ⁶⁸ Там же. Д. 560. Л. 7.
- ⁶⁹ Там же. Д. 114. Л. 12 об.
- ⁷⁰ Там же. Д. 520. Л. 20.
- ⁷¹ Там же. Д. 250. Л. 7.
- ⁷² *Скобелев И.* Указ. соч. № 23–27, 31.
- ⁷³ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 1. Д. 204. Л. 14 об.–15.
- ⁷⁴ Там же. Д. 443. Л. 16.
- ⁷⁵ Там же. Д. 470. Л. 8.
- ⁷⁶ Там же. Д. 62. Л. 23–24.
- ⁷⁷ *Шнеер А.* Указ. соч. С. 293.
- ⁷⁸ Из сообщения Чрезвычайной государственной комиссии... С. 169.
- ⁷⁹ Памятка об охране советских военнопленных // Там же. С. 134.
- ⁸⁰ Акт о массовом истреблении военнопленных советских граждан в лагерях поселка Дарницы Киевской области 18 декабря 1943 г. // Там же. С. 155.
- ⁸¹ Из сообщения Чрезвычайной государственной комиссии... С. 169.
- ⁸² Из сообщения Чрезвычайной государственной комиссии... С. 166.
- ⁸³ См. подробн.: Латвия под игом нацизма: сборник архивных документов. М., 2006. 344 с.
- ⁸⁴ Письмо правления завода «Фарбен» в Ландсберге командующему военным округом Франкфурт // Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944). М., 1985. С. 143.
- ⁸⁵ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.; Д. 7. Л. 10; Д. 15. Л. 4 об.; Д. 35. Л. 9.
- ⁸⁶ Там же. Д. 22. Л. 3 об.
- ⁸⁷ Там же. Д. 562. Л. 1 об.
- ⁸⁸ Там же. Д. 609. Л. 15.
- ⁸⁹ Там же. Д. 7.
- ⁹⁰ Там же. Д. 13. Л. 6.
- ⁹¹ Там же. Д. 34. Л. 4.
- ⁹² Там же. Д. 259. Л. 15 об.

- ⁹³ Там же. Л. 15 об.–16 об.
- ⁹⁴ См. напр.: *Гареев М.А.* О цифрах старых и новых // Военно-исторический журнал, 1991. № 4. С. 49; Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 385, 392; *Гилязов И.А.* Указ. соч. С. 5; *Дробязко С.И.* Указ. соч. С. 339.
- ⁹⁵ *Черон Ф.Я.* Немецкий плен и советское освобождение. Париж, 1987. С. 39.
- ⁹⁶ ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 443. Л. 63 об.
- ⁹⁷ Там же. Д. 435. Л. 9-9 об.
- ⁹⁸ Приказ командира 79-й пехотной дивизии вермахта об увеличении боевого состава // *Дробязко С.И.* Указ. соч. С. 364–365.
- ⁹⁹ ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 15. Л. 4 об.
- ¹⁰⁰ Там же. Д. 27. Л. 3–4.
- ¹⁰¹ Там же. Д. 78. Л. 12.
- ¹⁰² Там же. Д. 51а. Л. 28.
- ¹⁰³ Там же. Д. 154. Л. 7.
- ¹⁰⁴ Там же. Д. 459. Л. 20 об.
- ¹⁰⁵ *Романько О.В.* Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М., 2004. С. 16–17; *Семиряга М.И.* Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории, 1995. № 4. С. 22.
- ¹⁰⁶ ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 154. Л. 6 об.
- ¹⁰⁷ *Гилязов И.А.* Указ. соч. С. 98–99.
- ¹⁰⁸ *Скобелев И.* Указ. соч. № 23–27, 31.
- ¹⁰⁹ Подробн. см.: *Александров Г.А.* Военнопленные из республик Поволжья на службе вермахта. С. 143; *Гилязов И.А.* Указ. соч. С. 132–133; *Дробязко С.И.* Указ. соч. С. 150–151.
- ¹¹⁰ ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 48. Л. 14.
- ¹¹¹ Там же. Д. 82. Л. 30 об.–31.
- ¹¹² *Гилязов И.А.* Указ. соч. С. 177.
- ¹¹³ ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 48. Л. 14.
- ¹¹⁴ Там же. Д. 268. Л. 14 об.
- ¹¹⁵ Там же. Д. 755. Л. 8 об.
- ¹¹⁶ Там же. Д. 82. Л. 31 об.
- ¹¹⁷ Справка Главного политического управления Красной Армии «Формирование немецкими фашистами «национальных частей» из числа бывших военнослужащих РККА и других изменников Родины» // *Дробязко С.И.* Указ. соч. С. 371–372.
- ¹¹⁸ *Скобелев И.* Чуваши и татары в логове фашистов // Республика, 2003. № 23–27, 31.
- ¹¹⁹ См. подробн.: *Александров Г.А.* Указ. соч. С. 143–150.
- ¹²⁰ Справка Главного политического управления Красной Армии «Формирование немецкими фашистами «национальных частей»... С. 374.
- ¹²¹ *Дробязко С.И.* Указ. соч. С. 154–155.
- ¹²² *Гилязов И.А.* Указ. соч. С. 183.
- ¹²³ *Александров Г.А.* Указ. соч. С. 143–150.
- ¹²⁴ ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 48. Л. 14–14 об.
- ¹²⁵ *Александров Г.* Военнопленные из республик Поволжья на службе фашистской Германии // Лик, 2009. № 1. С. 131.
- ¹²⁶ ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 642. Л. 34 об.
- ¹²⁷ Там же. Л. 15, 25 об., 35 об.
- ¹²⁸ Там же. Л. 35 об.
- ¹²⁹ Там же. Д. 82. Л. 31.
- ¹³⁰ Там же. Д. 466. Л. 6 об.
- ¹³¹ Там же. Д. 1. Л. 5–5 об.
- ¹³² Там же. Д. 36. Л. 2.
- ¹³³ Там же. Д. 1. Л. 5.
- ¹³⁴ Там же. Д. 499. Л. 7 об.
- ¹³⁵ Там же. Л. 8.
- ¹³⁶ Там же. Д. 46. Л. 24.

¹³⁷ Там же. Д. 18. Л. 5 об.

¹³⁸ *Бурмистров В.М.* Живите и помните. Чебоксары, 2007. С. 271.

¹³⁹ История Чуваши новейшего времени. Книга I. Чебоксары, 2001. С. 252–253.

¹⁴⁰ В первой половине 1941 г. немецким командованием были сформированы два украинских батальона: «Роланд» и «Нахтигаль», которые принимали активное участие в войне на стороне Германии. Наиболее известна деятельность батальона «Нахтигаль», который в июле 1941 г. учинил погромы в г. Львов, в ходе которых были убиты свыше 4 тыс. евреев. Из украинцев была создана дивизия СС «Галичина», которая вела антипартизанскую борьбу в странах Европы, подавляла в 1944 г. Словацкое восстание.

¹⁴¹ ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 126. Л. 12, 17 об.–18.

¹⁴² *Черепанов М.* Они спасли честь народа // Открытый урок, 2008. № 2. С. 1, 3.

D.A. Zakharov. Natives of Chuvashia in German captivity in the years of the Great Patriotic war.

During the Great Patriotic war over 20 thousand natives of the Chuvash ASSR were in German captivity. They were put to the cruel physical and psychological tortures, were killed in prisoner-of-war camps. Some prisoners joined the Legion «Idel-Ural», but they did not fight against the Red Army. Most of the captivated natives of Chuvashia kept loyalty to the Motherland.

ЧГВ, 2010 г., № 5
© Н.И. Егоров

ОГУР-ПЃЛХАР-ЧЃВАШ ЭТНОГЛОТТОГЕНЕЗЁН ТЁП ПРОБЛЕМИСЕМ (Авалхи тапхър)

Рассматриваются узловые проблемы этноглоттогенеза и ранних этапов этнической истории народов Центральной (Срединной) Азии, преимущественно тюркских. Сформулированные в работе положения во многом являются революционными и требуют самой жесткой проверки со стороны специалистов. Если хотя бы половина из высказанных здесь положений и гипотез найдет подтверждение со стороны независимых экспертов, придется кардинально пересмотреть всю устоявшуюся концептуальную парадигму древней и средневековой истории народов Центральной Азии и их языков.

Ключевые слова: этноглоттогенез, Центральная Азия, эпоха раннего металла; карасукская культура, культура плиточных могил; номады, индоиранцы, прототюрки, восточноиранские племена; дунху, сюнну, ухуани, сяньби, жоужани, огуры, болгары, гунны, теле, тюркюты, монголы, угры, венгры, чувашаи.

Тёрёк чёлхисен тата тёрёк халхёсен авалхи историйёнче усълса ситмен, татса паман е, унтан та ытларах, пачах та пётраштарса янъ ыйтусем питё нумай. Чаннипе эфир хамъран авалхи историне начар пёлетпёр. Шел пулин те, ку таранчен кун суги курнъ палларах ёссенче те чанлха тёрлё гипотезасем хушласа тараçсё. Çакъ, нимрен малтан, эфир чёлхе историне халх историйёнчен татса хайне уйрам тёлченинчен килет.

Хальхи тапхърта тёрлё гуманитари наукисенче пуханна материала пёр сёре пётёстерсе, интеграцилесе тёлчесси питё актуалла. Чёлхе пёлёвне аталантарма уйрамах археологи, этнокультурологи, политика историйё, антропологи, палеогеографи тата ытти хаш-пёр наукасем пухна материала пёлни пулшпашь. Анчах та пирён хальлехе тёрлё гуманитари дисциплинисене курттаман, комплексла тёлчеме пултгаракан специалистсем сук-ха.

Николай Иванович Егоров – доктор филологических наук, заведующий отделом языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Кёске хыпарта пур җивёч ыйтусене уҗса пама мар, асанса тухма та җук. Җаванша та нумай тавлашуллă япаласене те аксиома ыраңне йышанма тивет.

Чёлхе пёлёвёнче җак постулатсене төпе хурăпăр:

1. Алтай пёрлөхё җинчен калакан гипотеза йанан; төрөк, монгол тата тунгус-маньчжур чёлхисем пёр кăкран хунаса кайман, вёсен хушшинчи пёрлөх пирён эрăри II-мөш пин суллахра кăна аталаннă.

2. Прототюрксем Z-чёлхене каласнă, въл чёлхен төп палисем огуз ушкăнёнчи хальхи чёлхесенче лайăхрах упранса юлнă; төрөк чёлхисен ытти ушкăнөсем авалхи огуз (кăк огуз) чёлхинчен хунаса кайнă. (Кунта «огуз» термина анлă пёлтерөшпе – огуз, карлук, кыпчак чёлхисен пёрлөхне (гиперсоюзне) палăртма усă курнă.)

3. Кăк огуз чёлхинчен ротацизмлă огур чёлхи – хальхи җаваш чёлхин никёсё – 2500–3000 җула яхън авал уйрăлса кайнă.

4. Пирён эрăчченхи VIII–VII өмөрсенчен тытанса пирён эрăри VI өм. таран Вăтаҗёр Азире R-төрөк чёлхи (огур чёлхи) анлă сарăлнă, въл стандартлă төрөк чёлхисене Монголи җёсен хирёсенчен хёссе кăларнă.

5. Пирён эрăри I пин суллахан пёрремөш җурринче Еврази җёсен хирёсенчи тухăҗ иран чёлхипе каласакан халăхсене R-чёлхеллө огурсем төрөклетме тытанасҗё.

6. Пирён эрăри VI өм. варринчен тытанса Еврази җёсен хирёсене стандартлă Z-төрөк чёлхи (огуз чёлхи) иккёмөш хут төрөклетме пуҗлать.

Истори төлөшёнчен җак постулатсене төпе хурăпăр:

1. Кăк төрөксем энеолит тапхәрөнчен тытанса пирён эра пуҗламăшөччен Вăтаҗёр Азире, төрөсрөх каласан, Хёвелтухăҗ Монголире пурăннă; вёсенчен «чул куринккесен культури» (культура плиточных могил) юлнă.

2. Кăк монголсене (протомонголсене) *хэнтэй* археологи культурипе җыхантарма май пур.

3. Кăк төрөкёсенчен анăҗарах сарăлнă Афанасьево, Андроново, Карасук, херексур, Майэмир, Пазырык, Саглын, Тагар археологи культурисене индоарисем, тухăҗ иран йăхөсем хăварнă.

4. Монгол йăхөсем истори арени җине пирён эрăри I–II пин суллахсен чиккинче кăна тухасҗё, унчен вөсем Амур шывё тавралăхөнче върманлă-туллă ыраңсенче сунар ёҗёпе пурăннă.

Халь каласа тухнă «аксиомăсем» пурте пекех тавлашуллă. Анчах та юлашки 40–50 җул хушшинче пичетленсе тухнă авторитетлă ёҗсем вөсем төрөс пулнине, малашне җак постулатсем җине таянса ёҗлеме кирлине җирөплетесҗё.

Ку ёҗре эпё маларах каласа тухнă «аксиомăсене» җүтсе явса җирөплетесшён.

Төрөк этноглоктогенезэн чи авалхи тапхәрәсем Еврази континентчән тухәсри пайәнче – Вәтаҗәр Азипе Кәнтәр Ҷепәрте – Алтайран пуҗласа Хингана җити тәсәлса ыртакан вәрманләсәсен хирлө тәрәхра аталанса пынә. Ҷак аслә регион күрпәллө цивилизациясемпе те, вәрман тата сәсен хир тәрәхәсенчи ытти этносемпе те тачә сыхәнса аталаннә. Миграци процесәсем мән авалтан Аслә Ҷәсен хирти сүлсем тәрәх пулса пынә. Төрөксен этногенезепе халәх историйә тухәс иран әрәвәсемпе тачә сыхәнса аталаннә. Төрөсрех каласан, халыхи төрөк халәхәсенчен ытларәхәшпә – төрөкленсе кайнә авалхи тухәс иран йәхәсем тесен те юрать.

Археологсемпе историксем Вәтаҗәр Ази регионәнче пурәннә авалхи халәхсен этнос сән-сәпатчә энеолит тапхәрәнчен палеометалл (бронза) саманине кушнә вәхәтра паләрма тытәннә теҗсә.

Антропологи теләшәнчен пәхсан, палеометалл саманинче Вәтаҗәр Азире икә төрлө халәх пурәнни курәнать: анәсра – индоевропеоидсем, тухәсра – монголоидсем (төрөсрех – монголоидсен палеоҗепәр юппи). Вәсен хушшинчи чикә, халыхи Монголине сурмалла уйәрса, Аслә күлөсен айләмә тәрәх сурәсртен кәнтәралла каҗать.

Анәсра пирән эрәчченхи III пин сүлләх варринчен тытәнса умлә-хыҗлә Афанасьево (XXV–XVIII әм.), Окунево (XVIII–XII әм.), Андроново (XIV–XI әм.), Карасук (XI–VIII әм.), Тагар (VII–III әм.) археологи культурисем улшәнса пыраҗсә. Ҷак археологи культурисене хәварнә авалхи халәхсем пурте ыльбәх-чәрлөх әрчетсе пурәннә (Окунево культурина ыльбәх-чәрлөх Афанасьево культуринчен кушнә)¹.

Анәсри археологи культурисене төпчевәсәсем индоевропа, индоиран, тухәс иран халәхәсемпе сыхәнтараҗсә.

Тухәс Монголире пирән эрәчченхи III пин сүлләхран тытәнса сунарәсемпе пуләсәсен хәйне евәрлө Селенга–Даур культури аталанать, палеометалл саманинчен тытәнса хуннсен саманине җити «чул куринккесен культури» төп ырән йышәнса тәрәть. Бронза әмәрәнче тухәсри халәхсем ыльбәх-чәрлөх усрама пуҗлаҗсә те кәсех чән-чән номадсем пулса тәраҗсә. «Чул куринккесен культурина» хәварнә монголоид сән-сәпатлә авалхи әрусене прототөрөксем тесе шутламалла². Төрөк халәхәсен историйә җав тапхәртан аталанса пырать.

Хәш-пәр төпчевәсәсем «чул куринккесен культурина» авалхи монголсем хәварнә тесе шутлаҗсә, анчах ку төрөс мар³. Монголсем пирән эрәри II пин сүлләх пуҗламәшәнче кәна чән-чән номадсем пулса тәраҗсә. Кун пирки кәшт каярах калаҗәпәр.

Пушлеве җәмәллатас тесе малашне кәк төрөксене кәскен «огузсем» тейәпәр, анәсри археологи культурисене хәварнә халәхсене «тухәс ирансем» (с «саксем») тейәпәр.

Тухаҕ ирансемпе огузсем пирён эрӕчченхи II-I пин суллахсен чиккинче, Вӕтаҕер Азире Карасук археологи културин аталаннӕ вӕхӕтра, тачӕ хутшӕнма пусланӕ⁴. Ҙакӕ чӕлхере лайӕх палӕрса юлнӕ.

Тӕрӕк чӕлхинчи хӕш-пӕр выльӕх-чӕрлӕх тата металл ячӕсене тӕпчевчӕсем чылайранпа индоевропа чӕлхинчи сӕмахсемпе сывӕхлатаҕсӕ. Темиҕе тӕслӕх илсе пӕхар⁵.

Кӕк тӕрӕк чӕлхине индоевропа чӕлхисенчен сӕм авалах кӕнӕ выльӕх-чӕрлӕх ячӕсем:

***alaša** «ут»: чӕваш. *laša* < пӕлхар. **ulaša* (→ удмурт. *ulošo*); ҕыру монгол *layusa* «мул» (ашакпа лапа хутӕшӕ) ← иран.: осет. *lasg* «ӕҕ выльӕхӕ», санскр. *rāsabha* (< *rāsabha*) «ашак, мул»;

***at** «лапа», тур. *at*, чӕваш. *ut*, с.-юг. *hat*; монгол. *ayta*, халх. *aχt* «кастарнӕ ӕйӕр» (← огур. **aχt*) ← иран.: перс. *ahtā* «кастарнӕ ӕйӕр», санскр. *ṭya* «ут, лапа»; *atyā* «кӕсре»;

***baran** «путек»: чӕваш. *puran*, *pāram*, тут., пушк. *bṛṛn*, тур. *bere* (← перс.) «путек» ← иран.: перс. *barra*, афг. *wray*, осет. *wṛ*, пехл. *warrag*, санскр. *ṛana* «така»;

***buqa** «вӕкӕр»: туркм. *buqa*, чӕв. *pāha*; монг. *buха* (← огур. **buqa*), венгр. *bika* (← ав. пӕлхар. **būqa*, **bīqa*) «вӕкӕр» ← иран.: осет. *bog*, *boga*, перс. *boge*, слав. **byкъ*, кельт. **boukkō* «ӕне»: корн. *buch*, ав. кимр. *buch* «ӕне»;

***buzayu** «пӕру»: ав. тӕр. *buzayu*, чӕваш. *pāru* ~ *pārāv-*, венгр. *borj* (< **boraw* ← ав. пӕлхар. **burawū*); ҕыру монг. *birayu(n)*, халх. *bārū* «пӕру» ← иран.: хот.-сак. *basak*, язгул. *wīs*, ишкашим. *wuṣuḳ* (< **wata-* + *-aka-*), осет. *wəxs*, *všs* «пӕру»; танл.: фин. *vasikka*, эстон. *vasikas*, ирҕе *vas* (← иран.) «пӕру»;

***eḳḳ** (кыпчак.), ***keḳḳi** (огуз.) «качака»: ав. тӕр. *keḳḳi*, чӕваш. *kaža*, *kažaGa* (< **kažāGa* < ав. пӕлх. **kḳḳik* → венгр. *kecske*) «качака» ← иран. **kazyā-* + *-ka-* < и.-е. **kaḡo* (> вырӕс. *koza*), акӕлч. *hēcən* «качака»; кыпч. *eḳḳi* ← иран. **ajā-* + *-ka-* (< и.-е. **ag'-*, *ag'jo*): санскр. *ajā-*, *ajikā*, вӕта перс. *azak* «качака»; танл.: санскр. *chāgā-*, осет. *šжү* (→ морд. *sava*) «качака»;

***ḳḳz** «кастарнӕ вӕкӕр»: ав. тӕр. *ḳḳz*, *ḳḳz*, якут. *оуос*, *оуус*, узбек. *hḳkiz*, чӕваш. *vāGār* < огур. **ḳḳr* (→ монг. *ḳḳer*, халх. *ḳḳḳ*) > ав. пӕл. **ḳḳr* ~ **ḳḳr* (→ венгр. *ḳḳr*, ? осет. *kʷyr* / *kur* «вӕкӕр», ? болгар. *buхer-veger* «вӕкӕр») ← иран.: авест. *uχsā-*, санскр. *ukṣā-*, тохар. В *okso*, акӕлч. *оχ*, ним. *Ochse* «вӕкӕр»;

***qatṛ** «мул» (лашапа ашак хутӕшӕ): ав. тӕр. *qayātṛ*, *qatṛ*, туркм. *Gatṛ* (→ монг. *qalir* «мул» → кӕрк., тут. *qalṛ*, каз., к.-калп. *qaṣṛ*, узб. *halir* «мул») ← иран. **χara-tara* «ҕурма-ашак» (ср. перс. *astar* «мул» < **aspa-tara-* «ҕурма-лаша»): согд. *γrtr'k*, хотан. *khadara-* «мул» (перс. *qātir* ← тюрк. *qatṛ*; шугн., руш., хуф. *qalir*, сарык., язгул. *χalir*, ягн. *χalir*, афг. *χalir(a)*, пушт. *χalir* т. ыт. ← тӕрӕк., монг. *qalir* «мул»);

***tāna** «тына»: туркм. *tāna*, азерб. *dana*, кәрк., каз., узб., нухай., тут. *tana*, чав. *tāna* < ав. пәлхар. **tāna* (→ венгр. *tin*) «тына» ← иран. **dhe^xinuh-*, авест. *daēnu-* «ама вьльбәх», пехлеви *dēnōdag* «сәван вьльбәх», санскр. *dhāna* «сәвакан ёне»;

***tawar / tawar** «шултра вьльбәх»: ав. тәр. *tavar* «вьльбәх, мул, пуяшләх», Тефс. (XII–XIII ём.) *tawar*, *tawar* «вьльбәх, мул», тур. *davar* «вак вьльбәх»; венгр. *tār* (← ав. пәлхар. **tawar*), чаваш. *tawar* «мул, тупра» (← тутар.) ← иран., танл.: и.-е. **thawro* «хир ёни», грек. *ταῦρος* «вәкәр», латин. *taurus* «вәкәр», славян. *turǔ*, ав. вырәс. *турь* «хир ёни»; авест. *staora-* «шултра вьльбәх», осет. *stur / stor* «вәкәр, ёне», пехлеви *stōr*, перс. *sutur*, гот. *stiur* «вәкәр» (танл.: чаваш. *pūs* «вак укҫа») ← иран. *pasu-* «вак вьльбәх, сурәх», авест. *pasu-* «вьльбәх, сурәх», ав. инд. *paśu-* «вьльбәх», согд. *psw* «сурәх», хотан. *pasa-*, пехлеви *pah*, тальш. *pas*, афган. *psə*, осет. *fus* «вак вьльбәх, хүй сурәх» < и.-е. **peku-* «вак вьльбәх, сурәх»;

***teke** «хир качаки, качака таки»: ав. тәр. *teke*, тур. *teke*, азерб. *tēkē*, тув. *dege* «хир качаки таки», чаваш. *taGa* «така» < огур. **tēkē* (→ монг. *teke*, халх. *teḡ* «хир качаки») ← иран.; ср., арм. *tik* «сәран хутаҫ, бурдюк», норв. *tikka*, грек.-фраг. *δια αἰζ* «качака», немҫ. *Ziege* «качака» < и.-е. **tīg[h]* «качака» т. ыт. те.

Индоевропа чөлхисенчен кәк тәрәк чөлхине кенә хәш-пәр металл ячәсем:

***jez** «йёс»: ав. тәр. *jez*, *jiz*, азерб. диал. *jez*, тутар. *jěz*, *žiz*, казах. *jez*, тув. *jez*, хакас. *jis* «сарә пәхәр, йёс», чав. *jēs* (← тутар.) «йёс», ав. чав. **sir* (→ тутар. *šišel šir* «ешәл сенкер»; мордва-мәкшә *šira* «пәхәр»; коми *sir-is* «тәхлан») < огур. **žer* «йёс, туй, бронза» (→ монг. *žer žebe* «бронза хёҫ-пәшал», пуҫласа «йёс ухә йёппи», халх. *žer zewser* «хёҫ-пәшал»; сыру монг. *jez*, *jes*, *jiz*, халх. *zes*, бурят. *zed* «пәхәр», калм. *zes* «йёс» ← тәрәк. *jez*) ← и.-е. **Haiēs- / *Haios-* «металл», ари. **aias-*, ав. инд. *ayas-*, ав. иран. *ayah-*, genitif *ayah* «металл, тимёр», «тимёр кәрал, хёс, ҫёҫё», авест. *ayah-*, genitif *ayahō* «руда, тимёр», латин. *aes*, genitif *aeris* «пәхәр, бронза», гот. *aiz* «руда»;

***baqr** «пәхәр»: ав. тәр. *baqr*, карач., балк., караим. *baqr*, каз., нухай., пушк., тутар. *baqr*, алтай. *baqr*, чулым. *pāqar*, чув. *pāHār* «йёс, пәхәр» ← и.-е. **bhāgh-* «хёрлө»: вед. *babhru-* «хёрлө-хәмәр, кёрен»; слав. **bagrь*, вырәс. *багровый* «тёттём хёрлө, кәвак хёрлө»; ав. вырәс. *багрь*, *багьрь*, *багрь* «тёттём хёрлө»; танл.: вырәс. *багно*, чех. *bahno*, поляк. *bagno* «путләх» (шурләх руди тухакан вырән); пёлгерешә аталаннине танлаштарма: и.-е. **r(c)udⁿ-* «хёрлө металл, пәхәр, хёрлө тёс»; вырәс., украин. *руда* «тимёр тәпри», «юн»; белорус. *руд* / *руд* «лапра, шур», «руда»; литва. *rudas* «сарә», «хәмәр», «тимёр тәпри тёсё»; авест. *raoidita-* «сарә-хёрлө, ҫутә хәмәр»;

***tem**𐎠𐎢𐎡 «тимёр»: азерб. *d̄mir*, туркм. *demir*, уйг. *t̄m̄r*, каз., узб., к.-каш., нухай. *temir*, тугар., пушк. *tim̄er*, лебед. *debir*, хакас. *tim̄er*, якут. *timir*, чăваш. *tim̄er* «тимёр», *tim̄er-t̄m̄ar* «металл» < огур. **tem*𐎠𐎢𐎡 (→ монг. *tem*𐎠𐎢𐎡, халх. *t̄m̄r*) «тимёр» ← иран.; танл.: санскр. *t̄amr̄* «пăхăр», «хура хёрлѣ», «хăмăр», «кѣрен», «тимре», «хёрлѣхен», «пăхăр», *t̄amratā* «пăхăр тѣслѣ», «тѣттѣм хёрлѣ», «çăра хёрлѣ»; танл.: санскр. *t̄amaṣa*, *t̄amaṣa* «тѣттѣм», «тѣксѣм»; авест. *t̄amah-*, перс. *t̄m*, вырăс. *тъма*, нимѣç. *dēmar* «тѣттѣм» < и.-е. **temes-* «тѣттѣм, тѣксѣм». Кунта сăмах семантики аталанăвĕн çулѣсем кăсăк. Санскрит чѣлхинче *t̄amr̄* сăмахăн «пăхăр»; «пăхăр тѣсѣ», «тѣттѣм хёрлѣ», «хёрлѣ хăмăр»; «хёрлѣхен», «хёрлѣ шатра», «тимре» й̄шши пѣлтерѣшѣсем пур; танл.: санскр. *t̄amr̄* «пăхăр»; *t̄amraka* «пăхăр»; *t̄amra-kutta* «пăхăрçă»; *t̄amra-ūḍa* «хёрлѣ киккирик», «автан»; *t̄amratā* «пăхăр тѣсѣ», «хёрлѣхен»; *t̄amra-dhūmra* «тѣттѣм хёрлѣ», «хёрлѣ-кăвак» (танл.: чăв. *тимёр-тăмăр*); *t̄amra-akṣa* «хёрлѣ куç»; «курак»; *t̄amrika* «пăхăртан тунă япала»; *t̄amra-oṣṭha* «хёрлѣ тута» т. ыт. те. Сăмахăн куçăмлă, иккѣмѣшле пѣлтерѣшѣсене тѣрѣк чѣлхисенче те куратпăр, тур. *temreli*, *temriye*, азерб. *d̄mrev*, туркм. *demrew*, тугар. *timr̄w*, пушк. *tim̄er̄w*, чăваш. *timre*, каз. *temiretke* «тимре», «хёрлѣхен», «хёрлѣ шатра», «шатра чирѣ», «экзема». Çакă авалхи тѣрѣксем *tem*𐎠𐎢𐎡 сăмаха индоиран чѣлхинчен илине лайăх ĕнертесе парать.

Тимёр сăмахăн пѣлтерѣшѣ çапларах аталанса пынă пек туйăнать, «тѣксѣм, тѣттѣм» > «хура хёрлѣ, хăмăр, кѣрен» > «тимёр тăпри, руда» > «пăхăр» > «металл» > «тимёр». Санскрит чѣлхинче *t̄amr̄* «пăхăра» кăна пѣлтерет-ха, тѣрѣк чѣлхисенче çак сăмах «тимѣре» пѣлтерме тытăннă. Урăхла каласан, тѣрѣк чѣлхисенче «тѣслѣ металл» ячѣ «хура металл» ячѣ пулса тăнă. Çакă пире сăмах историне бронза ĕмѣрѣе тимёр ĕмѣрѣ чиккинче пырамаллине кăтартса парать. Çапла вара огуз тѣрѣксемпе тухăç иран ħăвѣсем бронза ĕмѣрѣе тимёр ĕмѣрѣ чиккинче хутпăнма тытăнине пѣлетпѣр.

Кăк тѣрѣксемпе тухăç иран ħăвѣсен хушшинчи авалхи сыхăнусен вăхăтне тата çак сăмахсем лайăх кăтартса парасçĕ:

***qnl**𐎠 «хѣç»: ав. тѣр., туркм. *qnl̄*, якут. *qnl̄s*, чăваш. *çĕç* (< *çĕlĕç*) «хѣç» ← иран.: авест. *karəti-*, афг. *l̄āra* (< **kartyā-*), ягн. *kārt*, согд. *krt*, вахан. *kō* (< **karti*), сангл. *kīl* / *kēl*, ишкаш. *kēl*, *kil*, йидга *кѣго*, осет. *kard* «çĕçĕ», «хѣç», ав. иран. *kṛtiḥ* «кинжал», «çĕçĕ», «кѣске хѣç», «акинак»;

***uzengi** ~ ***ezege** «йăрана (йĕнер пускăчи)»: туркм. *uzengi*, кăрк. *uz̄ngi*, гагауз. *juzengi*, тув. *ezege*, хакас. *izege*, якут. *isege*, *iñese*, чăваш. *jărana* (< **ezege*), *ĕZenGĕ* (← тугар. *ūz̄ngĕ*) «йăрана» ← иран. **zanga-* (< и.-е. **ghengh-*) «çÿре», «утăм ут»; «утăм», «пусăм»; «ура»: ванеци *zung*, пехл. *zang* «пѣçĕ», авест. *zanga-* «пакăлчак», ав. инд. *janghā-* «пѣçĕ», перс.

zang, осет. *zæng* «пёсё», курд. *zangâl* «чълха», «кунча», *zangû* «йърана», перс. *zangal*, *zangar*, осет. *жængoј* «чълха»; сакантан эпир *йърана* сáмахан тѣпри пѣлтерѣшѣ «урана тълханмалли япала» пулнине пѣлетпѣр; т. ыт. те.

Ку сáмахсем, пѣр енчен, кáк тѣрѣкѣсемпе тухáç иран йáхѣсен хушшинчи хутшáнусем палеометалл саманинче, тепѣр енчен, Вáтаçѣр Азире юлан ут утланса çýрес áсталáх аталаннá тапхáрта йѣркелесе кайнине кáтартса парáççѣ.

Хáй вáхáтѣнче С.И. Вайнштейн йѣнерпе (eуег) йáранана (Pzengi) авалхи тѣрѣксем шутласа кáларнá тесе сырнáччѣ⁶. Áна хирѣслесе Л.Р. Кызласов «VI–VIII ѣмѣрсенче пурáннá тѣрѣксене вѣсенчен нумай çѣр çул малтан аталанса кáйнá япаласене шутласа кáларнá пек кáтартаççѣ» тесе сырчѣ⁷. Хальхи вáхáтра историксем йѣнерпе йáранана авалхи тѣрѣксем Анáç Ази халáхѣсенчен йышáннине татса панá темелле (А.К. Амброс, И.Л. Кызласов, С.И. Вайнштейнпа М.В. Крюков т. ыт. ѣççем), анчах та йáрана Вáтаçѣр Азине пирѣн эрáри I пин çулáх варринче мар, нумай маларах пырса кѣнѣ. Ешле пулсан та, тѣрѣксем йѣнерпе йáранана кáк тѣрѣк пѣрлѣхѣ огуз тата огур юпписене пайланса кайиччен, Р-тѣрѣк чѣлхи уйрáлса тухиччен нумай малтан пѣлнѣ. Çакна *uzengi* сáмахан ротацизмлá чáвашла варианчѣ (*járana*) лайáх кáтартса парать. Чѣлхе материалѣ кáтартнá тáрáх, прототѣрѣк áрáвѣсем *ѣсенкѣ* ~ *йърана* таврашне пирѣн эрáчченхи I пин суллáх пуçламáшпѣнчех тухáç иран йáхѣсенчен илини палáрать.

Индоевропа (индоиран, тухáç иран) чѣлхисенчен прототѣрѣк чѣлхине кѣнѣ сáмахсен шучѣ самаях пысáк. Манáн «Чáваш чѣлхин истори-этимологи словарѣ» валли хатѣрленѣ картотекáра вѣсен пѣтѣмѣшле хисепѣ 500-тен те иртет. Вáл шутра выльáх-чѣрлѣх тата металлурги терминологийѣ историшѣн уйрáмах кáтартуллá.

Тѣслѣ металл ячѣсем прототѣрѣксемпе авалхи тухáç иран йáхѣсен хушшинчи хутшáнусем бронза ѣмѣрѣнчех пуçланса кайнине палáртса тáраççѣ. Вáтаçѣр Азире бронза ѣмѣрѣ пирѣн эрáчченхи III–II пин суллáхсен чиккинче пуçланать. Прототѣрѣксем бронза металлургине пирѣн эрáчченхи II пин суллáхáн вѣснелле алла илещѣ. Ку вáхáталла «чул куринккесен культури» территорийнче «карасук бронзи» сарáлма тытáнать. Пирѣн эрáчченхи I пин суллáхра Монголире тимѣр ѣмѣрѣ пуçланать. Çаксене асра тытса, эпир авалхи иран йáхѣсемпе прототюрксен хушшинчи сыхáнусем сахалтан та пирѣн эрáчченхи II–I пин суллáхсен чиккинче, с паянхи кунран пѣр 3 пин сула яхán авал пуçланса кáйнá теме пултаратпáр.

Пирѣн эрáчченхи XIII–VIII ѣмѣрсенче Анáç Монголире Карасук археологи культури аталанать, Тухáç Монголире «чул куринккесен культури» вáй илет. Карасук культурин витѣмѣ хáй

вӕхӕтӕнче анӕсра Тухӕс Европӕна, тухӕсра Китая сити сарӕлнӕ пулнӕ. Хӕш-пӕр тӕпчевсӕсем Китая бронза металлургийӕ Карасук культуринчен кӕнӕ тесе шутлацсӕ⁸. Тӕпчевсӕсем Карасук археологи культурине хӕварнӕ халӕха авалхи китаи хроникисенчи динлин ӕрӕвсӕсем тесе шутлацсӕ. Антропологи тӕлӕшӕнчен динлинсем индоевропеоидсем пулнӕ⁹. Сапла вара татӕклӕнах кӕк тӕрӕксем бронза металлургине карасуксенчен (динлинсенчен) вӕрӕннӕ теме пулать. Металлиран тунӕ чылай япаласен ячӕсем тӕрӕк чӕлхисене индоиран чӕлхисенчен кӕни те сӕк шухӕша сирӕплетсе тӕрать.

Тӕрӕк чӕлхинчи выльӕх-чӕрлӕх ячӕсен историйӕ те прототӕрӕксем карасуксемпе (динлинсемпе) хутшӕнса пурӕннине кӕтартса парать¹⁰. Вырӕн хӕсӕк пирки, хамӕр шухӕшӕмӕра пӕр сӕмах историйӕпе кӕна сирӕплетӕпӕр.

Тӕрӕксем [k]z (~ чӕваш. *văGăr*) «кастарнӕ вӕкӕр» сӕмаха индоевропа чӕлхисенчен илни Б. Мункачи ӕсӕсенченех паллӕ¹¹, унтанна ку шухӕша никам та хирӕсӕмен. Хӕшӕсем [k]z сӕмаха тӕрӕксем тохар чӕлхинчен (тохар. В *okso* «вӕкӕр») илнӕ теме пӕхацсӕ, анчах ку шухӕшпа килӕшме йывӕр.

Тохарсем Тухӕс Туркестанра (Синьцзяньра) тӕплеусе пурӕннӕ, кӕк тӕрӕк ӕрӕвсӕсем Керулен шывӕ тӕрӕхӕнче чӕмӕртаннӕ; вӕсен хушшинче кацса сӕреме йывӕр пушӕ хирсем тата сӕртлӕ-туллӕ тем анлӕш территории сарӕлса вьртнӕ. Савӕнпа та кӕк тӕрӕксемпе тохарсен хушшинче бронза саманинче те, каырах та хутшӕнусем пулма пултарайман. Савӕнпа вара [k]z сӕмахӕн кӕкӕ-несӕлӕсене урӕх сӕрте шырама тивет.

Индоевропа чӕлхинчи **uk^ws-en-* «кастарнӕ вӕкӕр» сӕмахӕн авалхи иран чӕлхинчи **ukšan-* хурӕнташӕ авеста чӕлхинче пулнӕ (авест. *uχšā*, *uhšan-* «ӕне выльӕх аси, вӕкӕр»); унӕн малалли тӕсӕмӕ вара тухӕс иран тата памир чӕлхисенче кӕна сыхланса юлнӕ; танл.: ягноб. *kišok* «кастарнӕ вӕкӕр» (< **ukšā-ka-*); [labug (топоним) (< **uχšā-pr̥tu-* «вӕкӕр кацси»); мунджан. *kūyō*, *kūwō* (< **ukšā-ka-*), йидга *qīāy*, шугнан. *χīj*, рушан. *χōj*, хуф. *χōj*, бартанг., рошорв. *χōj*, сарыкол. *χeј* (< **uχšā-ka-*) «кастарнӕ вӕкӕр», язг. *χān* (< **uχšān-* + ама несӕл аффиксӕ **-ā*) «ӕне», ишкашим. *kyūk*, сангл. *kuūk* (< **ukšā-ka-* < **ukšan-*) «кастарнӕ вӕкӕр» т. ыт. те¹². Ытти иран чӕлхисенче авалхи **ukšan-* «кастарнӕ вӕкӕр» сӕмахӕн хурӕнташӕсем ӕлӕкех сухалнӕ¹³.

Сапла вара, кӕк тӕрӕк чӕлхине [k]z «кастарнӕ вӕкӕр» сӕмах тухӕсри индоиран чӕлхисенчен пӕринчен кӕна кӕме пултарнине аван куратпӕр. Бронза ӕмӕрӕнче прототӕрӕксем карасуксемпе тачӕ хутшӕнса пурӕннине пӕлетпӕр ӕнтӕ. Шӕпах пирӕн эрӕчченхи II–I пин сӕллӕх чиккисенче прототӕрӕксем куцса сӕрекен номадсем пулма тыгӕнацсӕ; «чул курункесен культури» территорийӕнче «карасук бронзи» сарӕлать, «пӕланлӕ чулсем» палӕрма пуцлацсӕ,

Анаҫ Монголире урапалла петроглифсем сарӑлаҫҫӑ¹⁴. Ҫаксем пурте пӑрле индоари тата индоиран сӑмахӑсем кӑк тӑрӑк (огуз) чӑлхине карасук йӑхӑсен чӑлхинчен кӑме тытӑннине кӑтартса параҫҫӑ.

Кӑк тӑрӑк чӑлхинче, паллах, аҫа чӑр чуна палӑртмалли мелсем пулна. Кастарса йӑвашлатна хуҫалӑхра кӑлсе сӑреме кирлӑ вӑкӑра тӑрӑксем [k/z] сӑмахпа палӑртма йышӑнна. Тухӑҫ иран чӑлхисенче *uxšan кастарна вӑкӑра пӑлтерет. Ҫакӑнтан вара кӑк тӑрӑкӑсен сахалтан та пӑр 3 пин сула яхӑн авал урапалла транспорт пулнине, вӑсем вӑкӑр кӑлме тытӑннине курапӑр. Тӑрлӑ халӑхсем вӑкӑра урапа е акапуҫ кӑлме тытӑнсан кастарса йӑвашлатма тытӑннине тӑпчевӑҫсем такҫанах асӑрханӑ. В.И. Цалкин, В.А. Шнирельман т. ыт. те вӑкӑрсене урапа шутласа кӑларсан тата акапуҫне кӑлме тытӑнсан кӑна кастарма пуҫланине лайӑх ҫырса кӑтартна. Вӑкӑра кастарса йӑвашлатма авалхи шумерсемех аван пӑлнӑ. Индоиран халӑхӑсем вӑкӑра кастарма Малти Азире пурӑнна чухнех вӑренсе ҫитнӑ, унтан вӑсем ҫак ӗҫ Еврази ҫеҫен хирӑсем тӑрӑх салатна. Кӑк тӑрӑксем тухӑҫ иран йӑхӑсенчен кастарна вӑкӑр ятне йышӑннине кура эфир Монголи ҫеҫен хирӑсенче пирӑн эрӑчченхи III–II пин суллахсен чиккинчех урапалла транспорт сарӑлма пуҫланине чухласа илетпӑр. Ку шухӑша Анаҫ Монголире анла сарӑлна урапалла петроглифсем (тӑслӑхрен, Гоби квадриги) лайӑх ҫирӑплетесӧ. Урапа ӑсталама, паллах, металран тунӑ ӗҫ хатӑрӑсем кирлӑ пулна. Апла пулсан, Вӑтаҫӑр Азире сахалтан та 4 пин сула яхӑн авал металлургие тимӑр-тӑмӑр ӗҫӑ аталанна, тимӑрӑҫсем йывӑҫ каскаламалли ӗҫ хатӑрӑсем тума пӑлнӑ.

Ҫапла вара, пӑр *вӑкӑр* сӑмах историйӑ кӑна пире кӑк тӑрӑкӑсен культурин нумай енӑсене ҫутатса парать: вӑсен самаях аталанна выльӑх-чӑрлӑх ӗрчетес ӗҫ технологийӑ, металлурги, тимӑр-тӑмӑр ӗҫӑ, йывӑҫ каскалас ӑсталӑх пулна. Ку вӑхӑталла Вӑтаҫӑр Монголири петроглифсем ҫинче лапасем кӑлнӑ урапа ӑкерчӑкӑсем аталанаҫҫӑ (тӑслӑхрен, «Гоби квадриги» т. ыт.). Апла пулсан, кӑк тӑрӑксем 3 пин сула яхӑн авалах урапалла утла ҫар тытма пуҫланӑ теме те пулат. Епле пулсан та, Монголири петроглифсем ҫинче лапа кӑлнӑ урапасем кӑна тӑл пулаҫҫӑ, анӑҫри пек вӑкӑр (е пӑлан) кӑлнӑ урапа ӑкерчӑкӑсем ҫук. Ҫакӑ, манӑн шутӑмпа, Вӑтаҫӑр Азире пурӑнакан йӑркӑн халӑхсем урапана, уйрӑмах ҫар урапине (боевая колесница), кастарна вӑкӑр вырӑнне лапа кӑлме тытӑннине кӑтартса парать. Лапа кӑлнӑ ҫар ураписем хӑвӑртрах сӑренӑ, сул тытма та мелӑрех пулна. Ҫавна май вӑкӑр кӑлнӑ урапасемпе хуҫалӑх ӗҫӑсенче кӑна усӑ курма тытӑнна. Иран чӑлхиллӑ халӑхсенчен нумайӑшӑ ӗлӑк-авалах вӑкӑр кӑлсе сӑреме пӑрахна пулмалла. Ҫавна май вӑсен чӑлхисенчен кастарна вӑкӑра

пёлтерекен *uχšā* сәмах сұхалса пынә. Унән йёрёсем тухаҫ иран чёлхисенче кәна упранса юлнә.

Кәк төрөкөсемпе (огузсемпе) тухаҫ ирансен (карасуксен) хушшинчи хутшәнусенче икё төрлө тапхәр паләртма пулать.

Пөрремөш тапхәрта хутшәнусем контакт (интерстрат) мелөпе пулса пыраҫсё, огузсем (прототөрөксем) тухаҫ иран сәмахёсене йышәнаҫсё; металл шәратма пуҫлаҫсё, выльәх усрама тытәнаҫсё, йүркёне (номада) тухаҫсё. Ҷавна май ёлөкхи сунарҫәсем хәвәрт ёрчеме пуҫлаҫсё, «демографи взрывё» пулса иртет. Демографи взрывё кәк төрөк әрәвёсен пурнәҫ йёркипе экономика никёсё төпрен улшәннипе, вёсем экстенсивлә сунар ёсне пәрахса выльәх-чёрлөх ёрчетме, интенсивлә хуҫаләх тытма пуҫланипе сыхәннә. Сунар ёсёпе кәна тәранса пурәнма пёр ҫынна сахалтан та 2000 га ҫёр лаптәкё кирлө¹⁵, выльәх-чёрлөх ёрчетсе куҫса сүрекен пёр ҫынна тәранса пурәнма 180–190 га, курттәмлатса шутласан 2 км² ҫёр лаптәкё те ҫителөклө¹⁶. Ҷёр ёслесе, тыр-пул акса-туса пурәнакана ҫын пуҫне 0,1 га ҫёр лаптәкё те пурнәҫ тытма ҫителөклө¹⁷.

Сунарҫән пурнәҫсё пёр тикёс килмест: кайәк пур чухне пурнәҫ аван-ха, анчах кайәкё яланах тыттармасть. Сунарҫә кайәк хәваласа темиҫе кун та выҫә сүрет, унән кил-йышё те тәтәшах выҫә ларать. Ҷапла вара, сүт ҫанталәк халәх йышне хәх йёркелесе тәрать: сунар кайәкё нумай пулсан – халәх хунать, кайәка тытса пётерсен выҫләх пуҫланать, халәх ёрчеме пәрахать. Сунарҫәсен хушшинче хавшак сывләхлә индивидсем нумай пурәнаймаҫсё, вай-хәватлисем кәна пурнәҫа малалла тәсса пыраҫсё.

Выльәх ёрчетсе пурәнакан йүркөн халәхсен апат-ҫимёс яланах ал айёнче. Аш-какайра, сёт-турәхра калори нумай. Ҷавна май сунар ёсне пәрахса выльәх-чёрлөх ёрчетме тытәннә йәхсем хәвәрт хунама тытәнаҫсё. Сунарҫәсен пиншер сул хушши суйланнә вайлә генёсем выльәх-чёрлөх ёрчетме тытәнсан хайне евөрлө «демографи взрывё» патне илсе пыраҫсё. Халәх йышё усет, әна тәранса пурәнма выльәх-чёрлөх ытларах та ытларах кирлө пулать, пысәк кётүсене кётсе сүреме анлә ҫёсен хирсем кирлө...

Ёнерхи сунарҫәсем выльәх-чёрлөх кётме тытәнсан вәрмантан ҫёсен хире тухаҫсё те питё хәвәрт ёрчеме тытәнаҫсё. Ҷакна эфир Вәтаҫёр Азире истори арени ҫине тухнә нумай халәхсен кун-сулөнче аван курагпәр: йүркёне тухнә кирек мөнле йәх-әру та кёске вәхәтрах пётём Еврази ҫёсен хирёсене хай аллине ҫавәрса илме пултарать. Ҷакна эфир скифсен, саксен, сарматсен, сюннусен, огурсен, төрөксен, монголсен историйёнчен витёр курса тәрәтпәр.

Вәтаҫёр Азири пөрремөш демографи взрывё, манән шутәмпа, пирён эрәчченхи II–I пин суллахсен чиккинче кәк төрөксен (=протопюрксен) пёр пайё выльәх-чёрлөх усрама тытәннипе сыхәннә.

Савантан вара Ватаşёр Ази сешен хиренче тёрёксем (огузсем) хушаланма пушласшё. Ку вэхатра пёртен-пёр Z-тёрёк чёлхи кана пулнă.

Иккёмеш тапхартта огузсем вайланса ситесшё те тухас иран арăвёсене ассимиляцилеме тытанащё; хутшăнусем субстрат-адстрат-суперстрат мелёсемпе аталанма пушласшё.

Авалхи иран чёлхинче уйрам позицисенче, индоевропа чёлхинчи пекех, янравлă z сасă пулман¹⁸. Саванпа тёрёкленсе пыракан тухас иран йăхёсем огуз чёлхинчи z сасă вырăнне r сасă калама пушласшё. Урăхла каласан, огузланса кайнă карасуксем (е индоарисем) R-тёрёк диалекчёпе каласма тытанащё. Сапла вара Ватаşёр Ази сешен хирёсенче сёнё чёлхе – ротацизмпа ламбдацизмлă тёрёк чёлхи – пулса каять, апа анăсри тюркологсем «огур чёлхи» теме йышăннă.

Пирён эрăчченхи VIII ёмёрте карасук культуры сунет. Сак вэхатран вара **огур этносё** тата **огур чёлхи** пулса кайнă теме пулат. Китай хроникисем тăрăх, пирён эрăчченхи VII ёмёртен тытăнса Монголи сешен хирёсенче *жун* тата *ди* арăвёсем пуш пулса тăрасшё, каярахпа вёсене *ху* теме тытанащё. Сыма Цянь ёсёсенчен эфир Пысăк Хинган таврашёнче *шань-жун* («тушун»), *дун-ху* // *duŋ hu* («тухас ху») арăвёсем пурăнине пелетпёр. «Сапăсакан патшалăхсен саманинче» (пирён эрăчченхи 403–221 сс.) ёлэкхи *жун*, *ди*, *ху* арăвёсем вырăнне тухасра *сюнну* (*hsüung-nu*), анăсра *юэчжи* (*yüeh-chi*) йăхёсем вайланса каящё; *дун-ху* патшалăхё «чечеке ларать», *дун-ху* йăхёсене пурне те пёр патша тытса тăма тытăнать. Китайсем *дун-ху* тесе *сюннусенчен* тухасарах пурăнакан номадсене каланă. Вёсен шутёнче тёрлё йăхсем – *ухуань*, *сянби*, *мужун*, *тоба*, *шивэй*, *цифу*, *туфа*, *жоужань* (*жуань-жуань*), *кумоси*, *туюйхунь*, *кидань* т.ыт. арусем пулнă¹⁹.

Китай тёрчевсисем, О. Притсак тата ытти хăш-пёр тюркологсем авалхи китай хроникисенчи йăх ячёсене сапла идентификацилесшё, *ухуань* (*wu-huan*) – *огур*, *сянби* (*šjŋh-bi*, *xianbi*) – *сбир*, *мужун* (*tu-jung*) – *мадьяр* (малтан *огур* арăвён ячё пулнă, **bun oŋur* «аслă *огур*», каярахпа мадьярсем сине кушнă), *тоба* (*t'o-pa*) – *табгач* т. ыт. те²⁰. Сюнну империне пусарса яракан тёр арусем R-тёрёк чёлхипе каласни синчен тёрчевсёсем тахсантанпах сырасшё. Юлашки вэхатра сак шухăша сирёплетекен сёнё ёссем те пичетленсе тухрёс²¹. Манан шутампа, Сюнну империйё вэхатёнче Ватаşёр Азире *огур чёлхи* ытти чёлхесене ассимиляцилесе пынă.

Ку таранччен тёрченё чёлхе, истори, сырулăх, археологи, антропологи, этнологи т. ыт. наука материалёсене пётёмлетсен, Ватаşёр Азире пирён эрăчченхи I пин сулăхран тытăнса пирён эрари I пин сулăх варрине ситиччен R-чёлхеллё тёрёк арăвёсем

(огурсем) хуҗаланса пурәнни уҗамлә паләрәть. Ҙеҗен хир тәрәхәнче пурәнәкан Z-чөлхеллө төрөк әрәвәсем ку саманара пөтөмпөх огура тухса пөтнө пулмалла, вәсен юлашкисем Тухәҗ Тянь-Шаньра, Монголири Алтайра тата Саян-Алтай таврашөпчи вәрманлә-сәртлә тәрәхсенче кәна сыхланса юлнә пулас. Епле пулсан та, V өмөрчөхки китәй хроникисенче эфир Z-чөлхеллө төрөк әрәвәсен ячөсене тел пулмастпәр, вөсем VI өмөртөн кәна истори анналөсене көресчө²².

Кунта төпчөвөсөн сойон (тува, тофалар е карагас) тата хонгорай (хакас, шор, чулым) ушкәнөсөнчи төрөк чөлхисенче [k] [z] «вәкәр» сәмахән нимөнле йөрө те суккине астумалла. Манән шутәмпа, Саян-Алтай таврашөпчи вәрманлә-туллә тәрәхра пурәннә авалхи төрөксем [k] [z] «кастарнә вәкәр» сәмаха нихәсан та пөлмен; вәл кунта кирлө те пулман, мөншөп төсен сәрт-ту тәрәхәнче урапаллә транспорт аталанма майсем сахал. Саянпа Алтай таврашөпче пурәнәкан төрөк чөлхиллө халәхсем мөн авалтанпах сәк тәрәхра пурәнни те паләрәть. Ҙөпөр төрөкөсем урапа ятне монгол чөлхинчөн илни те ку тәрәхра урапаллә транспорт пите кайран аталанса кайнине кәтартат. Этнографсем Саянпа Алтай тәрәхне урапа вярөсөмпө пөрле XIX өмөрте кәна ситни сөнчөн сьрачөсө²³.

Чи сөнө төпчөвөсем кәтартнә тәрәх, Z-төрөк чөлхисен (пратюрк) пөрлөхө пирөн эра пусламәшөпче икө ушкәна пайланса кайнә²⁴. Пөр ушкәнө Саян-Алтай таврашөпче, төпөр ушкәнө – Тянь-Шань тәвөсөн тухәҗ пайөпче чәмәртанса кайнә. Пөрремөш ушкәна ятарлә литературәра «Ҙөпөрти төрөк чөлхисем» терминпа паләртачөсө, көскөн әна «сүрчөр ушкәнө» теме пулат. Иккөмөш ушкәна «стандартлә төрөк чөлхисем» теме йөшәннә, көскөн әна «кәнтәр ушкәнө» теме пулат.

Төрөк чөлхисен сүрчөр ушкәнне саха (якут, долган), сойон (тува, тофалар), хонгорай (хакас, шор, чулым, сарә югур) чөлхисем тата алтай (ойрот) чөлхин сүрчөр диалекчөсем көресчө. Сүрчөр ушкәнне көрекөн чөлхөсем кәк төрөк (прототюрк) чөлхин сән-сәпатне тасарах упраса хәварнә (төслөхрөн, сәмах пусламәшөпчи *9- сасә кунта [ʃ] сасса сывәх). Кәнтәр ушкәнне көрекөн карлук (авалхи сыру төрөк чөлхи е кәк тюрк чөлхи, уйгур, узбек, халадж), огуз (туркмен, турккә, азербәйджан, гагауз, салар), кыпчак (куман, кумык, карачай-балкар, караим, крымчак; тутар, пушкәрт, нухай, казах, каракалпак, кәркәс) чөлхисенче пирөн эра пусламәшөпчи I–IV өмөрсенче тухәҗ иран (усунь, юечжи, сак, согд т. ыт.) чөлхисен субстратне пула улшәнузем пулса иртнө²⁵, төслөхрөн, сәмах пусламәшөпчи *9- сасә кунта [ʃ] сасса куҗса кайнә; канглы-кыпчак чөлхисенче [ʃ] сасә XIII–XV өмөрсенче монгол чөлхисен витөмне пула [ʒ] сасса куҗнә).

Чăваш чĕлхи хайĕн фонетика сăн-сăпачĕпе тĕрĕк чĕлхисен сурçĕр ушкăнне сывăхрах тăрать.

Çапла вара, пирĕн эра пуçламăшĕнче Вăтаçĕр Азире тĕрĕк чĕлхисен виçĕ пысăк ушкăнĕ пулнине курайтпăр: тухăç е огур ушкăнĕ (унтан палхар-чăваш чĕлхи аталанса кайнă), сурçĕр ушкăнĕ (унтан Çĕпĕрти тĕрĕк чĕлхисем хунаса кайнă), кăнтăр ушкăнĕ (унтан ыгти «стандартлă» тĕрĕк чĕлхисем аталанса кайнă).

* * *

Пирĕн эра пуçламăшĕнче Вăтаçĕр Азире типĕ çанталăк пуçланать, çеçен хирсем типсе лараççĕ. Çакă авалхи Китай хроникисенче лайăх палăрса юлнă: «Сюннусен çĕр-шывĕнче темиçе сул типĕ çанталăк тăрать, курака йăлтах шăрçăк касса тухнă, темиçе пин ли (тăршшĕ виçи, 576 м. – Н.Е.) талккăш çĕр сара выртать, йывăç-курак типсе хăрса ларнă, халăх та, выльăх-чĕрлĕх те виçăпа аптрать, чирлет, питĕ нумай (халăх, выльăх-чĕрлĕх) вилсе пĕтнĕ»²⁶. Сюнну патшалăхĕ хавшама тытăнать, арканса каять. Çеçен хир çенĕрен ешерме тытăнсан, Вăтаçĕр Ази çеçен хирĕсенче унчен сюннусене пăхăнса пурăннă *дун-ху // dun hu* ħăвĕсем, уйрамах *ухуань // wu-huan (oçur)* тата *сяньби // sj[n-bi // xianbi // s[nbi (s[bi*) ħăхĕсем вайланса каяççĕ, тепĕр хут истори аренине тухаççĕ. II ĕмĕр варринче сяньюбисем Хинганран тытăнса Тянь-Шань таран тăсăлса ыртакан çеçен хир тăрăхĕнче хуça пулса тăраççĕ. Анчах сяньюбисен патшалăхĕ нумая пымасть, Тяньшихуай шаньюй вилнĕ хыççăн часах саланса каять²⁷.

Çеçен хирсем типсе пынине пула Вăтаçĕр Азире пурăннă халăхсем пирĕн эра пуçламăшĕнче анăçалла куçма тытăнаççĕ, ыранта юлнă ħăхсем çеçен хир тавралла ырнаçнă тусен хушшине саланаççĕ. Сăмахран, *моюн* тата *тоба // t'o-pa (tabya[)* ħăхĕсем Сурçĕр Китай провинцийĕсене пырса кĕреççĕ, кунта вĕсем Сурçĕр Вэй ятлă патшалăх ħĕркелеççĕ, анчах III–V ĕмĕрсенче вĕсем китая тухса пĕтеççĕ²⁸.

Çак вăхăтра огур ħăвĕсен самаях пысăк ушкăнĕ (*сивань-дань, хэдахэ, фуфуюй, юйлинь, жилинь, пицзе, ли, тулююй, чуфу, тюлюгань* т.ыт. ħăхсем) Аргунь, Керулен, Онон тăрăхĕнче, Хинган тăвĕсен анăç арăкĕсем çинче пурăнма пуçланă²⁹. Вăтаçĕр Азире, уйрамах Анăç Хинганра, Керулен тăрăхĕнче огур ħăвĕсен юлашкисем сахалтан та пирĕн эрăри I–II пин суллахсен чиккине ситиччен пурăннă. Вĕсем Чингис хан саманинче кăна монгола тухса пĕтнĕ пулас.

Монгол чĕлхисенче пуринче те тĕрĕк чĕлхинчен кĕнĕ сăмахсем ħышлă. Вĕсене икĕ ушкăна уйărма пулать, пĕрисем огур чĕлхинчен, теприсем стандартлă тĕрĕк (огуз) чĕлхинчен кĕнĕ сăмахсем. Огур сăмахĕсем кăк монгол чĕлхине XIII ĕмĕрчен, огуз сăмахĕсем XIII ĕмĕр хыççăн кĕнĕ³⁰.

А. Рона-Таш каланă тăрăх, монгол чĕлхинче огур чĕлхинчен кĕнĕ сĕмахсен йышĕ 1500 яхăн. Фонетика тата морфологи сĕн-сĕпачĕне вĕсем чăваш сĕмахĕсене аса илтересĕ, чылайăшĕнче (100 яхăн сĕмах) ротацизма ламбдацизм палăрат³¹. Хай вăхăтĕнче Г.Й. Рамстедт монгол чĕлхисенчи огур йышăнăвĕсем сине таянса алтай чĕлхисен пĕрлĕхĕ сĕнчен калакан теори те йĕркеленĕччĕ³². Хальхи вăхăтра алтай теорийĕ йăнăш пулни специалистсене пурне те палă, савăнпа ку ыйту сĕнче чарăнса тăмăлăр.

Историксем тĕпчесе пĕлнĕ тăрăх, протомонгол ĕрăвĕсем пирĕн эрăри I пин сÿллĕх вĕсене ситиччен Амур шывĕн вăтаçĕр бассейненче, Пысăк Хинган тăвĕсен сÿрçĕр тата тухăç хысакĕсем тавралла, тĕпрен илсен сунар ĕçĕне пурăннă, вĕсем пирĕн эрăри I–II пин сÿллĕх чиккинче кăна выльăх ĕрчетме пуçланă та сĕсен хире тухнă. Монголсем XI–XII ĕмĕрсенче кăна чĕн-чĕн номадсем пулса тăрасĕ. Монгол (*mongyul*) этноним (политоним тесен тĕресрех пулат) Темучин Чингис хан ятне йышăнсан кăна аталанма тытăнать³³. Аслă Монгол патшалăхĕ (монг. *Jeke Mongyul ulus*) туса хурсан, Чингис хан Есугей-багатур тухнă кият-борджигин ятлă «ылтăн ĕрăва» (монг. *altan uruγ*) *mongyul* ят парать. Савăнтан кайран кăна сĕнĕ ят малтан Чингис хан улусĕ сине, унтан пĕтĕм Аслă Монгол империйĕ сине сарăлма тытăнать. Ку политоним тĕрĕк чĕлхинчи *mun* ~ *bun* «мăн, пысăк, аслă, тĕп» тата *γol* ~ *qol* «алă», «хул», «сунат», «ен» (чăв. *мăн хул*) сĕмахсенчен пулса кайнă. Чингис хан хайĕн сарне, сÿннусен саманинчех сирĕшленĕ традицине тĕпе хурса, виçĕ пайран йĕркеленĕ, *baraγun γar* ~ *barūn γar* «сылтăм сунат, ен», *žegl̥n γar* ~ *žl̥n γar* «сулахай сунат, ен» тата *mongyul* «вăта сĕр, тĕп (сар)». Сарăн вăта сĕрĕнче, паллах, Чингис хан ĕрăвĕнчи, кият-борджигин йăхĕнчи кешиктенсем пулнă.

Çаксене шута илсен, монголсен ятне авалхи истори докуменчĕсенче шырама та кирлĕ мар. Кунта тата çакă кăсăк: XI–XII ĕмĕрсенче кăна номада тухнă монголсен чĕлхинче выльăх-чĕрлĕх терминологийĕ пĕтĕмпе тенĕ пекех огур-пăлхар-чăваш чĕлхинчен кĕнĕ сĕмахсем сĕнче никĕсленсе тăрат. А. Рона-Таш, сĕмахран, ротацизма ламбдацизм паллиллĕ терминсене кăна 20 ытла тупса палăртнă³⁴. Мĕнле капла пулма пултарнă-ха? Огурсем V ĕмĕртех Тухăç Европа сĕсен хирĕсенче касса сÿрме пуçланă-çке...

Çак йывăр ыйтăва хуравлас тесен монголсен Чингис хан умĕнхи историне тĕплĕн тишкерсе тухмалла. Пирĕн эрăри X ĕмĕрте Вăтаçĕр Ази сĕсен хирĕнче черетлĕ типĕ тапхăр пулат; хирсем типсе ларасĕ, халăх Монголи сĕсен хирĕсен хĕррисене саланать, анăсалла куçма пуçлат. Шăпах çак вăхăтра авалхи тĕрĕк каганачĕсем саланса пĕтесĕ, анăсра печенегсем,

вёсен хыҕҕан төрөксем (вырăс летописёсенче *торки*), огузсем (вырăс летописёсенче *гузы*) Тухăҕ Европа ҫеҫен хирёсене ҫитсе тухаҕҕ³⁵. Типё вăхăтра Вăтаҫёр Азире юлнă огур ăрăвёсем Керулен тăрăхне, Пысăк Хинганан анаҫри аракёсем ҫине куҫса кайнă пулмалла. Ку типё вăхăт нумая пымасть, кёҫех ҫеҫен хир ҫёнёрен ешерме пуҫлать. Ҫак тапхăрта унччен Пысăк Хингантан тухаҕҕалла, Амур тăрăхёнче пурăннă монголсем ҫеҫен хире тухма тытăнаҫҫё, вёсем Керулен тăрăхёнче юлнă огур йăхёсенчен выльăх-чёрлөх ёрчетме вёренесҫё, хăвăрт хунама пуҫлаҫҫё, кёҫех огур ăрăвёсене ассимиляциялесҫё. Ҫаванпа та монголсемпе огурсен хушшинче X–XII ёмёрсенчи ҫыхăнусене тёпченё чухне интерстратлă контактсем ҫинчен мар, субстратлă-адстратлă-суперстратлă хутшăнусем ҫинчен, төрёсрех каласан, монгол чёлхинчи огур субстратчё ҫинчен каласмалла. Интерстратпа танлаштарсан, субстрат ҫёнтернё чёлхе структурине пысăк улшăнусем кўрет. Эпир XIII–XIV ёмёрсенчи палăксем тăрăх пёлекен «сыру монгол чёлхи» кăк монгол чёлхинчен нумай улшăннă. Чаннипе каласан, эпир X ёмёрченхи «таса» монгол чёлхин фонетикине морфологи тытăмне пачах пёлместпёр. Кăк монгол чёлхине реконструкцияме тытăниччен малтан сыру монгол чёлхинчи төрөк страчёсене сийён-сийён илсе пăрахмалла, вара тин кăк монгол чёлхине реконструкцияме пуҫанма юрать³⁶.

Киданьсем V–XII ёмёрсенче Монголин кăнтăр-тухăҕ кётесёнче пурăннă, вёсем чи малтан монголланма пуҫланă огур йăхёсем пулнă пулмалла. Вёсен ятне 551–554 ҫулсенче ҫырса хăварнă «Вэй шу» («Вэй историйё») страниценчех курма пулать. Кунта киданьсене (*цидань*) пуҫласа 386–395 ҫулсем тёлнелле асаннă. Китай историкёсем киданьсене дунху ушкăнне кёртесҫё, авалхи сюннусен тăванёсем тесе шутлаҫҫё. «Синь Тан шу» («Ҫёнё Тун историйё») пёлтернё тăрăх, киданьсем Ҫурҫёр Вэй патшалăхне кёрсен кăна «цидань» ят илнё³⁷.

Киданьсен ячё Кюль-тегин тата Тоньюкук палăкёсем ҫинче *q#taɣ* формăра ҫыранса юлнă; вёсем тюркютсенчен тухаҕҕарах пурăннă. Кюльтегин палăкёнче киданьсене, кăркăс, отуз-татар, татаб ăрăвёсемпе пёрле тюркютсен ташманёсен йышёнче асаннă. Ҫакантан эпир киданьсем Вăтаҫёр Ази ҫеҫен хирёсенче монголсем истори арени ҫине тухиччен нумай малтан пурăннине куратпăр. Ҫаванпа та киданьсене сём авалтан монгол йăхё пулнă теме май ҫук.

Киданьсен историне эпир XII ёмёрте ҫырса хăварнă китай хроникисенчен кăна пёлетпёр. Ку вăхăтра вёсем монголла каласнă, анчах кидань чёлхинче огур субстратчё витёр палърса тăрать, ҫаванпа вёсене монголланса кайнă огурсем тесе пăхмалла.

Пирён эрәри I ёмёр вёсёнке сурсёр сионнусем Тухаҫ Казахстана, Сичё шыв тәрәхёнчи усуньсен сёрёсем сине куҫса каясё. Сяньбисем (*sj/n-bi*) II ёмөрөн 70-мөш сүлөсенче сурсёр сионнусен юлашкисене Джунгарирен хёссе калараҫсё те, лешсем вара Тарбагатай урла каҫса Сичё шыв тәрәхне куҫса каясё. Сапла вара, сионну әрәвёсем Тарбагатайпа Хазар (Каспи) тинёсё хушшинчи сёсен хирсене саланасё. Сақантанпа сионнусем китаи хронисчёсен куҫёнчен сұхаласё³⁸.

Тухаҫ Казахстанра, Балхаш кўллинчен сурсёререх, сионну әрәвёсем Юэбань ятла патшаләх туса хураҫсё, вәл V ёмёр пусламәшёнче тобасем йёркеленё Сурсёр Вэй династийёпе жуаньжуаньсене хирёс пёрле кёрешме килёшү тавать. Сурсёр Вэй династийён чиновникё сырса хәварнә тәрәх, Юэбань халәхё гаогюйсемпе пёр чёлхепе каласнә. Гаогюйсем тёрөксем пулни паллә. Апла пулсан, Юэбань патшаләхне йёркелесе янә сионну әрәвёсем те тёрөксем пулнә.

«Тан шу» («Тан историйё») пёлтернё тәрәх, Сичё шыв таврапёнче пурәнакан Дулу әрәвёсем, Анәс Тянь-Шаньре вырнаҫнә Нушиби әрәвёсем, Или шывён вәтам юххипе вырнаҫнә тёрөксем пёрешкел йәла-йёркепе пурәнаҫсё, вёсен чёлхисем те пёр-пёринчен сахал уйрәлса тәраҫсё³⁹. Дунай пәлхарёсем Дуло несёлёнчен пулнине аса илсен, Сичё шыв тәрәхёнче V–VI ёмёрсенче пурәннә Дулу әрәвёсене R-чёлхепе каласнә тёрөк әрәвёсем тесе шутламалла.

Вәтаҫёр Ази сёсен хирёсенче юлнә огур әрәвёсене китаи хроникисенче жужань (*rouran, n̄iəu-n̄i*), жоужань (*rouran, n̄iəu-n̄iw*), жуань-жуань (*n̄iw-n̄iw*), жужу (*ruru, n̄iu-n̄iu*), жужу (урәх иероглиф: *ruru, n̄iwo-n̄iwo*) т. ыт. виртлесерех каланә хушма ятсемпе (прозвище) те паләртнә. Пирён эрәри III ёмёртен тытәнса Китаи династийёсен хроникисенче жоужань, жужань, жуань-жуань ятсем сирёпленесё. Китаи хронисчёсем каланә тәрәх, Мугулой вилнё хыҫсән унән ывәлө, нумай хастарләхпа паттәрләх кәтартнә Цзюйлухуэй, хәйён халәхне жоужань хисеплө ят панә. Кәшт вәхәтран Сурсёр Вэй императорё Ши-цзу жоужаньсене сёнесе илет те пәхәнтәрнә халәха мёскёнлетсе жуань-жуань теме тытәнать. Китаи чёлхинче жуань иероглиф «упален», «йәралан», «хурт-кәпшанкә пек йәшәлтат», «сёртен шуса суре» тенисене пёлтерет. Ши-цзу сәк сәмахпа жоужаньсен сёртен шәван кәпшанкә пек мёскёнленсе пурәнма кирлине кәтартасшән пулнә. Анчах та жоужаньсем часах ирёке тухаҫсё те вәйланса каясё.

Вәтаҫёр Ази сёсен хирёсенче IV ёмёр вёснелле жуань-жуань // *juan-juan* (жоужань) йәхёсем хуҫаланма пуслаҫсё. Вёсен патшаләхё VI ёмёр төлне Пысәк Хинган тавёнчен тытәнса Балхаш кўлли таранах сарәлса каять⁴⁰.

Н.Я. Бичуринтан тытәнса паян кунчченех историксем жуань-жуаньсене монгол чёлхиллэ йӓхсем тесе шутлаççё. Чӓннипе монголсем истори аренине жуаньжуаньсем хыççӓн тепӓр 5 ёмӓртен кӓна тухаççё. Авалхи китаы хроничçёсем жоужаньсен (жуаньжуаньсен) несёлёсем пирки тӓрлӓрен калаççё.

«Сун династийӓн историйӓнче» («Сун шу») вӓсене *жуйжуй*, *датань*, *тань-тань* тенӓ, сюннусен пӓрлӓхӓнчен хунаса тухнӓ йӓх тесе ӓнлантарнӓ.

«Лян династийӓн историйӓнче» («Лян шу») каланӓ тӓрӓх, Вӓй тата Цзинь династийӓсен саманинче сюннусен пӓрлӓхӓ сӓршер те пиншер уйрӓм йӓха пайланса кайнӓ, кашни йӓхӓн хӓйӓн ячӓ пулнӓ, вӓсенчен пӓрне *жуйжуй* (*n̄iw̄li-n̄iw̄li*, *jui-jui*) тенӓ.

«Кӓнтӓр Ци династийӓн историйӓ» («Нань Ци шу») тӓрӓх, жуаньжуаньсем Аслӓ Китаы хӓмин леш енче пурӓнакан тӓрлӓ ху йӓхӓсене пӓрлештерсе тӓнӓ.

«Сурçӓр Вӓй династийӓн историйӓн» («Вӓй шу») авторӓсем жуаньжуаньсене дунху (*dun hu*) пӓрлӓхне кӓртеççё. Çавӓнтах тата вӓсем Сурçӓр Вӓй династине пуçарса янӓ тоба (*t'o-pa*, ав. тӓрӓк. *tabya*, *tavva*) ӓрӓвӓне хурӓнташлӓ пулнине сырса хӓварнӓ. Тобасем сяньби (*hsien-pi*, **s̄rbi*) йӓхне кӓнӓ. Тӓпчевçёсем сяньбисене анӓçри сабирсемпе (*s̄bir*) сывӓхлатаççё⁴¹. Апла пулсан жоужаньсем (жуаньжуаньсем) R-чёлхеллӓ тӓрӓк ӓрӓвӓсем пулнӓ. Ку вӓхӓтра Вӓтаçӓр Азире икӓ вӓй хире-хирӓс тӓрать, жуаньжуаньсем тата гаогюйсем (*gao-çe*, *гаоцзюй*, *гао-че*).

Авалхи китаы хроникисем («Тан шу») тӓрӓх, *гаогюйсем* Анӓç Монголире тата Джунгарире пурӓннӓ *теле* ӓрӓвӓсемпе тӓван пулни курӓнать. Кусем вара Жуаньжуань каганатӓнче тӓп вӓй пулса тӓнӓ. Историксем китаы хроникисенчи *теле* ӓру ятне авалхи тӓрӓк чёлхинчи **tegreg* «урапа» сӓмахпа сыхӓнтараççё те «урапаллӓ (йӓх)» тесе ӓнлантараççё. Авалхи тӓрӓк чёлхинче «урапа» пӓлтерӓшлӓ **tegreg* сӓмах çук. Кашгар Махмучӓн «Диванӓнче» *tegire* «тавра, çавра», *tergek* «тавралах, çаврашка» сӓмахсем пур. Ку сӓмахсем чӓваш чёлхинчи *tavra*, *tavraš* (< *tavra-šë* < **tegre-si* – 3 сӓпат форми) «йӓх, ӓру, ратне» сӓмахсене тӓр килеççё. Çавӓнпа та китаы хроникисенчи *tele* сӓмаха «йӓх, ӓру», «хурӓнташ» тесе куçарсан тӓрӓсрех пулать. Çапла вара *tele* (*tegreg*) тата *огуз* (*oγuz*) ~ *огур* (*oγur*) сӓмахсем синонимсем пулни, вӓсем иккӓшӓ те «йӓх, ӓру» («урапа» мар!) пӓлтерӓшлӓ пулни курӓнать. Китаы хроникисенчи *теле* термина «йӓхсен союзӓ», «йӓхсен конфедерацийӓ» тесе куçарсан тата тӓрӓсрех пулать.

Телесем V ёмӓр вӓçӓнче (490 çул тӓлнелле) жуаньжуаньсене хирӓс сӓкленеççё те анӓçалла, Иртыш тӓрӓхне, куçса каяççё, анчах унта ӓфталитсен аллине кӓрсе ӓкеççё. Кунта вӓсем Гаогюй

ятлә патшалăх туса хураççё, анчах та вăл нумая пымасть, 540 çулта ăна жуаньжуаньсем аркатса тăкаççё.

Н.Я. Бичуринтан тытăнсах, китай хроникисенчи *гаогюй* сăмаха «сўлё урапасем» тесе куçараççё те авалхи уйгурсемпе сыхантараççё. Китай сырулаҳёнче 瓜 (гюй, цзюй) сăмаха «урапа» иероглифпа 車 палăртнă, çавăнпа Н.Я. Бичурин *гао-гюй* этнонима «сўлё урапа» тесе куçарнă, анчах та кунта «урапа» иероглифа (о)гур этнонимăн фонетика сăн-сăпатне палăртма кăна усă курнă; *гао* (*гао*) китаЙла «сўлё», «пысăк» тенине пёлтерет⁴². Манăн шутăмпа, китай хронисчёсем тёрёкле **biu ouir* «мăн огур» (танл.: чăваш. *тăп* «пысăк, аслă») тенине сурма калькăласа *гао-гюй* тесе куçарнă пулмалла (гюй = оуир). Эпё шутлани тёрёс пулсан, телесем, гаогюйсем, огурсем пёр халăх пулса тухаççё. Гаогюйсем VI ёмёр варринче Тюркютсен каганатне кёрёççё те хăйсен R-чёлхине сұхатаççё. Пура́на киле вёсем авалхи уйгурсем пулса тăраççё. Авалхи уйгур чёлхинче ытти тёрёк чёлхисенче тёл пулман ротацизмлă тата ламбдацизмлă сăмахсем тёл пулнине уйгурсем хушшинче огур йăхёсем ирёлсе кайнипе кăна ăнлантарма пулать.

Сăмах май çакна та палăртса хăвармалла: историксем авалхи уйгурсене хальхи уйгурсенчен уйăрмаççё, вёсене пёр халăх тесе шутлаççё. Çавна пула истори тёлчевёсенче йăнăш пёлтёмлетусем сиксе тухаççё.

Жуаньжуаньсем пирки сăмах тапратсан Европăри аварсен проблеминчен пăрăнса иртме сук. М.И. Артамонов аварсене Сурçёр Казахстанри угр ăрăвёсенчен тухнă тесе шутлать⁴³. Анчах та IV–VI ёмёрсенче Сурçёр Казахстанра нимле угр йăхёсем те пулман. Историксене кунта татах угр, огур тата авар этнонимсен паронимийё пăтраштарать. Чăннипе Европăри аварсен ятёнче эфир оуир этнонимăн сёнёрех формине куратпăр. Вăтаçёр Азирен Европăна ситнё сёре оуир этноним **owur* / **obur* евёрлё янăрама пусланă. Вырăс летописёсенче вăл *обър* (*obār*) формăра, Византи хроникисенче *авароис* формăра сырăнса юлнă. Европăри аварсемпе Азири жуаньжуаньсем хушшинче тўрё сыхăнусем пурри-сукки пирки татăклă калама хён, анчах та вёсем те, кусем те R-тёрёк чёлхише каласни иккёлентермест. Китай хронисчёсем VI–VII ёмёрсенче Джунгарире *а-ба* йăхёсене асăнаççё, тёлчевёсем вёсене аварсем тесе шутлаççё. Китай хронисчёсем *guanjuan* (жуань-жуань), *goigun* (жужань) этнонимпа палăртнă халăх хăйне хăй, ахăртнех, огур (кит. *ухуань*) тенё пулмалла; Европăна огур этноним авар (*обър*, *abaroï*, *avares*, *avari*) формăра пырса кёнё⁴⁴.

Европăри аварсен (огурсен), палхарсен, сабирсен проблеми тўрремёнех Азири *сиунну* / *хунну* (*һиң-пио*) ăрăвёсемпе Европăри гуннсен (ουννοι) таванлаҳён проблемипе сыханса тăрать.

Аңсартран тенё пек 350 ҫулта Тухаҫ Европана *гуннсем* пырса тухаҫҫё те алансене хёсме тытанаҫҫё. Азири сюннусемпе (хуннсемпе) Европари гуннсен хушшинчи таванла ҫыханусем пирки таксантанпах тавлашу пырать. Проблема чакраш, уҫалса ситесси куранмасть тесен те юрать. Анчах историксем пёрне асанна чух теприне нихаҫан та манса хавармаҫҫё. Паянхи вӑхата историксем сюнну-гунн проблемине ҫапшарах ӑнлантараҫҫё: 200 ҫул хушши Азири сюннусен юлашкисем Ҫёпёр тата Урал ҫёсен хирёсем урла каҫна, ҫак хушӑра вёсем вырӑнти тёрёк тата угр халӑхёсемпе хутшӑнса кайна, ҫавӑнпа вёсен этнос сӑн-сӑпачё, культури нумай улшӑнса пётнё.

Кунта йӑнӑш ҫине йӑнӑш купаланна. Сюннусен маршрутё Ҫёпёрпе Урал урла мар, Кӑнтӑр Казахстан урла, Сырдарья тӑрӑх иртнё. Казахстан территорийенче пирён эра пуҫламӑшёнче талкӑшпе тенё пек тухаҫ иран чёлхиллё ӑрусем (усуньсем, саксем, массагетсем, сарматсем т. ыт.) пурӑнна, «вырӑнти тёрёксем» пачах пулман тесен те юрать⁴⁵. Европари гуннсен хушшине угр йӑхёсене историксем «*огур*» тата «*угр*» терминсене пӑтраштарнипе чиксе лартна. «*Угр*» термина наука картине 1895 ҫулта венгр ученӑйё Б. Мункачи финн-угр халӑхёсен пёр ушкӑнне – хантсемпе мансисене тата мадьярсене пёрле – палӑртма кёртнё⁴⁶. Византи ҫӑл куҫёнче тёл пулакан *ουροϋ* (*οϋρι*) термин вара пачах урӑх халӑха, Р-чёлхеллё огур тёрёкёсене (танл.: *οϋριζ* ~ *οϋρι*) палӑртать. Европари *гуннсен* йышёнче иран компоненчё пысӑк вырӑн йышӑнна пулин те, Атила империйё саланса кайсан Тухаҫ Европа ҫёсен хирёсенче огур тёрёкёсем хуҫаланма тытӑнна. Вёсем кунта II пин ҫуллӑх пуҫламӑшёнченех тёп халӑх пулна. Паллах, огур-пӑлхар ӑрӑвёсем Европана Азирен гуннсем хыҫҫӑн та килсе тӑна-ха, анчах та гуннсен саманинче Азирен Европана тухаҫ иран чёлхисемпе тата R-тёрёк чёлхипе калаҫакан халӑх кӑна килме пултарна, мёншён тесен Еврази ҫёсен хирёсенче пирён эрӑри I пин ҫуллӑх пуҫламӑшёнче урӑх тёрёк халӑхё пулман.

Сюнну е огур ӑрӑвёсем Хёвелтухӑҫ Европана Кӑнтӑр Казахстан урла III–IV ёмёрсенче Сырдарья тӑрӑх, Арал тинёсё тавра ҫаврӑнса иртнё. Авалхи согд докуменчёсенче (312–313 ҫҫ.) Согдиана ҫёрёсем ҫине гуннсем пырса кёни ҫинчен ҫырса хаварна; Китай, Византи, Сири докуменчёсенче ёлӑкхи Кангтой патшалӑхён ҫёрёсем синче V ёмёрте хионит-гуннсем, кидарит-гуннсем, эфталит-гуннсем пурӑннине ҫырса хаварна. Кангтой патшалӑхён ячё юлашки хут 270 ҫулта тёл пулать, пирён эрӑчченхи I ёмёрпе пирён эрӑри I ёмёр хушшинче Кангтой чиккисем Тянь-Шаньрен пуҫласа Арала сити, Сырдарья тӑрӑх сарӑлса выртна пулна. Византи хроникисенчен гуннсем 350 ҫулсенче Каспи таврашёнчи алансене ҫентернине,

371 султа Кырма пырса кёнине пёлетпёр⁴⁷. Сапла вара, III ёмёрён юлашки чёрёкёнчен пусласа IV ёмёр варрине сити Ватаҕёр тата Кэнтёр Казахстан территорийёнче сюннусен тэхэмёсем е гуннсем пуҕ пулса тэни паларать. Казахстан историкёсем IV ёмёрён пёрремёш сурринче гуннсен икё центрё пулнине палартаҕаҕе, пёри – Талас тэраһёнче, Анэс Тянь-Шань тэвёсемпе Балхаш кўлли хулаһёнче, тепри – Сырдарья шывёпе Арал таврашёнче. Сырдарья тэраһёнчи гуннсен пёрлёхёнче, Казахстан историкёсем каланэ тэраһ, огурсем, савирсем, палхарсем тён вырэн йыпанса тэна.

Арал таврашёнчи гуннсен пёрлёхё V ёмёр пуҕламашёнчен тытанса Тухэс Европа ҕеҕен хирёсене, алансен ҕерёсем ҕине пырса кёрет те Атэла Днепр хулаһёнче Ругила пуҕарса янипе гуннсен конфедерацийё чэмэртанать. Ругила вилсен, 433 султа Аттила влаҕа хэй аллине ҕаварса илет те 20 сула яхэн Европэра гуннсем хуҕаланса пураһаҕе⁴⁸.

Гуннсен Арал тэраһёнчи ушканё Европэна куҕса кайнэ хыҕан та Казахстан территорийёнче вёсен самаях пысак пёрлёхёсем тэрсэ юлнэ. «Бей ши» гуннсем 424 сул хыҕан юэчжисен (кушансен) Цидоло (Кидара) ятлэ пуҕлаһне хэваласа яни ҕинчен пёлтерет. Ғавантан вара кидарит-гуннсен ячё тухать. Вэтам Азире 450 сулсем тёлнелле хионит-гуннсем пёр хушэ хуҕаланаҕе, вёсем Арал таврашёнчи, Сырдарья тэраһёнчи гуннсенчен юлнэ. Кесари Прокопийё V ёмёр варринче Кэнтёр-Тухэс Казахстанра пураннэ «шура гуннсене» асанать т. ыт. те⁴⁹.

Гуннсен патшалэхё саланнэ хыҕан Тухэс Европа ҕеҕен хирёсене палхар йэхёсем вэйланса каяҕе. Вёсем *огур* аравёнчен пулнэ. Пёрремёш хуг огурсене (*ουρογοι*) 461–465 ҕе. хушшинче Приск асанать⁵⁰. Ғак вэхэтран тытанса сахалтан та VII ёмёр вёсне ситиччен Византи, Сири, Эрмен тата ытти истори ҕэл куҕёсене «*оуиг*» компонентлэ этнонимсем (*агачер/акацир, алпидзур, алцилдзур, альциагир, ангискир, аугар, аунгур, баланджар/беленджер, бардор, банджар, баранджар, биттогур, болгар, венендер, гуннугундур, гунугур, забендер, кабар, котзагир, куртагар, кутригур, оногур, цугур, сарагур, семендер, сиригур, угур, ултзиндзур, ултидзур, ультизур, уннугур, утигур, утригур, утургур, хацир, хунугур* т.ыт.) тёл пулма пуҕлаҕе. Ғак йэх-эру ячёсен вёсёнчи *-гур* (тёрлэ чёлхесем витёр тухнэ чухне унэн фонетика сан-сапачё нумай улшаннэ, *-гар, -гир, -джар / -джер, -дур, -дзур, -зур, -дор, -дер, -дур* т. ыт. вариантсем аталанса кайнэ) этноформант, паллах, *оуиг* терминран аталанса кайнэ, танл., *ὀυόγοροι* – *оп оуиг* «вунэ эру», *ξαράγοροι* – *сарэ / шура эру* т.ыт. те. Манэн шутэмпэ, *βουλύγοροι* – *булугар* этнонимра та *-гир* этноформантан *-гар* варианчё тэрать, вэл тухэс иран чёлхинчен илнэ **bala-* ~ **bara-* «хэват, вэй, кётрет» (< ари. *bala-*, ав. инд.

bála- ‘id’ < и.-е. **b/l-o-* «хаватлă, вайлă» < **bel-* / **bal-* «хаватлан, вайлан») сăмах сумах пăлхар чѐлхинче *oγur* «ăру, йăх» сăмах хушăннипе пулнă-тăр. Сѐнѐ этимологи сьрулăх палăкѐсенче *bulγar* ~ *burγar* формăсенче *l-r* сасăсем тăтăшах ылмашăннипе лайăх аңлантарать, сакнашкал сасă ылмашăвѐ индо-иран чѐлхисенче аплă сарăлнă. Византиецсем *bulγar* этнонимăн (ку вăхăтра политонимăн) шалти пѐлтерѐшне туйнăран-тăр, Кубрат хан йѐркеленѐ пѐрремѐш Пăлхар патшалăхне «Великая Булгария» (Μαγνα Βουλγαρία) ят панă.

Кунта тата огурсен ячѐ (*wu-huan*) пирѐн эрăчченхи I пин суллах варринчех Китай хроникисенче сьрăнса юлнине аса илини вырăнлă⁵¹.

Огур-пăлхар ѐрăвѐсем Тухăс Европăна (анонимлă хроникăра пăлхарсене 354 султах асăннине шутламаса) V ѐмѐр пусламăшпѐнчех килсе тухнине асра тытса пирѐн историксем Азире юлнă огур ѐрăвѐсем сѐнчен пачах аса илме сѐсѐ. Кунта историксене айăшлама кирлѐ мар, мѐншѐн тесен Азири огур-пăлхар ѐрăвѐсем сѐнчен калакан сьрулăх палăкѐсем сахал. Сыхланса юлнă сăлкуссенче те огур ѐрăвѐсене палласа илме йывăр, вѐсем тѐрлѐ этнонимсемпе политонимсен хьсѐнче пытанса тăра сѐсѐ. Ку енчен историксене чѐлхесѐсен пулăшмалла та, анчах компаративистсем те йăх-ăру ячѐсене сахал тѐпченѐ. Ситменнине тата чѐлхесѐсем ытларах сăмах формине кăна тѐпчесѐсѐ, этнонимсемпе политонимсен хьсѐнче мѐнле халăх пытанса тăнине, вăл мѐнле чѐлхепе каласнине асăрхама сѐсѐ. Этнонимсем вара улталама юрата сѐсѐ, халăх ячѐ ѐмѐрсем хушши упранма, сав хушăра халăхѐ тата унăн чѐлхи темисе хут та улшăнма пултарать.

Еврази сѐсен хирѐсенче пурăннă халăхсен йăх-ăру этнонимѐсене тѐпчесе пăхсан сакă палăрать, этнонимѐ хай ѐмѐрсем хушши пурăнать, анчах ун хьсѐнче тăракан халăх, тѐрсѐрех каласан – унăн чѐлхи – сине-синех улшăнса пырать. Чѐлхесем, тѐпрен илсен, сак йѐркепе ылмашăнса пынă, тухăс иран – стандартлă тѐрѐк (огуз) – огур – монгол – тѐрѐк (карлук, кыпчак, огуз) чѐлхисем. Паллах, ку схема кăна, чăн пурнăсри этнонимсен содержанийѐ нумай кăткăсрах сулсемпе аталанса пынă, кашни этнонимăн хайѐн кун-сулѐ, хайѐн шăпи. Камсем пулнă Чингис ханчченхи кидань, татар, нирун, дарлекин, найман, меркит, керсит ѐрăвѐсем т. ыт. нумай йăхсем – халь никам та татса калаймасть.

Тѐрѐксемпе монголсен пѐрешкел йăх-ăру ячѐсем питѐ нумай, анчах вѐсене ни тѐрѐк чѐлхисен материалѐ сѐнче, ни монгол чѐлхисен материалѐ сѐнче этимологилеме май сук. Лайăх сăнаса пăхсан, вѐсене темисе ушкăна уйăрма пулать, пѐрисем -*Vt* формантпа вѐсленесѐсѐ (*баргыт, дуглат, керейит, конграт, кыят, меркит, онгут, мангыт*, т. ыт. те), теприсем – -*Vn* формантпа

(барын, дарлекин, джуркин, канкин, кидан, катакин, конкотан, найман, нирун, сукан, теймен, тайгын т. ыт. те). Хәш-пёр этнонимсем харәсах икё формәра та тел пулаççё (кидань ~ кытат).

Чөлхөсөсем тахсанах çак формантсем нумайлә хисеп аффиксё пулнине тавçарса илнё, анчах вёсне-хёрне тупса ситереймен. Чәннипе вёсем иккёшё те иран чөлхисенче анлә сарәлнә нумайлә хисеп аффиксё, тухәç иран чөлхинче *-āt* аффикс, анәç иран чөлхинче *-an* аффикс анләрах сарәлнә. Çакә вара төрөксемпе монголсен авалхи йәх-әру ячөсен этимологийёсене иран чөлхисенче шырама кирлине кәтартать. Чәнах та, авалхи хәш-пёр төрөк этнонимёсем иран чөлхисен материалё çинче лайәх этимологиленесчө. Вырән хөсөк пирки кунта пёр сәмах кәна пәхса тухәпәр. Тухәç Европәна килсе тухнә огур-пәлхар әрәвөсен хушшинче сабирсем (*саβιροι*) пәллә вырән йышәннә. Вөсен ячө Вәтаçёр Азире пурәннә чухнех китай хроникисенче сырәнса юлнә. Специалистсем китай иероглифөсемпе *сяньби* (*xianbi*, *šj[ŋ]-bi*, *hsien-pi* < **si[ŋ]-pijie* = **s[ŋ]bi* ~ **sirbi* < огур. **s[ŋ]bir*) формәра сырәнса юлнә этнонима византи анналәсенчи *σαβιρ* формәпа пёр тесе шутлаççё. Ку этноним авалхи иран чөлхинчи **ašwa-bara-* «юлан утçә» сәмах çаврәнәшөнчен пулса кайнә, танл.: ав. перс. *asabāra-*, миди. *asrabāra-*, перс. *savār*, дари *sawār*, тадж. *savor*, бактр. *asbarō-*, пушт. *spor*, *swor*, *sor* «утлә», «юлан утçә» т. ыт. те. Сабирсен этнонимё *Сибирь* топонимра пәләрсә юлнә, Вәтам Атәл тәрәхәнче вәл *suwar* (чәваш., тутар. *sāvar*) форма йышәннә. Çурçёр Кавказра пурәннә савирсен ятне пур документсенче те *σαβιροι*, *sabir* (< **s[ŋ]wir*) формәра сырнә, Атәлçi Пәлхар патшаләхәнче пурәннә суварсен ятне авалхи сыруләх пәләкөсенче *suwar* формәра пәләртнә. Çак этноним Атәлçi Пәлхар халәхөсен истори сул-йөрсөне Вәтаçёр Азире сыхәнтарать. Китай хроникисенче сабирсен ячө *šj[ŋ]-bi*, *hsien-pi* формәра сырәнса юлнә, ун пирки маларах каланәччө⁵².

Вәтаçёр Азире пирён эрәччен нумай малтан пурәннә огур йәхөсем «*sabir*» тесе малтанласа хәйсен утлә çарне – гвардине каланә пулас, каярахпа тин çак сәмах этноним пулса тәнә курәнать. Сюнну империйё саланнә хыççән Вәтаçёр Ази сөсен хирөсенче шәпах шаньюйсен гвардийё хуçаланма пуçланә.

Сәмах май каласан, *хазар* политоним та малтан каган гвардине – Хорезмран тара илнё пин сынран тәракан («← перс. *hazar*, ав. иран. *hazahra-*, авест. *hazaŋra-*, ав. инд. *sahasra* «пин») кавалерине (перс., тур. *s[ŋ]vari*) е дивизине кәна пәлтернө, каярахпа тин политоним пулса тәнә. Чәннипе вара историре нимле хазар этносё те, нимле хазар чөлхи те пулман⁵³. Хазар каганатөнге, төпрен илсен, пәлхар йәхөсем пурәннә.

Куртәмәр өнтө, Еврази сөсен хирөсенче пирён эрәчченхи VIII өмөртөн тытәнса пирён эрәри VI өмөр таран төрөк чөлхин

ротацизмля варианчѣ, е огур чѣлхи, сарӓлса пынӓ. Пирѣн эрӓри VI ѣмѣртен тытӓнса Вӓтаѣсѣр Ази ѣсѣн хирѣсенче тепѣр хут стандартля 3-тѣрѣк чѣлхи сарӓлма тытӓнать.

* * *

Жуаньжуаньсен каганачѣ V ѣмѣрте гаогюй йӓхѣсене пӓхӓнтарать те вѣсене тѣрлѣ ѣрелле салатма тытӓнать. Китай хроникисенчен эфир Тухӓѣ Тянь-Шаньре, Турфан таврашѣнче пурӓннӓ тѣрѣк ӓрӓвѣсене жуаньжуаньсем 460 ѣулта Кӓнтӓр Алтая куѣарса кайнине лайӓх пѣлетпѣр⁵⁴. Ю.С. Худяков тата Шурӓ ту тӓрӓхѣнчи авалхи кӓркӓссене жуаньжуаньсем Минуса айлӓмне, Тувана тата ыгги ырӓнссене куѣара-куѣара лартни ѣинчен ѣырать. Кӓнтӓр Алтая куѣарнӓ тѣрѣксем Ашина йӓхѣнчен пулнӓ, вѣсем Z-чѣлхепе калӓснӓ⁵⁵.

ѣсѣн хир тӓрӓхѣ IV ѣмѣртен пуѣласа ѣнѣрен чѣрѣлме тытӓнсан, хӓй вӓхӓтѣнче жуаньжуаньсем Алтая куѣарнӓ Ашина тѣрѣкѣсем вӓйланма пуѣлаѣсѣ, вѣсем жуаньжуаньсен патшалӓхне аркатса тӓкаѣсѣ.

Ашина тѣрѣкѣсем VI ѣмѣр варринче (551–556 ѣѣ.) жуаньжуаньсен патшалӓхне ѣнсе илнѣ хыѣсӓн I Тѣрѣк каганачѣ (552–603 ѣѣ.) йѣркеленет, ун тавралла Алтайра тата Вӓтаѣсѣр Азире пурӓннӓ тѣрлѣ чѣлхеллѣ йӓхсем чӓмӓртанма тытӓнаѣсѣ⁵⁶. ѣак вӓхӓтран тытӓнса Z-тѣрѣк чѣлхи R-тѣрѣк диалекчѣсене ассимиляцилеме тытӓнать те кѣѣх пѣтѣм Еврази ѣсѣн хирѣсене сарӓлать.

Кунта *ašina* тата *türk* терминсем пирки темиѣе сӓмах каласа хӓварни ырӓнлӓ.

Тюркологсем *ašina* эпони́ма ку таранчченех монгол чѣлхинчи *šino* (ѣыру монг. *šinua*, халха *šono*, калм. *tšonā*) «кашкӓр» сӓмахпа ѣыхӓнтарӓсѣ. Анчах та монголсем ку саманара ѣсѣн хире тухман-ха, вѣсем Амур тӓрӓхѣнчи вӓрманлӓ-туллӓ ырӓнсенче сунар ѣсѣе пурӓннӓ. Китай хроникисенче ѣырӓнса юлнӓ *ašina* сӓмах, С.Е.Яхонтов реконструкциленѣ тӓрӓх, IV–V ѣмѣрсенче *ašina* ~ *ašəna* евѣрлѣ вуланнӓ. Вӓл авалхи тѣрѣк чѣлхине тухӓѣ иран (согд) чѣлхинчен кѣнѣ; танл., ав. перс. *axšaēna*, согд. *ʼxsʼynʼk* (= *əxšēnē*), хот.-сак. (брахми ѣырӓвѣе) *aššēna* (= *aššēna*), перс. *axšēn*, *axšīn* «кӓвак» < иран. **axšaina-* «кӓвак, сенкер»; вӓл тѣрѣк чѣлхинчи *kök türk* этнонимӓн иранла (согдла) куѣарӓвѣ пулать. Ашина тѣрѣкѣсем III ѣмѣртен тытӓнса 460 ѣулчен Тухӓѣ Туркестанра иран (согд) халӓхѣсемпе хутпӓнса пурӓннине аса илсен, *ašina* сӓмахӓн иранла этимологийѣ ѣенентерӓллѣ пулса тухать⁵⁷.

Истори анналѣсене *türk* этноним пуѣласа III ѣмѣрте ѣырӓнса юлнӓ пулмалла. Китай хронисчѣсем Ганьсу таврашѣнче ѣак вӓхӓтра *tʼu-gʼüü* // *туцзюе* (ав. кит. **tuət-ki* *wat*, ӓна *tüküe*, *tü-kü* тесе те вулаѣсѣ) халӓхѣ пурӓнни ѣинчен ѣырсӓ хӓварнӓ⁵⁸.

Китай хронисчәсем туцзюе этнонима согд чөлхинчен илнә пулмалла. Вәл вәхәтра Китайпа төрәк әрәвәсен хушшинчи дипломати согд чөлхипе, согд сыруләхә урлә пулса пынә. Китай иероглифәсемпе сырәнса юлнә *t'u-üü* // туцзюе (*t'u-ch/e* < *t'u-k/e* < *tuət-kiwət* с **Dwiδ-kuiδ* < **Durk/t = t/rk/t* ← согд. *turkut*, грек. *τοῦρκοι*) форма – согд чөлхинчи *turkut* этноним, вәл *turk* «Туран ҫынни» сәмахән иранла *-ut* аффикс хушәнса пулнә нумайлә хисеп форми; урәхла каласан, *turkut* сәмах «Туран (халәхә)сем» тенине пәлтернә. Ку сәмахра этнос пәлтерәшәнчен географи пәлтерәшә маларах тәрәт. Авалхи ирансем Туран ҫыннисене **tūryaka-* «турансем», Иран халәхәсене **āryaka* «ирансем, арисем» тенә, турансен шутне ҫәсен хир тәрәхәнче выльәх кәтсе пурәнәкан йүркән халәхсене – тухәс иран йәхәсене кәртнә. Пурәна киле авалхи иран чөлхинчи **tūryaka-* форма кәскелсе *turk* пулса тәнә, төрәк чөлхинче вәл *türk* еврәлә янрама пусланә. Туран халәхәсем төрәкленсе кайнә хыҫән *türk* этноним төрәк чөлхиллә халәхсем ҫине кушнә. Сәмах май каласан, *türk* сәмаха пирвай огузсем кәна пәлнә, ыгти төрәк чөлхисенче ку сәмах сарәлман.

Авалхи китай хроники «Суй шу» пәлтернә тәрәх, Ашина әрәвә Шәнси провинцийән анәс пайәнче, Пхин-лян таврашәнче пурәннә, вәл төрлә йәхсене пәрлештерсе тәнә. Тобасем 439 ҫулта суннусене ҫәнсе илещә те, Хәси тәрәхә Ҫурҫәр Вэй патшаләхне кәрет. Вара Ашина төрәкәсем Гаочана куҫса каяҫсә, анчах кунта вәсем жуаньжуаньсен аллине кәрсә үкешсә. Жуаньжуаньсем вәсене 460 ҫулта тимәр кәларма Кәнтәр Алтай куҫарса каяҫсә. Кунта вәсем часах вәйланса каяҫсә, тавралла пурәнәкан теле йәхәсене пәрлештерсе патшаләх туса хураҫсә. Малтан Ашина әрәвә сүмне вунә (*он оq*), унтан вуникә төрәк йәхә пәрлешет. Ҫакәнтан эфир Алтайпа Саян тәрәхәнче сәм авалтан 3-чөлхеллә төрәк йәхәсем упранса юлнине куратпәр⁵⁹.

Пирән эрәри 460 ҫултан тытәнса Саянпа Алтай таврашәнче төрәк чөлхисен кәнтәр тата ҫурҫәр ушкәнәсем хушшинчи сыхәнусем аталанса каяҫсә. Авалхи төрәк каганачәсен саманинче кәнтәр (карлук) төрәк чөлхи ҫурҫәр (теле) төрәк чөлхине ассимиляцияләме тытәнәт. Саян-Алтай таврашәнчи төрәк йәхәсен самаях пысәк пайә V–VIII әмәрсенче «стандартлә» (карлук) төрәк чөлхи ҫине кушәт. Енисей кыргызәсен (енисей руна сыруләхән) чөлхи, ахәртнех, «карлукланнә» (с «кыпчакланнә») авалхи кыргыз чөлхи пулмалла.

Ашина төрәкәсем 545 ҫулта Анәс Вэй династийәпе дипломати сыхәнәвәсем йәркелешсә. Төрәксен пусләхә Тумынь (Орхон паләкәсем ҫинче *Бумын*) Китай императорәпе тәванлашәт, савна май патшаләх сүмне ҫәклет. Тумынь 552 ҫулта жуаньжуаньсен пусмәрәнчен хәтәләтә те иль-каган ятне илет, китәйсем пуләшһипе

вёсене 555 ҫулта пуҫёпех аркатса тәкәтә. Тумынь (Бумын) каган виһнә хыҫҫан (552 ҫ.) ун вырәнне Кара-каган (552–553 ҫ.), унтан Муган-каган (553–572 ҫ.) ларат. Ҷак вәхәтран Пёрремёш Тёрёк каганачё (551–630 ҫ.) аталанма тытәнәтә, 555 ҫул тәлне Тёрёк каганачән анәҫри чиккисем Сырдарьяпа Арал тинёсё таран сарәләсё, 558 ҫул тәлне тёрёксем огур әрәвёсене Анәҫ Казахстанран хёссе кәларасё те Атәл хёррине ҫитесё⁶⁰.

Ҷапла вара, IV ёмёр варринчен тытәнса Еврази сёсен хирёсенче сёнә тапхәр пуҫланатә, Монголирен тытәнса Атәл сьранёсем таран стандартлә 3-тёрёк чёлхи сарәлма тытәнәтә; часах вәл Вәтаҫёр Ази тата Казахстан сёсен хирёсенче упранса юлнә огур (пәлхар) ушкәнне кёрекен Р-тёрёк чёлхисене ҫатса яратә.

Ротацизмпа ламбдацизм проблемисене тәпчекенсем стандартлә тёрёк чёлхисенче пуринче те пекех «авалхи ротацизма ламбдацизм юлашкисене» тупса паләртнә. Чәннипе кунта стандартлә тёрёк чёлхисенчи огур (пәлхар) субстрачә пирки каласмалла.

Стандартлә тёрёк чёлхисен малашнехи историйё пирвайхи патшаләхсен – Пёрремёш Тёрёк каганачё (551–630 ҫ.), Иккёмёш Тёрёк каганачё (682–745 ҫ.), Уйгур каганачё (745–840 ҫ.), Кәркәс каганачё (IX–X ёмёрсем) тытәмәнче аталанатә. Огур тёрёкёсен вәтам ёмёрсенчи историйё Атәлси Пәлхар патшаләхёпе (VIII–XIII ёмёрсем) сьхәннә. Ку самана пирән темән вәхәт чиккине кёмест.

Кунта тепёр хут ҫакна аса илтерни вырәнлә, авалхи тёрёк каганачёсен тапхәрәнче те, унтан маларах та Вәтаҫёр Ази сёсен хирёсенче монгол чёлхиллә нимәнле халәх та пулман. Ҷакна эфир XIII ёмёрчченхи тёрёк сьруләх паләкёсен чёлхинче монгол сәмахёсен йерё пачах ськкинчен лайәх куратпәр. Монгол чёлхи XIII ёмёрте Чингис хан Аслә Монгол империйё туса хурсан кәна тёрёк чёлхисене витём күме тытәнәтә⁶¹.

Пётёмлетү

Тёрёк әрәвёсен авалхи историйё, тәпрен илсен, тухәҫ иран йәхёсемпе огуз-огур тёрёк йәхёсен хушшинчи кәткәс та тёрлә енлә хутшәнусем сьинче аталанса пынә.

Тёрёк чёлхисен авалхи историйёнче ҫакнашкал тәп тапхәрсем паләртма пулатә.

1. Кәк тёрёк чёлхи хәй тәллән аталаннә тапхәр – сём авалтан тытәнса пирән эрәчченхи XV ёмёр таран.

2. Кәк тёрёк (огуз) чёлхи тухәҫ иран чёлхисемпе контактра тәнә тапхәр – пирән эрәчченхи XV–XI ёмёрсем, огуз чёлхине тухәҫ иран сәмахёсем кёрессё; тёрёк әрәвёсем Карасук культуринчен бронза металлургине, номадсен хуҫаләх культурине вёренсёсё;

вәрман тәрәхәнчен җеҗен хире тухаҗҗе; «чул куринккесен культури» аталанма пуҗлать.

3. Огуз чөлхи тухаҗ иран чөлхине ассимиляцилене тапхәр – пирён эрәчченхи X–VIII өмөрсем, тухаҗ иран субстрачә җине огуз чөлхи хывәннине пула огур чөлхи (огуз чөлхин R-варианчә), R-төрөк чөлхи йөркеленет; огурсем тимөр металлургине алла илеҗҗе; чән-чән номадсем пулса тәраҗҗе те Монголи җеҗен хирёсене җавәрса илеҗҗе.

4. Жун тапхәр – пирён эрәчченхи VII–IV өмөрсем, огур әрәвөссем вайланса пыраҗҗе, вөссем огуз тата тухаҗ иран әрәвөссене малалла ассимиляцилеҗҗе; Китай историкөсем ку вәхәтра Монголи җеҗен хирёсенче жун тата ди әрәвөссем «шывпа курәк шыраса куҗса сүренине» җыраса кәтартаҗҗе.

5. Сюнну тапхәр – пирён эрәчченхи III – пирён эрәри II өмөрсем, Монголи җеҗен хирёсенче сюнну, дунху (ухуань, сяньби), сушән тата ытти әрусем пуҗ пулса тәнә тапхәр; сюннусем Вәтаҗәр Азири пөтөм җеҗен хире җавәрса илеҗҗе; огур чөлхи стандартлә Z-төрөк чөлхине җеҗен хир периферийине хөссе кәларать; Хинган тәвөссем таврашөнге дунху әрәвөссем аталанаҗҗе; Z-чөлхеллә төрөксем Тухаҗ Тянь-Шаньре, Саянна Алтай таврашөнге сыхланса юлаҗҗе.

6. Дунху (огур) тапхәр – II–V өмөрсем, сюннусен хәвачә сүнөт, вөсен ыраңне истори арени җине дунху әрәвөссем – сяньбисем (сабир), ухуаньсем (огур), жуань-жуаньсем (жоужань) тухаҗҗе; кәнтәр сюнну, тоба (табгач) әрәвөссем китая тухса пөтөҗҗе; сурҗәр сюннусем анәҗалла, җичә шыв, Сырдарья, Арал тәрәхне куҗса каяҗҗе, Тухаҗ Европа җеҗен хирёсене җитсе тухаҗҗе; огур әрәвөссем пысәк пайә Керулен тәрәхөнге, Пысәк Хинган тәвөсен анә аркисем тәрәх, сыхланса юлать; анәҗа куҗса кайнә огур әрәвөссем ыраңти иран чөлхисемпе хутшәнаҗҗе, вөсене ассимиляцилеҗҗе.

7. Авалхи төрөк (тюркют, огуз) тапхәр – VI–XI өмөрсем:

1) Вәтаҗәр Азире Төрөк каганачөсем йөркеленеҗҗе; стандартлә Z-төрөк (огуз) чөлхи җөнөрен чөрөлсе тәрәт, Монголи җеҗен хирёсенче юлнә огур әрәвөссем диалекчөсене ассимиляцилет; огуз чөлхи анәҗалла сарәлса пырать, Тухаҗ Европәна җитет; Еврази җеҗен хирөнге стандартлә төрөк диалекчөсем огур тата иран чөлхисене ассимиляцилеҗҗе;

2) Тухаҗ Европәра огур (пәлхар) чөлхи аталанать; пәлхар чөлхин Каспи җөмө, Дунайҗи, Азов, Днепр, Донҗи, хазар, Атәлҗи т. ыт. диалекчөсем йөркеленеҗҗе; VII өмөртөн вара Атәлҗи пәлхар чөлхи кәна тәрса юлать.

8. Кидань тапхәр – X–XII өмөрсем, X өмөрти типә вәхәт хыҗҗән Пысәк Хинган тәвөсен тухаҗ өнге, Амур шывә тәрәх пурәннә монгол әрәвөссем Керулен шывә җине тухаҗҗе, кунта

пурăнакан огур ăрăвессене ассимиляцияцилеме пуслаççе; монголланса кайнă киданьсем кăнтăралла куçса каяççе, Китайра Ляо патшалăхĕ туса хураççе; Керулен тăрăхенче юлнă огурсем монгола тухса пĕтесçе (киданьсен хушшинче тĕрĕк чĕлхипе калаçакан йăхсем XI–XII ėмĕрсенче те тĕллĕн-тĕллĕн юлнă пулмалла).

9. Монгол тапхăрĕ – XIII–XIV ėмĕрсем, Чингис хан вăйланса кайнă вăхăтран тытăнса Монголи территорийĕнчи тата Тухăç Казахстанри нумай тĕрĕк ăрăвессем монгола тухаççе, анчах Аслă Монгол империйĕ сўннĕ хыççăн Казахстан, Вăтам Ази, Тухăç Европа территорийĕнче юлнă монголсем хăйсем тĕрĕкленсе пĕтесçе.

Тишкерсе тухнă материалсемпе гипотезăсенчен сурри те пулин тĕрĕс пулсан та, Вăтаçĕр Азири халăхсен авалхи тата вăтам ėмĕрсенчи истори парадигмин концепцийĕсене пачах сĕнелле пăхса тухма тивет.

Эпĕ халь каласа тухнă шухăшăмсене пĕрре те татаклă пĕтĕмлетўсем теместĕп, вĕсене Еврази сесен хирĕсенче сĕм авалтанпах пурăннă тĕрĕк, иран, монгол халăхĕсен историне малашне тарăнрах тĕпчемелли сул шинчи маяксем ырашнне кăна сĕнетĕп. Ку ėсе сырса пăрахнăранпа виçе сул ытларах кăна иртрĕ, анчах та, сĕнĕ материалсем тупăннине пула, хăш-пĕр шухăша халех улăштарма тивет. Жуаньжуаньсем Тухăç Туркестанран Алтая куçарнă Ашина йăхĕ (500 сĕмье) согд халăхĕн пĕр пайĕ пулни палăрчĕ. Пĕрремĕш Тĕрĕк каганатне (551–630 çç.) йĕркелесе янă тюркютсем тĕрĕксем мар, согдсем пулнă иккен. Саванпа Пĕрремĕш Тĕрĕк каганатĕнчен юлнă палăксене (Бугут палăкĕ) согд сырулахĕпе, согдла сырнă. Ашина ăрăвĕнчи тюркютсем Иккĕмĕш Тĕрĕк каганачĕн (682–745 çç.) малтанхи вунă суллахĕсенче те каганра ларнă-ха, вĕсем VII ėмĕр вĕçĕнче тин тĕрĕке тухса пĕтнĕ. Тюркютсенчен авалхи тĕрĕк чĕлхине нумай согд сăмахĕ кĕрсе юлнă. Сывăх вăхăтрах ку ыйтусемпе пысăк ėс пичетленсе тухмалла, саванпа кунта сăмах вакласа тăмастăп.

Эхер те эпĕ лартса тухнă сул юписем пирĕн истори тĕпчевĕсене малалла аталантарма кăштах та пулин пулăшу парсан, эпĕ хамăн тĕллевĕме пурнăçларăм тенĕ пулăттăм.

Литература

¹ Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992.

² Цыбыктаров А.Д. История исследования культуры плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ, 1997; *он же*. К вопросу об участии населения культуры плиточных могил Монголии и Забайкалья в формировании культуры хунну // Международная конференция «100 лет гуннской археологии: Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен». Тезисы докладов. Улан-Удэ, 1996. Ч. 1. С. 16–20; *он же*. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998.

³ *Новгородова Э.А.* Древняя Монголия: Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1989; *она же.* Ранний этап этногенеза народов Монголии (конец III–I тыс. до н.э.) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1981. С. 207–215.

⁴ *Вадецкая Э.Б.* Карасукская культура // *Вадецкая Э.Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука; Ленингр. отд-ние, 1986. С. 51–76; *Зяблин Л.П.* Карасукский могильник Малые Копены III. М.: Наука, 1977. 142 с.; *Касаров М.К.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 277 с.; *Новгородова Э.А.* Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука, 1970. 192 с.; *Членова Н.Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с.; *Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

⁵ *Егоров Н.И., Егоров Э.Н.* Древнейшие индоевропейские (индоиранские и восточноиранские) лексические заимствования в праторкском и проблема ранних этапов этнолингвогенеза огуров (протобулгар) // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. Чебоксары, 2000/2001. № 3/1. С. 185–204; 2002. № 4. С. 140–154; *Егоров Н.И.* Избранные труды: Этимология. Этнолингвогенез. Этнолингвокультурология. Астана; Чебоксары, 2009. Т. I. С. 595–646.

⁶ *Вайнштейн С.И.* Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (В связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография, 1966. № 3. С. 60–81; *он же.* Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972. С. 126–154; *он же.* Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. С. 208–228; *Вайнштейн С.И., Крюков М.В.* Седло и стремя // Советская этнография, 1984. № 6. С. 114–130.

⁷ *Кызласов И.Л.* О происхождении стремян // Советская археология, 1973. № 3. С. 24–36; *Амброз А.К.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель // Там же. № 4. С. 81–98.

⁸ *Вадецкая Э.Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука; Ленингр. отд-ние, 1986. С. 60–65; *Новгородова Э.А.* Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука, 1970. 192 с.; *Членова Н.Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с.; *Кожин П.М.* Некоторые данные о древних культурных контактах Китая с внутренними районами Евразийского материка // Н.Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение: материалы конференции. М., 1977. Ч. 2. С. 35; *Киселев С.В.* Китай и Сибирь в бронзовом веке // Тезисы докладов исторического факультета МГУ. М., 1955; *он же.* Неолит и бронзовый век Китая // Советская археология, 1960. № 4.

⁹ *Гумилев Л.Н.* Динлинская проблема // Известия Всесоюзного географического общества. Л., 1959. № 4; *он же.* Три китайских царства. М.: Алгоритм, 2008. С. 80–105; *Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У.* Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 196.

¹⁰ *Вăтаçĕр Азире* пирĕн эра пуçланичченех индоевропеесемпе как тĕрĕксем, херексур культурипе чул куриноккесен культури пĕр-пĕринпе хутшăнса аталанни пирки сак ёссене вулăр: *Цыбыктаров А.Д.* Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (Проблемы этнокультурной истории Монголии и Забайкалья середины II – первой половины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2003. № 4. С. 80–97; *он же.* Этнокультурные процессы в Южной Бурятии и Северной Монголии в эпоху поздней бронзы // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез: Тезисы Международного симпозиума. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 507–509; *он же.* Плиточные могилы и херексуры Южной Бурятии в свете изучения некоторых проблем бронзового века Центральной Азии // Палеоэкология человека Байкальской Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 65–76; *он же.* Оленные камни монголо-забайкальского типа как источники по изучению взаимоотношений древних скотоводов Центральной Азии эпохи поздней бронзы и раннего железа // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Материалы Международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. Т. I: Археология. Этнология. С. 98–102; *он же.* Центральная Азия на заре бронзового века // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2002. № 3. С. 107–123; *Егоров Н.И.* Проблемы хронологической стратификации чувашско-монгольских лексических

параллелей и их историческая интерпретация // Чувашский гуманитарный вестник. Чебоксары, 2006. № 1. С. 144–163.

¹¹ *Munkčesi B.* Arja ŋs kaukazusi elemek a finn-magyar nyelvbenek. Budapest, 1901. S. 112; *он же.* Beitrage zu der alten arischen Lehnwörtern im Türkischen // Keleti Szemle. Budapest, 1905. VI kötet. S. 376–379.

¹² *Вăкăр* сăмах этимологийĕне историйĕ пирки çак ёçсене пăхма сĕнетĕп: *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. С. 48; *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1996. Т. 1. С. 105–106; *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и лингвистические основы на гласные). М.: Наука, 1974. С. 521–525; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 1997. С. 439–440; *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. Т. II. С. 566, 579, 937; *Климов Г.А.* Древнейшие индоевропейцы картлевских языков. М.: Ин-т яз-зн. РАН, 1994. С. 63–68; *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972. P. 120; *Doerfer G.* Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963. Bd. I. S. 539; *Sinor D.* Some Altaic names for bovines // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1962. T. XV. Fasc. 1–3. P. 315–318; *Starostin S., Dybo A., Mudrak O.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. Vol. II. P. 1168–1169; *Güldenoy T.* Türkiye Türkçesindeki Türkçe Sözcüklerin Köken Bilgisi Sözlüğü: Etimolojik Sözlük Denemesi. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2007. II с. 658 s.; *Nişanyan S.* Sözlerin soyaŋacŋı: ÇaŋdaşTürkçenin Etimolojik Sözlüğü / Genişletilmiş gözden geçirilmiş 4. Basım. İstanbul: Everest yay., 2009. 467 s.

¹³ *Эдельман Д.И.* Состояние и перспективы сравнительно-исторической лексикологии иранских языков // Вопросы языкознания, 1994. № 3. С. 60–80 (уйрамах 68–71 с.).

¹⁴ *Дорж Д., Новгородова Э.А.* Петроглифы Монголии. Улан-Батор, 1975; *Кожин П.М.* Гобийская квадрага // Советская археология, 1968. № 3. С. 35–42; *он же.* Колесничные сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 109–126; *он же.* Об иньских колесницах. Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М.: Наука, 1977. С. 278–287; *Новгородова Э.А.* Древнейшие изображения колесниц в горах Монголии // Советская археология, 1978. № 4. С. 192–206; *она же.* Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.; *она же.* Карасукские традиции в раннескифском монументальном искусстве Монголии // Древний Восток. М., 1975. С. 288–291; *она же.* Ножи карасукского времени из Монголии и Южной Сибири // Монгольский археологический сборник. М., 1962. С. 11–17.

¹⁵ *Заболоцкая Ю.* История Ближнего Востока в древности (От первых поселений до персидского завоевания). М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1989. С. 20.

¹⁶ *Халдеев В.В.* Сколько было сарматов? // Советская археология, 1987. № 3. С. 230–231.

¹⁷ *Железчиков Б.Ф.* Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. – I в. н.э. по демографическим и экологическим данным // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 65–68.

¹⁸ *Семерень О.* Введение в сравнительное языкознание. М.: Прогресс, 1980. С. 62: «В индоевропейском языке имелся только один спирант – глухой s»; *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2000. Т. 1. С. 286: «...В общиранском и в индоевропейском нет фонемы *z».

¹⁹ Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введение, перевод и комментарий *В.С. Таскина.* М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1984. 486 с.; Материалы по истории сюнну (По китайским источникам) / Предисловие, перевод и примечания *В.С. Таскина.* М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1968. Вып. 1; 1973. Вып. 2. 172 с.; Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. / Введение, перевод и комментарий *В.С. Таскина.* Вып. 1: Сюнну. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1989. 285 с.; Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. / Введение, перевод и комментарий *В.С. Таскина.* Вып. 2: Цзе. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1990. 255 с.; Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. / Введение, перевод и комментарий *В.С. Таскина.* Вып. 3: Мужуны. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1992. 431 с.

²⁰ *Clauson G. Turkish and Mongolian Studies. London, 1962. XVII + 261 p.; Pritsak O. From the Sábirs to the Hungarians // Hungaro-Turcica: Studies in honour of Julius Nölmeth. Budapest: Loránd Eötvös University, 1976. P. 17–30; Дьёни Г. Вопросы ранней истории протоненгров и великое переселение народов // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2006. С. 98: «...Историческая традиция, связывающая влияние на формирование этноса венгров оногур-булгар, которые жили в Карпатском бассейне до появления венгров и далее, стала частью венгерской исторической традиции...»; Эрдели И.Ф. Новая концепция интерпретации погребальных памятников древних мадьяр – обретателей родины // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (Из истории костюма). Тезисы докладов III Международной археологической конференции 14–18 марта 2000 г. Самара, 2000. С. 142: «Автор поддерживает гипотезу о том, что язык прибывших в Карпатский бассейн мадьяр был тюркским... Мадьяры после прихода на новую родину в течение ста с лишним лет потеряли свой тюркский язык... Победил у нас язык угорского типа...»; Егоров Н.И. Проблемы этноязыковой идентификации северных народов китайских династийных хроник в свете внешних контактов прототюркского языка // Егоров Н.И. Избранные труды: Этимология. Этноглоттогенез. Этнолингвокультурология. Астана; Чебоксары, 2009. Т. I. С. 646–664; *он же*. *Ex oriente lux: К проблеме этноязыковой идентификации центральноазиатских огузов (ухуань), возможных исторических предков булгаро-чувашей (По материалам древнекитайских династических хроник) // Егоров Н.И. Избранные труды: Этимология. Этноглоттогенез. Этнолингвокультурология. Астана; Чебоксары, 2009. Т. I. С. 664–719. (Ку ёсе 2009 султа Шанхайра китаыла кусарса пичетленё.)**

²¹ *Дыбо А.В. Еще раз о языке сюнну // Восток в исторических судьбах народов России. V Всероссийский съезд востоковедов. Уфа, 2006. Кн. 2. С. 53–60; он же. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. М.: Вост. лит., 2007. С. 75–82; Федотов М.Р. Чувашский язык: Истоки. Отношение к алтайским и финно-угорским языкам. Историческая грамматика. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1996. С. 17–21; Шервашидзе И.Н. Формы глагола в языке тюркских рунических надписей. Тбилиси: Мецниереба, 1986. 133 с.; танл.: *Vovin A. Did the Xiong-nu speak a Yeniseian Language? // Central Asiatic Journal. Wiesbaden, 2000. Vol. 44. P. 87–104.**

²² *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. С. 75–91; они же. Государства и народы Евразийских степей: Древность и средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. С. 85–104; Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. 591 с.*

²³ *Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972. С. 126–154; он же. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. С. 208–228; Тюркские народы Сибири. М.: Наука, 2006. 678 с.; Тюркские народы Восточной Сибири. М.: Наука, 2008. 422 с. (Юлашки икё кёнкере Сёпёрти тёрёк халәхәсем урапа күлсе сўрени синчен пачах асанман.)*

²⁴ *Мудрак О.А. Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике. М.: РГГУ, 2009. С. 20, 179.*

²⁵ *Ашина тёрёкәсем иран (согл) субстрачә синче аталанни синчен сак ёссене вуләр: Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: Летопись трех тысячелетий... С. 45–91; они же. Государства и народы Евразийских степей... С. 85–104.*

²⁶ *Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. I. С. 55, 60, 71, 76–77, 82–83, 91–93, 94, 108, 117, 118, 123, 127 и др.; Материалы по истории сюнну (По китайским источникам)... М.: Наука, 1968. Вып. 1. С. 59; 1973. Вып. 2. С. 22–23, 28–29, 36–37, 39, 59, 70, 72, 77, 81, 149 и др.; Крадин Н.Н. Империя хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2001. С. 34.*

²⁷ *Таскин В.С. Сяньби // История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1986. С. 85–90; Гумилев Л.Н. История народа хунну. М.: АСТ; АСТ Москва, 2008. С. 257–269.*

²⁸ Сурсёр Китайри Юань Вэй (Тоба Вэй, Сурсёр Вэй) династи (386–535 җҗ.) синчен сак ёсе вуласа пёлма пулать: *Думан Л.И.* К истории государств Тоба Вэй и Ляо и их связей с Китаем // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. М., 1955. Т. 11: Китайский сборник; Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху... и др.

²⁹ Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху... С. 134.

³⁰ Тёрёк (вёл шутра – огур) тата монгол чёлхисен хушпинчи авалхи хутшёнусем пирки юлапки вэхатра тухнэ тёлчевсенчен уйрёммах Ж.К. Туймебаев ёссене палартмалла: *Туймебаев Ж.К.* Проблема анлаутных губных согласных в алтайских языках (Ревизия фонетического закона Рамстедта–Пеллио). М., 2004. 182 с.; *он же.* Казахско-монгольские лексические параллели: Материалы к этимологическому словарю казахского языка. М.: Рус. раритет, 2005. 560 с.; *он же.* Становление и развитие алтайской теории и алтаистики. Туркестан: МКТУ им. Х.А. Ясави, 2006. 272 с.; *он же.* История тюрко-казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношений. Астана, 2008. 371 с.; *он же.* Теоретические принципы и критерии историко-генетического разграничения казахско-монгольских лексических параллелей. Астана, 2009, и др.

³¹ *Róna-Tas A.* The character of Hungarian-Bulgaro-Turkic relations // *Studia Turco-Hungarica.* Tomus V: Turkic-Bulgarian-Hungarian Relations (VIth–XIth centuries). Budapest, 1981. P. 126.

³² *Ramstedt G.J.* Zur Frage nach der Stellung des tschuwassischen // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* Helsinki, 1922–1923. Bd. 38. Hf. 1. S. 1–34; *он же.* Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I: Lautlehre. Helsinki, 1957. 192 S.; II: Formenlehre. Helsinki, 1952. 262 S.; *Рамстедт Г.Й.* Введение в алтайское языкознание. Морфология. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 254 с.

³³ Монголсен этногенезёне авалхи историйё синчен хальтерех тухнэ ёссенчен саксене палартма пулать: *Чагдуров С.Ш.* Прародина монголов. Улан-Удэ, 2000. 138 с.; *Чимитдоржиев Ш.Б.* Бурят-монголы: история и современность. Раздумья монголоведа. Улан-Удэ, 2000. 128 с.; *Цыбиктаров А.Д.* Бурятия в древности. История (С древнейших времен до XVII века). Улан-Удэ, 1999. 264 с.; *Викторова Л.Л.* Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 224 с.; *Коновалов П.Б.* Этнические аспекты истории Центральной Азии (Древность и средневековье). Улан-Удэ, 1999. 214 с.; *Новгородова Э.А.* Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 384 с.; *Данилов С.В.* О направлении и характере связей населения Центральной Азии в древности и средневековье // Проблема истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Материалы Международной научной конференции. Улан-Удэ, 2000. Т. 1. С. 93–98.

³⁴ *Рона-Таш А.* Общее наследие или заимствование? (К проблеме родства алтайских языков) // Вопросы языкознания, 1974. № 2. С. 31–45.

³⁵ *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М.: Экспрос, 1993. С. 237–340; *он же.* Три китайских царства. М.: Алгоритм, 2008. С. 5–20, 219–239.

³⁶ Новосибирскра ёллесе таракан фонологсем тёлчесе пёлнэ тарэх, Монголире пурёнанкан халха-монголсем тёрёк йёхёссенчен аталанса кайнэ, вёсем XI ёмёр хысён кан монголла каласма пусланэ. Тёлчёрех сак ёссене вуласа пёлёр: *Наделяев В.М.* Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка // Фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1985. С. 3–24; *он же.* Циркумбайкальский языковой союз // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. Новосибирск, 1986. С. 3–4; *он же.* Теоретическое и практическое значение исследований по языкам народов Севера // Письменность народов Сибири: История и перспективы. Новосибирск, 1981. С. 15; *Селютин И.Я., Уртегеев Н.С., Рыжикова Т.Р.* Экспериментально-фонетические данные по языкам народов Сибири как историко-лингвистический источник // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск, 2005. С. 9, 19.

³⁷ Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху... С. 154–215, 371–392; *Е Лун-ли.* История государства киданей / Пер. с кит. В.С. Таскина. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1979. 607 с.; *Ивлиев А.Л.* Кидани на Дальнем Востоке // Восточная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1986. С. 21–24; *он же.* О возникновении государства у киданей (К постановке вопроса) // Двенадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. М., 1981. Ч. 2. С. 65–70; *Кычанов Е.И.* О ранней государственности

у киданей // Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1990. С. 10–24; *Пиков Г.Г.* Западные кидани. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1989. 196 с.; *Рудов Л.Н.* Кидани // Дальний Восток: Сборник статей по филологии, истории, философии. М., 1961; *Кузьменков Е.А.* Киданский язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997. С. 87–90.

³⁸ *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан: Летопись трех тысячелетий... С. 64–66, 69–72; *они же.* Государства и народы европейских степей... С. 72–74, 75–78; *Гумилев Л.Н.* Сочинения / Сост. *А.И. Куркчи.* Т. 9: История народа хунну. В 2-х книгах. М.: Институт ДИ-ДИК, 1998. Кн. 1. 448 с.; Кн. 2. 496 с.; *Крадин Н.Н.* История хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2001. С. 128–137; *Смагулов Е., Павленко Ю.В.* Гунны на пути в Европу // Вопросы археологии Казахстана. Сборник научных статей. Алматы; Москва; Гылым, 1998. Вып. 2. С. 142–151.

³⁹ *Кюннер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во вост. лит., 1961. С. 192–193.

⁴⁰ *Юй Тайшань.* Рассуждения о теории родственности жужуаней с аварами и идентичности аваров с юебань // Гуманитарные науки в истории и современном развитии общества. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Чувашского государственного института гуманитарных наук. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. С. 122–161.

⁴¹ Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху... С. 4, 47–48, 267–295, 398–416; *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Алматы: Жалын, 1998. Т. I–III; *он же.* Средняя Азия и Восточный Туркестан. Алматы: Санат, 1997. 352 с.

⁴² *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений..., 1950. Т. 1. С. 301; *он же.* Алматы, 1998. Т. I. С. 308: «Предки дома ойхор [хойху] были хунны. Они обыкновенно ездили на телегах с высокими колесами; почему при династии Юань-вэй (с 386 г.) еще называли их Гао-гуй или Чилэ, ошибочно превращенное в Тйелэ»; *Радлов В.В.* К вопросу об уйгурах. Из приложения к изданию Кудатку-Билика. СПб., 1893. С. 15–16; *Менгес К.Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. С. 62; *Малявкин А.Г.* Историческая география Центральной Азии (Материалы и исследования). Новосибирск: Наука, 1981. С. 83–84; *Кляшторный С.Г.* Надпись уйгурского Бегю-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 19–37; *Махпиров В.У.* Имена далеких предков (Источники формирования и особенности функционирования древнетюркской ономастики). Алматы: Ин-т востоковедения МН-АН РК, 1997. С. 34–35, 99.

⁴³ *Артамонов М.И.* История хазар. Изд. 2-е. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2002. С. 123–133.

⁴⁴ *Юй Тайшань.* Асәһнә ёс. 137 страницәран малалла.

⁴⁵ Казахстан этника историйё сһнчен сәк ёссене вуләр: *Артыкбаев Ж.О.* Кочевники Евразии в калейдоскопе веков и тысячелетий. СПб.: Махсор, 2005. 320 с.; *Ирмуханов Б.Б.* К вопросу о происхождении казахского народа. Алматы; Гылым, 2008. 288 с.; *Кузембайулы А., Абиль Е.* История Казахстана. СПб.: Соларт, 2004. 420 с.; *Абусенцова М.Х.* и др. История Казахстана и Центральной Азии. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 616 с.; История Казахстана с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Алматы, 1997. Т. I; *Смагулов Е., Павленко Ю.В.* Гунны на пути в Европу... С. 142–150.

⁴⁶ *Munkácsi B.* Az «ugor» néprvezet eredete // Ethnographia. Budapest, 1895. VI kötet. 349–387 lap; *Дмитриева Ю., Адягаши К.* Hungaro-Tschuwaschica: Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. С. 19–20.

⁴⁷ *Смагулов Е., Павленко Ю.В.* Указ. соч.; *Сунгатов Ф.* Гунны в Волго-Уральском регионе // История татар с древнейших времен. В 7 т. Т. I: Народы степной Евразии в древности. Казань: Рухият, 2002. С. 153–155.

⁴⁸ *Артамонов М.И.* История хазар. Л.: Изд. Гос. Эрмитажа, 1962; 2-е изд. СПб., 2002. С. 66–91; *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 30–36; *Гмыря Л.Б.* Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995; *он же.* Гунны на Северном

Кавказе // История татар... С. 156–165; *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (Конец IV–V вв. н.э.). СПб., 1994; *она же.* Гунны на Западе // История татар... С. 141–152; *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны. Л., 1926; *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Евразии. СПб.: Фарн, 1994. 165 с.; *Томпсон Э.А.* Гунны: Грозные войны степей. М.: Центрполиграф, 2008. 256 с.; *R/sonyi L.* Doñu Aorupada Tñrkñk. İstanbul: Selenge Yayınları, 2006. 539 S.

⁴⁹ *Смагулов Е., Павленко Ю.В.* Указ. соч.

⁵⁰ *Егоров Э.Н.* Пространственно-хронологическая динамика этнонима *булгар* и некоторые проблемы этнополитической истории волжских булгар // Взаимодействие урало-алтайских языков: язык и культура. Чебоксары, 2003. С. 128–157.

⁵¹ *Егоров Н.И.* Ex oriente lux...

⁵² *Егоров Н.И.* Оногуры, савиры, булгары и их взаимоотношения в первой половине I тысячелетия н.э. // Чувашский язык: История и этимология. Чебоксары, 1987. С. 16–31; малалли // Исследования по этимологии и грамматике чувашского языка. Чебоксары, 1988. С. 3–18; *Егоров Н.И.* Избранные труды: Этимология. Этнолингвогенез. Этнолингвокультурология. Астана; Чебоксары, 2009. Т. 1. С. 436–481.

⁵³ *Поляк А.Н.* Восточная Европа IX–X веков в представлении Востока // Славяне и их соседи. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 84: «Хазары (как в расширенном, так и в узком смысле этого слова) никогда народностью (этническим понятием) не были и не стали. Они всегда включали разные этнические элементы»; *Dunlop D.M.* The History of the Jewish Khazars. Ptinceton, 1954; *он же.* Hazar Yahudi Tarihi. İstanbul: Selenge Yayınları, 2008. 304 s.; *Golden P.B.* Khazar Studies: An Historico-philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Budapest. Т. I–II; *он же.* Hazar çalñemalarñ. İstanbul: Selenge Yayınları, 2006. 384 s.; *Rñha-Tas A.* A Kazñr nñpnñvrññ // Nyelvtudomñny Kñzlemñnyek. Budapest, 1982. 84 kñtet. P. 349–380; *он же.* ñjabb adatok a kazñr nñpnñv tñrñnetñhez // Nyelvtudomñny Kñzlemñnyek. Budapest, 1983. 85 kñtet. 126–133 lap; *Гумилев Л.Н.* Сочинения. Сост. А.И. Куркчи. Открытие Хазарии. М.: ДИ-ДИК, 1996. 640 с.; *Голден П.* Достижения и перспективы хазарских исследований // Евреи и славяне. Т. 16: Хазары. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. С. 27–68; *Рона-Таш А.* Хазары и мадьяры // Там же. С. 111–124; *Эрдаль М.* Хазарский язык // Там же. С. 125–139; *Аксенов В.С.* К вопросу о существовании памятников этнических хазар в верхнем течении Северского Донца // Там же. С. 219–230; *Круглов Е.В.* Хазары – поиск истины // Там же. С. 427–457; *Афанасьев Г.Е.* Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // Российская археология, 2001. № 2. С. 43–54.

⁵⁴ *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1967. 504 с.; *Гмыря Л.Б.* Наследники гунов в степях юго-восточной Европы // История татар... Т. I. С. 166–180; С. 173–180 (Авары); *Эрдели И.* Авары // Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Этногенетические исследования. Махачкала, 1998. С. 89–98; *Erdelyi I.* Az avarsñg ñs Kelet a rñgñszeti forñsok tñkrñben. Budapest, 1982; *Liu Mau-tsai.* Çin kaynaklarñna gñre Doñu Tñrkleri. İstanbul: Selenge Yayınları, 2006. 640 S.

⁵⁵ *Худяков Ю.С.* Енисейские кыргызы на Алтае и в Прииртышье // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т. II. С. 77–84; *он же.* Кыргызы на просторах Азии. Бишкек, 1995. 154 с.; *Худяков Ю.С.* Тюркские народы Западной Сибири // История татар в семи томах. Т. II: Волжская Булгария и Великая степь. Казань: РухИЛ, 2006. С. 89–98; отдельно 93 с.

⁵⁶ *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1962. 504 с.; *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 215 с.; *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2005. 346 с.; *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. СПб.: Петербург. востоковедение, 2000. 320 с.; Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2004. 362 с.; *они же.* Степные империи Евразии. СПб.: Фарн, 1994. 165 с.; *Karaev ñ.* Tñrkler ve Kañanñklarñ. İstanbul: Bilge. Kñltñr. Sanat, 2008. 276 s.

⁵⁷ *Кляшторный С.Г.* Из древнетюркской ономастики: царский род «голубых тюрков» // Ученые записки Санкт-Петербургского университета. СПб., 1997. Т. 430. Серия

востоковедческих наук. Вып. 35. Востоковедение 19: Филологические исследования. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 160–163.

⁵⁸ *Он же*. Древнетюркские рунические памятники...; *он же*. К проблеме ранней истории племени тюрк (Ашина) // Новое в современной археологии. М., 1966. С. 171–178; *Немет Ю.* К вопросу об аварях // *Turcologica: К 70-летию академика А.Н. Кононова*. Л.: Наука; Ленингр. отд-ние, 1976. С. 298–304; *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). Л.: Наука; Ленингр. отд-ние, 1980. С. 46–51; *Harmatta J.* *Irano-Turcica* // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1972. Т. 25. Vol. 1–3. P. 272–273; *Doerfer G.* *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. Wiesbaden, 1965. Т. II. S. 483–484; № 888; *Махмуров В.У.* Указ. соч. С. 29–34, 93–97.

⁵⁹ *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М.: Товарищество «Клышников–Комаров и К°», 1993. 526 с.; *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей: Древность и средневековье. СПб., 2004. С. 85–104; *Liu Mau-tsai.* Указ. соч.; *Röşynyi L.* *Tarihçe Türkler*. İstanbul: İrğün Yayınları, 2007. 560 s.; *Klyashorny S.G., Sultanov T.I.* *Kazakistan: Türkler ve bin yılları*. İstanbul: Selenge Yayınları, 2004. 83–99 s.

⁶⁰ *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. 591 с.; *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Евразии. СПб., 1994. 165 с.; *они же*. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 346 с.; *Файзрахманов Г.* Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии. Казань: Мастер Лайн, 2000; *Каржаубай С.* Объединенный каганат тюрков в 745–760 годах. Астана: Фолиант, 2002. 220 с.

⁶¹ *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны. Л.: Изд. ЛИЖВА, 1926. С. 93–94; *Владимирицев Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л.: Изд. Ленингр. Вост. ин-та, 1929. С. 19; *Таскин В.С.* Китайские источники о древних тюркских и монгольских племенах // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (К 100-летию со дня смерти). Материалы конференции. М., 1979. Ч. 2. С. 34–49; *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. С. 287: «Есть серьезные основания полагать, что ... монгольские племена сравнительно поздно, вероятно, лишь во II тысячелетии н.э., переселились из лесов в степи Центральной Азии, восприняв от своих соседей – тюркских племен – их традиции разведения домашнего скота и некоторые другие элементы материальной культуры, свойственные степнякам. Ареал, занятый лесными предками монголов до их продвижения в степи, некоторые авторы связывают с обширным горно-таежным регионом в бассейне Амура от его верховий до среднего течения, включавшего значительную часть Большого Хингана. В пользу этого предположения говорит ряд существенных факторов и прежде всего специфические лексические заимствования в монгольские и тюркские»; *Кызласов Л.Ф.* Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1992. С. 147–149: «До начала X в. всю территорию современных Монголии и Джунгарии, а также Восточного Туркестана (ныне Синьцзян) заселяли тюркоязычные племена... Вторжение монголоязычных киданей в центральноазиатские степи, которое началось походом 924 г., привело к кардинальным изменениям на этнической карте Центральной Азии. Монголоязычные племена в древности – это обитатели лесов, занимающиеся преимущественно рыболовством и охотой. Расселялись они в горно-таежной полосе между северо-восточной оконечностью Яблоневого хребта, по обеим сторонам Хингана и вплоть до северной оконечности Хэйлунцзяна, в основном по рекам Шилке, Ингоде, Аргуни и бассейну Амура в его среднем и нижнем течении»; *Егоров Н.И.* К вопросу о месте и времени огурско-монгольских этноязыковых контактов // Сравнительно-историческое языковедение. Алтаистика. Тюркология. Материалы конференции. К юбилею члена-корреспондента РАН А.В. Дыбо. М.: Тезаурус, 2009. С. 157–159; *он же*. Новые аспекты изучения тюрко-монгольских этноязыковых взаимосвязей // Тенишевские чтения – 2009. Сборник научных статей. Казань: ТГПУ, 2009. С. 68–77; *Yegorov N.* *Ogur-Bulgar-Çuvaie Etnoglottoenezinin İlk Sürçlerinin Ana Problemleri*. Ankara (в печати).

N.I. Egorov. Key problems of the Ogur-Bulgar-Chuvash etnoglottogenesis (ancient age).

The are considered the fundamental issues of ethnoglottogenesis and ethnic history of the peoples of Central (Inner) Asia of the early stages. The basic opinion is given to the interaction of the prototurks (the plate graves culture) with the IndoIranian (the Karasuk culture) and the East Iranian tribes (so-called the Hereksur culture), and also to the Ogur-Turk-Mongolian mutual relations XI–XII cc. The following fundamentally new provisions are justified on the early stages of the ethnolinguistic history of Central Asia in 1 millennium BC – 1 millennium AD.

The material common of the Turkic, Mongolian and Tunguru-Manchurian languages was formed only in 2nd millennium BC, therefore the Ramstedt hypothesis about the original genuinnost of the Altaic languages is wrong.

The prototurks beginning at least with Eneolithic were formed in the east of the large Mongolia (the plate graves area) and spoke Z-language (conventionally called by the author “Oguz”).

The Primary decay prothoturkic community and separation from it the Ogur trunk with its the Bulgar-Chuvash type R-language occurs in the first half of the first millennium BC. As a result of the Iranian assimilation by Prototurks, that dates from the Hereksur culture extinction (VIII–VII cc. BC).

The Ogur (resp. “Altay”) rather the Bulgar-Chuvash rhotacism appeared during the development of Turkic speech by the Indian Iranians (archaeologically karasuks), in which language, as in the Indo-European proto-language, there was not the voiced fricative Z.

In the Hsiung-nu era (V c. BC – V c. AD) in the Central Asian steppes dominated the Ogur-Turkic R-language of the Bulgar-Chuvash type, which is confirmed by the ethno-linguistic history of the Great Steppe in the After-Hsiung-nu period (III–VII cc. AD): more than 1500 Ogur lexical borrowing in the Mongolian language, about 500 in the Hungarian, and the Eastern Slavic, all accessible review of the Bulgar-Chuvash language history. In the Hsiung-nu era the standard Turkic Z-language assimilate the Ogur in the Mongolia steppes and is preserved mostly in the mountainous Taiga areas of the Sayan-Altai highlands, the Mongolian and Gobi-Altai, in the eastern Prityanshane etc.

The Chinese dynastic chronicles indicate that the tribes of the Hsiung-nu confederations and the Tungus groups (Wuhuan, Hsien-pi, Muzhuny, Toba, Zhouzhanki and others) were related and spoke the Ogur (proto-Bulgar) language. The catastrophic drought pushes the Ogurs from the center of Asia, and scattered them throughout the Great steppe of the Great Khingan in the east to the Danube steppes.

In the first half of the 1st millennium AD throughout the Arid region of Eurasia goes the first wave of the Iranian Turkization of the eastern aboriginal population of the Great steppe, the main perpetrators of which were the Ogurs (the proto-Bulgar).

In the middle of the first millennium AD in the Central Asian rise the Tele Confederation tribes (from Turkic *tegreg*, Chuvash *maεpau* “circle of kindred tribes”) the heirs of the emerging drought in the mountain taiga regions proto-Turks, of whom were as Oguz (toguz oyuz), so Ogur (on ujγur <* juγur <* on oγur) tribes.

In the middle of the first millennium AD the Tele Confederation of the proto-Turks under the auspices of the Turkis (the Sogdian) the genus Ashina create the first Turkic Khaganate (551–630 years), which ruled Sogdians (relocated by the Zhouzhan from eastern Turkistan to the Altai), which naturally spoke and wrote in the Sogdian language (The Bugut monument). But already in the second Turkic Khaganate (681–744 years) the standard Turkic of the Oguz (other data Karluk) type will triumph.

In the second half of the I millennium AD the second wave of the Iranian Turkization of the Arid region of Eurasia, which step by step, absorb the Ogur population of Central and Middle Asia, and then South-Eastern Europe, pushing back the Bulgarians to the west (in the lower reaches of the Danube) and the north in the Middle Volga.

The author by no means does not claim to be indisputable and final extended position, but is convinced that if at least half of the above mentioned here provisions and hypotheses will find confirmation of the independent experts, we have to radically review the all well-established conceptual paradigm of the ancient and medieval history of the Central Asian nations as well as the history of their languages.

ЧГВ, 2010 г., № 5
© В.Г. Родионов

ИСТОРИЯ ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX В. (КОНЦЕПЦИЯ)

Рассмотрена история изучения чувашского литературного процесса в XX в., затронуты методологические проблемы будущей теоретической истории чувашской литературы, выделены внутренние и внешние факторы литературного развития, а также изучен вопрос периодизации литературного процесса в тесной связи с развитием общественного сознания и социально-экономической динамикой российского полиэтнического сообщества.

Ключевые слова: чувашская литература, теоретическая история, компаративистика, сознание, национальная идея.

В плане мероприятий Республиканской целевой программы «Культура Чувашии: 2010—2020 гг.» предусмотрено издание в 2018–2020 гг. «Истории чувашской литературы» в 3-х томах. С декабря 2009 г. Чувашский государственный институт гуманитарных наук приступил к созданию концепции будущей истории чувашской литературы. Последние два тома (части) должны охватить весь XX в., а первый том – XVI–XIX вв. В данный том предполагается включить и обзорную главу об устно-поэтическом творчестве чувашского народа.

Излагаемая здесь система взглядов на историю чувашского литературного процесса является не набором застывших положений, она открыта, подвижна и способна к саморазвитию. С этой позиции Концепция есть изложение будущих авторов коллективного труда «История чувашской литературы» («История») своих видений, пониманий и намерений. Определение перспективы необходимо особенно в той ситуации науки, в которой оказалось чувашское литературоведение постсоветского времени.

Виталий Григорьевич Родионов – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Краткая история проблемы

Чувашское литературоведение, являясь специфической областью национальной научной мысли, накопило определенный опыт обобщения литературного процесса той или иной эпохи, последовательных периодов. Первой опубликованной историей чувашской литературы является очерк Н.В. Васильева (Шубоссинни)¹. В 20–30-е годы XX в. по проблемам истории чувашской словесности работал и Г.И. Комиссаров (Вандер), научные обобщения которого оставались неопубликованными вплоть до перестроечных времен конца XX в.² В послевоенное время на основе собранного Г.И. Комиссаровым материала М.Я. Сироткин написал «Очерки дореволюционной чувашской литературы»³, которые в доработанном варианте были переизданы в 1967 г.

Период очеркового осмысления чувашского литературного процесса завершается изданием в 1956 г. книги М.Я. Сироткина «Чувашская советская литература»⁴. В 50-е годы формировалась литературоведческая школа, неофициально названная сироткинской и строго придерживавшаяся принципов классовости и партийности в литературе.

В начале 60-х годов XX в. в чувашском литературоведении начинает складываться совершенно иная школа, которая в последующие десятилетия будет названа хлебниковской. Первые научные труды в ту пору молодого аспиранта Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова⁵, а затем кандидата наук Г.Я. Хлебникова⁶ обрадовали талантливых и раздражали посредственных писателей, а также и приближенных к партноменклатуре ученых-консерваторов. Старая гвардия литературоведов и Чувашский обком КПСС стали обвинять Г.Я. Хлебникова в «эстетстве», в чрезмерном преувеличивании им художественного в ущерб идейному, даже заставили издать по данной проблеме (идейно-эстетическому единству) отдельный сборник статей⁷.

Различие в методологии и методах анализа произведений сказалось на качестве первой научной истории чувашской советской литературы, написанной и изданной Чувашским научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ЧНИИЯЛИЭ) совместно с преподавателями Чувашского государственного университета (ЧГУ) им. И.Н. Ульянова и Чувашского государственного педагогического института (ЧГПИ) им. И.Я. Яковлева⁸. В частности, М.Я. Сироткин и его ученики в ней строго придерживались принципов партийности и классовости, в их повествованиях преобладали идеологические и тематико-политические пассажи. В противовес им Г.Я. Хлебников приводил примеры истинно художественного анализа произведений, при их оценке опирался на степень художественности и категорию общечеловеческого гуманизма, вместо партийности чаще всего останавливался на проблеме эстетического идеала. Этими качествами отличаются и остальные его научные труды, созданные уже в 80–90-е годы XX в.⁹

В конце 1970-х – начале 1980-х годов ЧНИИЯЛИЭ приступил к составлению однотомной истории чувашской литературы дооктябрьского периода, очевидно, не без влияния Института мировой литературы (ИМЛИ) им. А.М. Горького. В первом варианте плана-проспекта историю чувашской литературы предполагалось начинать с произведения М. Федорова «Арсури» (Леший), то есть с 70-х годов XIX в. Все литературные тексты XVIII в. (оды и торжественные слова, произведения Е. Рожанского и Н. Бичурина) и первой половины XIX в. (тексты П. Талиева, Н. Базилевского, импровизации и такмаки Хведи Чуваша, а также произведения В. Вишневого, В. Лебедева, С. Михайлова и др.) оставались за рамками предполагаемого исследования. Между тем для создаваемого ИМЛИ им. А.М. Горького коллективного труда «Многоязычная литература народов СССР дооктябрьского периода» ЧНИИЯЛИЭ должен был представить разделы по XVIII в. и первой половине XIX в.

По инициативе сотрудников отдела литературы и фольклора ЧНИИ (А.В. Васильева, В.Г. Родионова и Г.Ф. Трофимова) в начале 1980-х годов был написан совершенно новый проспект будущей «Истории чувашской литературы дооктябрьского периода», охвативший вторую половину XVIII в. и весь XIX в. В т. 1 «Революциченхи чăваш литератури. Текстсем» (Дореволюционная чувашская литература. Тексты) были включены следующие эпохи средневековой литературы: болгарская эпоха (VIII–XIII вв.), золотоордынско-казанскоханская эпоха (XIV–XVI вв.) и эпоха в составе Русского государства (XVI–XVIII вв.). Литература Нового времени имела следующие периоды: конец XVIII – первая половина XIX в. (период становления письменной литературы), вторая половина XIX в. (период просветительства)¹⁰.

В годы перестройки (1987) была завершена первая часть (до XX в.) коллективного труда «Революциченхи чăваш литератури», которая отдельной книгой вышла ровно через два года¹¹. В ней несколько скорректированы этапы и периоды истории литературы, дополнительно включен раздел «Авалхи тёрёк литератури» (Древнетюркская литература).

Таким образом, в 80-е годы XX в. чувашское литературоведение в лице учеников Г.Я. Хлебникова сделало определенные шаги в сторону углубления истории национальной словесной культуры и ее художественно-поэтических корней. В конце 80-х годов Отделом чувашской литературы и фольклора ЧНИИЯЛИЭ была забракована заключительная часть истории чувашской литературы дооктябрьского периода (авторы – И.И. Иванов и И.А. Зотов). Данная часть истории была заново написана Ю.М. Артемьевым и в 1992 г. издана как монография по проблемам истории чувашской литературы начала XX в.¹² В те же годы появились работы, посвященные исторической поэтике и стихосложению чувашского фольклора и литературы¹³. Научные статьи Ю.В. Яковлева и Г.И. Федорова, культурологические разработки-эссе С.А. Александрова свели на нет былые социологизированно-политизированные пассажи старой литературоведческой школы, которые ушли с литературной арены вместе с обкомом КПСС.

За последние 20 лет до читателей дошли монографические исследования Г.И. Федорова¹⁴ и других современных чувашских литературоведов, были изданы учебник¹⁵ и учебные пособия для общеобразовательных школ¹⁶, пособия по чувашской литературе для студентов вузов, колледжей и учителей-словесников¹⁷. С 1993 г. по 2009 г. по отдельным проблемам чувашской литературы на соискание ученой степени защитили 6 докторских и 35 кандидатских диссертаций. За данный период в научный оборот были включены забытые и раскритикованные в 30–70-х годах XX в. произведения ряда опальных писателей: братьев Турханов, А. Милли, М. Юмана, В. Рзая и других, вырабатывалась новая научная парадигма. Все это указывает на необходимость переосмысления пройденного литературного пути, обобщения литературно-художественного опыта чувашского народа в контексте достижений других литератур, прежде всего общероссийских. Из вышеизложенного состояния чувашского литературоведения и определения его задач на ближайшую перспективу формируется главная цель создания «Истории чувашской литературы»: написание «Истории чувашской литературы» совершенно нового типа, которая должна ложиться на современное аксиологическое основание и ориентироваться на новые методологические подходы в литературоведении.

Методологические основы «Истории». В отечественном литературоведении накоплен определенный опыт создания совместных историй литератур народов бывшего СССР еще в 70-е годы XX в.¹⁸ Тогда же отдел советской литературы ИМЛИ приступил к работе над новой, сводной «Историей литератур народов СССР дооктябрьского периода» (под руководством Р.Ф. Юсуфова данный труд планировали завершить к середине 1980-х годов). Его методологической основой послужили, естественно, ленинская теория о трех этапах национально-освободительного движения в России и учение о двух культурах в каждой национальной культуре. Но в процессе работы над отдельными очерками выяснилось, что богатый фактический материал никак не влезает в рамки вышеназванных положений марксистско-ленинского литературоведения. Многие авторы стремились к историко-философским и теоретическим выводам, культурософии и широкому общественно-политическому контексту, некоторые усиленно изучали различные виды сознания.

Публикации данной уникальной многотомной истории помешала так называемая перестройка с ее логическим завершением — распадом СССР. Но опыт, накопленный в ходе создания данного фундаментального труда, не только был сохранен, но и обогащен исследованиями ученых из ряда регионов, в том числе и из Чувашской Республики. Их вдохновляли теоретико-методологические разработки Р.Ф. Юсуфова, продолжавшего и развивавшего традиции Д.С. Лихачева в области создания теоретической истории национальных литератур¹⁹.

Имеются и другие заделы по созданию истории национальных литератур. В частности, историки литературы из ИЯЛИ АН Татарстана

смело приступили к написанию пятитомной истории татарской литературы XX в. Екатеринбургцы взялись за создание многотомной истории литературы Урала, в которой наряду с русской будут рассмотрены и другие национальные литературы (башкирская, удмуртская и коми)²⁰. Литературоведы из Удмуртского государственного университета издали учебное пособие по удмуртской литературе XX в.²¹

Естественно, в настоящее время идет усиленный поиск новых путей решения методологических проблем литературоведения. Преобладающая часть исследователей пишет о смене традиционных парадигм науки о литературе²². Но это не умаляет значения жанра «Истории» и не позволяет отрицать сам факт его существования, о чем иногда рассуждают некоторые критики²³.

Многие истории национальных литератур относятся к описательным, ибо в подобных работах изложение понимания литературного процесса соединяется с пересказом многих известных фактов, в той или иной степени связанных с писателями и их произведениями. В подобных работах мало конкретного анализа; они больше всего служат учебным целям, чем научным. Такие традиционные истории литературы находили и всегда будут находить своих читателей в различного уровня школах, а также в библиотеках для массового пользования. Они всегда востребованы, поэтому подобные учебники и учебные пособия имеют полное право на существование.

Чисто научные истории литературы традиционно называются академическими, в них должны преобладать теория и научный анализ. К сожалению, многие подобные «Истории» грешат описательностью и фактографичностью, которые в данной разновидности жанра выглядят как недостаток.

На рубеже 60–70-х годов XX в. академик Д.С. Лихачев впервые определил научную историю литературы как «теоретическую историю»²⁴. «Цель теоретической истории другая, – пишет ученый, определяя границы между двумя разновидностями «Истории». – У читателя предполагается некоторый необходимый минимум знаний, сведений и некоторая начитанность в ... литературе. Исследуется лишь характер процесса, его движущие силы, причины возникновения тех или иных явлений, особенности историко-литературного движения ... сравнительно с движением других литератур»²⁵.

Цель нашего исследования формируется из вышеприведенного определения Д.С. Лихачева. Обзорные статьи в нем должны строиться на основе теоретического осмысления с систематическими выходами на типологические и другие сравнения, контекстное видение и т.д. Литературные портреты должны опираться на традиционный фактологический материал, но, в отличие от традиционных портретов, творчество отдельных писателей должно быть вписано в контекст эпохи и национальной литературной системы.

Методика построения теоретической истории литературы требует рассмотрения больших эпох и более мелких периодов в их динамике, выявления закономерностей их смены. Историко-литературные эпохи, как правило, выдвигают свои жанры и стили, разрабатывают специфическую тематику и проблематику. В область теоретической истории, как утверждает Д.С. Лихачев, входит и изучение национального своеобразия литературы: «Национальный характер – это и особенности исторического пути литературы, особенности ее развивающегося взаимоотношения с действительностью, особенности меняющегося положения литературы в обществе»²⁶. Для определения национального своеобразия литературы важны как инвариантные постоянные, так и исторически изменяющиеся. В таком аспекте история литературы – это национально-самобытный путь развития словесной культуры народа.

Следующий момент, требующий учета при создании теоретической истории литературы, связан с общими закономерностями развития мировой культуры. Единство мирового развития культуры выражается, как отмечает Д.С. Лихачев, «в том, что народы в случае пропуска у себя того или иного «закономерного» этапа развития культуры могут ускоренно проходить свое развитие, используя опыт соседних народов»²⁷. К подобным «ускоренникам» относится и чувашская литература, как составная часть новой профессионально-письменной культуры чувашского народа.

Итак, целью теоретической истории является не только выявление инвариантного и вариантного, но и обнаружение в «ускоренных» литературах тех законов, которые четко прослеживаются в литературах «классического» типа, главным образом в западноевропейских (Античность, Средневековье, Возрождение, Просвещение). В силу ряда объективных причин средневековье народов Поволжья продолжалось вплоть до второй половины XIX в. Поэтому решать проблемы Возрождения и Просвещения им приходилось в совершенно новых условиях, а это глубоко повлияло на своеобразие их культур и литератур.

Данный аспект изучения истории чувашской литературы (шире — культуры) требует типологического подхода, прежде всего выделения разноразноуровневых «типов национальных систем»²⁸. По схеме И.Г. Неупокоевой, чувашскую культуру следует отнести к типу прерванного развития, «когда иноземный гнет сковывал развитие народа и его культуры и возможности народного языка были надолго подавлены»²⁹. В таких культурах письменность и литература зарождаются как бы заново, но, в отличие от других литератур нового времени, они имеют более интенсивный темп развития (например, чувашская и коми литературы сложились к середине, а удмуртская, марийская и мордовская – только к концу XIX в.). Татарскую и башкирскую литературы можно отнести к такому типу развития национальной литературной системы, в которых письменные традиции полностью не прерывались, но литература развивалась «с определенным замедлением на отдельных этапах, вызванным тяжелыми обстоятельствами национальной истории»³⁰.

Итак, в регионе следует выделить три типа литературных систем, которые составляют следующие группы:

1) тюрко-мусульманские без полного разрыва со средневековыми письменными традициями (татарская и башкирская литературы);

2) тюркско-финно-угорские с прерванными и относительно старыми письменными традициями (коми, чувашская литературы);

3) финно-угорские с относительно новыми письменными традициями (удмуртская, марийская и мордовская литературы).

При сопоставлении литературных систем региона или же творчества классиков исследователь всегда должен помнить о наличии вышеперечисленных типов. Например, поэзия классиков Г. Тукая и К. Иванова типологически никак не сопоставимы с творчеством первых удмуртских или же марийских и мордовских поэтов, хотя они творили в одно и то же время и являлись современниками.

Проблемы типологии современных национальных систем тесно связаны с историей перевода и определения литературы-посредницы. На татарскую и башкирскую литературы и в Новое время сильное влияние оказывала средневековая мусульманская культура, а к концу XIX в. – европеизированная турецкая литература (на данный факт указывает наличие приличных переводов и подражаний) и русская литературная классика.

Творчество чувашских просветителей первой половины XIX в. развивалось в рамках жанровой системы старославянской (болгарской и древнерусской) литературы (проповеди, жития и др.) и русского Просвещения (оды, очерки и др.). В 1860–1870-х годах появляются переводы произведений русских писателей первой трети XIX в. (литературных сказок А.С. Пушкина и др.), а к концу XIX в. – дидактических рассказов Л.Н. Толстого (они переводились и в первом десятилетии XX в.). В зрелый период чувашской литературы (начало XX в.) в основном переводится русская классика XIX в. и частично – зарубежная литература (Г. Гейне, Ж. Мольер и др.).

Классик коми литературы И. Куратов в своем творчестве прошел весь путь приобщения чувашской литературы к мировой классике еще в 60–70-х годах XIX в. После достижений И. Куратова коми литература как бы «отдыхала» и набирала силы для нового «рывка» (творчество К. Жакова). Отсюда следует заключить, что она прогрессировала скачкообразно. На таком фоне развитие чувашской литературы выглядит более равномерным, ее поступательные шаги подчинены внутренней логике развития нового художественного сознания народа. Коми литература, очевидно, более привержена к внешним влияниям литератур-посредниц. В этом – главное отличие чувашской литературы от другой одноипной литературы региона. Удмуртская, марийская и мордовская литературы в начале XX в. «ускоренно» проходили полувековой путь татарской, чувашской и коми литератур второй половины XIX в. и в 1920-е годы выдвинули своих классиков регионально-общероссийского уровня (К. Герда, А. Оки, С. Чавайна, З. Дорофеева и др.). В данный период литературы народов Урало-Поволжья выровнялись:

«отстающие» догнали «более развитых». Примерно с конца 20-х годов XX в. начинается общая история литератур народов СССР, хотя региональные особенности литератур Урало-Поволжья сохранились вплоть до рубежа XX и XXI вв.

Внутрилитературные и внелитературные факторы развития.

В развитии литературы действуют, как известно, внутрилитературные и внелитературные факторы³¹. К первым относятся область поэтики и закономерности взаимоотношений литературы с устным поэтическим творчеством (фольклором), а также другими видами национальных искусств. В состав внелитературных факторов следует включить социально-общественные, этнические и политические процессы. Весьма часто ускоренные факторы сложно переплетены, они тесно соприкасаются и взаимодействуют. Поэтому историк литературы должен проследить моменты перекрещивания факторов внелитературного порядка с чисто художественными факторами³², а когда возможно, показать и органику их синтеза.

Основной единицей «Истории» является «национальная литература в своей целостности и внутренней диалектике», а объектом внимания и характеристики должен стать, прежде всего, тот писатель, который вложил «заметный вклад в развитие родной литературы»³³. Лишь целостное изучение литературного процесса способствует раскрытию его внутренней диалектики, обусловленной «борьбой противоречивых тенденций»³⁴. В другой работе Ю.Б. Виппер корректирует последнее положение, утверждая, что взаимодействие не всегда сводится к борьбе, зачастую оно обретает характер соревнования³⁵.

Как известно, свою целостность и автономность художественная литература обретает постепенно, по мере обогащения определенных традиций и прохождения ряда последовательных этапов становления. В частности, чувашская литература стала вполне автономной и имеющей свои собственные художественные традиции в начале XX в. Но в этой литературной системе оставались и активно функционировали некоторые жанры чувашского обрядово-театрализованного фольклора и народной прозы, которые в достаточной степени компенсировали отсутствие разнообразных жанров драматургии и театра, а также некоторых видов прозы.

До начала XX в. чувашская литература была подчинена, прежде всего, просветительским целям, поэтому она действительно не имела своей автономии, точных ограничительных границ. Литература являлась многофункциональной, со строгой иерархией как фольклорных, так и литературных (религиозной и светской) жанров.

XX в. – это целая эпоха смены литературных течений и, возможно, направлений. Художественная литература начинает свою полнокровную, самостоятельную жизнь, не очень реагируя на фольклор. Наоборот, фольклор интенсивно начинает развиваться в авторских вариантах, то есть он частично обретает черты индивидуально-авторского творчества. Правда, как уже было отмечено, еще на рубеже XIX – начале XX вв. система жанров литературы

активно дополняется рядом фольклорных жанров. Подобный процесс проходил, как отмечает Д.С. Лихачев, и в древнерусской литературе³⁶.

Проблема соотношения фольклора и литературы приводит нас и к следующей мысли. Чувашский народ в своей основной массе с XV по XVIII вв. являл собой хлебопашцев и язычников. А фольклор, по утверждению Д.С. Лихачева, целиком удовлетворял эстетическим потребностям трудового народа в художественном слове, литература же охватывала только те области, которые превышали возможности устного народного творчества³⁷. Вся феодальная верхушка чувашского общества пользовалась старотатарской (мусульманской) письменностью и литературой, которые впоследствии не были унаследованы чувашами-земледельцами из-за их конфессиональных различий. Поэтому историю чувашской литературы следует начинать с XVIII в., когда она стала медленно зарождаться под благодатным воздействием идей европейского Просвещения. Наличие средневековой литературной традиции для татарской передовой интеллигенции создавало определенные проблемы (борьба со средневековыми традициями и мировоззрением). В этом плане для чувашских писателей путь к свободной личности был значительно короче и прямее. Вместе с тем он был зыбок и опасен с точки зрения наличия всевозможных разветвлений.

Следующей внутрикультурной (имеется в виду культура художественная) проблемой является рассмотрение литературного процесса в кругу искусств. В свое время М.М. Бахтин особо подчеркивал важность изучения литературного процесса в тесной связи с «глубоким анализом культуры»³⁸. «Литература и все виды других искусств управляются воздействием социальной действительности, находятся в тесной связи между собой и составляют в целом одну из наиболее показательных сторон развития культуры, – отмечает Д.С. Лихачев важность культурного контекста в истории литературы. – Вот почему при построении истории литературы показания других искусств помогают отделить значительное от незначительного, характерное от нехарактерного, закономерное от случайного»³⁹.

Сопоставительное изучение литературы с другими искусствами не должно сводиться лишь к поиску аналогии и сходств. Не менее важным аспектом является выявление их различий и своеобразия. Очевидно, в определенные периоды внутри одной культуры они выполняли компенсаторные функции по принципу дополнительности.

В чувашской литературе имеются жанры (романсы, песни, драмы), в которых слово синтезировано с музыкой; общими для поэзии и изобразительного искусства являются национальная цветосимволика, язык образов, мировидение и т.д. Геометрическая зеркальность народной вышивки сопоставима с некоторыми особенностями поэтики художественной литературы (разного вида повторы, образный параллелизм в поэзии, цикличность и др.).

К особому феномену следует отнести следующий уникальный факт: ряд писателей владел даром либо художника (К. Иванов, М. Сеспель),

либо композитора и музыканта (Ф. Павлов, П. Осипов). При анализе литературных произведений этих писателей весьма желательным сопоставлением их творений в различных видах искусств. Синтетизм искусств, их тяготение друг к другу в истории возникали не случайно и оно всегда имело определенные причины. В русской литературе его связывают с периодами «национального духовного подъема и с такими творческими методами, как романтизм и неоромантизм»⁴⁰. Три классика чувашской литературы – К. Иванов, Ф. Павлов и М. Сеспель – жили и творили в период национального возрождения чувашского народа, а в их произведениях – немало характерных сторон романтизма как литературного течения (они отличаются от направления, имеющего эпохальную значимость и долгую продолжительность функционирования).

Таким образом, обнаружилась и требует своего решения проблема изменчивости содержания литературоведческих терминов. По убеждению Вл.А. Лукова, комплексный подход к изучению литературного процесса осуществляет так называемый «историко-теоретический подход», опирающийся, с одной стороны, на теоретические выкладки, а с другой стороны, на необходимость внесения в теорию исторического момента. Главной особенностью данного подхода считается признание того факта, что на разных этапах и в различных исторических условиях одни и те же понятия могли менять свое содержание. Применяя известную терминологию к подобным явлениям, историк литературы обязан корректировать содержание используемых им терминов с учетом исторического момента⁴¹. Очевидно, не просто исторического, а национально-исторического момента, ибо литературы разнотипны и все имеют свое национальное своеобразие.

Хотелось бы не согласиться с Вл.А. Луковым и по поводу его понижения возможностей типологического подхода к литературным процессам, в особенности по отношению к однотипным словесным культурам. Если исследователь умело корректирует содержание используемых им литературных терминов, то обнаруженные типологические аналоги и сходства могут быть полностью результативными в плане их объективности. Для изучения чувашской литературы начала XX в. весьма полезно знание аналогичного процесса в татарской культуре того же периода. Как уже было отмечено, необходимость непримиримой борьбы со средневековыми устоями в культуре и религии вынудила основную часть татарских писателей стать публицистами и сатириками, активно развивать комическое начало в литературе, жанры комедии, памфлета, фельетона. Не случайно в те годы в татарском мире функционировало несколько сатирических журналов, редактором одного из них до самой смерти был великий и гениальный Г. Тукай.

У чувашских писателей начала XX в. были несколько иные задачи (борьба с национальным нигилизмом, традиционным консерватизмом старшего поколения, в том числе и с религиозным просветительством второй половины XIX в. и др.).

Вышеназванные внутринациональные задачи определили литературно-жанровую специфику двух соседних и родственных народов. Следовательно, типологическое изучение нескольких синхронных литератур внутри одного региона позволяет обнаруживать не только сходства, но и определенные различия. Фундамент истории национальной литературы создается прежде всего из фактов и явлений, которые имеют внутриэтнический характер и национальную иерархию ценностей. Выход на другие литературы региона и определение их схожестей и несхожестей позволяет литературоведу совершенно по-новому, со стороны увидеть исследуемый объект и полнее определить его специфику, своеобразие и самобытность. Такая история литературы будет представлять из себя как органическую часть сообщества более высокого порядка, она будет вписана в историю мировой литературы со своей национальной самобытностью.

Итак, возможности типологических сравнений далеко не исчерпаны. В них прежде всего нуждаются литературоведы, изучающие литературы «ускоренного» развития без прохождения последовательных стадий «классических» литератур. Типологический метод позволяет изучить как внутрилитературные явления, так и внелитературные факторы развития. Подлинная аналитичность в литературных сравнениях прежде всего предполагает типологический поиск. Художественный образ всегда зиждется на сравнении, и потому всякий литературный анализ по-своему компаративен⁴².

К основному внелитературному фактору развития следует отнести социально-политическую жизнь общества, которой в конечном итоге принадлежит решающая роль. Еще недостаточно изучены под теоретическим углом зрения разновидности, типы, формы и степень взаимодействия и соотношения этих двух факторов (внутрилитературного и внелитературного) развития литературного процесса. По наблюдениям Ю.Б. Виппера, в литературном развитии наряду с плавной эволюцией существенную роль играют и качественные скачки, когда новая литературная система противопоставляет себя тенденциям, на смену которым она идет⁴³.

Литературный процесс следует осмысливать и с точки зрения философии истории, других наук. Утверждение о том, что подобный широкий аспект, свободно соприкасающийся с историей, философией, этнологией, социологией, историей общественной мысли и другими сферами науки, способствует нивелировке границ литературоведения, не оправдано. Такой «контекстный» метод способствует выявлению связи литературы с историческим движением этноса, этноландшафтом и т.д.⁴⁴ Именно философско-художественный уровень произведений дает наибольшие основания для их причисления к литературе более высшего порядка (регионально-российской, мировой). Основным предметом исследования в подобных случаях становятся не сами процессы исторического развития, а история общественного, главным образом – художественного, сознания⁴⁵.

Выявление динамики национального художественного сознания и его форм, изучение его связей с другими видами сознания (этническим, со-

циальным и др.) должны занимать в «Истории» достойное место. Особое внимание уделяется сейчас такому уникальному явлению в художественном творчестве, как национальная идея, которая есть нечто большее, чем ментальность. «Реально же культурные основания, культурная конфигурация национальной идеи, – замечает К.К. Султанов, – всегда задача, а не данность, всегда проблема, а не аксиома»⁴⁶. И литература, как полагает известный литературовед, не воспроизводит и не транслирует национальную идею, а каждый раз как бы заново порождает как новость, как акт открытия произведения.

В советское время, особенно до 70-х годов, не принято было говорить о национальной идее как о явлении художественном. Затем ее заметили и квалифицировали как «пробуждение и становление национального самосознания»⁴⁷. Лишь в последней четверти XX в. вернулись к народу из спецхранилищ ярко выражающие национальную идею произведения «забытых» писателей (братьев Турханов, Г. Комиссарова-Вандера, А. Милли, М. Юмана и др.).

«Социалистический реализм», который полностью исключал национальную идею и опирался, как известно, на идею-содержание классово-социального объединения всех народов и рас, – есть категория идеологическая и философская. Данный метод, по выражению С.У. Алиевой, «диктовал насильственное псевдоразвитие художественной словесности», в которой не было «места ничему национально-индивидуальному»⁴⁸.

В советский период литература развивалась не благодаря, а вопреки диктату «социалистического» реализма. Проблему власти и народа, национальной идеи по-своему решают В. Митта (перевод «Бориса Годунова» А. Пушкина, цикл-поэма «Тайр»), П. Хузангай («Песни Тилли»), «лагерную» поэзию создает А. Воробьев, на официальную национальную политику властей своеобразно реагирует С. Эльгер (серии его рассказов, стихотворений и писем).

Национальная идея в них существует не только в форме определенной данности, она актуализирована как художественная, так и политико-идеологическая задача (для примера следует привести факт обсуждения «национализма» С. Эльгера на пленуме Чувашского обкома КПСС).

Итак, вне контекста общественно-политической жизни народа и страны, без истории общественного сознания со всеми его разновидностями немислимо серьезное изучение литературного процесса. Как точно подметил К.К. Султанов, история литературы в определенном смысле есть и «история кристаллизации национальной идеи»⁴⁹. В создаваемой «Истории» она должна быть прослежена от начала XX в. до его конца.

Проблемы периодизации. Исследователи выявляют два основных способа самоорганизации культуры и трансляции культурой «самой себя» во времени и пространстве – традиционалистский (типичен для средних веков) и инновационный (типичен для европейских обществ с Нового времени). «Новое время, Просвещение и капитализм сломали гармоничную систему

культурных фильтров, стоявших на страже Средневековой культуры – скорее, социума, – резюмирует философ А.А. Воронин. – Начался век познавательной и технической экспансии, теснейшим образом связанный с социальными движениями»⁵⁰. Отсюда следует полагать, что формирование общественной мысли народов, в том числе и чувашского этноса, хотя и опосредованно, но в определенной степени зависело от его включения в инновационное сообщество с интенсивно развивающимся капитализмом. А Российская империя со своими национальными регионами, которые в своем большинстве в экономическом плане были слабо развитыми, бесповоротно втянулась в общемировую капиталистический «водоворот», как известно, лишь во второй половине XIX в.

Следует еще раз акцентировать основную мысль: общественное сознание по своей сути динамично, и на него постоянное влияние оказывали как техногенные (эти экономико-технологические достижения напрямую связаны с внедрением новых научных открытий), так и факторы локального характера (общественно-политические, социальные, национально-конфессиональные и др.).

Рассмотрим теорию волнообразного движения капиталистической экономики, непосредственно влиявшую на социальную и общественную жизнь, в том числе и на массовое сознание.

Согласно теории так называемых «длинных волн» Н.Д. Кондратьева (ее он создал в начале 1920-х годов), мировая (европейская) капиталистическая экономика движется волнообразно, проходя фазы подъема и спада, достигая в определенные отрезки времени равновесного состояния. Фазы подъема наступают, как правило, в результате научно-технических изобретений и нововведений.

Первый подъем европейской капиталистической экономики осуществился благодаря развитию текстильной промышленности и производства чугуна, резко изменившие экономические и социальные условия европейских обществ. Данная «длинная волна» охватывает 1789–1849 гг.

Вторая же волна капиталистической экономики (1849–1896 гг.) была вызвана масштабным строительством железных дорог, которое благотворно повлияло и на развитие аграрного сектора.

Третью волну экономического развития капитализма (1896–1930-е годы) ученый объяснял широким внедрением электричества, радио и телефона. Перспективу нового подъема экономики Кондратьев видел в автомобильной промышленности⁵¹.

Четвертую волну (1940–1980 гг.) последователи теории Кондратьева связывают с развитием авиастроения и автономной энергетики, а пятую волну (1981–2010 гг.) – с наступлением эпохи компьютеров, Интернета, а также биотехнологий. Будущая волна определяется нанотехнологией⁵².

Этапы трансформации русского эстетического и литературно-художественного сознания главным образом совпадают с границами экономических подъемов и падений, в особенности первых трех волн. Как объясняет

В.А. Келдыш, начиная с 40-х годов XIX в. русская литература развивалась под преобладающим воздействием одного художественного направления (реализма) и многие противоречия разыгрывались внутри него. С утверждением в 1890-е годы нового, модернистского искусства литературное движение становится, как образно выразился ученый, «полем соперничества двух особых систем художественного мышления»⁵³. С этого времени начинает формироваться новое восприятие русской исторической действительности.

Вторая половина XIX в. в татарской, башкирской, чувашской и коми литературах известна как просветительский этап национальных литератур, к которым поэтапно присоединились удмуртская, марийская и мордовская литературы. Поэтому решение просветительских задач в регионе затянулось вплоть до 1920-х годов.

Критическая струя в татарской и чувашской литературах усилилась в 1902–1904-х годах (повесть Г. Исхаки «Исчезновение, спустя двести лет», 1902; поэма П. Орлова «Орауши», 1903) и, наряду с критикой действительности, в них созревала идея сохранения народов от исчезновения (тат. *инкый-раз*, чув. *сұхалу*). Постепенно она легла в основу национальной идеи татарского, чувашского и других народов Урало-Поволжья.

Итак, качественное изменение просветительского реализма в литературах татарского и чувашского, а потом и других народов происходило в начале XX в. (в чувашской – с 1903 г.). Итоговым памятником чувашского просветительского реализма стал «*Тăхăръял*» (Девять деревень) Г. Тимофеева, по жанру тяготеющий к европейскому роману-эпосе.

Русский «серебряный век» начинается в 1890-е годы и завершается примерно в начале 1920-х годов⁵⁴. «Золотой век» чувашской литературы после смерти М. Сеспеля по инерции продолжается вплоть до конца 1920-х годов. Следовательно, 1903–1920-е годы занимают в чувашском литературном процессе отдельный этап с четко выраженной национальной идеей – проблемой свободы личности и возрождения народа.

Новый экономический подъем в 1930-е годы совпал со становлением в стране тоталитаризма и диктатуры власти, а в советских литературах – «социалистического реализма». Данный этап, по Н.Л. Лейдерману, завершается серединой 1950-х годов⁵⁵ и состоит из следующих периодов: «1930-е годы», «период Великой Отечественной войны», «первое послевоенное десятилетие».

Следующий этап советской литературы начинается с середины 1950-х годов и продолжается до середины 1980-х годов. Он включает такие хронологические отрезки времени: «период «оттепели» (1954–1968)», «период кризиса соцреалистического канона (1968–1985)».

Завершающий этап: середина 1980-х годов – 2000 г.⁵⁶ При этом Н.Л. Лейдерман замечает, что этот этап не завершен. Здесь на данное время выделяются такие периоды: «период возвращений [литературного наследия и национального идеала] (1985–2000)» и «первое десятилетие XXI в. (2000–2010)». В 2010 г. конец пятой волны мирового экономического развития полностью сливается с завершающим этапом литературного процесса XX в.

Совершенно прав Н.Л. Лейдерман: хронологические границы между отдельными циклами достаточно зыбки, потому что тенденции, господствующие в один период, возникают, как правило, в недрах предыдущего периода и так далее. (Например, яковлевский тип просветительского реализма для определенных писателей был характерен и в начале XX в.)

Вышеназванные экономические волны с литературно-художественными этапами и периодами связаны не напрямую, а лишь опосредованно. Развитие капитализма, как известно, способствовало динамике общественного сознания, а последнее – социально-этнического сознания. Данное явление уже напрямую воздействовало на художественное мышление народа. При этом национальные литературы оставались весьма самобытными и своеобразными.

В данную Концепцию включены лишь наиболее общие мысли и положения, которые детально будут изложены в структурах и содержаниях отдельных глав и разделов.

Выводы.

1. Назрела необходимость создания «Истории чувашской литературы» на новых аксиологических основах и методологических принципах.

2. Научная история литературы должна быть не фактографическо-описательной, а прежде всего историко-теоретической с широким типологическим контекстом.

3. Литературный процесс должен изучаться в разрезе его внутренних и внешних факторов развития. При этом устоявшиеся европоцентристские термины требуют корректировки их содержания с учетом национально-исторических особенностей.

4. В «Истории» достойное место следует уделять выявлению динамики художественного сознания, изучению его связей с другими видами сознания, национальной идеей и т.д.

5. Литературный процесс, хотя и опосредованно, связано с развитием общественного сознания и динамикой научно-технического прогресса. Поэтому проблему периодизации истории литературы целесообразно увязать с динамикой социально-экономического развития.

Литература и источники

- ¹ Васильев Н. Краткий очерк истории чувашской литературы. М., 1930. 80 с.
- ² Комиссаров Г.И. О чувашах. Чебоксары, 2003. 528 с.
- ³ Сироткин М.Я. Очерки дореволюционной чувашской литературы. Чебоксары, 1948. 245 с.
- ⁴ Сироткин М.Я. Очерки истории чувашской советской литературы. Чебоксары, 1956. 352 с.
- ⁵ Хлебников-Шанар Г. Становление чувашского романа // Дружба народов, 1962. № 3.
- ⁶ Хлебников Г.Я. Современная чувашская литература. Чебоксары, 1971. 182 с.
- ⁷ Идеино-эстетическое единство художественного произведения // Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1989. 174 с.
- ⁸ Чăваш совет литературы. Шупашкар, 1972. 510 с.

- ⁹ *Хлебников Г.Я.* Чăваш совет литератури поэтики. Малтанхи тапхăр. Шупашкар, 1990; *он же.* Чувашская литературная классика и ее наследники. Чебоксары, 2001. 302 с.
- ¹⁰ Революционерчи чăваш литератури. Текстсем. 1 том (XX ёмърчен). Шупашкар, 1984. 464 с.
- ¹¹ Революционерчи чăваш литератури. (XX ёмърчен). Шупашкар, 1989. 302 с.
- ¹² *Артемов Ю.М.* XX ёмър пуçламăшёнчи чăваш литератури. Шупашкар, 1992. 253 с.
- ¹³ *Родионов В.Г.* Чувашский стих. Проблемы становления и развития. Чебоксары, 1992. 223 с.
- ¹⁴ *Федоров Г.И.* Художественный мир чувашской прозы. Чебоксары, 1996. 303 с.
- ¹⁵ *Артемов Ю.М.* Чувашская литература. Учебник для X–XI классов русскоязычных школ. Чебоксары, 2003. 238 с.
- ¹⁶ *Родионов В.Г.* Чăваш литератури: X класра вĕренмелли вĕрену кĕнеки. Шупашкар, 2003. 272 с.; *Федоров Г.И.* Чăваш литератури: XI класра вĕренмелли вĕрену кĕнеки. Шупашкар, 2003. 272 с.
- ¹⁷ *Родионов В.Г.* Чăваш литератури. XVIII–XIX ёмърсем. Шупашкар, 1999. 170 с. (2-мĕш кăларăм – 2006. 463 с.); *вăлах.* Чăваш литератури. 1917–1930-мĕш çулсем. Шупашкар, 2005. 352 с. (2-мĕш кăларăм – 2008. 430 с.); *Федоров Г.И.* Чăваш литератури (1945–1985 çулсем). Шупашкар, 2004. 516 с.
- ¹⁸ История советской многонациональной литературы / В шести томах. Т. 1. М., 1970.
- ¹⁹ *Юсуфов Р.Ф.* История литературы в культурно-философском освещении. М., 2005.
- ²⁰ История литературы Урала: план-проспект. Екатеринбург, 2005.
- ²¹ Удмуртская литература XX века: направления и тенденции развития. Учеб. пособие. Ижевск, 1999.
- ²² *Земсков В.В.* Жанр «истории» и ловушки исторического и историко-литературного знания на рубеже тысячелетий // Известия АН. Серия литературы и языка, 2003. Т. 62. № 3. С. 3–11.
- ²³ Новое литературное обозрение, 2003. № 1 (59).
- ²⁴ *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 159; *он же.* Развитие русской литературы X – XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 3.
- ²⁵ *Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 4.
- ²⁶ Там же. С. 8.
- ²⁷ Там же. С. 11.
- ²⁸ *Неупокоева И.Г.* История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. М., 1976. С. 247.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Виппер Ю.Б.* Творческие судьбы и история (О западноевропейских литературах XVI – первой половины XIX века). М., 1990. С. 296.
- ³² Там же. С. 279.
- ³³ *Виппер Ю.Б.* Вступительные замечания // История всемирной литературы. В 9 томах. Т. 1. М., 1983. С. 8.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 308.
- ³⁶ *Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. С. 44–47.
- ³⁷ Там же. С. 49.
- ³⁸ *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 330.
- ³⁹ *Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. С. 29.
- ⁴⁰ *Корецкая И.В.* Литература в кругу искусств // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1. М., 2000. С. 131.
- ⁴¹ *Луков В.А.* Концепция теоретической истории литературы Д.С. Лихачева // URL: <http://www.zpujournal.ru/e-zpu/2008/5/likachev/#> (дата обращения: 01.02.2010).

⁴² *Большакова А.Ю.* [Статья] // Проблемы современного литературоведения. М., 2004. С. 24–25.

⁴³ *Виппер Ю.Б.* Творческие судьбы и история (О западноевропейских литературах XVI – первой половины XIX века). С. 299.

⁴⁴ *Неупокоева И.Г.* Указ. соч. С. 10–11.

⁴⁵ *Бассель Н.* Проблемы межлитературных отношений // Вопросы литературы, 2002. № 6. С. 3–18.

⁴⁶ *Султанов К.К.* Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М., 2001. С. 137.

⁴⁷ *Алиева С.У.* Национальная идея и эстетика социалистического реализма // Нация. Личность. Литература. Вып. 1. М., 1996. С. 75.

⁴⁸ Там же. С. 80.

⁴⁹ *Султанов К.К.* Указ. соч. С. 139.

⁵⁰ *Воронин А.А.* Техника самоопределения культуры // Самосознание и культура / Н.Т. Абрамова, А.А. Воронин, Ф.Т. Михайлов. М., 2009. С. 195.

⁵¹ *Черепков А.* Теория «Длинных волн» Н.Д. Кондратьева // URL: <http://ss.xsp.ru/st/019/> (дата обращения: 01.02.2010).

⁵² *Акаев А.А.* Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики управления инновационным процессом // Системный мониторинг: Глобальное и региональное развитие. М., 2009. С. 141–162.

⁵³ *Келдыш В.А.* Русская литература «серебряного века» как сложная целостность // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1. М., 2000. С. 15.

⁵⁴ *Келдыш В.А.* Там же. С. 13–68.

⁵⁵ *Лейдерман Н.Л.* Периодизация русской литературы XX века и текущий литературный процесс // URL: <http://oldwww.pspu.ru/sci/liter/2005/leiderman.shtml> (дата обращения: 01.02.2010).

⁵⁶ Там же.

Приложение

«История чувашской литературы XX в. (Часть I)» (структура)

Объем 30,0 а.л.

Введение. Объем 0,5 а.л.

Глава I. Эпоха поиска национальной идеи

Раздел 1. Чувашская литература 1900–1908 гг. Обзорная статья. Объем 3,0 а.л.

1. Г.А. Кореньков. Портрет. Объем 0,5 а.л.

2. К.В. Иванов. Портрет. Объем 1,0 а.л.

Раздел 2. Чувашская литература 1909–1917 гг. Обзорная статья. Объем 2,0 а.л.

1. Н.И. Шелеби. Портрет. Объем 0,5 а.л.

2. Н.В. Шубоссинни. Портрет. Объем 0,5 а.л.

3. Г.И. Комиссаров-Вандер. Портрет. Объем 0,5 а.л.

Раздел 3. Чувашская литература 1917–1922 гг. Обзорная статья. Объем 2,5 а.л.

1. Ф.П. Павлов. Портрет. Объем 1,0 а.л.

2. М. Сеспель. Портрет. Объем 1,0 а.л.

Раздел 4. Чувашская литература 1923–конца 1920-х гг. Обзорная статья. Объем 2,5 а.л.

1. Д.П. Юман. Портрет. Объем 0,5 а.л.

2. И.Е. Тхти. Портрет. Объем 0,5 а.л.
3. С.В. Эльгер. Портрет. Объем 0,5 а.л.
4. П.Н. Осипов. Портрет. Объем 0,5 а.л.
- 5.С. Хумма. Портрет. Объем 0,5 а.л.

Глава II. Эпоха канонизированного соцреализма

Раздел 1. Чувашская литература конца 1920-х – 1930-х гг. Обзорная статья. Объем 2,5 а.л.

1. И. Мучи. Портрет. Объем 0,5 а.л.
2. Е. Эллиев. Портрет. Объем 0,5 а.л.
3. В.Е. Рзай. Портрет. Объем 0,5 а.л.
4. Моис. Федоров. Объем 0,5 а.л.

Раздел 2. Чувашская литература периода Великой Отечественной войны (1940–1945гг.). Обзорная статья. Объем 2,0 а.л.

1. П. Хузангай. Портрет. Объем 1,0 а.л.

Раздел 3. Чувашская литература первого послевоенного десятилетия (1946–1954 гг.). Обзорная статья. Объем 3,0 а.л.

1. В. Митта. Портрет. Объем 0,5 а.л.
2. Л. Агаков. Объем 0,5 а.л.

Заключение. Объем 0,5 а.л.

Библиография. Объем 0,5 а.л.

Общий объем коллективной монографии – 30,0 а.л.

Сроки исполнения: 2010–2013 гг.

Поясняющие замечания

1. Структура и содержание разделов обзорных статей составляются авторами и утверждаются руководителями частей «Истории».

2. Статьи должны быть написаны согласно концепции «Истории» (не просто как история фактов и событий, а как их теоретическое осмысление с систематическими выходами на типологические и другие сравнения, контекстное видение и т.д.).

3. Литературные портреты должны быть построены в основном по хронологическому принципу, в которых тщательно анализируются отдельные произведения писателей, а также показывается творчество писателя в контексте как чувашской (в диахронном и синхронном аспектах), так и других (региональных, общероссийских, зарубежных) литератур.

4. В Библиографии указываются: опубликованные произведения (в основном на русском языке), а также научно-критическая литература о литературном процессе и творчестве отдельных писателей.

V.G. Rodionov. History of the Chuvash literature of the XX century (concept).

The history of studying of the Chuvash literary process in the XX century is considered, methodological problems of the future theoretical history of the Chuvash literature are mentioned, internal and external factors of literary development are detected, and also the question of periodization of literary process in a close connection with development of public conscience and social and economic dynamics of the Russian polyethnic community is studied.

**К ПРОБЛЕМЕ СОЗДАНИЯ «ИСТОРИИ
ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА»:
НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ**

ЧГВ, 2010 г., № 5
© Г.И. Фёдоров

В статье разобраны особенности динамики чувашской литературы второй половины XX и начала XXI веков. При этом автор исходит из положения, что определяющим началом в ходе такого исследования должна быть необходимость восприятия поэтики национальной словесности как одной из главных составляющих её художественного сознания. Анализ самобытности чувашской литературы должен строиться с учетом духовно-исторического арсенала национальных культур народов Урало-Поволжья. Такое направление исследования объекта будет иметь своим следствием взаимопроникновение внутри- и внелитературных сторон единого эстетического процесса.

Ключевые слова: история литературы, художественная поэтика, философия культуры, проза, поэзия, драма, динамика художественности, трагизм, комизм, стиль, рассказчик-очевидец, герой, жанр, регион, изобразительно-выразительные средства, эстетическая концепция.

Национальная словесная культура, как известно, — сокровенная составляющая богатого духовного наследия народа. Чувашская литература в этом отношении не составляет исключения; вторая половина XX и начало XXI вв. обозначилась в ней, как и во многих литературах, обнаружением новых перспектив. Сегодня она является плотью от плоти неотъемлемой частью искусства слова народов Российской Федерации, данностью самобытно национального мировидения. Однако систематическое изучение ее истории все еще остается насущной необходимостью текущего дня.

Современное понимание задач создания Истории национальной литературы, как известно, в корне отлично от опыта решения этих целей в 1920–1960-х годах. Нынешний теоретик Истории отчётливо сознаёт факт многосоставности поставленной проблемы. История национальной словесной

Георгий Иосифович Федоров – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Чувашского государственного института гуманитарных наук.

культуры имеет своим остовом не только внутрилитературные и художественные явления и процессы. Она тесно взаимосвязана с такими особенностями духовной жизни народа, как социально-внелитературные факторы, философия истории и культуры, педагогика, дидактика и психология словесности, познавательное своеобразие искусства слова. И, конечно, поэтикой литературы. Поэтика, особенно своеобразие исторической её динамики, несомненно является одной из главных составляющих исторической картины мира литературы, её мироощущения. В настоящей работе, предлагаемой вниманию читателя, сделан акцент именно на это обстоятельство.

Автор статьи рассматривает в ней культурно-историческое движение средств поэтики как эстетическую, но никак не социологическую данность Истории. Главным для него становится осознание необходимости рассмотрения эстетических процессов чувашской литературы в контексте достижений литератур Урало-Поволжского региона, в аспекте развития художественного наследия разных народов второй половины XX и начала XXI вв.

Имеющиеся Истории чувашской литературы датированы 1956, 1972 годами¹. Написаны они, по известным причинам, с позиции партийных концепций, в них выводится на первый план феномен единства содержания и формы. Это и понятно. В эти годы во главе угла находились факторы социальные, внелитературные, внеэстетические. В этих трудах недостаточно освещены проблемы индивидуальности отдельных мастеров, самородного облика чувашской словесности, жанрового своеобразия, сюжетного механизма, композиционной структуры произведений и художественных процессов.

В этих Историях не освещены также культурфилософские особенности региона, недостаточно представлены опыт становления и развития языковой, психологической картин мира, феномен самоидентификации народов, не отражены вопросы формирования истории литературно-художественной мысли, особенности картины литературогенеза. А это, по мнению Р.Ф. Юсуфова, сегодня должно стать непреложной задачей историка литературы². Разумеется, огульно обвинять авторов традиционных Историй в узости взглядов не приходится, ибо они писали Историю в условиях жесточайшей цензуры. Кроме того, каждое новое десятилетие приносит в науку новые открытия. Поэтому данные рассуждения не есть попытка увидеть в прошлых Историях то, что авторы их не смогли обеспечить адекватно современное осмысление художественных процессов, вырастающих из развития духовной жизни в иных, чем прежде, условиях. Именно эти обстоятельства и приводили литературу, культуру и искусство к укрупнению не внутрилитературных, имманентных явлений, а внелитературно-эмпирических событий, эпизодов, конфликтов. «Литературный процесс как система, – пишет Р.В. Комина, – складывается не только под воздействием законов исторической типологии. На него активно влияют закономерности специфически внутрилитературные», «связанные с историческими свойствами времени», такие, как «взаимопроникновение разнотипных систем стилеобразования»³.

Так или иначе, сегодня не пересматривать традиционную методологию невозможно. Речь в этом случае, конечно, идет не о банальных истинах вроде неуместности классового подхода к явлениям культуры и искусства. Речь идет о тех теоретических предпосылках, которые, несмотря на их отживший характер, все еще воспринимаются рядом исследователей как плодотворные и адекватно современные.

События последних 20–25 лет, как известно, вызвали к жизни большие перемены в общественно-культурной жизни народа, научно-познавательной области. Данное обстоятельство склоняет современных исследователей литературы к необходимости пересмотра многих, казалось бы, непоколебимых концепций. Предполагаемая История чувашской литературы в силу этого имеет своей целью всесторонний учет достижений теоретического литературоведения.

Новые научные положения, выработанные в последние десятилетия, разнообразны. Ряд новых методологических истин был осознан еще в первой половине XX в. Так случилось, к слову, с понятиями примата содержания произведения искусства над его формой. Это обозначало преобладание не внутрилитературного, а внешнего фактора в воплощаемой действительности. «...Постановка вопроса о двух сторонах произведения, – пишет московский литературовед А.Я. Эсалнек, возвращаясь к этому феномену в конце XX в., – как бы разрывает произведение и мешает его восприятию как целого»⁴. А это как раз и есть беда литературоведения прошлых десятилетий, склонного разрывать художественную целостность произведения, его эстетическую целокупность на определенные части и фрагменты, ибо форма и содержание в этом случае оторваны друг от друга.

Есть основание полагать, что это было введено в практику литературоведческих исследований из соображений оправдания идеологически зауженных рамок оценки художественно воплощенной реальности. Исходя из этого, образно-изобразительные, стилевые средства сплошь и рядом расценивались как носители иллюстративной функции, тем самым исследователи лишали их эстетических качеств. Открытия последних десятилетий дали возможность воспринимать произведения не как априорно идеологический итог и результат, а как живой, динамический процесс. И поэтому замечания целого ряда ученых о том, что изобразительный, выразительный арсенал не средство, а цель художественного произведения совершенно справедливы. Поэтому в предполагаемой Истории необходимо исходить из следующего: анализировать идею отдельно от стилевого арсенала невозможно. В таких условиях художественный образ теряет статус вечно движущейся живой категории. Это неудивительно: каждый читатель прочитывает произведение писателя по-своему, читатель вместе с писателем является сотворцом романа, повести, поэмы и т.д.

Объясняется это тем, что, например, чувашская, удмуртская, марийская проза и поэзия в основе своей формировались на традициях устного рассказа (стихотворных, прозаических откровений). Такие особенности зри-

мо присутствуют в повести в стихах Я. Ухсая «Дед Кельбук», в прозе Ф. Уяра, М. Ильбека и др. Данное обстоятельство диктует необходимость «концептированного читателя»⁵, который находится внутри произведения и является одной из концептуальных основ сознания писателя. У каждого писателя свой читатель, свой образ слушающей и читающей аудитории. Огромный интерес ряда литератур к образу читателя-слушателя вызывает к жизни краткость жанров, циклическое их строение. Лицами, организующими внутреннее пространство книг, становятся образы рассказчика и читателя, которые неспособны высказываться и слушать произносимый текст на протяжении многотомного романа.

Как отмечает З.И. Карцева, циклы, несмотря на свою фрагментарность, есть свидетельство рождения крупной формы из малой, «приметы, проблемы памяти своего времени», факт соединения «лирического и прозаического». Это дает эффект «множественности точек наблюдения и голосов»⁶. Так возникает фактор синкретизма разных жанров, сюжетных механизмов, времен, полифонизма, монтажа⁷. Как бы «по кирпичику» расширяются эпические рамки⁸. Вместе с тем, создавая новые художественные образования, циклизация и расщепляет эпические формы⁹. Словом, поэтика рассказывания и внутрилитературного слушателя играет в литературе огромную роль.

Поэтому объемные произведения выливаются в целом ряде литератур очень часто в циклы новелл, повестей, стихотворных рассказов, сказок и т.д. Как цикл стихотворных рассказов построен «Дед Кельбук» чувашского поэта Я. Ухсая, из цикла новелл состоит роман Ф. Уяра «Тенета» и т.д. Печать такой поэтики нередко зримо просматривается в прозе татарских писателей А. Гаффара, Р. Кутуя. Это позволяет сделать адекватные выводы о том, что роман, поэма, повесть и другие произведения предстают как следствие соучастия мастера слова и слушателя, а это напрямую предполагает вечное движение образа, его динамическую сущность.

Зависит это от того, что в структуре художественного текста различимо присутствует взгляд «очевидца или участника событий». Такой взгляд «обычно ориентирован на слушателя»¹⁰. По этой причине в предполагаемой Истории надо видеть единство нескольких теоретических начал: 1) художественные особенности и региональной, и мировой литературы; 2) историю отдельной национальной словесности, сущность которой все же невозможно понять вне сопоставления, сравнения и типологического рассмотрения ее с другими литературами; 3) самобытную, нерасторжимую связь писателя и читателя (или слушающей аудитории); 4) социально-культурную, историко-психологическую основу литературы и т.д. Необходимо все это рассматривать в связи с общественно-историческими условиями, их единством с имманентно-художественными процессами, происходящими в искусстве слова XX в.

И это не праздный вопрос. 30-е годы, например, жестко регламентировали задачи творческого освоения жизни писателями. Все, что отрицало ил-

люзорность социологического мифа, пресекалось. Вот почему форма была на службе содержания. Обратившись к позитивному движению литературы, можно заметить, что смещение пропорций обозначилось в годы войны, в период оттепели. В 70-е годы снова отмечены цензурной регламентацией, хотя и не в той степени, как в 30-е. Поэтому, формируя практику возвращения к содержательности формы, словесная культура, как и в начале столетия, обратилась к услугам метафорической поэтики: к притчам, снам, мифам и т.д. Это было особенно заметно в чувашской, татарской и башкирской литературах. Оно, это явление, стало адекватным ответом на определенные социально-общественные изменения жизни. Это, безусловно, не просто смена этапов, условно-метафорическая словесность соседствовала с так называемой секретарской литературой, с процессами, происходящими в производственной прозе. Утверждение поэтических начал этноса происходило в борьбе и конкуренции с литературным официозом. Процесс этот длился практически до середины 80-х годов.

Отражение воплощенной реальности в исторически сложившемся сознании писателя, таким образом, диктует необходимость показа жизни в исторически сложившихся формах. Не секрет, что, положим, восприятие (рецепция) произведений А. Пушкина, И. Тургенева, К. Иванова, М. Сеспеля, К. Герда, А. Оки и других менялось соответственно социально-историческим условиям того или иного времени. Словом, необходимо преодолеть однобокость и одномерность оценок поисков писателей. Особенно осторожным надо быть при разделении путей писателей на определенные отрезки. При неосторожном подходе к этому явлению можно выработать механизм жесткого нормирования творческого пути, ибо формирование художественной индивидуальности писателя вряд ли можно строго регламентировать какими-то рамками. А это сугубо важно для осмысления сознания творческой личности. Вот почему необходимо также осознание того, что художественное произведение предстает не как единство содержания и формы, а как содержательность формы.

Художественная картина мира национальной словесности создается, естественно, и этнопоэтическим арсеналом культуры народа, его адекватно ментальным мировосприятием. В силу этого потеряло смысл деление литератур на влияющие и на воспринимающие инокультурный опыт. Каждая словесность, даже самого малочисленного народа, свои художественно-поэтические резервы накапливает самостоятельно¹¹. Такой подход к литературно-художественным процессам поможет преодолеть определенные стереотипы суждений о литературе как о данности эпохи войн, революций, строительства колхозов и индустриальных гигантов. Хотя надо сказать, что производственная проза тоже имела честь быть, и не рассматривать этот опыт тоже нельзя. Поэтому отход литературы от социологических канонов привел к тому, что сформировалась условно-метафорическая словесность, склонная иносказанием оказывать сопротивление цензуре.

Традиционные истории литературы нередко, как замечает академик Д.С. Лихачев, ограничивались пересказом сюжетных ходов, экскурсом в биографию писателя, концентрацией художественной поэтики и стилистики¹². Задачей современной истории литературы является, как хотелось бы думать, уяснение природы художественного мира писателя, учет отдельных вех его биографии в формировании его художественного мышления, которое нередко происходило в горниле трагических изломов общественного развития.

Так, творческие поиски народного писателя Чувашии Л.Я. Агакова полностью предопределены участием перипетий журналистской биографии писателя в становлении его творческого сознания. Это было для него ощущением живой жизни, кризисным состоянием отношений индивидуального и общественного. Творческие устои чувашей В. Митты, В. Паймена, В. Краснова-Асли, татарского писателя А. Гилязова формировались в застенках. Автобиографизм в таких полотнах пронизывает вехи художественного роста замечательных мастеров слова Ю. Скворцова, В. Паймена, М. Ильбека, Ф. Уяра и многих других, что предопределяет их тяготение к малой и средней прозе, цикличности их жанров. Автобиографическая проза, как правило, основывается на целой серии отдельно рассматриваемых эпизодов. Такая склонность была присуща, к слову, и роману А. Барбюса «Огонь». Там писатель также опирался на свои впечатления очевидца, на свои дневниковые записи. Впрочем, такая методика свойственна не только названным авторам. Многие вещи о гражданской войне, о периоде коллективизации сельского хозяйства, о Великой Отечественной войне написаны очень часто чуть ли не через одно личное повествование, через свидетельства очевидца о страшных событиях, происходивших в лагерях, в поселениях и т.д. (возвращенная литература). Вехи своей духовной биографии прослеживает в своей деятельности народный поэт Чувашии П. Хузангай, который также тяготеет к поэтике циклизации («Песни Гилли»). Этим отмечены поиски В. Митты (поэма «Таэр»), поэзия В. Эндипа, Ю. Айдаша, В. Ахуна, Ю. Семендера и др.

Все это говорит о том, что задачей современной Истории литературы в основе своей становится не только анализ национального, этнодуховного фактора развития словесной культуры этноса в контексте общественной духовно-философских поисков культур и цивилизаций региона. Секрет выявления сокровенно национальных черт поэтики чувашской литературы кроется в феномене типологического, сравнительно-сопоставительного ее изучения в контексте литератур Урала-Поволжья. Обращение к фрагментам своей духовной биографии, постепенное превращение своих автобиографических записей, очерковых зарисовок в рассказ, повесть, роман характерно не только для чувашской, но и марийской, удмуртской и других литератур. Как правило, такая динамика словесности связана с тем, как писателям и поэтам приходилось взаимодействовать с историческим процессом. Сам же этот процесс и дальше отражал нарастающий трагизм, кризисность движения истории.

Сказанное сопряжено, безусловно, и с мировыми социальными процессами. XX век, как известно, внедрил в мироощущение миллионов людей трагическое содержание всего происходящего. Не остались в стороне от этого явления и словесные культуры народов Урала и Поволжья. Еще в начале века катаклизмы 1918—1920-х годов повергли в смятение таких писателей, как С. Фомин (повесть «Штрум»), В. Рзай (рассказ «Открытые ворота»), Е. Эллиев (рассказ «Ворота»). Уже тогда, в начале XX в., писатели воочию ощутили кризисное дыхание предстоящего XX в. Такие приемы, как повтор, перебив ритма речи, ассоциативная связь мыслей человека здесь не являются фактом непосредственной иллюстрации политической идеи, они — суть сама трагическая идея, то есть сама эстетическая реальность. Литература уже тогда пробует другие ритмы, другие интонации. Особенно это станет показательным для прозы Ю. Скворцова, поэзии В. Митты и т.д.

Определяя Историю литературы как «один из разделов гуманитарного знания о литературе», академик Вл.А. Луков исходит из того, что она вбирает в себя «онтологию, гносеологию, аксеологию литературы», «эстетику словесности (понимание прекрасного)», «этику литературы (понимание нравственного идеала, социологию литературы)», «поэтику литературы, психологию литературы», «педагогику литературы»¹³.

Исходя из этого положения, автор данной статьи имеет своей целью рассмотрение поэтики чувашской литературы второй половины XX в. в свете культурфилософских открытий в духовной жизни региона, выходящей за рамки художественной словесности. Не обособленные факты отдельной литературы «сами по себе», а, как считает В.С. Баевский, соотношения различных литератур, «те факты, которые поясняют» «причинно-следственные связи»¹⁴. Луков отмечает, что все эти области пересекаются и не существуют отдельно одна от другой¹⁵. Это предполагает необходимость широкого культурно-исторического, социально-духовного контекста, который и должен обеспечить наиболее удачный срез создания Истории. Между тем в названных историях чувашской литературы во главу угла выходили социолого-догматические факторы, выступающие вне связи с внутренними свойствами произведения. Поэтические детали квалифицировались как средство иллюстрации социально-исторических явлений. Это было следствием того, что в XX в., после революции, размежевание писателей приняло непримиримый характер.

Как указывает Вл.А. Луков, литература, находясь в рамках культуры, истории и являясь «частью художественной деятельности», обладает свойствами символичности. Это предполагает передачу в искусстве «только части информации, которая дополняется в сознании воспринимающего» и допускает множественность интерпретаций¹⁶. Особенно это заметно при восприятии произведения людьми разных культурных слоев. В этом отношении следует, видимо, внимательней подходить к идее об участии так называемой теоретической истории литературы в создании Истории литературы. Эта концепция апеллирует к читателю элитарному, в высшей степени подго-

товленному к процессу восприятия. А что же тогда читатель среднего культурного слоя?

Есть и другой аспект. Чувашская литература и во второй половине XX в. во многом развивается, как и ряд других литератур региона, на поэтике устного рассказа, на практике культурного анализа катаклизмов истории, на осмыслении неожиданных встреч с огромными кризисными событиями. Процесс этот заметно углубился в период войны и длился до 1970-х, причем остродраматические монологи времени войны со временем все же приобретают более спокойную интонацию. Следовательно, проблемы периодизации литературных процессов невозможно решать через явление линейности общественно-исторических процессов, ибо художественная действительность не формируется в условиях хроникальности и векторности развития. Но так или иначе устный рассказ ослабляет впечатление от страданий, он переносит нас из душевного состояния героя в состояние рассказчика¹⁷.

И все же надо сказать: романтический монолог нередко обращается к приему рельефного контраста, взрывающего покой. В прозе, к примеру, А. Артемьева контраст этот свидетельствует о том, что хаос истории еще не во всем преодолен. То же можно наблюдать в прозе башкирского писателя М. Карима, татарского прозаика А. Еники и т.д. Эти процессы обратили писателей к созданию лирико-исповедальных новелл, повествующих уже не только о войне, а о романтической любви, о великой дружбе, о поиске общественного, человеческого идеала, о нравственной силе героя (чувашские писатели В. Игнатъев, Д. Кибек, татарские прозаики А. Абсалямов, А. Гаффар и т.д.). Нельзя не заметить, что «чем более высок идеал художника, чем более далек этот идеал от действительности, тем более противоречий видит художник».

Литературный процесс этого периода все же неоднороден, наряду с поиском идеализированных героев, идеалов новых исторических реалий, семьи, крестьянского труда, наличествовала словесность, иллюзорно идеализирующая производственно-технологические процессы, идеологические догматы.

Все это побуждает при создании новой Истории обратиться к теоретическим поискам литературоведения, к единству творческого процесса с индивидуальным претворением приемов поэтики писателем. Для выявления ментальной картины мира, что становится непреложным, принципиально важным, является также культурологический подход к литературным явлениям. Это необходимо для обновления методологических основ создания новой Истории литературы. Поэтому немаловажно учитывать и социально-исторические, общественные процессы, факторы духовно-культурного движения народной жизни. Принципиальность этого фактора заключается в том, что каждое время дает свое понимание и свое восприятие художественной литературы. Особенно это касается возвращенных авторов и произведений. Так, например, в начале 70-х годов XX столетия критики В. Канюков, В. Долгов, Н. Дедушкин отрицательно восприняли повесть Ф. Уяра «Где ты, море?».

истолковали ее эстетический смысл как явление буржуазной богемщины, как прославление пессимизма и индивидуалистической отчужденности. Конец века обозначился вполне заслуженным оправданием писателя. Предстоит новое прочтение и осмысление творческих поисков Н. Янгаса, В. Паймена и многих др.

И далее: много нападок и необоснованных придириков претерпел Ю. Скворцов. Однако современное трагическое дыхание литературы дает новые импульсы к прочтению названного автора в свете эстетических поисков всей мировой литературы. Подлинно ментальные особенности прочтения и переосмысления, связанные со всей мировой литературой, прослеживаются в творческих исканиях М. Федорова, К. Иванова, П. Хузангая, В. Митты, А. Воробьева, Г. Исхаки, К. Герда, А. Гилязова, и др. Словом, готовящийся труд концептуальной своей основой имеет современное состояние искусства, литературы, культуры, философии. Необходимо все же сознавать, что концептуальность эта проистекает из художественности словесной культуры, ее эстетических качеств.

Все это, взаимно переплетаясь, создает особую, причудливую картину литературного процесса. Начало и первая половина XX в. в той или иной мере (конечно, с особыми оговорками), казалось, являли собой как бы хроникальный статус развития, движения литературных явлений. Вторая половина столетия показательна большим количеством возвращенных произведений и имен. Причем произведения эти, написанные в 20–30-е годы, в годы войны, влились в современные процессы и стали формировать плюралистическую картину художественной жизни конца XX и начала XXI вв. Здесь уже не приходится говорить о какой-либо хронологии, линейной последовательности процессов. Поэтому в Истории необходимо характеризовать движение словесности во всей целокупной ее множественности. После издания книг В. Рзая, Дм. Юмана, публикации стихов В. Митты, Н. Янгаса и многих других авторов стало понятно, что необходимо преодолеть однобокое, линейное понимание художественных явлений, происходивших в 30–40-е годы. Возвращение репрессированных писателей, запрещенных книг или же книг, изданных с купюрами, побуждает искать подлинно талантливые полотна; меж тем слабые произведения, захваленные по идеологическим соображениям и соображениям «политического реализма», вынести из поля зрения исследователей литературы.

На этом поприще малопродуктивными станут, к примеру, такие формы изучения словесности, как лингвистический анализ художественной литературы, осуществляемый с позиции нормативного языка, ибо языковая картина мира литературы, понятие языковая личность не сводится к процессу нормирования. Исследование словесности через идеологический анализ истории общества также мало плодотворно. Во главу угла должны выйти образительно-выразительные средства, координирующие становление художественного пространства произведений. Так, перечитывание прозы, к слову, С. Фомина, В. Рзая приводит к весьма определенному выводу: поэти-

ка повторов, риторическая звучность, ассоциативная живописность их полотен приводят к мысли о том, что названные писатели с болью в душе вживались в смятенность и катастрофичность 10–20-х годов. Следовательно, возникает необходимость переосмысления опыта разных мастеров с высоты сегодняшнего дня. Это позволит выявить другие, чем прежде, эстетические ориентиры и выработать новые критерии создания Истории второй половины века. Концептуальные основы ее таятся в факторе осмысления многообразия художественных процессов, регулируемых не догматическими, а эстетическими параметрами, воспринятыми в контексте культуры, этнопоэтики развития литератур региона, их истоками и динамикой. Вызревает необходимость прослеживания процессов вживания литературы в катастрофы XX в. В этом, таким образом, выявляются «перспективные» художественные позы, динамические особенности стиля и идейных вызовов, идущих от 20-х годов к концу столетия и обратно. Это позволит представить стилевое движение второй половины столетия и как обратное культурное явление.

Так, Н. Мартынов, как и М. Сеспель, А. Артемьев, равнодушен к приему многоточий, являющемуся фактором философски-художественного восприятия воплощенного мира. Немаловажен, к примеру, прием исключения знаков препинания из текста (Г. Айги). Все это становится залогом того, что создаваемую работу будет возможно мыслить как движение эстетики чувашской ментальной художественности.

Перечитывание может подвести к логике развертывания в литературных произведениях поэтики других видов искусства. Поэзия М. Сеспеля, к слову, значима обращением поэта к изобразительной пластике живописи, А. Артемьев и Л. Агаков, поэт В. Урдаш интересны созданием «музыкальной технологии» развертывания художественного смысла. Музыкальной орнаментальностью отмечены рассказы-арабески татарского прозаика Р. Кутуя. Ф. Уяр и М. Ильбек равнодушны к поэтике монтажа, что регулируется цикличностью их повествования. Так, становится возможным выявить культурный аспект формирования внутреннего пространства произведений уже в другом аспекте. В традиционном литературоведении все еще устойчиво бытует мнение, что основой литературы является фольклор¹⁸. Между тем это две разные стихии, два разных дискурса словесности. Фольклорные сюжеты и мотивы являются для писателя лишь материалом, инструментом переосмысления реальности.

Важно не только это. Многие писатели и поэты как бы намеренно фольклоризируют свои произведения, обращаясь к логике художественного сказительства, создавая повести-легенды, обрисовывая образ сказителя (М. Юхма, марийский писатель Ким Васин), как бы обращаясь к мифу, но фактически создавая индивидуальный миф (М. Карим), башкир; А. Гаффар, татарин; чуваша М. Юхма, Н. Петровская и др. Это становится еще одним свидетельством создания писателями вечнодвигающегося, динамичного образа и его ответвлений.

В становлении литературы того или иного периода велика роль слова. В чувашской словесной культуре это показательно для публицистико-рито-

рической прозы, для профанированной речи, ролевой поэзии. «Диктат слова» (И. Бродский) – это внутренняя органика движения слова, свободная от воли отдельного стихотворца или же прозаика. Все это является следствием театрализации лирики и прозы, и не всегда это сопричастно с фольклорным мировидением. У этого русла другая поэтика, другая эстетика, она создает другую реальность. К примеру, тяга М. Ильбека к как бы многословию (техника плеоназма) вряд ли может быть квалифицирована как явление фольклора. Устное творчество народа следует, очевидно, квалифицировать как одну из структурных составляющих профессиональной словесной культуры. В таких случаях манера повествования влечет за собой и соответственный сюжет. На авансцене оказываются не сюжетно-содержательные стороны, а, как, например, у Р. Кутуя, А. Гаффара, А. Артемьева, тональные особенности.

Есть другая, поворотная грань и у этого явления. Выше говорилось о фольклоре и о самовитом слове в связи с тем, как они и в какой мере (становясь материалом, истоком сюжетов) регулируют возникновение национальной литературы. Здесь же речь идет о том, как они координируют процесс превращения метафоры, символа, слова и т. д. в вечно живой образ, как они предопределяют создание сложного механизма, композиционной структуры произведений. Самовитое слово самостоятельно, оно подчас сродни художественному статусу персонажа (героя), рассказчика, повествователя. Оно глубоко укоренилось в толщах литературы, написанной от лица очевидца, в прозе, в стихах, которые написаны с позиции профаната. Помимо воли автора такое слово обращается как бы к сказочным приемам повторения однообразных речевых фигур в ходе создания, например, героического ореола вокруг героя. В процессе движения слова вперед по сюжету и обратно, в ходе насыщения речи иносказанием оно предстает перед читателем в другом статусе. Этим показательны произведения тех же М. Федорова, С. Фомина, И. Тхти, И. Мучи, Ф. Уяра, М. Ильбека, Л. Агакова, А. Артемьева, В. Игнатьева и др. Так возникают повести-мифы, рассказы-легенды, нравоучительно-дидактические произведения, так разветвляется поэтика монтажа, создается технология обыгрывания фольклорных жанров. Так формируется тенденция обращения к извечным народным началам нравоописания, нравоучения, углубляются процессы трагического, комического осмысления жизни. Укрупняется роль героя, влияющего на сюжет, композицию, жанр.

Для чувашской, марийской и других литератур очень характерны бытопись, этнографизм, особые формы циклического жанра, которые наблюдаются в поэмах Я. Ухсая, П. Хузангая, в прозе Ю. Скворцова, М. Юхмы и т.д. Этим характерны проза татарина Г. Исхаки, марийца К. Васина и др. А это свидетельство того, что в сравнении со славянскими литературами у чувашской словесности другой дискурс. Она должна быть изучена как явление тюркской культурной семьи, как факт ареального совпадения или же расхождения с литературами финно-угров. Следовательно, в ходе претворения в жизнь принципов этой методологии становится важным не факт того,

что, как и когда это произошло, а то, какие причинно-следственные отношения вызвали к жизни подобные явления. На авансцене оказывается не вообще место изучаемого фактора, а глубинное теоретическое изучение явлений, координирующее становление самобытной художественной методологии национальной словесности.

В таком раскладе составляющих Истории полнокровно предстает жизнь нации, становление и развитие художественного ее сознания, эстетико-онтологического ее мышления. Проследив движение этих явлений, читатель убеждается в том, какими духовными соками литература обогащается, как она постигает законы ментально-образного функционирования национального искусства слова. Он узнает, что и бытопись, и культура повседневности, и материальные особенности обрядов и поверий, и этнодидактические свойства нравоучительного слова – это реальность национальной словесности. Для уяснения причин, побуждающих такое развитие философско-эстетической сущности словесной культуры, необходимо решение самых разных проблем. Среди них важно выделить такие особенности, как периодизация образных процессов, вопросы изменения отношения автора к предмету высказывания и т. д. Специальное уплотнение этих вопросов, казалось, заметно «утяжелило» бы Историю литературы. Однако именно это обстоятельство дает возможность изучения философской картины мышления чувашской словесности в контексте региона, движения духовных процессов.

Сказанное до сих пор побуждает осмыслить как структурные составляющие Истории литературы целый ряд показателей. Прежде всего это, разумеется, фольклорные сюжеты, жанры. Особенности этого рельефно проявляют себя в сказительской прозе М. Юхмы, марийца К. Васина, в их повестях-легендах. Для таких произведений характерны романтический пафос, лирическое самоощущение писателей и героев. Релевантно самостоятельна и практика бытового выразительного высказывания, которая насыщена объемной иронией. Нередко такая ирония становится средством самозащиты чувашей перед трагическими изломами истории общества. Такой смех требует от читателя высокого уровня интеллекта. Практически словом является и миф, становящийся не столько жанром, сколько фактом мироощущения в прозе Д. Гордеева, Ю. Скворцова и других писателей. В мифе, как и в ироническом высказывании, таится самородность философского мироощущения народа. Часто он становится философски развернутой метафорой, разветвленным символом. Нельзя не упомянуть о тяге чувашей, татар, марийцев, башкир к притчеизации и аллегоризации, философизации обыденных происшествий (проза Д. Гордеева, А. Гаффара, поэзия Я. Ухсая, М. Карима). При этом происходит сближение аллегорий и притч с философским видением мира (поэзия А. Воробьева, проза А. Емельянова, Б. Чиндыкова). Причем описываемое явление присуще многим литературам на протяжении целого столетия. Наблюдается такое явление и в татарской прозе. Порой такие мифы, притчи произрастают из мистических сюжетов, явлений «жесточкого реализма» (проза Н. Петровской, Д. Гордеева).

Существенны для истории чувашской словесной культуры этнографизм и обрядовере (поэзия Я. Ухсая, проза М. Ильбека, Ф. Уяра). В них на первый план выходит философское самобытие чувашей. Из арсенала таких жанров рождаются рассказы и повести еще в ранней чувашской словесности. Разработка подобных мотивов в эстетическом отношении сродни освоению бродячих сюжетов и героев, топосов леса (Н. Мартынов), воды (Ю. Скворцов), метели (Мартынов) и т.д. Устойчив интерес писателей к таким дихотомическим парам, как жизнь и смерть, шутка и трагизм, глупость и ум, страх и смелость и т.д. Такой подход к материалу позволяет отринуть социологическую практику создания Истории литературы.

По свидетельству многих ученых (чувашского литературоведа В.Г. Родионова, удмуртского критика Т.Г. Пантелеевой, марийской исследовательницы Р.А. Кудрявцевой), литература многих народов Урала и Поволжья движение к многообразной палитре жанров нередко начинает с очерков. Это вызывает к жизни феномен дискретности, краткости жанров прозы и поэзии. Роман подчас, считает коми литературовед Т.Л. Кузнецова, рассыпается в калейдоскоп неоднозначных художественных явлений. На это же указывает удмуртская исследовательница С.Т. Арекеева.

Сравнительно-сопоставительный анализ художественной практики литератур региона помогает осмыслить разные образные универсалии, спасает исследователя от практики квалификации типологических явлений как принадлежащих только одной словесной культуре. Существенно важно при этом учитывать временной фактор протекания эстетических процессов. Как показывает анализ, чувашская словесность в сравнении с литературами марийского, мордовского, удмуртского народов обладает более глубокими национальными корнями. Она к середине XIX в. крепко встала на ноги именно за счет обращения к ментальным свойствам этнопоэтики (творчество В. Лебедева и Сп. Михайлова).

Определенным художественным багажом обладает литература коми народа. Но эстетические процессы, относящиеся к XIX в., несмотря на творческую деятельность таких выдающихся деятелей словесности, как А.И. Куратов, носит характер литературы одиночек. Коль скоро чувашская словесная культура имеет глубокие эстетические корни, историк литературы должен искать подлинные истоки этнопоэтики, соизмеряя национальную словесность с ментальными качествами литератур народов региона.

Общеизвестно, что анекдотические коллизии издавна лежат в основе развития прозы и поэзии многих народов. Такое свойство всей мировой литературы еще в XIX в. было присуще и чувашскому искусству слова. Еще более это характерно для XX столетия. Анекдотичны художественные ситуации прозы И. Тхти, который, развертывая разные перипетии в протяженные сюжета, в смешном находит философские мотивы бытия чувашей. Анекдотичны образные ситуации в романах Ф. Уяра, М. Ильбека, которые, выявляя ироническое их содержание, находят феномен совмещенности анекдота со зловещими метаморфозами жизни. Анекдот координирует образные по-

иски Ф. Агивера, который, внедряясь в толщи смешных эпизодов, находит возможности воплощения фатально-трагических сцен.

Историк литературы, таким образом, должен помнить о присутствии иронии на всем протяжении XX в. Правда, каждый отрезок времени вырабатывает своеобразное осмысление рассматриваемых смеховых ситуаций. Так, коми критики отмечают, что такое качество прозы в коми словесности вышло на первый план в последней трети XX столетия. Состоялось это возможным за счет концентрации единства комизма с трагизмом. Так возникал новый язык эпики.

Ирония, как правило, немногословна, она раздваивает мир, становится причиной краткости жанров прозы и поэзии, фрагментарности сюжета. В этом свете рассмотрение проблем жанрологии чувашской прозы и поэзии, стилевого лица произведений дает эффект уяснения философского дыхания литературы. Ирония, смех, гротеск, таким образом, это одна из главных составляющих художественного сознания чувашской словесной культуры. Истоки этого довольно-таки глубоки. За счет этого в сравнении с финно-угорскими литературами региона, в которых меньше философского осознания предмета воплощения, чувашские мастера слова оказываются в более выигрышном положении.

Изучение взаимосвязи законов характеросложения и жанрообразования через их единство с трагизмом и комизмом ситуаций предполагает движение прозы и поэзии к крупным жанрам через поэтику малых форм. Является кратким и дыхание трагической прозы. Все эти факторы вкупе с очерковым видением жизни глазами очевидца, огромный процент в чувашской прозе и поэзии феномена автобиографизма, обращенность чувашской литературы к приему устного рассказа и составляют во многом эстетическую сущность национальной словесной культуры.

История литературы, осмысленная таким образом, говоря словами Р.Ф. Юсуфова, превращается в науку теоретическую, философскую, она перестает замыкаться в самой себе и обогащается принципами философии истории, философии культуры. Вместе с тем, как считает Вл.А. Луков, она не теряется в массе профилирующих отраслей культуры, а закрепляет себя во внутренних традициях художественности. То или иное духовное явление находит различные формы своего проявления в различных словесных культурах. Так, Юсуфов считает, что сатира Д.И. Фонвизина, И.А. Крылова находит свой типологический инвариант в сопоставлении сатир татар, коми, башкир и т.д.¹⁹ По свидетельству Вл.А. Лукова, История литературы может быть создана как адекватное исследование при учете принципов тезаурусности, при условии обращения к тому материалу, который «определяет темы, идеи, проблемы, конфликты, образную систему» произведения²⁰. При условии включения нового художественного материала «сквозь призму» «сложившейся, освоенной прежде системы художественных ориентиров»²¹. Это позволяет укоренить создание Истории в толщи деятельности человека, в его обусловленность национально-историческими, социальными стереоти-

пами мышления всей литературы. В этих условиях становится возможным предметно подойти к концепции Д.С. Лихачева о Теоретической Истории литературы. Эта методология предполагает необходимость учета наиболее характерных явлений как национальной, так и мировой литературы.

Кладя эти теоретические посылки в основу создания истории, придется констатировать, что, как это ни парадоксально, более или менее результативный отход от догматических принципов 20–30-х годов связан с Великой Отечественной войной. Военное лихолетье вызвало к жизни иную социокультурную ситуацию, в которой стала главенствовать поэтика устного рассказывания о страшных изломах истории. Заметно обновились традиционные поэтические приемы. Так, например, если поэтика повтора в 20-е годы давала ощущение трагизма истории, предвосхищала будущую катакличность, то во второй половине века этот прием нередко наделен романтическим пафосом, особенно в сказительских поэзии и прозе. Если повтор начала века подчас был способом самовыражения рассказчика или повествователя в условиях общественного кризиса, то повтор, например, военной эпохи обращается к народно-фольклорным средствам.

То же самое происходит, к слову, и с явлением цикличности жанров. Органически сочетаясь с движением общественной жизни, с духовными явлениями разных эпох, он, этот прием, принимает различные художественные функции. А это еще одно выражение идеи о взаимосвязи внутри- и внелитературных категорий. Естественно, при этом внутрилитературные факторы, хотя они и не могут существовать отдельно от факторов внелитературных, превалируют. Объясняется это обстоятельство тем, что тот же, к примеру, повтор не просто иллюстрирует априорно-исторические идеи, а является динамико-эстетической целью художественной реальности.

В силу всего сказанного и периодизацию литературных процессов следует осуществлять и с платформы поэтики литературы, ее динамики, ее взаимосвязи с историческими особенностями духовной культуры народа.

Логика рассмотрения поставленных проблем приводит к следующим выводам. Идея о примате содержания над формой неизбежно приводит исследователей к ложно истолкованным принципам воплощения образов. Это предполагает, что главным в искусстве является содержание, то есть внелитературный, социологический материал. Поэтому, хотя превалирующая роль принадлежит внутрилитературным факторам, надо сознавать их кровную связь с внелитературными особенностями словесной культуры. Они вне зависимости друг от друга практически не могут существовать. Такой подход к Истории литературы даёт возможность расценивать её как единство социальной, психологической, дидактико-педагогических начал. Безусловно, одна из решающих ролей в этом смысле принадлежит поэтике литературы.

Литература

¹ Сироткин М.Я. Очерк истории чувашской советской литературы. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1956. 352 с.; Чăваш совет литератураи. Шупашкар: Чăв. кĕн. изд-ви, 1972. 510 с.

² Юсуфов Р.Ф. Об истории литератур народов России // Международные Ломидзевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория. История. Проблемы современного развития. Материалы Международной научной конференции. 28–30 ноября 2005 г., М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 56.

³ Комина Р.В. Современная советская литература. Художественные тенденции и стилевое многообразие: [Учеб. пособие для вузов по специальности «Рус. яз. и лит.»]. М.: Выс. шк., 1984. С. 2.

⁴ Эсалнек А.Я. Тематология на распутье // Литература, культура и фольклор славянских народов: Матер. конф., июнь 2002 г. К XIII Международному съезду славистов. М., 2002. С. 57.

⁵ Корман Б.О. Теория литературы. Ижевск, 2006. С. 218.

⁶ Карцева З.И. Особенности развития болгарской прозы 60–80-х годов. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 5.

⁷ Там же. С. 7.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Там же. С. 13.

¹⁰ Кашина Н.В. Человек в творчестве Ф.М. Достоевского. М.: Худож. лит., 1986. С. 24.

¹¹ Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М.: Сов. писатель, 1988. С. 20.

¹² Лихачев Д.С. Развитие литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 44–46.

¹³ Луков В.А. История литературы. Зарубежная литература от истоков до наших дней. Учебн. пособие. М.: Академия, 2008. С. 5–6.

¹⁴ Баевский В.С. История русской поэзии. 1730–1980. Смоленск: Русич, 1994. С. 9.

¹⁵ Луков В.А. Указ. соч. С. 5.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Кашина Н.В. Указ. соч. С. 247.

¹⁸ Кудрявцева Р.А. К вопросу о формировании эпических жанров // Литература и время. Йошкар-Ола, 2003. С. 147.

¹⁹ Юсуфов Р.Ф. Указ. соч. С. 64.

²⁰ Луков В.А. Указ. соч. С. 3.

²¹ Там же.

G.I. Fedorov. On the problem of creation of «History of the Chuvash literature of the second half of the XX century»: some reflections.

In the article the features of dynamics of the Chuvash literature of the second half of the XX and early XXI centuries are examined. Meanwhile the author act on the premise, that the determining principle in such research should be the need for perception of poetics of national literature as one of the main components of its artistic consciousness. Analysis of originality of the Chuvash literature should build on the spiritual and the historical arsenal of national cultures of people of the Ural-Volga region. This line of research facility will have the effect of the interpenetration of intra-and extra-literary aspects of a single aesthetic process.

ЧГВ, 2010 г., № 5
© Г.А. Николаев

ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕРЕВНЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: «СВОИ» И «ЧУЖИЕ»

Во второй половине XIX – начале XX в. вера составляла образ жизни средневожского крестьянского сообщества, его духовно-нравственный скреп. Религиозное мировоззрение определяло поведенческий стереотип членов сельских обществ и служило для них оценочным и комплиментарным критерием при восприятии реальной действительности в зеркале притяжения/отторжения. Востребованность и весомость концепта «свой»/«чужой» как регулирующего конфессиональную жизнь начала в средневожской деревне в эпоху капитализма в условиях этнической и вероисповедной мобилизации ее народонаселения значимо возросла.

Ключевые слова: Конфессиональная ситуация, этническая и конфессиональная идентичность, комплиментарность.

Изучению конфессиональной ситуации на Средней Волге в эпоху капиталистической модернизации в региональной историографии посвящено солидное число исследований. Свет на данный сюжет проливают в первую очередь труды, отражающие процесс христианизации и христианского просвещения волжских народов¹. Названная проблематика отчасти получила раскрытие также в работах, где в качестве объекта анализа выступают этнические и религиозные общности региона². Вместе с тем было бы преувеличением считать, что все аспекты данной обширной темы в выполненных на сегодня сочинениях разработаны с необходимой глубиной и полнотой. К их числу в первую очередь, пожалуй, следует причислить вопрос о взаимоотношениях религиозных общин в средневожской деревне. Принимая данное обстоятельство во внимание, автор настоящих строк предпринял попытку показать жизнь поликонфессиональной деревни Казанской и Симбирской губерний во второй половине XIX – начале XX в. в аспекте отношений «свой» и «чужой». В основу статьи положены главным образом этнографические записки и очерки современников, источники личного происхождения, историко-статистические описания церквей и приходов, церковные летописи, мис-

Геннадий Алексеевич Николаев – кандидат исторических наук, заместитель директора по науке и развитию Чувашского государственного института гуманитарных наук.

сионерская периодика, а также делопроизводственная документация духовных и светских учреждений.

Религиозное многообразие – исторически сложившаяся характерная особенность жизненного пространства средневожской многонациональной деревни. В эпоху капитализма она являлась «общим домом» для приверженцев самых разных конфессий и конфессиональных групп. В своем абсолютном большинстве сельское народонаселение региона было представлено тремя религиозными общинами – христианами, магометанами и язычниками. В зеркале статистических характеристик всеобщей переписи населения 1897 г. в деревне Казанской и Симбирской губерний наблюдаем следующую картину. Русские: православные и единоверцы – 97,2%, старообрядцы и уклонившиеся от православия – 2,8%, прочие – 0,0%. Мордва: православные и единоверцы – 98,8%, старообрядцы и уклонившиеся от православия – 1,2%, прочие – 0,0%. Марийцы: православные и единоверцы – 97,3%, язычники – 2,7%, прочие – 0,0%. Чуваши: православные и единоверцы – 98,9%, язычники 1,1%, прочие – 0,0%. Татары: мусульмане – 94,5%, православные и единоверцы – 5,5%, прочие – 0,0%. Удмурты: православные и единоверцы – 76,5%, язычники – 23,4%, мусульмане – 0,2%³.

Самую внушительную по численности общность в рассматриваемом регионе составляли православные. Их культурное поле объединяло чуть ли не все сельское население проживавших здесь народов, за исключением татар. Но данный конфессиональный «сплав» включал в свой состав качественно неоднородный компонент, ибо пройденный русским этносом и волжскими народами в христианстве исторический путь имел разную протяженность. По степени приверженности вере, освоению и принятию ее основных догматов, ткань жизненного пространства православия в средневожской деревне распадалась на ряд лоскутков. Основную социальную опору православия в ней являли собой русские хлебопашцы, в синкретическом религиозном мировоззрении и повседневном быте которых христианское начало стало основополагающим компонентом. Православное вероисповедание в ходе многовекового пребывания этноса в лоне христианства вызрело в маркер и важнейшую составляющую русской национальной идентичности. В нерусской же деревне к концу XIX в. в приверженце православия язычник менее проступал в мордве, жившей со стародавних времен в тесном соприкосновении с русскими. В религиозном сознании и культовой практике мордвы издавна складывались синтетические формы религии, сочетавшие мордовское язычество с язычеством восточнославянским, а затем и с русским православием⁴. В среде чувашей, марийцев и удмуртов к рубежу двух веков христиане являли собой преимущественно «двоеверов» и «язычествующих» православных. В комплексе их синкретизированных религиозных представлений и обрядов архаический пласт первобытных верований был более устойчив и внушительен, чем у мордвы⁵. И замыкали этот ряд крещеные татары: если многие «старокрещены» (крестившиеся до 1740 г.), сохраняя остатки язычества и тягу к исламу, все же были относительно тверды в православии, то «ново-

крещены» (крестившиеся после 1740 г.) в значительной массе своей лишь номинально являлись таковыми⁶. В Казанской губернии в составе крещеных татар в 60 – 90-х годах XIX в. численно преобладали «старокрещены» – 34072 чел. (75,1%) из 45377 чел., в Симбирской, напротив, большинство составляли «новокрещены» – 2251 чел. (86,6%) из 2599 чел.⁷

Христиане, кто не нашел себя в лоне официальной церкви, на Средней Волге были представлены главным образом русскими хлебопашцами. Согласно данным всеобщей переписи населения 1897 г., в селах и деревнях Казанской и Симбирской губерний проживало 48266 старообрядцев и уклонистов от православия. В их числе русских насчитывалось 45543 чел. (94,4%), мордвы – 2601 чел. (5,4%) и чувашей – 122 чел. (0,3%)⁸. Населенных мест, «зараженных» расколом, в рассматриваемых административно-территориальных единицах было сравнительно немного. В них старообрядцы и уклонисты от православия проживали, как правило, группами до нескольких десятков человек⁹. Но встречались и настоящие «гнезда» раскола, с общественными молельнями и большим числом сторонников «древнего благочестия»: Казанская губерния Цивильский уезд – с. Можарки (православные – 2306 чел., раскольники – 1831 чел.); Симбирская губерния Алатырский уезд – с. Кладбищи (православные – 2306 чел., раскольники – 1831 чел.)¹⁰.

Как и повсеместно в Российской империи, старообрядчество в средневожской деревне в эпоху капитализма не представляло единое религиозное движение. Оно включало в себя разные конфессиональные группы в лице поповцев и беспоповцев. Каждое из названных направлений, в свою очередь, по вероучительным признакам делилось на разные группировки: федосеевцев, поморцев брачного и безбрачного толков, староспасовцев, новоспасовцев, спасовцев-белоризцев, спасовцев, не приемлющих водного крещения, поповцев австрийского толка, беглопоповцев и др.¹¹ Причем даже в рамках одного населенного пункта приверженцы раскола иногда принадлежали к нескольким течениям, толкам и согласиям. В частности, именно такая картина наблюдалась в начале XX в. в с. Подгоры Сызранского уезда Симбирской губернии. Согласно рапорту уездного исправника от 23 июня 1904 г., в нем проживали: поморцы – 90 чел., беглопоповцы – 23 чел., поповцы австрийского толка – 8 чел. и спасовцы – 401 чел.¹² Знала деревня региона и небольшие по численности секты нестарообрядческого характера – молокан, хлыстов, штундистов, жидовствующих, евангелистов, толстовцев, кугусортинцев и прочих. Молокане были представлены в ней главным образом мордвой, а отчасти – русскими. Данные национальные группы хлебопашцев составляли также главную социальную опору жидовствующих. Секта «*Кугу сорта*» («Большая свеча») получила прописку в марийской среде. Членами остальных вышеперечисленных конфессиональных групп старообрядческого и нестарообрядческого характера являлись жители русских деревень¹³.

Конфессиональная карта ислама на Средней Волге во второй половине XIX – начале XX в. почти во всех очертаниях повторяла территориальное размещение татарского этноса. Незначительную брешь в ней составляли

лишь селения крещеных татар (*кряшен*). В 1897 г. в селах и деревнях Казанской и Симбирской губерний конфессиональная общность последних объединяла 42478 чел.¹⁴ В действительности их численность была еще меньшей, ибо часть кряшен де-факто принадлежала культурному полю мухаммеданства и вскоре после появления в начале XX в. законодательных актов о веротерпимости де-юре перешла в его лоно. В ходе всеобщей переписи населения 1897 г. приверженцами ислама в среде сельских жителей двух рассматриваемых губерний зарегистрировались 209 русских, 140 чувашей, 21 удмурт и 13 марийцев¹⁵. Численность «инородцев»-мусульман де-факто была более внушительной. Как и кряшены, многие скрытые приверженцы ислама из чувашей, марийцев и удмуртов в начале XX в., изменив свою конфессиональную принадлежность, ушли «в татары».

«Истинное язычество» в деревне Казанской и Симбирской губерний имело нерусское лицо (по переписи 1897 г.): чувашаи – 7018 чел., марийцы – 3354 чел., удмурты – 2244 чел. Наиболее устойчивыми в «старой» вере в их среде являлись марийцы и удмурты. Удельный вес названной конфессиональной группы в составе сельского населения был невелик и лишь в трех уездах Казанской губернии к концу XIX в. переваливал за один процент: Царевококшайский – 1,9%, Чистопольский – 1,7% и Мамадышский – 1,6%¹⁶. Малочисленные группы приверженцев других конфессий – католики, иудеи, лютеране, англикане, меннониты и прочие – в средневожской деревне были представлены поздними поселенцами, уроженцами различных губерний Российской империи и иностранными подданными (литовцы, эстонцы, латыши, евреи, поляки, немцы и др.)¹⁷.

Подобно расходящимся кругам, порожденным на поверхности воды брошенным в нее камнем, наличие в нерусской деревне разных групп верующих обусловило появление ряда условных конфессионимов для их обозначения. Во второй половине XIX – начале XX в. в среде крещеных татар православные миссионеры выделяли, в частности, следующие группы верующих: 1) «*таза кряшен*» («*чиста кряшен*») (буквально: чистый крещеный) или «*чей кряшен*» (буквально: невареный, сырой крещеный) – татарин крещеный, но не просвещенный, не наученный вполне истинам новой религии, не забывший прежней религии, не оставивший языческих обрядов и суеверий»; 2) «*кара кряшен*» (буквально: черный крещеный) или «*уруссымак*» (буквально: крещеный, похожий на русского, обрусевший) – татарин, «характеризующийся сравнительно большей преданностью христианской вере, православно-русским обычаям»; 3) «*ак кряшен*» (буквально: белый крещеный) или «*татарсымак*» (буквально: крещеный, похожий на татарина, отатарившийся) – «более всего предан мухаммеданству, вполне проникнут татаро-мухаммеданским духом, держится мухаммеданских обрядов и суеверий, постоянно совершает омовения, следит за чистотой тела, носит чистую одежду»¹⁸. В ряде местностей региона чувашские хлебопашцы своих некрещеных соплеменников выделяли в группу «*сăв чăваш*» (варианты: «*сĕв чăваш*», «*су чăваш*») ¹⁹. В д. Большой Ашламаш Царевококшайского уез-

да Казанской губернии приверженцы традиционных верований своих православных однодеревенцев-соплеменников именовали «*руссковерами*»²⁰.

Оппозиция «свой»/«чужой» являлась неотъемлемой частью повседневной социальной жизни средневожской деревни второй половины XIX – начала XX в. Основанием для подобной дифференциации членов сообщества в ней с давних пор служили признаки разного порядка: костюм, обычаи и традиции, диалект языка, строй хозяйственной жизни, социально-имущественное и правовое положение, родство, административно-территориальное деление, сословная и этническая принадлежность, подданство и т.д.²¹ Названная ситуация имела своим естественным следствием одновременное пребывание крестьян в полярных социокультурных «личинах»: «свой» по этнической принадлежности, но «чужой» по месту жительства; «свой» по диалекту языка, но «чужой» по родству и т.д. Частота, теснота и характер социальных отношений в среде хлебопашцев определялись, в числе прочих, и данным концептом. В среде марийцев, в частности, не было принято брать в жены девушку из тех населенных мест, где бытовал иной женский головной убор, чем в собственной деревне²². Молодой чувашский парень, как следует из этнографических записок современника, редко когда находил теплый прием у сверстников-соплеменников в соседней деревне. Если он был здоровым, высоким, статным, веселым и хорошо одетым, то ему, как «хвальбишке», могли нанести побои, что часто и случалось. В случае же, когда «чужак» был «невзрачным», то с ним обходились относительно мягче – он становился только объектом насмешек²³. От глаз наблюдательного современника не ускользнула проявляемая крещеными татарами при общении с русскими осторожность: «Когда крещеные замечают, что русский, присутствующий между ними, понимает по-татарски, то тотчас стараются предупредить друг друга следующей фразой: «*чеботасы тишек*» (*чеботы* – лапти; *тишек* – дыра)²⁴.

Естественно, содержимое своего родного социально-культурного пространства во всех отношениях: и в социально-экономическом, и социально-культурном, и в духовно-нравственном плане и т.д. – для крестьян было, за редким исключением, лучше чужого. В этнографических записках современника-чуваша находим: «Самих всегда и во всех отношениях ставят выше. Что у них и народ добрый и смирный, и разговор правильный, и одежда у них красивее, и походка хорошая, и «*пуса каşартса сўремеспёр*» (не высокомерные). Народ рабочий: есть у них плотники, столяры и кузнецы; их село богаче; из их села есть священники, учителя; есть бакалейные лавки, торгуют красным товаром, столько-то ветрянок, круподерок»²⁵.

Наличие оппозиции «свой»/«чужой» по вероисповедному признаку в социальном пространстве региона второй половины XIX – начала XX в. – естественное следствие поликонфессиональности его народонаселения. Вера составляла образ жизни крестьянского сообщества, его духовно-нравственный скреп. Она являлась стержневой основой мировоззрения, мировосприятия и мироощущения крестьянства, определяла отношение хлебопашцев к

земле, природе, ближним, жизненным ценностям, наполняла их хозяйственно-бытовые, семейно-брачные обряды и традиции. Хозяйственно-экономическая деятельность крестьян, их досуг, этика, мораль, обычное право также были пронизаны ею. В силу подобной высокой значимости для идентификации культурного поля, вероисповедание объективно являлось дифференцирующим социальную среду началом. И православие, и ислам, и староверство, и «истинное» язычество в основной массе своей в средневожской деревне были представлены стойкими приверженцами, строго ориентированными на собственное культурное пространство. И сторонники разных течений, толков и согласий «древнего благочестия», и прочие религиозные группы региона жили в своих малых мирах, образуя относительно обособленные общности. Каждая конфессиональная общность – и крупная, и малая – считала, что именно ее система религиозных взглядов составляет истинную веру. Так, взаимные отношения сектантов и православных в Симбирской губернии в начале XX в. в свете наблюдений епархиального миссионера Владимира Садовского являли следующую картину: «Сектанты, зараженные чувством неизмеримой гордости и фарисейского превозношения своей мнимой праведности, относятся к православным, как к существам низшего порядка, считая всех их погибшими духовно. При всяком удобном случае сектант старается уколоть православного его «греховностью» и «идолопоклонством», за что православные искренне ненавидят этих «святых» фарисеев»²⁶. Согласно свидетельству современника, в начале XX в. в д. Новые Шимкусы Тетюшского уезда Казанской губернии принявшие мусульманство чувашские крестьяне находили своих соплеменников-христиан в вероисповедном отношении недругами²⁷. Тон в неприятии иной конфессии в сельских обществах задавали истинные ревнители веры. Таковым в с. Подлесное Цивильского уезда Казанской губернии, к примеру, являлся местный учитель В.И. Соловьев. Всякий стойкий приверженец язычества в его восприятии являлся либо пьяницей и конокрадом, либо вором и прелюбодеем²⁸.

Вероисповедание, являясь дифференцирующим социальную среду признаком, объективно служило для жителей средневожской деревни оценочным и комплиментарным критерием при восприятии реальной действительности в зеркале притяжения/отторжения, определяло их поведенческий стереотип. Так, в 1860-х годах жители татарской д. Улуяз Казанского уезда одноименной губернии водили «знакомство и хлебосольство» с русскими крестьянами близлежащих сел и деревень. В «русские праздники» татары ходили в гости к православным, а в «татарские праздники» – православные к татарам. При этом не обходилось и без обильных возлияний спиртного – обычно со стороны русских хлебопашцев. В летние праздники иные из них, случалось, и вовсе валялись в д. Улуяз «около забора в холодке». Многие местные правоверные мусульмане склонны были квалифицировать наблюдаемое как следствие культурно-нравственного превосходства своего вероисповедания: «наши татары не пьют так»²⁹. И не менее примечательный пример подобного же ряда. Лишение жизни «всякого человека» в обычном

праве чувашей на рубеже XIX – XX вв. квалифицировалось как тяжкое преступление, но, вместе с тем, и как «менее ответственное» преступное деяние, чем убийство «татарина (читай: мусульманина) – преступника, вора, дармоеда и разбойника»³⁰. Психологический настрой очевиден. «Чужие» по вере и по национальной принадлежности преступники заслуживают меньшего снисхождения, чем «свои».

Как комплиментарный и оценочный критерий вероисповедание особенно широко было востребовано в семейно-брачной сфере крестьянского бытия. В мужья и в жены молодые люди из крестьян брали, за очень редким исключением, только единоверцев. В селах и деревнях, расположенных в иноконфессиональном окружении, брачных партнеров парни и вдовцы искали в среде «своих» по вере «за тридевять земель»³¹. В крестьянском видении гармония в браке напрямую зависела от покровительства Всевышнего (Богов). Не угодить Всевышнему (Богам) – значит обрести свой брак на Его (Их) гнев³². Межконфессиональные браки в среде хлебопашцев если и случались, то исчерпывались единичными случаями. В таких союзах обычно молодая жена принимала «чужую» веру – веру мужа³³. Принимая «чужую» веру, женщина демонстрировала членам семьи мужа и его односельчанам, что она покорна мужу, уважает и принимает его мир – обычаи, традиции, нормы поведения, мораль, этику и прочие его составляющие, навечно связывает с ним свою судьбу. Мизерное число межконфессиональных браков в средневожской деревне, конечно же, было обусловлено и тем обстоятельством, что в социокультурном пространстве Российской империи переход в ислам христиан юридически был невозможен и преследовался в уголовном порядке.

Жители средневожской деревни являлись приверженцами религий, в структуре вероучений которых идея противления/непротивления составляла разный пласт. Как совершенно правомерно заключает современный этнолог А.К. Салмин, концепции монотеистических религий более конфликтны, чем традиционных народных верований³⁴. Политеистическая традиция включает веру во множество богов и божеств и является гибкой, пластичной, открытой, не имеющей строго очерченных границ социокультурной системой. Концепции подобных воззрений толерантны по своей природе, ибо, не будучи канонизированными, не отказывают «в праве на гражданство» Богам из других религий. В конце XIX – начале XX в. в Цивильском уезде Казанской губернии, по признанию самих служителей культа, миссионеры, активно работавшие по привлечению чувашей-язычников в лоно христианства, со стороны приверженцев традиционных верований встречали тонкий мировоззренческий отпор. На свои увещевания они часто слышали один и тот же ответ: «Никому не известно, чья вера лучше, ваша или наша, потому что и на наши поля Бог посылает дождь, дает нам все, что нужно для земной жизни. А если бы наша вера была противна Богу, то Он не дал бы нам урожая и других земных благ, а дал бы только крещеным. А теперь мы видим, что печется Бог и о нас... Бог сделал 77 языков и 77 вер, в их числе считается и языческая вера... Каждый волен жить, как ему кажется лучше и как он жил до сих пор»³⁵.

Приверженцы традиционных народных верований, будучи носителями воззрений, что конфессионально «чужое» – это «иное свое», в духовно-нравственном плане были открыты для диалога – как в узком, так и широком значении данного слова – с иноверцами. В повседневной действительности данное социально-психологическое качество проявлялось в уважительном отношении к «чужому» сакральному, в нацеленности на доверительные отношения с «чужаками» по вере, в обращении, в случаях необходимости, за покровительством к «чужим» Богам. В пореформенные годы, посещая православный храм, чуваша-язычники д. Тенеево Цивильского уезда Казанской губернии, к примеру, согласно свидетельству священника Д. Филимонова, покупали «несколько самых мелких свечек», ставили их перед иконами, делали три поклона, сопровождая их «собственными молитвенными словами», а затем, не дожидаясь конца службы и не накладывая на себя крестного знамения, выходили из церкви³⁶. В начале XX в. в с. Оштормо-Юмья и его округе, входивших в Мамадышский уезд Казанской губернии, приверженцы традиционных народных верований из удмуртов, как явствует из историко-статистического описания прихода, «всегда приветствовали духовных лиц поклоном, а один из них, старик Петаш, во время крестохождения» приглашал их к себе, охотно слушал молебное пение, целовал крест, но креститься отказывался, «ссылаясь на старость: был бы я молод, тогда бы крестился, а теперь время кончал – стар стал, как жил, так и умирить будем»³⁷. В начале XX в. часть некрещеных чувашей д. Малое Русаково Свияжского уезда Казанской губернии молилась вместе с местными татарами в мечети. Вместе с тем, они отказывались принимать ислам: «говорили, что будем жить так же, как и наши предки»³⁸.

Мировоззренческое пространство монотеизма являло собой закрытую систему, основой которой служило учение о единственном, неповторимом, универсальном, персонифицированном существе – творце мира и человека. Другие системы вероучений и ислам, и христианство, и иудаизм отвергают. В источниках веры монотеистов иноверец предстает нечистым, неверным, нечестивым, заблудшим, обманутым и т.д. Отторжение конфессионального «чужого» православными и мусульманами в социокультурном пространстве средневожской деревни проявлялось в самых разных формах. В XIX в. с раннего детства не в меру раскапризничавшиеся дети в обществе татар-мусульман матерями непременно осаждались фразой: «Не плачь, не то отдам русскому [читай: христианину. – Г.Н.]»³⁹. «Еще доселе, живя постоянно среди мухаммедан, – отмечал современник в 1870-х годах, – многие русские не едят вместе с ними»⁴⁰. В ходу были и чернение иноверий, и выставление их социокультурных пространств как средоточие дикости и варварства. Так, в 1880-х годах этнологом В. Магницким в Казанском уезде одноименной губернии со слов уроженца русского с. Чипчуги ямщика С.И. Артамонова был записан следующий рассказ: «В Паратской волости, населенной черемисами (марийцами. – Г.Н.), каждый год пропадает по одному человеку. Пропадающих подкарауливают сами же черемисы [читай: язычники. –

Г.Н.] и, поймав, протыкают им бока, чтобы добыть человеческой крови, и добытую таким образом кровь продают в Казани жидам (иудеям. – Г.Н.); трупы же убитых людей обливают керосином и сжигают»⁴¹. Идеиные недруги христианства из татар-мусульман в своей этноконфессиональной среде распространяли слухи, что при постройке храма православные «под него кладут живого человека и непременно из новокрещенных»⁴².

Конечно же, из всего изложенного отнюдь не следует, что монотеистические традиции региона были вовсе закрыты для диалога с иноверием. Снижению уровня конфессиональной напряженности между монотеистами и политеистами, во-первых, не могло не способствовать то обстоятельство, что получившие распространение в социальном пространстве Среднего Поволжья и православие, и ислам были по своей природе более «мягкими», чем в других районах Российской империи. Так, поволжское православие не имело «традиций средневекового монашеского подвижничества», как на территории «Святой Руси»; оно набирало здесь силу «в Новое время, когда чудеса святых и аскетические подвиги анахоретов стали редкостью»⁴³. На Средней Волге утвердилась наиболее либеральная религиозно-правовая школа ислама – ханифитская. Проникшее в среду волжских татар суфийское братство накшбандийя также отличало гибкость к иноверцам⁴⁴. Во-вторых, в религиозных представлениях средневожского сельского населения – и православного русского, и мусульманского татарского – языческие верования и обряды составляли внушительный пласт. И у первых, и у вторых в массовом сознании в ранге «нечистой силы» продолжал существовать ряд универсальных языческих персонажей: соответственно леший и *шурале*, домовый и *йорт иясе*, водяной и *су иясе*, кикимора и *бичура* и т.д. И русское «народное православие», и татарский «народный ислам» здесь были погружены в бездонный мир суеверий и примет: в русских деревнях при последнем вздохе умирающего, чтобы обеспечить свободный выход его душе из избы, крестьяне открывали печные трубы; русские девушки, желающие выйти замуж за выбранных ими парней, вкладывали в ушки колоколов православных храмов записки со своими сладкими грезами; преследуя цель предохранить себя от «нечистой силы», суеверные мусульмане перед сном под постель клали железные вещи – ложку, топор, нож и прочее; чтящие стародавние традиции татарские девушки, чтобы быть весь год красивой, увидев весной первого скворца, терли лицо снегом⁴⁵ и т.д.

Встроенный в систему вероучения языческий компонент и православным, и мусульманам, таким образом, объективно служил добрую службу при контактах с другими волжскими, живущими в своем большинстве «дедовскими порядками» народами, ибо позволял им в той или иной мере быть в «чужой» конфессиональной среде несколько «своим», снижая, а то и сводя на нет социально-психологические трения. «Русские, поселившиеся среди чувашей Больше-Шатьминского прихода [Ядринского уезда Казанской губернии] в самом незначительном количестве, как видно из сопоставления их обрядов с чувашскими, – сообщал в 1899 г. священник Николай Архангель-

ский, – явились на новое местожительство с таким мирозерцанием, которое, в сущности, ничем не отличается от чувашского, и потому не только не могли ничем повлиять на мирозерцание чувашей, но даже по некоторым вопросам сами до сих пор подчиняются авторитету чувашских *йомзей* (вожера. – Г.Н.)»⁴⁶.

Попутно отметим, что конфессиональное «шатание» было достаточно распространенным явлением, вследствие специфики средневожского сообщества, и в пространстве монотеизма. Так, в «инородческом» православии в культурном поле «язычествующих» христиан и «двоверов» подобное поведение крестьян было обыденностью. В неблагоприятных жизненных ситуациях покровительство «чужих» высших начал, случалось, искали и «усердные» в вере прихожане. Именно такой поведенческий стереотип крестьянки регистрирует, в частности, чувашский священник К. Прокопьев: «У меня в приходе у одной женщины, усердной христианки, заболел муж «падучей» болезнью. Она отслужила в церкви молебен, но когда это не подействовало, она, как призналась после мне сама, обратилась сначала к юмзе. А потом за 12 верст возила мужа к татарскому мулле. В конце концов, она опять обратилась ко мне»⁴⁷.

Оппозиция монотеист – монотеист в социальном пространстве средневожской деревни второй половины XIX – начала XX в. в силу природы вероисповеданий априори должна иметь своим следствием жесткое взаимное культурное отторжение. Но подобную ситуацию здесь являли лишь кратковременные эпизоды ее повседневного бытия. В целом же, данный концепт, пожалуй, следует квалифицировать как нейтрально-осторожный, толерантный. В большинстве населенных мест, расположенных в русско-татарских контактных зонах, отношение между православными и мусульманами являли такую же картину, какой она предстает из свидетельства жителей русской д. Мишавка Казанского уезда одноименной губернии в 1864 г.: «Да, близко-то мы с ними [с мусульманами] не живем; и ссориться не ссоримся: не из-за чего. У нас свой конец [околоток], своя усадьба и своя земля. У татар тоже все свое... [О вере споров и рассуждений] почти не бывает»⁴⁸. Мир гармонии и добра в своей семье и за ее пределами и русский крестьянин, и татарский хлебопашец строили, опираясь не столько на догматы веры – кстати, усвоенной ими весьма поверхностно⁴⁹, а на прагматичное начало. Миссия хлебопашца – кормить общество, удел служителей культа – вероисповедные дела. В рассматриваемый отрезок времени люди сохи, косы и цепа из русских и татар, как некогда их отцы и деды, продолжали строить доверительные отношения друг с другом на восприятии «чужого» культурного поля как Божьего Промысла. В наблюдениях православного миссионера, относящихся к 1870-м годам, находим: «В дер. Верхних Машляках [Мамадышского уезда Казанской губернии] я однажды зашел в дом одного русского крестьянина; тут было несколько человек русских и крещеных [татар]. Начался разговор о мухаммеданстве. Я говорил, как неразумно поступают те крещеные, которые отпадают в мухаммеданство. На мои слова жена хозяина ска-

зала в виде возражения: «Теперь кто знает, чья вера лучше, наша или их, то есть мухаммедан. Потому я думаю, что мухаммеданину следует веровать по-татарски, а русскому – по-русски». С этим мнением почти все присутствующие были согласны»⁵⁰. К тесным взаимным контактам друг с другом русские-православные и татары-мусульмане шли через почитание «чужих» вероисповедных – в их квалификации народных – праздников. Так, на рубеже XIX–XX столетий в Свияжском уезде Казанской губернии вместе с православными русскими крестьянами с. Утяково окрестные татары-мусульмане праздновали День Тихвинской Божьей Матери⁵¹.

Появившись на свет, новый член средневожского сельского сообщества постепенно усваивал азы конфессионального мира матерей и отцов. К шести-семи годам крестьянские дети стихийно уже находили себя приверженцами той веры, к какой принадлежали их родители. В данном плане юное поколение татар-мусульман было более продвинутым, чем их сверстники-иноверцы. Подобная ситуация была следствием как большей этнической и конфессиональной мобилизованности татар, так и относительной развитости организационных начал в исповедуемом ими исламе. На общем собрании Братства св. Гурия, состоявшемся 26 апреля 1915 г. в Казани, епархиальный инородческий миссионер В.Н. Эсливанов не без сожаления отмечал, что в татаро-мусульманской семье «чуть ли не с пеленок дитя подвергается неотразимому влиянию отца и матери в деле воспитания в духе ислама», что «ребенок 7–8 лет уже имеет столь сильную мусульманско-племенную заваску, что удивит всякого новичка-наблюдателя и заставит задуматься всякого рьяного русификатора»⁵². В культурном поле православия и ислама в развитии полученных в семье юным поколением средневожских хлебопашцев начатков религиозного сознания и поведенческих стереотипов, придании им системности и внутренней стройности большую роль играли конфессиональные образовательные учреждения, представленные главным образом различными типами начальных школ. Находясь в их стенах, учащиеся не только приобретали знания об основах вероучения, истории религии и обязанностях прихожан, но и пропитывались духом конфессии – читали молитвы, соблюдали предписанные верой обряды, посещали богослужения и т.п.⁵³ В политеистической традиции конфессиональное просвещение и воспитание подрастающего поколения проходило исключительно в культурном пространстве таких традиционных социальных институтов, как семья и сельская община. В части языческих обрядов вожских народов, например, в инициации дождя у чувашей⁵⁴, дети являлись основными участниками ритуальных действий. Во взрослую жизнь молодые люди региона во всех конфессиях вступали с достаточно внушительным багажом вероисповедного «Я». Те же из них, кто доживал до почтенного возраста, как правило, становились: в монотеистических традициях – набожными, усердными в вере прихожанами, а в политеистических – тонкими знатоками и хранителями религиозных обрядов и традиций, непреклонными блюстителями духовно-нравственной жизни сообщества. Так, в июне 1891 г. по случаю наступившей засухи кре-

щенные и некрещеные чуваша деревень Подлесное и Иваново Цивильского уезда Казанской губернии в течение двух недель проводили общественное моление, в ходе которого в жертву были принесены лошади, коровы, овцы, гуси и утки, всего 41 животное. Инициатором данного массового действия выступила девятилетняя уроженка д. Иваново Жербхара Симушкина, знающая «очень хорошо свои языческие обряды, старинных языческих нескольких сот Богов и киреметей, из них кто больше, кто меньше, какому Богу какую жертву нужно приносить, какими животными, как им нужно молиться, когда и в какое время, где и чем»⁵⁵.

Отторжение конфессионального «чужого» в разных возрастных группах сельского народонаселения региона в эпоху капиталистической модернизации имело свои особенности. В детской среде оно было спонтанным, прямолинейным и грубым. О том, как в начале XX в. 5–6-летним юнцом в крещенотатарском с. Елышево Мамадышского уезда Казанской губернии защищал родное культурное поле, сын русского священника В. Чебешев в годы учебы на Казанских кряшенских педагогических курсах, 28 сентября 1921 г., описал в своем курсовом сочинении «Воспоминания детства и мое воспитание». В нем, в частности, находим следующие строки: «...Я шел после только что полученных родительских наставлений, повторяя нововыученную молитву «Мытаря и фарисея», со знанием каковой и хотел поделиться с друзьями. Но от них, кроме насмешки, ничего не получил. Вдруг один из татарчат задает мне вопрос: «Что тебе нужно, «мими» или «чичи»? Я размышлял: чичикой называют вообще что-либо хорошее, следовательно, «чичи» будет лучше. Я объявляю свое решение. Все хохочут и плюются, говоря: «сасы» – поганье, вонючее. Я недоумеваю, почему мой выбор вызывает такую бурю. Затем мне объяснили, что «мими» – мечеть, а «чичи» – чиркү, то есть церковь. На берегу [речки] проводили целые дни. Из камушков складывали дома, печи, мосты. Раз попросили меня сделать из камушков церковь. Я сделал. Мои татарчата этим были недовольны: они замыслили злое. Они говорили, что это мало походит на церковь, нужно поставить крест. Не подозревая их коварного замысла, я снял с себя нашейный крест и водрузил его на колокольне. Только что я окончил свою работу, один татарчонок Тимербайка с ругательством бросился к моему сооружению и пинком ноги мои камушки с крестом разбросал в воду; сами с хохотом разбежались. Я с плачем возвратился домой, жалуясь родителям о нанесенной мне обиде. В душе кипела злоба. Я, вооружившись изломанным столовым ножом, каковой тихонько унес из дома, ждал случая, чтобы отомстить Тимербайке». Спустя несколько месяцев, как следует из данных воспоминаний, юнец осуществил задуманное. В компании со сверстником он сначала «отдубасил» «татарчонка Тимербайку», а затем нанес ему легкое ножевое ранение в лицо⁵⁶. Детская обида что утренняя роса: быстро улечивается. Как правило, малолетние приверженцы веры быстро ссорились, но столь же быстро и мирились⁵⁷.

Как оппоненты к конфессиональному «чужому», в годы отрочества и юности подрастающее поколение обычно находилось на острие «механи-

ческого» противоборства с иноверием. В силу возрастного максимализма оно, как правило, отличалось несдержанностью – отстаивая свою точку зрения, легко пускало в ход кулаки⁵⁸, было склонно к опрометчивым шагам и радикальным действиям: вырубало священные рощи, уничтожало предметы религиозного культа и т.д.⁵⁹ Познав вкус жизни и научившись отделять ее зерна от плевел, среднее поколение обычно сдержанно реагировало на конфессиональное «чужое», тем самым гася очень часто в зародыше возможные трения на вероисповедной почве. Так, русские крестьяне с. Мишавка Казанского уезда одноименной губернии в 1864 г. утверждения «строгого богомольца» татаро-мусульманской д. Алдермыш некто Галейки, что «Христос придет на землю, женится и проживет на земле сорок лет», что «Магомет ... возьмет за себя дочь Иисуса Христа», и прочие подобные его конфессиональные выпады квалифицировали вызывающими смех «пустяками» и не заслуживающими по этой причине вообще никакой ответной реакции⁶⁰. Лишь внешний вызов конфессионально нетерпимого плана мог вывести степенных отцов семейств из психологического равновесия и заставить предпринимать адекватные угрозе ответные шаги. Подобный эпизод вероисповедного противостояния имел место, в частности, в конце XIX в. в Симбирском уезде одноименной губернии. 9 мая 1897 г. из г. Симбирск с религиозными песнопениями в д. Нижние Тимерсяны шла процессия из чувашских православных крестьян. Участники шествия несли крест, который они намеревались водрузить на свою приходскую церковь. Их путь пролегал через д. Новые Тимерсяны, населенную татарами-мусульманами. Около своей деревни новотимерсянцы преградили путь крестному ходу, градом камней оттеснив его от дороги. Вскоре и к христианам, и к мусульманам стали прибывать все новые группы верующих. Назревал крупный конфессиональный конфликт с непредсказуемыми последствиями. Потребовалось вмешательство местной администрации. При сопровождении полицейского урядника процессия благополучно прошла через мусульманское селение. При этом религиозным чувствам мусульман было оказано должное уважение – участники шествия не пели религиозные песни, не произносили молитвы; крест ими был приспущен и обернут холстом⁶¹.

Старшее поколение хлебопашцев в вероисповедном противостоянии с иноверием являло собой, по сути, идеологических стражей традиционного образа жизни. Оно, будучи носителем непримиримых позиций в вопросах веры, как правило, жестко отвергало конфессиональное «чужое», внося тем самым в семьи и сельские общества крестьян конфликтное начало⁶².

Во второй половине XIX – начале XX в. как основа оппозиции «свой»/«чужой» конфессиональная принадлежность в социокультурном пространстве средневожской деревни приобретала все большую и большую весомость. Повышение ее значимости как дифференцирующего социум начала было обусловлено обстоятельствами и условиями как внутреннего, так и внешнего порядка. Со вступлением в эпоху капитализма на качественно иную ступень поднялось этническое самосознание сельского народонаселения регио-

на. Эти перемены стали следствием разрушения былой замкнутости общин и роста мобильности членов сельских обществ, учащения контактов хлебопашцев со своими соплеменниками и иноплеменниками, повышения их образовательного уровня, появившейся возможностью относительного удовлетворения интереса к прошлому своего народа. Возрастание значимости национального «Я» в жизненном пространстве сельских обывателей своим естественным следствием имело и рост значимости его конфессионального «Я». В сознании жителей деревни этническое начало туго было вплетено в конфессиональное, а конфессиональное начало – в этническое. Еще одним конфессионально мобилизующим фактором для сельского народонаселения региона стал жесткий внешний вызов – резкая активизация миссионерской работы и внедрение в жизнь самодержавным государством так называемой миссионерско-просветительской системы Н.И. Ильминского.

Численные потери «истинного язычества» в жестком противостоянии с Русской православной церковью во второй половине XIX – начале XX в. были хотя и относительно чувствительными, но отнюдь не катастрофическими для общины. В губерниях региона в самый удачный год «улов» миссионеров в их среде не превышал несколько десятков человек⁶³. Оставивших родное конфессиональное поле соплеменников приверженцы язычества из волжских народов находили «чужими» не только по вере, но и по национальной принадлежности. Выделяя свою этноконфессиональную общность в среде соплеменников, некрещеные чуваша склонны были называть себя не иначе, как «*чӑн чӑваш*» (дословно: настоящий, истинный чуваш), некрещеные марийцы – «*чимарий*» (дословно: настоящий, истинный мариец), а некрещеные удмурты – «*чын удмуртьӛс*» (дословно: настоящий, истинный удмурт). (Весьма любопытный факт: отслуживший в армии удмурт был склонен считать себя «нечистым вотяком»⁶⁴.) В психологическом плане данные этноконфессионалы являются как бы средоточием двух нравственно-этических начал. Первый из них – укор. Он адресован соплеменникам, оставившим «старую» веру. Второй – заслуга. Она приписывалась приверженцами политеизма прежде всего своим отцам и дедам, кто наперекор всему и вся отстоял, сохранил и передал своим детям традиционное культурное поле.

В отстаивании права своего культурного поля на существование приверженцы традиционных верований в основной своей массе были весьма решительны, тверды и последовательны. В воспоминаниях сельского учителя А.П. Прокопьева, опубликованных на страницах церковной периодики, находим: «В период борьбы христианства с язычеством живущим по-русски пришлось терпеть немало насмешек и поругания от язычествующих и даже насилий. Например, язычники выбирали разных караульчиков обязательно из христиан-инородцев, а затем поджигали овины, стога и вызывали на сходку караульчиков, там били их. Это практиковалось большею частью во время народных бедствий: в неурожайные годы, во время падежа скота или повальной оспы»⁶⁵. Арсенал средств давления на общинников, ушедших в «русскую веру», у приверженцев традиционализма включал и такой болез-

ненный прием, как психологическое давление. В одной из удмуртских деревень Казанской губернии в начале XX в. священник И. Яковлев выслушал следующее откровение живущего «по-русски» крестьянина: «От однодеревенцев я никуда не мог уже спрятаться. Каждый честил меня, как умел. Со всех сторон сыпались ругательства за то, что я изменил старине; мне дали название «дурачка» (очень уж обидно на нашем языке). Раз даже староста на сходе, пред всем миром, выругал меня, назвав изменником. Одним словом, я так стал низок в глазах людей, что последний мужичок в деревне считал чуть ли не обязанностью посмеяться надо мной. Жена и дети не могли выйти безнаказанно в соседи. Воротившись домой, жена начинала вымещать на мне всю горечь, какую испытывала из-за меня в людях. Тяжело было мне, ух как тяжело! В одно время я перестал даже в люди появляться. В праздники куда-нибудь уезжал...»⁶⁶ В марийских деревнях Козьмодемьянского уезда Казанской губернии в пореформенное время язычники приносили киреметям особые жертвы и просили их умерщвлять рубивших священные рощи соплеменников-«руссковеров»⁶⁷.

Казалось бы, оппозиция приверженцев традиционализма к односельчанам-«изменникам» повсеместно однозначно должна была быть жесткой. Но в реальной действительности в средневожской языческой деревне наблюдалась несколько другая картина. Отношение к бывшим «своим» и сопротивление внешнему конфессиональному натиску в пространстве язычества было разным – от сдержанного до весьма жесткого. Носители традиционных верований в регионе являли собой неоднородное культурное поле. Часть из них твердо держалась веры отцов и дедов, часть – стремилась к реформе своего вероучения, часть – находилась под «христианским воздействием», часть – относительно была погружена в пространство ислама⁶⁸. И ориентированные на монотеистические традиции группы объединяли разные категории традиционалистов. Так, епархиальный миссионер А. Кремлев «христианствующих» марийских язычников Казанской губернии характеризует следующим образом: «Одни из них повесили по примеру православных в своих жилищах картины религиозного содержания. Другие имеют иконы на переднем углу, но еще пока не ходят в церковь. Третьи усердно посещают церковь. А некоторые настолько усвоили обычаи православных, что даже не стесняются говеть во время великого поста. Остается, следовательно, им только креститься»⁶⁹. В пространстве «христианствующих» язычников отторжение бывших «своих», как правило, было относительно мягким.

В своем абсолютном большинстве православное нерусское сельское народонаселение региона вступило в эпоху капитализма номинальными приверженцами христианства. Став объектом воздействия миссионерско-просветительской системы Н.И. Ильминского, оно вызрело в основной своей массе в «двоеверов». Подобный вероисповедный сдвиг имел своим результатом рост конфессиональной напряженности в их среде. Если в третьей четверти XIX в. в годы общественных бедствий – засухи, градобития, эпизоотий и т.д. – члены чувашских, марийских, мордовских и удмуртских сель-

ских обществ чуть ли не повсеместно практически без всяких споров проводили свои древние языческие обряды, то в последней его четверти былое единство крестьянских сообществ названных этнических общностей по данному вопросу ушло в прошлое⁷⁰. Крестьянские «миры» разделились на «своих» и «чужих» – на христианскую и языческую партии. В данном вероисповедном противостоянии все чаще верх стала брать христианская партия, авангард которой был представлен молодым поколением. «Отцы» же, хотя и не без сопротивления, вынуждены были сдавать своим «сыновьям» одну конфессиональную позицию за другой: в пределы киреметных рощ и прилегающих к ним земельных участков вступили топор и соха, сельские сходы стали утверждать мирские приговоры о запрете общественных молений и т.д.⁷¹

В культурном поле крещеных татар мощный внешний миссионерский натиск и рост этнического самосознания общности вызвали к жизни полярные этноконфессиональные процессы. Отпадение в несколько волн номинальных христиан в ислам в регионе породило довольно масштабное движение за воссоединение «неофициальных» мусульман с «полноценными» татарами⁷². Сохранившие же верность православию крещеные татары, став объектом воздействия созданных миссионерских институтов, еще более укрепились в вере. В их среде зародилось и стало набирать силу движение за признание этноконфессиональной общности за особый этнос – *кряшены*⁷³. На всем протяжении рассматриваемого периода между приверженцами христианства и «отступниками» в сельских обществах то и дело вспыхивали конфессиональные «бои местного значения» в аспекте отношений «свой»/«чужой». И «неофициальные» мусульмане, и «татары-христиане, преследуя образумить своих «заблудших» однообщинников, оказывали на конфессионально несолидарное меньшинство мощное социально-психологическое, физическое и хозяйственно-экономическое давление. В ход шли все приемы – увещевание, щедрые обещания, натравливание собак, рукоприкладство, лишение земельных наделов и т.д.⁷⁴ Протоиерей Ефимий Малов 12 мая 1881 г. занес в свой миссионерский дневник, в частности, следующую запись: «О[тец] Кузьма передавал, как и прежде, что со старой часовни, которая находится посередине села Елышева, отпавшие в мухаммеданство сшибли крест, чтобы не стыдиться уже магометан, проезжающих через село»⁷⁵.

В данной ситуации в части этнически неоднородных населенных мест, где «отступники» и христиане составляли относительно равновеликие партии, в пореформенное время стало набирать силу движение за учреждение конфессионально и этнически «чистых» сельских обществ и земельных союзов. Так, 28 марта 1899 г. чувашские крестьяне, проживавшие в чувашско-татарском с. Трех Болтаево Буинского уезда Симбирской губернии, обратились к властям с прошением, в котором была высказана просьба исключить их из татарского общества и разрешить образовать самостоятельное в административном отношении сельское общество. К односельчанам из числа отпавших от православия татар ими были высказаны следующие претензии: «Не дают нам исполнять свою православную религию во время говения и в вели-

ких постах, в больших торжественных и воскресных, а также вообще во всех праздниках; [в православные праздники] производят сельские сходы, разные работы, а также повседневную местную ... работу; на сходах и собраниях татарских нас, крещеных, обзывают позорными ругательными словами, а для большего позорства и насмешек нас всегда отрывают от исполнения своей религии и вызывают в самые праздничные дни в свое татарское общество и находят для нас, [для] крещеных чувашей, в обществе разные дела, а татары сами в наши праздники бывают праздными и над нами крещеными насмеваются»⁷⁶. (18 ноября 1899 г. данное прошение было удовлетворено Губернским Присутствием⁷⁷.)

Уходя от конфессионального противостояния, часть татар-«отступников» региона водворялась в сельские общества татар-мусульман. Но в их среде «новые мусульмане» далеко не всегда оказывались «своими». «Исконные мусульмане» не особо жаловали бывших «изменников»: отводили им в мечети унизительные места для моления – у входа, выделяли особые участки для захоронения усопших, часто за пределами основного кладбища и т.д.⁷⁸

Конфессионально мобилизованная и организационно продвинутая татарская мусульманская община региона во второй половине XIX – начале XX в. как культурное поле упрочило свое положение. В начале XX в. с окончательным устранением миссионерского аспекта из сферы государственно-исламских отношений юридические границы ислама в средневолжской деревне даже несколько расширились. Согласно статистическим данным, введенным в научный оборот казанским этнологом Д.М. Исхаковым, с 17 апреля 1905 г. по 1 января 1910 г. в Казанской губернии от православия в мусульманство отпало 38999 чел., в Симбирской – 4360 чел.⁷⁹ Численные же потери ислама в пространстве региона были мизерными. По данным А.В. Кобзева, полученным им в результате обработки документов духовной консистории, в Симбирской губернии с 1858 г. по 1911 г. из ислама в православие перешло 127 татар-мусульман. Еще 32 мусульманами было высказано желание принять крещение⁸⁰. Изменившие вере татары-мусульмане, как «чужаки», становились изгоями: как в своих семьях, так и в своих сельских обществах. Стол и кров они вынуждены были искать уже в среде «новых своих». В 1879 г. житель д. Тугаево Цивильского уезда Казанской губернии, к примеру, в Братство святителя Гурия обратился со следующим прошением: «Для поддержания своего благосостояния своего родителя я долгое время проживал в работниках в приходской к селу Шутнерову деревне Бишевой у крестьян из чуваш православного вероисповедания. Священник села Шутнерова Василий Васильев во время крестохождения по домам своих прихожан много раз предлагал мне оставить магометанскую веру, яко поганую, и принять святую христианскую веру. Убедившись, наконец, в истинности оной, я в прошедшем 1878 г. предъявил священнику села Шутнерова В. Васильеву решительное намерение принять святое крещение, которое и было совершенно им надо мною 1878 г., декабря 28 дня. Родитель мой, магометанин, сей час узнал о принятии моем христианской веры, отказал мне от обеспечения

своего, и, так как в прежней моей деревне нет ни одного христианина, то я опасюсь явиться в оную. Посему, по ходатайству священника Васильева, я приписался теперь в приходскую его деревню Бишу. Но не имею никакого имущества и нахожусь в крайней бедности. Для исправления своих необходимых нужд осмеливаюсь всенижайше просить Братство св. Гурия оказать мне какое-либо вспомоществование, так как более ждать помощи не от кого»⁸¹.

Вероисповедный остракизм, как действенный прием борьбы с изменой конфессии, в пореформенное время применялся и в русской деревне. Но подобное явление в среде великороссов было редкостью⁸².

Во второй половине XIX – начале XX в. отторжение конфессионального «чужого» особенно рельефно обозначилось в контактных мусульманско-христианских зонах. В социокультурном пространстве многонациональных сел и деревень, где совместно проживали приверженцы ислама и православия, в условиях этнической и конфессиональной мобилизации общностей, как и в «отступнических» многонациональных населенных местах, стало набирать силу движение за учреждение конфессионально и этнически «чистых» сельских обществ и земельных союзов⁸³. Подобный способ разрешения этноконфессиональной напряженности являл собой, как правило, болезненную, несущую существенные материальные издержки, растянутую на многие годы бюрократическую и хозяйственно-экономическую операцию. Вместе с тем, он очень часто позволял положить конец многолетним взаимным обидам и претензиям⁸⁴.

Относительно высокий уровень конфессиональной напряженности в мусульманском сельском сообществе региона во второй половине XIX – начале XX в. поддерживался обстоятельствами и условиями разного плана: переживаемым татарским обществом религиозным реформаторством; сложившейся исторически «традицией»-поведением воспринимать исходящие от самодержавного государства решения социально-экономического, социально-политического и социально-культурного характера как предварительных шагов по их христианизации⁸⁵; второразрядностью исповедуемой конфессии в социокультурном пространстве страны⁸⁶; неуклюжими административными шагами местных властей (например: решением казанского губернатора Н.Я. Скарятин повесить колокола в мусульманских деревнях, «чтобы звонить в эти колокола во время зимних метелей»⁸⁷); активной христианско-просветительской работой церкви в среде татар-«отступников»; уголовным преследованием членов сельских обществ за соvrащение в ислам⁸⁸ и т.д.

Остается еще подчеркнуть, что религиозное реформаторство, которое переживала в эпоху капитализма исламская община, также стало дифференцирующим татарское сельское сообщество региона на «своих» и «чужих» началом⁸⁹.

* * *

Оппозиция «свой»/«чужой» являлась неотъемлемой частью социальной жизни средневожской деревни второй половины XIX – начала XX в.

Основанием для подобной дифференциации членов сельского сообщества в ней с давних пор служили признаки разного порядка. Наличие данного концепта по вероисповедному признаку – естественное следствие поликонфессиональности народонаселения. Вера, в силу своей высокой значимости для идентификации культурного поля, объективно являлась дифференцирующим социальную среду началом. Она определяла поведенческий стереотип крестьянского сообщества и служила для него оценочным и комплиментарным критерием при восприятии реальной действительности в зеркале притяжения/отторжения. Востребованность и весомость концепта «свой»/«чужой» как регулирующего конфессиональную жизнь начала в средневожской деревне в эпоху капитализма в условиях этнической и вероисповедной мобилизации ее народонаселения значимо возросли.

Источники и литература

¹ *Попов Н.С.* Православие в Марийском крае. Йошкар-Ола, 1987; *Грачев С.В.* Геополитика и просвещение народов Поволжья (60-е гг. XIX в. – начало XX в.). Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2000; *Мокишина Е.Н.* Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX – начале XX века. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003; *Зеткина И.А.* Национальное просветительство в культуре народов Поволжья. Саранск, 2005; *Таймасов Л.А.* Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004; *Алметева И.В.* История начального школьного образования в Марийском крае во второй половине XIX – начале XX веков: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2006; и др.

² *Мухаметшин Ю.Г.* Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1977; Мордва. Историко-этнографические очерки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981; *Исхаков Д.М.* Этнографические группы татар волго-уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография). Казань, 1993; *Плеханова Е.О.* Христианское/языческое в диалоге культур (Вятско-Камский регион). Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2003; Этнография татарского народа. Казань: Магариф, 2004; Марийцы. Историко-этнографические очерки. Коллективная монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005; *Ягафова Е.А.* Чувашское «язычество» в XVIII – начале XXI века: монография. Самара: Изд-во СГПУ, 2007; *Салмин А.К.* Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007; *Ягафова Е.А.* Чувашки-мусульмане в XVIII – начале XXI вв.: монография. Самара: ПГСГА, 2009. 128 с.; и др.

³ Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. СПб., 1903. Т. 14. С. 104–107; Симбирская губерния. СПб., 1904. Т. 39. С. 64–67.

⁴ *Мокишин Н.Ф.* Религиозные верования мордвы. Саранск, 1998. С. 225.

⁵ *Денисов П.В.* Религиозный фактор в истории и традиционной культуре народов Поволжья // Христианизация народов Среднего Поволжья и ее историческое значение: материалы региональной научной конференции. Йошкар-Ола, 23-24 ноября 2000 года. Йошкар-Ола, 2001. С. 10.

⁶ Краткая заметка об инородцах Волжско-Камского края // Симбирские епархиальные ведомости, 1897. № 1. С. 20–27; [*Никольский Н.В.*] Наиболее важные сведения об инородцах восточной России и западной Сибири, подверженных влиянию ислама. Казань, 1912. С. X–LXV.

⁷ *Малов Е.А.* Миссионерство среди мухаммедан и крещеных татар. Сборник статей. Казань, 1892. С. 400, 414.

⁸ Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. Т. 14. С. 104–107; Симбирская губерния. Т. 39. С. 64–67.

- ⁹ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 76. Оп. 2. Д. 1418. Л. 9–59.
- ¹⁰ Там же. Л. 24–25; Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 166. Инв. № 4888. Л. 61; Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Алатырский уезд. Симбирск, 1913. Вып. 2. С. 34.
- ¹¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 181. Д. 3459. Л. 6; *Садовский В.* Отчет Симбирского епархиального миссионера-проповедника о состоянии расколо-сектанства и о деятельности миссии в Симбирской епархии за 1910 г. // Симбирские епархиальные ведомости, 1911. № 11. С. 398, 399.
- ¹² ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 1418. Л. 57–59.
- ¹³ *Садовский В.* Указ. соч. С. 399; Расколо-сектанство в Казанском крае и деятельность против него миссии за 1903 год // Православный собеседник, 1904. Ноябрь. С. 927; [*Никольский Н.В.*] Указ. соч. С. X – LXV; ГАУО. Оп. 2. Д. 1418. Л. 10–59. Национальная принадлежность жителей сел и деревень нами установлена по изданным в начале XX в. земским обследованиям крестьянских хозяйств.
- ¹⁴ Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Казанская губерния. Т. 14. С. 104–107; Симбирская губерния. Т. 39. С. 64–67.
- ¹⁵ Там же. Подсчет наш.
- ¹⁶ Там же. Подсчет наш.
- ¹⁷ См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Казанская губерния. Т. 14. С. 104–107; Симбирская губерния. Т. 39. С. 64–67; Симбирская земская газета, 1879. № 153 и 154.
- ¹⁸ *Софийский И.М.* О киреметях крещеных татар из деревни Тавель Чистопольского уезда Казанской губернии // Труды четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Казань, 1891. Т. 2. С. 77, 78.
- ¹⁹ См.: *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Руссика, 2000. Т. 11–12: 3–С. С. 200; Т. 13–14: 3–Т. С. 53.
- ²⁰ *Яковлев Г.* О черемисах деревни Большой Ашламаш // Известия по Казанской епархии, 1892. № 1. С. 11.
- ²¹ *Тимофеев Т.Г.* Тăхăр ял. Этнографи тёрленчĕкĕсем. Халăх сáмахлăхĕ. Сырса пынисем, сырусемпе асаилĕсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2002. С. 26.
- ²² *Молотова Т.Л.* Об основных факторах формирования этнического характера марийцев // Финно-угроведение, 2000. № 1. С. 25.
- ²³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Инв. № 4703. Л. 152.
- ²⁴ *Машанов М.* Заметка о религиозно-нравственном состоянии крещеных татар Казанской губернии Мамадышского уезда. Казань, 1875. С. 40.
- ²⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Инв. № 4703. Л. 152.
- ²⁶ *Садовский В.* Указ. соч. // Симбирские епархиальные ведомости, 1911. № 13. С. 483.
- ²⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 242. Инв. № 5861. Л. 249.
- ²⁸ Там же. Ед. хр. 266. Инв. № 5971. Л. 137.
- ²⁹ *Малов Е.А.* Указ. соч. С. 42.
- ³⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Инв. № 4700. Л. 107.
- ³¹ Там же. Ед. хр. 208. Инв. № 5695. Л. 84.
- ³² *Тимофеев Т.Г.* Указ. соч. С. 27.
- ³³ Там же. Ед. хр. 285. Инв. № 6057. Л. 364.
- ³⁴ *Салмин А.К.* Указ. соч. С. 33.
- ³⁵ *Ефремов С.* О язычниках Цивильского уезда // Известия по Казанской епархии, 1913. № 23–24. С. 714.
- ³⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 195. Инв. № 5548. Л. 499.
- ³⁷ Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии. Г. Мамадыш и Мамадышский уезд. Казань, 1904. Вып. VI. С. 233.
- ³⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 208. Инв. № 5695. Л. 85.
- ³⁹ *Насыри К.* Избранные произведения. Перевод с татарского языка. Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. С. 75.
- ⁴⁰ *Машанов И.* Указ. соч. С. 40.

- ⁴¹ *Магницкий В.* Из быта казанских инородцев (К вопросу о человеческих жертвоприношениях) // Этнографическое обозрение, 1894. № 3. Кн. XXII. С. 137.
- ⁴² *Коблов Я.Д.* О татаризации инородцев приволжского края // Православный собеседник, 1911. Июль-август. С. 97.
- ⁴³ *Филатов С.* Религиозная жизнь Поволжья. Прагматичное христианство // Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России. М.; СПб.: Летний сад, 2002. С. 61.
- ⁴⁴ *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России. М., 1998. С. 22.
- ⁴⁵ Историко-статистическое описание... С. 202, 247; *Коблов Я.Д.* Мифология казанских татар. Казань, 1910. С. 6, 9, 11, 26, 40, 41.
- ⁴⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 196. Инв. № 5566. Л. 291.
- ⁴⁷ *Проповьев К.* Религиозное состояние инородцев в настоящее время // *Чичерина С.* У приволжских инородцев. Путевые заметки. СПб., 1905. Приложение № 1. С. 126.
- ⁴⁸ *Малов Е.А.* Указ. соч. С. 67.
- ⁴⁹ Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 25. Оп. 1. Д. 8. Л. 36, 37; *Малов Е.А.* Указ. соч. С. 136.
- ⁵⁰ *Машанов А.* Указ. соч. С. 43.
- ⁵¹ *Коблов Я.Д.* О татарских мусульманских праздниках. Казань, 1907. С. 41.
- ⁵² *Эсливанов В.Н.* Трудности и нужды Казанской инородческой миссии // Известия по Казанской епархии, 1915. № 42. С. 1138.
- ⁵³ См.: *Захарьевский П.* Церковные школы Казанской епархии за 25 лет их существования (1884–1909). (Историко-статистический обзор.) Казань, 1909; *Коблов Я.Д.* Конфессиональные школы казанских татар. Казань, 1916.
- ⁵⁴ *Салмин А.К.* Указ. соч. С. 116.
- ⁵⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 266. Инв. № 5971. Л. 115, 116.
- ⁵⁶ Там же. Ед. хр. 310. Инв. № 6199. Л. 227–230.
- ⁵⁷ *Прокоповьев А.П.* Просветители и защитники христианства среди чуваш и черемис Козьмодемьянского уезда // Известия по Казанской епархии, 1906. № 11. С. 332.
- ⁵⁸ Отчет о деятельности Братства св. Гурия за шестнадцатый год с 4 октября 1882 года по 4 октября 1883 года // Известия по Казанской епархии, 1883. № 23 и 24. С. 769.
- ⁵⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 587. Инв. № 7055. Л. 36; *Прокоповьев А.П.* Указ. соч. С. 333, 334.
- ⁶⁰ *Малов Е.А.* Указ. соч. С. 68.
- ⁶¹ См.: *Кобзев А.В.* Конфессиональный фактор в отношениях татар-мусульман с православными христианами (по материалам Симбирской губернии второй половины XIX – начала XX вв.) // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. (Чебоксары, 19-21 мая 2005 г.). М.: ИНИОН РАН РФ, 2005. С. 473, 474.
- ⁶² *Яковлев И.* Из записок инородческого миссионера // Известия по Казанской епархии, 1904. № 3. С. 55–63.
- ⁶³ Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за двадцать пятый братский год с 4 октября по 4 октября 1892 года // Известия по Казанской епархии, 1893. № 2. Часть неофициальная. С. 87–89.
- ⁶⁴ *Яковлев И.* Указ. соч. С. 56.
- ⁶⁵ *Прокоповьев А.П.* Указ. соч. С. 332.
- ⁶⁶ *Яковлев И.* Указ. соч. С. 62.
- ⁶⁷ *Яковлев Г.* Указ. соч. С. 11, 12.
- ⁶⁸ *Кремлев А.* Отчет казанского епархиального инородческого миссионера за 1912 г. // Известия по Казанской епархии, 1913. С. 938.
- ⁶⁹ *Кремлев А.* Крещение 48 человек язычников-черемис в приходе Большая Мушерань Царевококшайского уезда // Известия по Казанской епархии, 1902. № 9. С. 401, 402.
- ⁷⁰ Отчет о деятельности Братства св. Гурия за двадцать пятый братский год с 4 октября 1891 года по 4 октября 1892 года // Известия по Казанской епархии, 1893. № 2. С. 81.
- ⁷¹ *Прокоповьев А.П.* Указ. соч. С. 333.

⁷² См.: *Исхаков Р.Р.* Формы и методы борьбы государства и православной церкви с исламизацией коренных народов Среднего Поволжья в пореформенный период (на материалах Казанской, Симбирской и Вятской губерний) // *Источники существования исламских институтов в Российской империи.* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 116–143.

⁷³ *Григорьев Д.* «Зовите нас крещенами» // *Известия по Казанской епархии*, 1906. № 14–15. С. 450–454.

⁷⁴ *Багин С.* Об отпадении в магометанство крещеных инородцев Казанской епархии и о причинах этого печального явления // *Православный собеседник*, 1910. Март. С. 393; *Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии.* Г. Мамадыш и Мамадышский уезд. Казань: Тип-я Импер. ун-та, 1904. С. 268, 269, 383.

⁷⁵ *Малов Е.А.* О татарах, евреях и других инородцах в Российской империи / Сост. *Алиш М.* Казань, 1999. С. 27.

⁷⁶ ГАУО. Ф. 83. Оп. 11. Д. 11. Л. 2, 2 об.

⁷⁷ Там же. Л. 5.

⁷⁸ *Глухов Максим.* Ваисовщина // *Татарica.* Энциклопедия. Казань, 1907. С. 219.

⁷⁹ *Исхаков Д.М.* Историческая демография татарского народа (XVIII – начало XX в.). Казань, 1993. С. 97.

⁸⁰ *Кобзев А.В.* Смена вероисповедания татарами-мусульманами Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // *Этнографическое обозрение*, 2006. № 2. С. 89.

⁸¹ Отчет о деятельности Братства св. Гурия за двенадцатый братский год от 29-го октября 1878 года по 18-е октября 1879 года // *Известия по Казанской епархии*, 1880. № 13. С. 363.

⁸² *Арнольдов М.* От Симбирска до Нагаткина (Из путевых заметок по Симбирской губернии) // *Симбирские губернские ведомости*, 1868. № 45. 27 апреля.

⁸³ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 51. Оп. 5. Д. 885. Л. 2 об., 3.

⁸⁴ Там же. Ф. 51. Оп. 5. Д. 1258. Л. 1–17.

⁸⁵ См.: *Загидуллин И.К.* Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. С. 166–191.

⁸⁶ *Ногманов А.* Мусульмане Волго-Уральского региона в Российском законодательстве XIX в. // *Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сборник статей* / Под ред. К. Мацузато Sappogo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003. С. 178.

⁸⁷ *Коблов Я.Д.* О мусульманских муллах. Религиозно-бытовой очерк. Казань: Центральная типография, 1907. С. 11.

⁸⁸ Отчет о деятельности Братства св. Гурия за двадцать пятый братский год с 4 октября 1891 года по 4 октября 1892 года. С. 79.

⁸⁹ См.: *Кармышева Г.Ш.* кызы. К истории татарской интеллигенции (1890–1930-е годы). Мемуары / *Г.Ш. кызы Кармышева*; Пер. с татарского *Ф.Х. Мухамедиевой*; Составление *Б.Х. Кармышевой*; Отв. ред. *С.С. Губаева*; Ин-т этнологии и антропологии им Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2004. С. 237–239.

G.A. Nikolaev. Multi-confessional village of the Middle Volga region in the second half of the XIX – the beginning of the XX century: «insiders» and «strangers».

In the second half of the XIX – the beginning of the XX century the belief made a way of life of the Mid-Volga country community and its spiritual and moral fastener. Religious outlook determined behavioral stereotype of the rural societies and served as their appraisal and complimentary criterion for the perception of reality in the mirror of attraction / repulsion. In the confessional and ethnic mobilization of the population of the region the demand and importance of the concept «insider» and «stranger», having basis a religious attribute, among them significantly increased.

ЧГВ, 2010 г., № 5
© Л.И. Бушueva

ФОЛЬКЛОРИЗМ И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО В ЧУВАШСКОЙ МУЗЫКЕ

Рассматривается одна из актуальных проблем современной музыкальной науки – композиторский фольклоризм. Прослеживаются попытки осмысления данной проблемы в трудах чувашских музыкантов, раскрываются особенности соотношения категорий фольклорного и национального в процессе развития композиторского искусства Чувашии. Автор выявляет национальную специфику композиторского фольклоризма в контексте современного музыкального искусства.

Ключевые слова: фольклор, фольклоризм, композиторский фольклоризм, национальное – фольклорное.

Фольклоризм, понимаемый в отечественной науке как процесс освоения фольклора в различных сферах культуры современного общества – одна из актуальных исследовательских тем XX столетия. Возникший в литературных жанрах и первоначально рассмотренный в филологии, фольклоризм в музыке отличается всевозрастающим количеством проявлений. Отсюда – безусловный и даже приоритетный интерес к нему современной музыкальной науки.

Среди вопросов, связанных с фольклоризмом, большое место занимает изучение взаимоотношений профессионального творчества и народной музыки. Эту проблему, известную в музыкознании как «композитор и фольклор», на рубеже XX–XXI столетий все чаще называют проблемой композиторского фольклоризма. Для ряда молодых национальных композиторских школ, сформировавшихся в XX в., в частности, для композиторского искусства республик Поволжья и Приуралья, она является весьма актуальной. Практически для всех подобных национальных культур характерно обращение к устным традициям, и в первую очередь к фольклору. Он является одним из источников жизнеспособности, обеспечивает оригинальность и есте-

Любовь Ивановна Бушueva – кандидат искусствоведения, научный сотрудник отдела искусствоведения Чувашского государственного института гуманитарных наук.

ственность высказывания, в нем кроются истоки своеобразия, позволяющего сказать свое слово в искусстве.

В период формирования и становления композиторской школы основой для поисков чувашских композиторов в области обретения профессионализма была фольклорная песня. Самые яркие достижения в определенные периоды развития чувашской музыкальной культуры наблюдались именно в сфере композиторского фольклоризма. К фольклору обращаются почти все композиторы и в начале XXI в. Их творчество подтверждает жизнеспособность метода, который себя не исчерпал. В истории развития чувашского композиторского творчества тесная связь с фольклором и создание на его основе произведений стало устойчивой традицией, успешно продолжающей свое существование до сих пор. Проследить отношение чувашских авторов к проблеме фольклоризма, выявить, как решалась проблема сочетания фольклорного и национального в чувашской профессиональной музыке, – цель данной статьи.

Попытки осмыслить отдельные стороны композиторского фольклоризма в работах чувашских музыкантов предпринимались неоднократно. Еще в 1920-е годы первые крупные деятели национальной культуры Ф.П. Павлов и С.М. Максимов, пытаясь заложить основы чувашского профессионального искусства, рассуждали о роли аутентичного крестьянского фольклора в профессиональной музыке.

Желание Ф.П. Павлова преодолеть черты хорального стиля толкало его на практике и в теории на поиски разнообразных средств гармонизации народных песен. Если в начале 1920-х годов Павлов воспринимался некоторыми чувашскими музыкантами как «западник», то позже он более осторожно подходил к выбору средств. В последние годы жизни он мечтал создать методику обработки народной музыки в восточном стиле. В письме к Н.В. Никольскому Ф.П. Павлов говорил о необходимости «разрешить вопрос о художественной обработке чувашских мелодий, не теряя основного тона чувашской народной музыки. Если мы возьмем за правило для художественной обработки западноевропейские образцы, то сильно погрешим против основного тона чувашской музыки. С другой стороны, художественная обработка в восточном направлении нам пока не удастся»¹. Приведенное высказывание характеризует Ф.П. Павлова как масштабно мыслящего теоретика и композитора, пытающегося найти для чувашского искусства оригинальный путь, синтезирующий современные музыкальные формы и самобытную национальную основу.

Своеобразно и глубоко размышлял о путях претворения фольклора С.М. Максимов. Активно занимаясь фольклористикой и исследуя свойства древней чувашской музыкально-поэтической системы, С.М. Максимов иногда давал практические советы по использованию выявленных особенностей народного искусства. Например, рассматривая песни с транспозицией на кварту и квинту в своем важнейшем труде «Чувашские народные песни», он отмечает, что «изучение этих и подобных им песен очень важно для творческой работы в области чувашской музыки»².

Свои взгляды С.М. Максимов наиболее сконцентрированно сформулировал в докладе «Чувашская музыка» на Первом Всечувашском съезде 1929 г.³ В качестве одного из отправных тезисов исследователь отмечает, что «изучение народной музыки, ее дальнейшее развитие в национальном направлении обогащает общемировую музыку свежим материалом». Далее он выражает надежду, что «внимание музыкального мира будет обращено и на более спокойную объективную красоту музыки северных групп тюркских, монгольских и финских племен, сохраняющих яркие следы глубокой старины. Чувашская музыка в этой группе по богатству и красоте занимает не последнее место». В своем докладе автор дает оценку современному состоянию чувашской музыки, определяет ее достижения и пробелы, намечает перспективные направления развития и необходимые для этого средства достижения цели. Со свойственной ему научной точностью С.М. Максимов емко и кратко, в тезисном виде выделяет следующие важнейшие моменты работы по созданию и развитию национальной музыки: а) собирание фольклора; б) его изучение; в) обработка фольклора и г) оригинальное творчество. В своем разностороннем творчестве композитор сумел органично сплести все обозначенные направления.

В 1930-е годы проблеме композиторского фольклоризма посвятил несколько крупных публикаций И.В. Люблин. Его статью «Советская музыка Чувашии»⁴ можно считать первой обстоятельной музыковедческой работой аналитического плана о композиторской музыке. Эта работа буквально пронизана духом своего времени, и все мысли автора о принципах использования фольклора тесно переплетаются с оценками творчества с точки зрения господствующих идеологических установок. Несмотря на это, в статье можно найти немало верных наблюдений.

Автор дает характеристику советского периода в целом и отмечает его главные тенденции: опору на хоровые жанры, преобладание гармонизаций и обработок над оригинальным творчеством. Он пытается выделить в рассматриваемом периоде отдельные этапы и обозначить их характерные черты.

«Ранний» этап (1918–1927 гг.) он определяет как этнографический, справедливо считая, что творческие устремления композиторов в это время были направлены на поиски приемов и средств гармонизации, соответствующих особенностям национального фольклора и свободных от связи с традиционной «школьной» гармонией. Немногие оригинальные сочинения этого периода, считает И.В. Люблин, по духу и приемам основаны на подражании народному творчеству и почти неотличимы от обработок. В целом отношение к народной песне на этом этапе он называет «идеализацией». Неумение критически ее (песню. – Л.Б.) переработать и творчески преодолеть оценивается автором как существенный недостаток творчества.

Следующий этап, по мнению автора, представляет собой более сложную картину. В жанровом отношении по-прежнему сохраняется приоритет обработок, гармонизаций и оригинальных сочинений в народном духе. Наряду

ду с этим появляется иное направление творчества – песни, в которых современные тексты соединяются с народными напевами, или полностью авторские сочинения. Удачными примерами такого рода автор считает «*Малалла утар*» Ф.П. Павлова и «*Эх-ма*» В.П. Воробьева. Этнографический характер музыки на данном этапе по-прежнему преобладает, но появляются такие новые положительные качества, как доступность и массовость.

Автор анализирует и дает оценку творчеству чувашских композиторов. Так, Ф.П. Павлов предстает в его понимании новатором, смело экспериментирующим с традиционными гармоническими средствами классической западноевропейской музыки, например, с Доминантовым септаккордом и Двойной доминантой. Поиски Павлова в произведениях второй половины 1920-х годов, отмечает И.В. Люблин, дают хороший художественный результат. Критик считает, что С.М. Максимов занимает наиболее логичную и последовательную позицию по отношению к народной песне, находит своеобразные приемы гармонизации. В.П. Воробьев в своих сочинениях создает гармоническую основу, опираясь на выдержанный пятитонный звукоряд.

И.В. Люблин также затрагивает творчество русских музыкантов, обращавшихся к чувашской музыке. Наиболее лестную характеристику он дает В.М. Кривоносову как профессионалу, свободно владеющему разнообразными приемами композиторской техники. И хотя Кривоносову не всегда удается раскрыть национальное начало, а некоторым его произведениям свойственна статичность, он является автором первых крупных чувашских сочинений.

В своей статье Люблин поднимает проблему используемых приемов в гармонизациях и обработках. Он подвергает специальному анализу мелодические, ритмические, гармонические и композиционные стороны произведений чувашских авторов. Более всего его интересует гармоническое оформление. По мнению автора, при гармонизации народных песен имеют место два главных принципа.

Первый принцип связан с опорой на мажорный (в большинстве случаев) или минорный лад. Главной трудностью для композиторов является соотнесение ладово многозначной мелодии с гармонизацией, ограниченной рамками одного лада. Также нелегко отыскать соответствующее гармоническое оформление для характерной заключительной каденции на V ступени. Чувашские композиторы, как считает автор, удачно нашли подходящие гармонические обороты, используя параллелизмы квинт, октав и унисонное звучание. Они распространили этот прием на всю гармоническую ткань как в обработках, так и в оригинальных сочинениях.

Второй принцип проистекает из желания ограничиться гармонизацией аккордами, звуки которых входят в состав пентатонической народной мелодии. Как пишет Люблин, ограниченность такого рода вскоре начинает тяготить самих композиторов, и они вводят созвучия, выходящие за границы лада.

Идеи критика, изложенные в данной работе, находят продолжение в его следующей публикации в составленном им сборнике «Олимпиада ис-

кусств в Чувашии». Здесь И.В. Люблин дает общую картину развития музыкального творчества. Как типичную черту своего времени он отмечает «работу над созданием нового национального стиля с более углубленным идейным содержанием, воплощенным в яркую и красочную и национальную форму»⁵. Важно, что автор считает необходимой связь профессионального творчества и фольклора. К достижениям этого этапа композитор относит создание произведений на основе усвоения и творческой переработки народной песни. Люблин говорит, что не только в творчестве, но и в теории значительно продвинулось осознание путей и творческих методов создания национальной музыки.

Осмысление затронутой проблемы становится более интенсивным в послевоенный период. Появляется ряд профессиональных музыковедов, которые обращаются к данной теме. Среди них первым и долгое время единственным (до середины 1970-х годов) был Ю.В. Илюхин, создавший много трудов по разным направлениям научно-творческой деятельности. Проблема композиторского фольклоризма затрагивается в таких его работах, как «Композиторы Советской Чувашии», монографии «Григорий Хирбю»⁶. Частично проблема претворения фольклора в профессиональном творчестве освещается в историческом очерке Ф.М. Лукина, а также в книге В.А. Ходяшева «Геннадий Воробьев»⁷. Композиторский фольклоризм становится предметом обсуждения в статьях, посвященных творчеству отдельных композиторов – Ф.М. Лукина, Ф.С. Васильева, А.Г. Васильева, Ф.П. Павлова, С.М. Максимова, В.П. Воробьева, Г.В. Воробьева⁸. Проблема композиторского фольклоризма в период становления и развития композиторской школы в Чувашии поднимается в трудах М.Г. Кондратьева и И.В. Даниловой.

Поскольку явление композиторского фольклоризма тесно связано с системой таких эстетических категорий, как фольклорное – народное – национальное, многие исследователи уделяют внимание их соотношению. Неотделимые от проблематики композиторского фольклоризма, они по-разному преломляются в каждой национальной культуре. В чувашской музыке категория народного всегда была тесно связана с фольклорным началом и практически с ним отождествлялась. Поэтому мы не считаем необходимым выделять ее отдельно.

Проблема национального, занимающая в чувашской музыке XX в. одно из важнейших мест, решалась в тесной связи с фольклором. Соотношение понятий фольклорного и национального неоднократно менялось в процессе развития композиторского искусства Чувашии. Отметим наиболее важные моменты их взаимодействия, не ставя своей задачей проследить их в хронологическом порядке.

Понятие национального в связи с проблемой чувашского композиторского фольклоризма не только взаимосвязано с музыкальной культурой республики. Оно нередко выходит за ее пределы и пересекается с творческой практикой мировой *opus*-музыки, связанной с претворением фольклора. Подтверждение этому можно найти в различных произведениях начиная с XIX в.

Например, музыковед И.С. Вызго-Иванова в статье «Еще раз об истоках «Князя Игоря»⁹, созданной совместно с А.И. Ивановым-Ехветом, представляет новый взгляд на фольклорные истоки оперы. Авторы подвергают сомнению известную в музыкальной науке гипотезу, что А.П. Бородин использовал в опере образцы народного творчества Средней Азии, и делают предположение о связях с фольклором народов Поволжья. Чтобы подтвердить это, подробно прослеживается процесс работы композитора над половецкими сценами, в частности, исследуются малоизвестные источники, из которых Бородин мог почерпнуть свои музыкально-этнографические знания. Освещается поездка в Казань и вероятные встречи композитора с деятелями местной научной интеллигенции – С.В. Смоленским (Казань) и И.Я. Яковлевым (Симбирск), через которых Бородин мог получить сведения о музыкальной культуре проживающих здесь народов и таким образом конкретизировать интонационные прототипы музыки исчезнувших в истории половцев. На основе интонационно-мелодического и ритмического сравнительного анализа делается вывод о несомненной связи мелодий А.П. Бородина и существовавших тогда в записях образцов чувашского фольклора.

Позже появляются другие сочинения с использованием чувашских фольклорных тем. Например, на рубеже XIX и XX столетий были созданы произведения Н.С. Кленовского и С.Л. Толстого. Таким образом, композиторский фольклоризм с самого начала развития чувашской музыки проявляет себя как «внешнее» явление.

В таких национальных культурах, как чувашская, композиторский фольклоризм всегда неразрывно связан с поисками национального своеобразия. Сегодня вопрос о природе национального в искусстве рассматривается в различных аспектах на разных уровнях. Он интересует и российских исследователей, и представителей бывших советских республик. Так, в Москве в 2002 г. издан сборник «Национальное в художественной культуре»¹⁰. В Чувашии, где вопросы фундаментальных оснований национальной культуры всегда занимали важнейшее место, научный труд «Проблемы национального в развитии чувашского народа»¹¹ был выпущен чуть раньше.

Зарождению проблемы предшествовал длительный процесс проникновения культуры письменного типа в национальную среду, обусловленный как распространением христианства, так и демократизацией общественной жизни России. Этот процесс привлекал внимание исследователей региона и раньше, на рубеже XX–XXI вв. он освещается в работах музыковедов М.Г. Кондратьева, А.Л. Маклыгина, И.В. Даниловой, филолога Ю.М. Артемьева¹². М.Г. Кондратьев пишет, что до XX в. можно определенно говорить только о существовании устного фольклорного профессионализма в виде творчества инструменталистов и певцов-собрателей. В первом исследовании о чувашской музыке В.А. Мошкова упоминаются профессиональные музыканты-чуваши, которые «играют по городам в гостиницах, ходят по ярмаркам, ездят на пароходах и т.п.»¹³. В XIX столетии, указывает И.В. Данилова¹⁴, активизируется интерес деятелей русской культуры к инонациональным культу-

рам народов империи. Рассматривая ситуацию в целом в Поволжье, А.Л. Маклыгин¹⁵ отмечает, что в какой-то степени это был отдельный этап становления профессиональной национальной музыкальной культуры с определенными приметами письменного фиксирования национальной музыки.

Однако в XIX в., прошедшем в целом для многих европейских композиторских школ под знаком «национально-культурных революций», осмысление национального в Чувашии тормозилось по нескольким причинам. Среди них – этнокультурная «самоизоляция» чувашского населения и отсутствие у деятелей национального просвещения научных данных об истории и культуре народов края. Современный швейцарский ученый А. Каппелер, определяя специфику ситуации в Поволжье в XIX в., говорит также о крайне слабой социальной мобилизации, малой численности интеллигенции, об отсутствии национальной агитации и институционального фактора¹⁶. Ю.М. Артемьев обращает внимание на существование на определенном этапе (до И.Я. Яковлева) культурного и идеологического «герметизма» чувашского народа и связывает это со стремлением сберечь свои важнейшие духовные ценности¹⁷.

Эти обстоятельства в целом объясняют то, что пробуждение национального самосознания и «национально-культурная революция» в Чувашии начались только в конце XIX – начале XX столетия и отчетливо проявились после 1917 г. Подобная ситуация в национальной культуре не только не была единичной – напротив, она характерна и хорошо изучена в литературе, в частности, у близких чувашам в этнокультурном отношении венгров. Представители венгров (среди них прежде всего – Дюла Месарош) первыми из народов Западной Европы еще в конце XIX в. приезжали в Поволжье, чтобы найти архаические параллели с древними пластами своего языка и музыки.

Золтан Кодай неоднократно подчеркивал важность установления венгеро-чувашских связей и считал, что «чувашская музыка углубляет наши звания о самих себе. У нас общие предки, от которых мы отошли дальше вследствие того, что развивались под влиянием большого числа и сильно отличавшихся факторов. Чувашская музыка... осталась больше похожей на древнюю. Это проливает свет на такие наши свойства, которые до сих пор были нам неизвестны. Вооружившись познанием самого себя, мы скажем более веское слово для мира. Поэтому мы увереннее, надежнее придем к мировой музыке через чувашскую землю, чем направляясь прямо на Запад»¹⁸. Интерес венгров к своим корням помог им открыть древнейший слой венгерского музыкального фольклора, на основе которого они смогли сформировать стиль «новой венгерской музыки» в композиторском творчестве. Опыт венгерской профессиональной музыки прошлого столетия, наряду с русским, оказался едва ли не самым ярким примером создания неповторимой национальной культуры при опоре на фольклор.

На протяжении всего развития чувашской композиторской музыки фольклорная основа близко смыкалась с понятием национального и изначально была фундаментом национального стиля. Заботясь о воплощении национального начала, чувашские композиторы зачастую использовали фоль-

клор, строя музыкальные темы на основе цитаты. На более высоком уровне фольклор также присутствовал в опосредованном виде и обеспечивал связь с национальными традициями.

Несомненно, что многие, в том числе и лучшие произведения любой национальной культуры, особенно такой, как чувашская, в той или иной степени всегда связаны с фольклором и оригинально претворяют его закономерности. Подобное можно найти, например, в творчестве Арама Хачатуряна, который первым среди композиторов советского Востока сумел создать на основе родного фольклора крупные инструментальные концепции со значительным драматургическим замыслом. Музыка А.И. Хачатуряна явила всему миру пример претворения в крупных формах самобытной армянской национальной культуры. Не менее ярко народно-песенные истоки ощутимы в музыке Георгия Свиридова. Их претворение настолько своеобразно, что определяет национально-почвенный и вместе с тем глубоко индивидуальный стиль композитора.

Как и во многих национальных культурах бывшего Советского Союза, становление и развитие чувашской композиторской школы осуществлялось при опоре прежде всего на традиции русской музыки и при непосредственном участии русских музыкантов. Известно, что многие русские композиторы в разное время обращались к чувашскому фольклору и создавали на его основе свои сочинения. Наиболее значительная «вспышка» интереса к чувашским напевам приходится на 30-е годы XX столетия. В этот период проблема соотношения национального и фольклорного оборачивается новыми гранями, поскольку, обрабатывая народные темы, русские композиторы обращаются к стилевым традициям, восходящим к различным национальным культурам. Многие из произведений разных жанров, созданных в этот период, сегодня незаслуженно забыты, хотя и имеют немалую художественную ценность.

1950–1960-е годы являются важным периодом формирования национального стиля чувашской профессиональной музыки. В это время в творчестве чувашских композиторов выкристаллизовываются характерные черты художественного направления, сегодня называемого национально-традиционным стилем. Фольклорное начало в нем нашло отражение через мелос, восходящий к народным образцам, а также сформированную на пентатонической основе модальную гармонию. Сами фольклорные первоисточники в музыке этого направления используются довольно редко, а жанр обработки не имеет большого значения и почти исчезает. Национальная песенность синтезируется с жанровыми признаками, удаленными от фольклора, преобладает типичная для русской советской музыки тематика и приемы. В этот период фольклорное начало почти не развивается, а национальное значительно нивелируется, уступая место внешним, связанным с современной советской музыкой, традициям.

Новый этап в осмыслении понятий национального – фольклорного наступает после 1970-х. Его начало ознаменовано появлением «*Слакпуç юррисем*» (Слакбашские песни) Ф.С. Васильева. Этот цикл заставил некото-

рых из местных авторов пересмотреть отношение к традиционно используемым средствам и в поисках национального своеобразия вновь обратиться к фольклору. Чувашские композиторы находят в народном искусстве возможности для обновления. На основе синтеза фольклорных закономерностей, современных техник музыкального языка и новой образности в чувашской музыке формируется так называемое национально-инновационное стилевое течение. Наиболее ярко оно представлено в творчестве М.А. Алексеева и А.Г. Васильева. Особенно значителен вклад А.Г. Васильева, разнообразно и новаторски отразившего чувашский фольклор в своих произведениях. В его музыке жанр обработки вновь обретает былую популярность.

Это течение и, в частности, творчество Васильева, оказалось настолько ярким явлением, что получило продолжение и развитие в музыке других чувашских композиторов рубежа XX–XXI вв. Поиск синтеза национальной интонации с различными стилевыми традициями по-прежнему занимает одно из важных мест в чувашской музыке. В этот период он осуществляется как в академической музыке, так и в различных формах развлекательного направления. Это говорит о том, что соотношение национального и фольклорного на данном этапе демонстрирует новые, неизведанные ранее в чувашской музыке возможности.

* * *

Итак, фольклоризм в чувашской музыке предстает как сложное и многоуровневое явление, проявляющее себя двояко: как обращение местных композиторов к фольклорным истокам и как внешнее направление, связанное с использованием национального фольклора русскими композиторами. Оба направления богато представлены значительным количеством произведений в различных жанрах и прежде всего в жанре обработки, в наиболее концентрированной форме выражающей проблему композиторского фольклоризма. В чувашской профессиональной музыке обработка имеет особое, репрезентативное значение и играет относительно большую роль, нежели во многих других известных нам национальных культурах. Обработка как жанр, богато представленный в чувашской музыке, не рассматривается в данной работе, поскольку может стать темой для отдельного исследования.

Изучение взаимоотношений композиторского и народного творчества в чувашском профессиональном искусстве на примере жанра обработки демонстрирует определенную специфику, обусловленную всем историческим процессом развития национальной композиторской школы. Неослабевающий интерес к фольклору на протяжении всего пути развития национальной музыки и последовательное обращение к жанру обработки определяют своеобразие композиторского фольклоризма в чувашском профессиональном творчестве и выделяют его в контексте современного искусства.

Литература

¹ Павлов Ф.П. Собрание сочинений. 2-е изд. Чебоксары, 1992. С. 20.

² Максимов С.М. Чувашские народные песни. Редакция В.М. Беляева. М.: Музыка, 1964. С. 63.

³ Максимов С.М. Чувашская музыка // Первый Всечувашский краеведческий съезд (15–21 июля 1928 года в г. Чебоксарах ЧАССР). Тезисы докладов и резолюции. Чебоксары: Издание Общ-ва изучения Чувашского края, 1929. С. 71–75.

⁴ Люблин И.В. Советская музыка Чувашии // Советская Чувашия. Национально-культурное строительство. М.: СоцэкГиз, 1933. С. 226–259.

⁵ Люблин И.В. Олимпиада искусств в Чувашии. Чебоксары: Чувашгиз, 1934. С. 72.

⁶ Илюхин Ю.А. Композиторы Советской Чувашии. Чебоксары, 1982. 320 с.; Илюхин Ю.А. Григорий Хирбю. Чебоксары, 1985. 136 с.

⁷ Лукин Ф.М. Чувашская советская музыкальная культура // Записки НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1950. С. 115–148; Ходяшев В.А. Геннадий Воробьев. Краткий очерк жизни и творчества. Чебоксары, 1968. 60 с.

⁸ См.: Потапова Л. Филипп Лукин // Композиторы Российской Федерации. Вып 1. М.: Советский композитор, 1981. С. 206–226; Суханова О.А. Федор Васильев // Композиторы Российской Федерации. М., 1982. Вып. 2. С. 143–168; Макарова С.И. Поиски новых путей (Опера А. Васильева «Чакка») // Музыка России. Вып. 6. М., 1986. С. 71–84; Осунов А.А. Хоровая музыка А. Васильева // Современность и чувашское искусство. Чебоксары, 1984. С. 79–100; Смелова Т.В. Инструментальное творчество С.М. Максимова // Из наследия художественной культуры в Чувашии. Чебоксары, 1991. С. 140–155; Смелова Т.В. У истоков // Музыкальная академия, 1999. № 4. С. 52–57; Кондратьев М.Г. Степан Максимов: Время. Творчество. Масштаб личности. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2002. 334 с.; Кондратьев М.Г. Композиторы Воробьевы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. 336 с.

⁹ Вызго-Иванова И., Иванов-Ехвет А. Еще раз об истоках «Князя Игоря» // Советская музыка, 1982. № 4. С. 89–95.

¹⁰ Национальное в художественной культуре // Культурологические записки. Вып. 7. М.: Гос. институт искусствознания, 2002. 310 с.

¹¹ Проблемы национального в развитии чувашского народа. Сборник статей. Чебоксары, 1999. 304 с.

¹² См.: Кондратьев М.Г. Проблема национального в музыкальном искусстве Чувашии // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С. 189–205; Кондратьев М.Г. Чувашская музыка: От мифологических времен до становления современно-го профессионализма. М.: ПЕР СЭ, 2007. 288 с.

¹³ Мошков В.А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. I. Музыка чувашских песен // Известия ОАИЭ при Казанском ун-те, 1983. Т. XI. Вып. 1–4. Отд. оттиск из XI тома Известий ИОАИЭ под тем же названием. Казань: Типолитография ун-та, 1984. С. 53.

¹⁴ Данилова И.В. Этапы развития чувашской профессиональной музыки. К проблеме становления национальной композиторской школы. Дис. ... канд. иск. Чебоксары, 2003. 253 с.

¹⁵ Маклыгин А.Л. Музыкальные культуры Среднего Поволжья: Становление профессионализма / Казанская гос. консерватория. Казань, 2000. 311 с.

¹⁶ Кантелер А. Предпосылки и развитие национальных движений в Среднем Поволжье в сравнении с другими регионами Российской империи // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, 1996. № 2. С. 203–210.

¹⁷ Артёмьев Ю.М. Страсть к полемике: Статьи, рецензии. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 194 с.

¹⁸ Кодай З. Зачем нам нужна чувашская музыка? // Золтан Кодай. Избранные статьи. М., 1982. С. 275.

L.I. Bushueva. Folklorism and the problem of «national» in the Chuvash music.

One of the actual problems of the contemporary musical science – composer's folklorism is considered. The researcher's attempts of trying to understand this problem in works of the Chuvash musicians are traced, the features of correlation of categories «folkloric» and «national» in the process of development of composer's art of Chuvashia are discovered. The author identifies national specificity of composer's folklorism in the context of the contemporary musical art.

ЧГВ, 2010 г., № 5
© М.Г. Кондратьев

ТВОРЧЕСТВО ИСКУССТВОВОЕДА
В КАРТИНЕ МИРА

В современном чувашеведении Алексей Трофимов представляется исследователем национального масштаба. По типу творческой личности он принадлежит к ученым, ставящим новые вопросы и, в поисках их решений, преодолевающим устоявшиеся шаблоны и стереотипы. Поэтому каждая его новая книга вызывает повышенный интерес, порождает, провоцирует дискуссии научной и культурной общественности. Это дает повод попытаться определить координаты научного творчества искусствоведа в картине гуманитарного научного мира современной Чувашии.

Ключевые слова: чувашеведение, искусствоведение, типы творческой личности, преодоление стереотипов, народное искусство, орнамент, творчество художников, архитектура, религия.

В истории культуры, искусства, науки можно различить два способа освоения мира и, соответственно, два принципиально отличающихся типа творческих личностей. Если первый обогащает культуру и науку систематическим и полным воплощением, изложением накопленных предшественниками ценностей и знаний, то второй переступает сложившиеся каноны, ломает устоявшиеся шаблоны и стереотипы, ставит новые вопросы, открывает неизведанные, неожиданные направления. В диалектическом взаимодействии обоих типов творчества происходит развитие культуры, искусства, науки. Если искать наиболее яркие исторические примеры, то в искусстве эти типы представлены в творчестве гениев: Моцарта и Бетховена, переступавшего грани традиционных форм и музыкальных идей, в науке – Евклида и Лобачевского, отказавшегося от очевидных и общепринятых математических аксиом.

Исследователь чувашского искусства Алексей Трофимов по типу творческой личности принадлежит к ученым, ставящим новые вопросы и, в поисках их решений, преодолевающим устоявшиеся шаблоны и стереотипы.

Михаил Григорьевич Кондратьев – доктор искусствоведения, заведующий отделом искусствоведения Чувашского государственного института гуманитарных наук.

А.А. Трофимов. 2005 г.
Фото Г.С. Самсоновой.

Поэтому каждая его новая книга вызывает повышенный интерес, порождает, провоцирует дискуссии научной и культурной общественности. Это нередко побуждает осторожных ревнителей ранее принятых канонов высказывать сомнения – не по существу, а из опасения, что привычное окажется не вечным. Помнится, на одном из совещаний по поводу доклада Трофимова прозвучала реплика: «Это уводит нас слишком далеко. Зачем? Проблема происхождения чувашского народа уже решена».

Есть повод попытаться определить координаты научного творчества искусствоведа в картине гуманитарно-научного мира современной Чувашии. Чувашеведение – сравнительно молодая область знания. Как наука оно оформилось лишь в XX столетии. Его создают ученые, представляющие разные ветви знания. В каждой известны имена наиболее выдающихся личностей общенационального масштаба. Они внесли заметный вклад в развитие всей науки. Это, например, языковеды Н.И. Ашмарин и В.Г. Егоров, этнографы Н.В. Никольский и П.В. Денисов, историк В.Д. Димитриев.

В области искусствovedения в исследователя национального масштаба вырос представитель следующего поколения – Алексей Трофимов.

Впервые начинающий исследователь, еще студент, Трофимов обратил на себя внимание статьей, опубликованной в 1967 г. в «Ученых записках» Чувашского НИИ под скромным названием «О чувашском орнаменте». Она была рассчитана на внимательное прочтение специалистами, то есть содержала внятные ссылки на предшественников и современников, опиралась на широкий и при этом конкретный материал, собранный и изученный автором. Он же позволил себе не согласиться с суждениями известного этнографа Н.И. Гаген-Торн, сомневавшейся в древности орнаментации чувашских женских рубах нагрудными медальонами *кёскё*. Орнамент *кёскё* у чувашей не мог возникнуть в последние века, убежденно писал Трофимов, ибо он очень древен по своему смыслу и происхождению (что само по себе не оспаривалось), глав-

ное же, он существует в откristаллизованном виде у чувашей на самых ранних сохранившихся рубахах, то есть уже в середине XIX в. «...В этот период начинается упадок чувашского народного искусства, – говорится в статье. – С развитием капиталистических отношений изменяется чувашская деревня, в нее проникает покупной материал. Теряется национальный колорит вышивки, начинает изменяться одежда. В орнаменте появляются чуждые элементы, детали раннего сложного орнамента упрощаются. Значит, орнаментация кѣскѣ не могла возникнуть в этот период, и, хотя коллекции рубах датируются серединой и концом XIX в., она, бесспорно, имеет древнее происхождение»¹.

Как видим, ясность и логичность аргументации, владение предметом и методологией, решительность суждений уже тогда отличали Алексея Александровича. Как бы то ни было, применять определение «начинающий» по отношению к нему уместным было недолго. Включаясь в дискуссию по проблемам теории народного искусства, обозначая методологические подходы, каковые будет развивать в течение следующих десятилетий, А.А. с самого начала не выглядел поверхностным, непоследовательным или робким неопитом, публикующимся лишь для пополнения, как ныне принято говорить, «портфолио». Нет, его призванием было постижение основ культуры, дабы нащупать ее корни в мировом контексте.

Да и по складу своей личности Трофимов смолоду отличался серьезностью и основательностью отношения и к делу, и к людям. (Не случайно в советские времена его регулярно избирали то председателем профкома, то членом парткома Института, приглашали в различные художественные советы и комиссии – естественно, такой человек не мог не иметь «общественных нагрузок»; известно ведь: кто везет, на того и грузят!) Что, впрочем, не мешало проявлениям демократичности, общительности и чувства юмора в своем кругу.

С 1969 г. по приглашению Чувашского НИИ (ныне это Чувашский государственный институт гуманитарных наук) Трофимов обосновывается с семьей в Чебоксарах в качестве научного сотрудника и работает здесь по сей день вот уже более сорока лет, пройдя этапы работы заведующим отделом искусствоведения, затем в течение восьми лет директором института и вновь научным сотрудником названного отдела. За это время он защитил кандидатскую и докторскую диссертации, вступил в члены Союза художников СССР, удостоился почетных званий, государственных премий и других наград. Он – один из тех, кто своим трудом сформировал и поддерживает высокий престиж института как одного из современных высокоинтеллектуальных центров развития гуманитарной науки и национальной культуры Чувашии. Следует воздать должное и тогдашним руководителям – директору института историку В.Д. Димитриеву и заведующей только что возникшим отделом искусствоведения театроведу Ф.А. Романовой, поверившим никому не известному молодому человеку, выросшему в глубинке Татарстана и работающему учителем рисования в с. Аксубаево, студенту-заочнику Ленинградского Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, нашедшему убедительные аргументы в споре с авторитетным ученым. Видимо, произвели положи-

**А.А. Трофимов среди
друзей-однополчан.
Цвингер, г. Дрезден,
Германия. 1956 г.**
Из архива А.А. Трофимова.

тельное впечатление серьезность намерений и интеллектуальный кругозор молодого человека. Был несомненен отпечаток его жизни в течение ряда лет в Германии (ГДР). Сначала это была срочная служба в Группе Советских войск, потом – работа в течение двух лет художником-оформителем при тамошнем Доме офицеров. Судьба дала ему возможность познать сокровища музеев городов Германии, свела с мировым искусством разных культур, эпох и направлений. Вспоминая о первом посещении Дрезденской галереи, А.А. признается, что испытал настоящее потрясение. Присущее ему от природы чувство правды и красоты получило прочное «наполнение» в виде опыта непосредственного общения с шедеврами мировой культуры. Последующая учеба в Ленинграде подкрепила этот опыт и дала опору профессиональным убеждениям. Знакомство с общечеловеческими художественными ценностями не по учебникам, а по оригиналам обнаруживается в деятельности искусствоведа как в суждениях, так и в манере общения. При этом – в непостижимо оригинальном сочетании с самобытностью изучаемой им культуры родного народа, непосредственным носителем которой он, «сын крестьянина» (по его выражению) и горожанин в первом поколении, остается всю свою жизнь. Думается, из этого редкостного сочетания выработался и своеобразный стиль как писаний, так и устных выступлений Трофимова – всегда несколько торжественно-возвышенный, в духе любимых им произведений ренессансного и классического искусств.

* * *

Но упомянутая статья была лишь началом. Настоящее проникновение в тайны чувашского орнамента было осуществлено А.А. в работах сле-

дующего десятилетия, увенчавшегося изданием монографии «Орнамент чувашской народной вышивки» (Чебоксары, 1977). Если сравнить его книгу со множеством аналогичных по теме трудов, то она отличается академичным подзаголовком: «Вопросы теории и истории». Это не прихоть и не претенциозность, а позиция автора. Трофимов не ставит задачу описания неоспоримых красот народного орнаментального искусства в его бесконечно разнообразных проявлениях. Но настаивает на том, что «обычный» искусствоведческий подход к орнаментальному искусству как к игре красивых форм при анализе столь сложного и сохраняющего архаические связи материала не только малопродуктивен, он – недостаточен: описывая, перечисляя, классифицируя, иллюстрируя их, можно издавать тома и тома, сетуя на то, что не хватает места перебрать все, что создано безвестными талантливыми мастерицами... Но при этом невозможно нащупать выходы в историю культуры, подняться до теоретических обобщений. Мотивируя свой подход, он говорит:

«...Само слово “орнамент” обычно понимается как узор, построенный на ритмическом чередовании геометрических или изобразительных фигур. Но функции эстетические орнамент приобретает лишь с утратой своего древнего смыслового значения. В ранние же века истории человечества он находился в синкретическом состоянии и не ограничивался ролью просто украшения. Процесс освобождения узора от смыслового значения длился многие сотни лет и у разных народов различен. Поэтому подход к орнаменту только с точки зрения понимания его как украшения не дает возможности проникнуть глубоко во внутреннее содержание произведения вышивки»².

А именно такое проникновение и является целью А.А., побуждает его исследовательский инстинкт, рождает мысль. Он прибегает к методам сразу многих смежных наук. Двигаясь в таком направлении, Трофимов переступает ограниченность эмпирических описаний. В главе «Поиски истоков» он вскрывает семантику древней символики, привлекая все богатство исследованных наукой орнаментов – не только вышивки и ткачества, но и запечатленных на других материалах, обнаружению параллелей в словесном искусстве народной поэзии и мифотворчества, определяя ареал древних истоков искусства чувашской вышивки. В этом он опирался на методы, используемые крупнейшим советским историком академиком Б.А. Рыбаковым и его последователями, смело соединяя их с малоизвестным внешнему миру национальным материалом. Самостоятельность и оригинальность идей чувашского ученого были замечены и оценены, причем не столько в Чебоксарах, сколько сразу большими специалистами: статья Трофимова «Поиски истоков чувашской вышивки», легшая в основу главы книги, практически сразу по выходе в свет была сочувственно упомянута в обзоре академика Ю.В. Бромлея³, что тогда было своего рода честью для всей чувашской гуманитарной науки. Он публикуется в трудах Государственного русского музея⁴ в Москве. Получили резонанс работы Трофимова и за рубежом: в 1979 г. выходит болгарский⁵, 1991 и 1992 гг. – венгерские⁶, 1996 г. – немецкий

Требование к гуманитариям: «Надо знать теорию!» – часто звучит в устах Трофимова. 2007 г.
Фото М.Г. Кондратьева.

переводы его статей⁷, на них ссылаются исследователи этих культур. Трехтомная «Энциклопедия изобразительных искусств в Болгарии» посвятила отдельную статью чувашскому искусствоведу Алексею Трофимову, внесшему заметный вклад в изучение древнего искусства орнамента болгар, сопоставляя волжские материалы с дунайскими⁸.

* * *

В свое время крупнейший в истории чувашской науки лингвист Н.И. Ашмарин собрал все известные аргументы для фундаментального обоснования болгаро-суварского происхождения чувашского этноса. Его книга 1902 г. «Болгары и чувашаи» дала направление последующим этногенетическим исследованиям. При отсутствии письменных источников о чувашах до XVI в. древняя история народа изучалась в основном по лингвистическим данным. К началу научной деятельности Трофимова сложилась достаточно ясная схема исторического пути предков чувашей, когда-то вышедших из среды тюрков Центральной Азии. Как и к любой схеме, к ней оказалось возможным постепенно подобрать разнообразные параллели: и археологические, и этнографические, и фольклорные, и другие. Появились и получили общественное признание монографии «История Чувашии XVIII века» В.Д. Димитриева, «Религиозные верования чувашей: Историко-этнографические очерки» П.В. Денисова, «Происхождение чувашского народа» В.Ф. Каховского, коллективные обобщающие труды (их основополагающие разделы – в основном уже названных авторов): двухтомник «Чуваши», двухтомник «История Чувашской АССР», сотни археологических, исторических, этнографических статей.

Тем не менее картина, как и при Ашмарине, остается неполной и во многом противоречивой, провоцируя порой ожесточенную полемику, особенно у тех, кто озабочен дележом так называемого «булгарского наследства». Помнится, в 1980-е годы на одном из совещаний в Чувашском гуманитарном институте по проблемам организации исторических исследований в очередной раз возник вопрос об этом наследстве. Трофимов буквально одной репликой «остудил» чересчур горячих спорщиков-«патриотов». А сказал он примерно следующее: нам подают пример татарские коллеги. В то время как они пишут и издают по этим же проблемам большие монографии, вскрывая противоречия, убеждая мир, вводя новые данные, в чувашеведении не хватает новых фундаментальных работ высокого научного уровня. Надо изучать древнюю и средневековую историю народа, находить новые, недоступные прежним исследователям, источники и материалы, знать теорию и обобщать, не ограничиваясь повторением уже найденных предшественниками аргументов.

Сказался масштаб научного мышления А.А.: он не был «зациклен» на «булгарском наследстве» любой ценой. Это ведь самая поверхностная, близлежащая идея, позволяющая в современной, как и во все времена сталкивающейся с историческими «вызовами», ситуации национальной культуры возглашать, шуметь о своих славных предках и их духовном богатстве, практически ничего для его приращения не делая. И приходила мысль: ученый, патриот своего народа, влюбленный в его культуру, озабочен не декларациями, а поисками фундаментальных истин. Только они помогут связать разорванную ткань времен, придать культуре весомость, открыть перед нею будущее. Но наследие булгарской эпохи – только один из эпизодов, сравнительно поздний, в насыщенной разнообразнейшими этнокультурными связями истории народа. Важнее другое. Почему лингвистические изыскания, порой доводимые дилетантами до абсурда, должны оставаться единственной путеводной нитью для исторического чувашеведения? Есть и другие нити развития в истории культуры, к ним только надо подобрать методологические ключи. Требование к гуманитариям: «Надо знать теорию!» – часто звучит в устах Трофимова.

За время своих многочисленных экспедиций по исторической территории расселения чувашей А.А. Трофимов обнаружил массу материала, позволяющего утверждать существование огромного многотысячелетнего пласта искусства – народной культовой скульптуры. Она начисто не замечалась в науке, видимо, потому, что не соответствовала известным канонам европейского искусства. Преодолевая предвзятость, чувашский ученый собрал и осмыслил материал из нескольких тысяч произведений каменной, деревянной, глиняной, бронзовой пластики, кроме собственно чувашских, типологически и исторически родственных им – произведений пластического искусства разных эпох Передней и Средней Азии, Причерноморья, Волжской Болгарии, Болгарии (Дунайской). Результатом стала оригинальнейшая монография «Чувашская народная культовая скульптура», изданная Чувашским книжным издательством в 1993 г. За научную идею, воплощенную в этой книге, диссертационным советом Научно-исследовательского инсти-

тута теории и истории изобразительных искусств Российской Академии художеств ему присваивается ученая степень доктора искусствоведения.

Другой материал, разработанный им и предложенный вниманию общественности, – руническая письменность. Искусствовед взял на себя труд, за который не решаются браться языковеды, считающие сохранившиеся чисто лингвистические материалы противоречивыми и недостаточными для окончательных суждений. Но у Трофимова еще в первой его книге была глава, корректно названная «О знаках, аналогичных руническим письменам». Он прибавил к ним все скудные, но все же объективно существующие материалы, опубликовал несколько статей и монографию «Древнечувашская руническая письменность», где вывел: «...Чуваши, живущие своей верой, сумели сберечь традиционную письменность вплоть до середины XIX столетия». Данные А.А. – комплексные; критики его, цепляясь к той или иной частности, не отрицают само существование рунической письменности у предков чувашского народа.

Обобщением многолетних исследований явилась новая крупная работа искусствоведа – монография «Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура», изданная в 2009 г. В ней искусствовед говорит о духовной сущности самых ранних истоков культуры чувашского народа. А.А. Трофимов увязывает свои наблюдения с системой древнего зороастризма. Сама эта связь была замечена еще в XIX столетии, однако никогда еще не становилась предметом специальных исследований. Трофимов продолжает извлекать важную информацию из источников, мимо которых обычно проходят представители других наук. Не только специальные методы искусствоведения, но – дар масштабно ставить вопросы позволяют ему системно интерпретировать предметный мир обрядов, архитектурные формы культовых сооружений, пластику и орнаментальное искусство. Искусствовед заглядывает туда, куда не может дотянуться письменная история, не смеет заглянуть этнография и археология, дает свои традиционные интерпретации лингвистика. Правомерность его логических построений обусловлена методом. «Наш теоретический принцип, – утверждает Трофимов, – основан на выявлении не кажущихся отдельных случайных сходств, а главных направлений развития того или иного вида искусства в историческом пространстве, находившегося в недрах одной идеологии»⁹.

Сформулированный в книге смелый вывод: «Чуваши – единственный народ в Восточной Европе, который до наших дней смог в своей среде сохранить живые традиции древнейшей богатой зороастрийской культуры...»¹⁰, – предстает результатом многолетнего кропотливого изучения всех видов источников, подтверждающим силу интуиции исследователя. За эту монографию в 2010 г. он удостоен Серебряной медали Российской Академии художеств.

* * *

Концентрируясь на изучении народной культуры, Трофимов одновременно уделяет немало внимания и творчеству профессиональных художни-

**Президент Российской
Академии художеств
З.К. Церетели и
А.А. Трофимов.
г. Чебоксары,
16 июля 2010 г.
Фото Д.Ш. Гайнутдинова.**

ков. В этой области им вложено немало сил и исследовательского таланта, изданы книги и альбомы. Написаны десятки очерков о монументальном искусстве, архитектуре, творчестве отдельных художников. В каждой работе ощущается пронизательное видение сущности творческих исканий художников. Рассматривая ее, он, как правило, начинает «с нуля», определяет границы в контексте времени и традиций, изучает методы и художественные средства. В колорите, синтезе жанров, использовании метафор, символов, аллегорий искусствовед подмечает как традиционные, так и новые явления. В условиях советского идеологического пресса, Трофимов был одним из немногих, кто последовательно отстаивал критерии художественности как основные в оценке произведения искусства. Да, обозначает внешние рамки своего анализа А.А., Чувашия – неотъемлемая часть огромного Советского государства. Заводы и стройки-гиганты в республике – это наша действительность, наша современность. И она способствовала рождению новых тем в чувашском изобразительном искусстве. Но ведь, не уставал напоминать искусствовед: «в создании образов строителей Чебоксарской ГЭС, завода промышленных тракторов, трассы газопровода Уренгой – Ужгород и т.д. пока очень мало больших работ и, можно сказать, почти нет высокообразных произведений с философским содержанием, которые могли бы встать в один ряд с лучшими творениями советского искусства»¹¹. Он и в художественной критике стремится найти теоретические основания для оценочных суждений. Характерно название новейшей публикации Трофимова: «Время и Искусство. К проблеме теории о стилевых направлениях и художественных образах в чувашском изобразительном искусстве»¹². В ней сконцентрированы размышления искусствоведа, связанные с 75-летием Союза художников Чувашии.

Исследуя художественную культуру, Трофимов нередко выходит за рамки искусства, рассматривая широкую культурологическую проблематику. Так, его всегда интересовали вопросы претворения национального на-

чала в искусстве, не сводимая к так называемому этнографизму. В годы «перестройки» под его руководством был подготовлен коллективный труд «Проблемы национального в развитии чувашского народа» (Чебоксары, 1999), многоаспектно раскрывающий тему. Через несколько лет он обосновывает правомерность распространения понятия «Ренессанс» на период становления современной культуры чувашского народа. Процессы конца XIX – начала XX вв. стали предметом обсуждения на инициированной им Междисциплинарной региональной научной конференции по теме «Ренессанс народов Поволжья: Конец XIX – начало XX вв. как период духовного возрождения», состоявшейся в Чебоксарах в 2006 г. К участию в научном форуме были приглашены научные и творческие работники, преподаватели вузов, работники культуры республик региона. «Небольшой промежуток времени, длившийся всего около полувека, для чувашского народа, его мировоззрения, культуры, искусств, философии, этики явился величайшим переворотом, – говорит А.А. – Он дал народу не только новую письменность, но и все формы, виды и жанры профессионального искусства, новое понимание жизни, общечеловеческий гуманизм, новое понятие о величии Человека. Поэтому это время я называю Ренессансом, который определил конец мышлению категориями прошлых веков, конец самодержавному угнетению и стал началом Нового времени. Состоялось рождение нации, мыслящей интеллигенции и их становление. В деяниях творцов произошло новое явление – создание идеала гармоничного и свободного человеческого бытия, а также выражение драматизма, противоречивости жизни. Гуманные творения обогатились непреходящими человеческими ценностями. Среди них есть такие, которые по мастерству создания образа и образной системы, по силе воздействия на человека стоят в одном ряду с произведениями Ренессанса Западной Европы. И.Я. Яковлев и его сподвижники Д.Ф. Филимонов, С.Н. Тимрясов, А.В. Рекеев, В.А. Белилин предстали перед нами и перед будущими поколениями как создатели славянской письменности Кирилл и Мефодий»¹³.

В свою очередь художники нашли в научных трудах А.А. Трофимова источник идей и стимул для фантазии. Возникли целые направления национальной формы в монументальной скульптуре, живописи, эмали, станковой и книжной графике, сценографии. Следы непосредственного влияния трудов искусствоведа на творчество легко обнаруживаются в произведениях таких выдающихся мастеров, как Праски Витти, Федор Мадуров, Станислав Михайлов-Юхтар, Геннадий Фомиряков и другие. Трофимов и сам принял непосредственное участие в развитии монументального искусства. Он был архитектором при установке памятника Н.Я. Бичурину (скульптор Л.Я. Тихонов) перед зданием ЧГИГН, соавтором-консультантом скульптора В.П. Нагорнова при создании памятного знака в честь Абашевской археологической культуры в с. Абашево Чебоксарского района, Монуменга Матери исторической части г. Чебоксар, памятников народному поэту Н.И. Полоруссову-Шелеби в районном центре Аксубаево, генерал-полковник-инженеру П.В. Деметьеву в районном центре Дрожжаное, просветителю И.Я. Яковлеву в с. Кошки-Новотимбаево Буинского района Республики Татарстан и т.д.

В гуманитарных науках открытия существуют, хотя и не регистрируются в качестве таковых. Они не имеют материального воплощения, а представляют собой комплексы идей, формирующие, уточняющие, обогащающие картину мира, существующую в головах современников.

Можно написать и издать множество книг, пухлых томов, но если в них нет таких идей, они будут скоро забыты, даже если вокруг них устраивались пышные презентации, появлялись многословные хвалебные рецензии. Есть другие книги, в связи с которыми уместно говорить об открытиях. Их немного, но они содержат оригинальный, по-своему осмысленный материал, иногда впервые выявленный автором (это еще большая редкость) – при этом вписывающийся в научную традицию. Таковы монографии и статьи (по уровню концептуальности, содержательности, новизны некоторые из них могут не уступать книгам) Алексея Трофимова.

Литература и источники

¹ Трофимов А.А. О чувашском орнаменте // Ученые записки / НИИЯЛИЭ [при СМ ЧАССР]. Чебоксары, 1967. Вып. 35. С. 120.

² Трофимов А.А. Орнамент чувашской народной вышивки. Вопросы теории и истории. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1977. С. 26.

³ Бромлей Ю.В. Этнографические исследования в СССР // Развитие советской исторической науки. 1970–1974. М.: Наука, 1975. С. 321.

⁴ Трофимов А.А. К вопросу о возникновении чувашской вышивки // Сообщения Государственного Русского музея XI. «Изобразительное искусство». М., 1976. С. 174–180.

⁵ Трофимов А.А. Български и чувашки нагръдни шевици // Българска етнография. Година IV. Кн. 3–4. 1979. С. 56–61. [Българска Академия на Науките.]

⁶ Trofimov A.A. A csuvas ornamentek nyelve // Zomlnc, Email 1989–1990, Nemzetkölzi zomlncmlveszeti alkoftelep. Kecskemet, 1991. P. 51–57; Trofimov A.A. A csuvas npi himzsek jelrendszere, a rovlsbetkhz hasonlo jelekrl // Zomlnc, Email 1991–1993. Nemzetkölzi zomlncmlveszeti alkoftelep. Kecskemet, 1992. P. 21–27.

⁷ Trofimov A.A. Feuer und Wasser. Die tschuwaschischen Kultusplastiken // Wostok. [Berlin], Nr. 3/96, Mai–Juni 1996. S. 76–79.

⁸ Трофимов, Алексей Александрович // Энциклопедия на изобразителните изкуства в България. Том трети С–Я. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2006. С. 93.

⁹ Трофимов А.А. Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура. Чебоксары, 2009. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 24.

¹¹ Трофимов А.А. Современность и чувашское изобразительное искусство // Современность и чувашское искусство. Чебоксары, 1984. С. 30.

¹² Трофимов А.А. Время и искусство. К проблеме теории о стилевых направлениях и художественных образах в чувашском изобразительном искусстве. Чебоксары, 2010.

¹³ Трофимов А.А. Понятие «Ренессанс» и чувашская культура конца XIX – нач. XX вв. // Ренессанс Поволжья: Конец XIX – нач. XX вв. – период духовного возрождения народов. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 34.

M.G. Kondratjev. Creative work of art critic in the picture of the world.

In contemporary chuvashvedenii Alexei Trofimov is represented as a researcher of national scale. On the type of creative personality he belongs to the scientists, which put new questions and, in searches of their decisions, overcome the established commonplaces and stereotypes. Therefore, each of his new books excites heightened interest, generates and provokes discussions of scientific and cultural community. It gives an occasion to try to define the coordinates of scientific work of art critic in the picture of the humanitarian scientific world of modern Chuvashia.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ЧУВАШСКОЕ ГУМАНИТАРНОЕ НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО В ЗЕРКАЛЕ МНЕНИЙ УЧЕНЫХ-ГУМАНИТАРИЕВ*

18 августа 2010 г. исполняется 80 лет старейшему научному учреждению Чувашской Республики – Чувашскому государственному институту гуманитарных наук. В рамках подготовки к данному знаменательному событию редакционная коллегия научного журнала «Чувашский гуманитарный вестник» сочла необходимым инициировать среди ученых-гуманитариев обмен мнениями по актуальным вопросам чувашеведения. Для обсуждения была выбрана тема «Чувашское гуманитарное научное сообщество: прошлое и настоящее». Исследователям было предложено высказать свою точку зрения по нижеследующим блокам вопросов:

1. В настоящее время в сфере чувашеведения в Чувашской Республике и за ее пределами трудится многочисленный отряд исследователей. Не будет преувеличением, надо полагать, если утверждать, что Чувашское гуманитарное научное сообщество – это состоявшийся институт. Очевидно, что степень его зрелости должна измеряться по качественным параметрам. Пожалуй, один из таких критериев – умение и желание исследователей слушать и слышать друг друга. То есть, образно выражаясь, в научном пространстве должны присутствовать как монолог, так и диалог. Не находите ли Вы, что сегодня в нем безраздельно господствует монолог? Вряд ли можно оспорить и тот факт, что в современных научных изданиях преобладают комплиментарные рецензии. Появившиеся на свет солидные труды, как правило, не становятся предметом широкого публичного обсуждения. Не проводятся и дискуссии. Не кажется ли Вам, что дело здесь не столько в малом числе специалистов, сколько в нашем инерционном мышлении? В современной науке новые направления и подходы обычно возникают на стыке разных дисциплин. Почему, на Ваш взгляд, так редки у нас междисциплинарные исследования? Почему новейшие теории и концепции мировой гуманитарной науки так редко находят отклик в наших научных изысканиях?

2. Как известно, Настоящее произрастает из Прошлого. Так уж исторически сложилось, что чувашским гуманитариям досталось относительно небогатое научное наследие. С какого времени, на Ваш взгляд, чувашеведение стало научным, культурным и общественным явлением? Какова роль Чувашского государственного института гуманитарных наук (в недавнем прошлом – Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики) и высших учебных заведений республики в становлении Чувашского гуманитарного научного сообщества? Стать храмом науки – конечная цель любого научного института. Является ли на сегодня Чувашский гуманитарный институт таковым?

3. В недавнем прошлом над чувашскими гуманитариями довлел дамоклов меч идеологической составляющей. Наука подвергалась мощному администрированию. Сегодня в данном плане ситуация куда более благоприятная. Казалось бы, мы должны иметь «бум» фундаментальных исследований по всем гуманитарным дисциплинам. Но, к сожалению, подобной картины мы не наблюдаем. Во всяком случае, в багаже чувашской гуманитарной науки таковых трудов на сегодня немного. Если и есть всплеск сочинений, то они в своем большинстве и при большом допуске вряд ли могут быть причислены в разряд академических. Не утратило ли

* Материал к печати подготовлен Г.А. Николаевым.

современное поколение исследователей некоторые качества, присущие нашим предшественникам-гуманитариям? Как, на Ваш взгляд, в современных условиях Чувашский государственный институт гуманитарных наук может противостоять девальвации научных изысканий?

4. В недавнем прошлом в широком обиходе был лозунг-формула «Кадры решают все». Очевидно, что проблема кадров, пополнения научного сообщества остра и сегодня. В советское время она отчасти решалась направлением талантливых молодых исследователей в научные центры страны. Сегодня подобная практика большая редкость: кадры готовятся «дома». В этом, пожалуй, больше минусов, чем плюсов. Где, на Ваш взгляд, выход из сложившейся ситуации?

Анкета вызвала следующие отклики-размышления:

Н.И. Егоров, доктор филологических наук, заведующий отделом языкознания ЧГИГН

1.1. Говорить о «многочисленном отряде» чувашеведов я бы воздержался. Нам давно пора приучить себя руководствоваться презумпцией равноценности любых народов, культур, языков независимо от их численности, социальной, политической, цивилизационной и прочей значимости. В любом случае – и перед самим Господом Богом и Госпожой Наукой. Теперь, давайте, прикинем, сколько на белом свете славистов, русистов, германистов, романистов..., или на худой конец, татароведов... и чувашеведов? Правильно! С гулькин нос!

1.2. Мне импонирует Ваш оптимизм, но я не вижу чувашского гуманитарного научного сообщества нашего состоявшегося института. Совсем наоборот. Даже в рамках низких подразделений научных и научно-педагогических учреждений – отделов, секций, кафедр – говорить о каком-то сформировавшемся научном сообществе не приходится. Вроде бы на кафедре, скажем, чувашского языкознания собрались единомышленники. Казалось бы, общая научная дисциплина – языкознание – объединяет их. Ан нет! У нас даже языковеды говорят на разных языках: фонетист не понимает морфолога, а оба вместе – синтаксиста. На почве атомизации науки, ее перманентного дробления на структурные подразделения нередко в коллективе возникают трения, которые затем перерастают в конфликты, противостояния, противоборства. Дело доходит до того, что морфолог-дериватолог не понимает морфолога-парадигматолога. Мы все закуклились в коконах своих узких специализаций и не хотим ничего видеть и слышать за пределами своей узкой диссертационной темы. А потому у большинства из научных работников нет никакого желания слушать и слышать друг друга. В последние годы стало модным проводить грандиозные научные форумы с приглашением сотен и сотен докладчиков. К сожалению, выступающие с высоких научных трибун ученые мужи, как правило, говорят в воздух. А аудитория делает вид, что слушает. Так что и монолога нормального не получается. Мы уже давно забыли о научных дискуссиях. Критические нотки, если и прозвучат иногда, то воспринимаются чуть ли не как нападки и вызывают резкие возражения, переходящие в оскорбления. Научная полемика давно уже воспринимается как некое досадное, а то и оскорбительное явление, а потому и не проводятся так необходимые для нормального развития научные дискуссии. Ну а в масштабах чувашской науки и дискутировать-то порой не с кем. У нас ведь как повелось: на все чувашское языкознание один фонолог, один лексиколог, один морфолог, один синтаксист, один компаративист. Так уж повелось, что в истории чувашского языкознания на каждом его этапе развития был один историк языка: Н.И. Золотницкий (середина XIX в.), Н.И. Ашмарин (конец XIX – начало XX вв.), В.Г. Егоров (середина XX в.), М.Р. Федотов (конец XX в.). И вот, в начале XXI в. – ваш покорный слуга... Как перст один.

Примерно такая ситуация и в других отраслях социально-гуманитарных наук. У нас до сих пор, в сущности, один единственный медиевист – уважаемый В.Д. Димитриев. Так с кем, позвольте спросить, ему дискутировать?..

1.3. Я давно говорю и пишу о необходимости синтеза самых разных дисциплин социально-гуманитарного блока – этнологии, языкознания, культурологии, философии, истории и прочих. Но воплотить эту идею в жизнь, увы, не так-то просто. Виной тому – инертность нашего мышления и, в еще большей степени, системы образования: мы готовим языковедов, истори-

ков, литературоведов... Представляете, историю в свое время все мы проходили всего за один семестр – и историки, и филологи (русисты и чувашеведы) – общим потоком. «Проходили» в буквальном смысле этого слова. Проходили «Историю Чувашской АССР» – то ли политики, то ли территории – непонятно. Но не историю народа! В результате наши гуманитарии практически ничего не знают об истории и культуре титульного, государствообразующего народа. У нас историк, если и имеет, то самое смутное представление об истории языка. А филолог с трудом пробирается в дебри истории, в лучшем случае – до позднего средневековья... Как можно говорить при такой организации высшего гуманитарного образования о развитии междисциплинарных исследований? Или другая крайность. Наша филология все еще не научилась дифференцировать культуру устной традиции от культуры письменной. Мы до сих пор продолжаем изучать фольклор приемами и методами литературоведения. Это примерно то же, что, выражаясь образно, лечить банальную простуду хирургическим вмешательством.

Ждать скорых перемен в системе образования вряд ли придется, а жизнь уже давно требует инноваций. Поэтому специалистов в области междисциплинарных исследований приходится готовить самим. Надо ввести в практику творческие семинары, совместные исследования этнологов, культурологов, лингвистов, историков и проч. по конкретным темам. Скажем, разработать историю сурбана и масмака, историю культа киреметя и т.д., и т.п. совместно со специалистами самого различного направления.

1.4. Новейшие и не очень теории и концепции мировой и даже отечественной социально-гуманитарной науки не доходят до нас по очень простой причине – отсутствию любопытства и банальной лени. Мы не читаем, если и читаем, то уже известную литературу. Нас так приучили. И в школе, и в вузе нас приучили возбуждать азы наук по учебникам. А в учебниках излагаются общеизвестные и давно устоявшиеся научные истины. И этого нам было вполне достаточно. Новые научные теории и концепции требуют напряжения умственных сил и усилий – надо освоить новую терминологию, научный аппарат... А это дается с трудом... Зачем тратить силы и время, если от научного работника никто не требует открытий. Достаточно написать работу в плановом объеме. Вот и превращается научная работа в банальную журналистику. В вузах, разумеется, мы пишем учебники, где уже самим Всевышним предписано излагать общеизвестные истины. Вот мы и бегаем по заколдованному кругу. Вырваться из него находят силы, увы, только единицы.

И, наконец, о каких новейших теориях можно говорить, если в библиотеку института вот уже двадцать с лишним лет не поступает собственно научная литература первостепенной важности. Даже отечественная. А о зарубежной литературе я и не заикаюсь. У нас ее как не было в приснопамятные совковые времена, так нет и до сих пор. Уповать на Интернет не приходится. По моим научным интересам найти соответствующую литературу в Интернете практически невозможно. Откуда ей там быть, если чувашеведческие проблемы в основном разрабатываются только у нас, в Чувашии?

Надо обратить самое серьезное внимание на сохранение научного наследия (в т.ч. и библиотек) выдающихся деятелей науки и культуры. Где библиотека М.Р. Федотова? Где его рукописное наследие?... А ведь многие его книги были испещрены самыми разными заметками... Почти на каждой странице!

2. Как языковед-компаративист, я не могу жаловаться на «небогатое научное наследие». По истории чувашского языка в мировой гуманитарной науке накопилось огромное наследие. Но, увы. Мы его не знаем. Вернее, знаем очень слабо, оно не востребовано чувашскими филологами и историками. В советское время зарубежная литература практически была недоступна. Даже издания Финно-угорского общества доходили до нас окольными путями. Спасибо венгерским коллегам, они по мере сил и возможностей снабжали нас основополагающими трудами Г.Й. Рамстедта, М. Рясянена, Н.Н. Поппе и др.

Давно настала пора провести ревизию библиотечного фонда нашего Института на предмет выявления отсутствующей в его фондах чувашеведческой литературы и развернуть целенаправленную работу по заполнению пробелов. Но это только полдела. Бичом нашей жизни является пресловутый языковой барьер. Если с англоязычной литературой в ближайшей перспективе мы еще можем справиться, то возникают проблемы с огромным немецкоязычным

наследием. В мире о нас, чувашах, слава Богу, писали довольно много и на самых различных языках: финском, венгерском, турецком, французском, китайском, японском... В связи с этим остро встает проблема подготовки гуманитариев, владеющих самыми разными языками. В области языкознания нам как воздух нужны специалисты, одновременно владеющие несколькими западными (прежде всего немецким и английским) и восточными (арабским, персидским, монгольским, китайским, японским и др.) языками.

Еще один закоренившийся недостаток в работе нашего института – это отсутствие крупномасштабных, объединяющих усилия всего коллектива, академических исследований. Именно исследований, а не научной публицистики, скатывающейся к простому компиляторству. Насколько я помню, в нашем институте каждый научный сотрудник работает над своей узкой диссертационной или связанной с ней темой. У нас даже нет отдела, разрабатывающего какую-то общую академическую тему.

И еще. Давно пора научиться различать подлинно научную исследовательскую работу от вспомогательной – систематизаторской, составительской и проч. Составление словаря, хрестоматии и даже грамматики и истории – это далеко не научное исследование, а только составление... Хотя крайне нужное и необходимое... А ведь подлинному исследователю приходится одновременно выявлять, собирать, систематизировать, обобщать... огромный материал из самых различных направлений социально-гуманитарных наук. А у нас и составление фольклорного сборника, и составление двуязычных словарей по уже имеющимся образцам, и даже редактирование – все одно – наука!

Так что говорить о «храме науки» пока еще рано. Ее величество Госпожа Наука нашу юдоль посещает пока так же редко, как и господин Президент, и заходит она только к единицам.

3. Пресловутая «идеологическая составляющая» приснопамятной советской эпохи, увы! так и не покинула нас. Теперь она не витает над нами, сегодня она живет в нас самих. Почти все наши сотрудники воспитаны в советское время. Да и в постсоветское время вузовское преподавание мало в чем изменилось. Учат молодежь те же профессора советской закалки, учат по тем же советским учебникам... Как это ни странно, в курсовых и дипломных работах своих студентов я часто встречаю ссылки не только на Маркса–Энгельса–Ленина, но и на «классиков» куда меньшего масштаба... Откуда это?..

Ждать фундаментальных исследований «по всем гуманитарным дисциплинам» при нынешней системе образования не приходится. Пока мы будем руководствоваться утопической идеей дать нашим учащимся знания по принципу «все обо всем» (от высшей математики до основ религии), будем иметь питомцев, которые будут знать «ничего обо всем».

Уровень научных исследований «растет» прямо пропорционально уровню внимания к социально-гуманитарной сфере со стороны правительства. Пока власть не поймет ошибочность лозунга «Бытие определяет сознание» и не осознает того неопровержимого факта, что экономика напрямую зависит от уровня культуры – ждать конца кризиса в нашей науке не приходится.

Сильное поколение гуманитариев появится только тогда, когда возрастет престиж науки в нашем обществе. До тех пор мозги будут утекать куда угодно, только не в науку, тем более – в гуманитарную.

4. В нашем обществе до сих пор культивируется миф, будто лучшие кадры куются в Москве и Питере. Я знаю многих филологов с московскими и питерскими дипломами, но подлинных ученых среди них – раз, два – и обчелся!

Я вырос дома, в Чебоксарах, в родном институте. И ничего. Дорос до действительного члена международных академий. Во всяком случае, в тюркологических кругах мое имя имеет вес. Значит, готовить нужные кадры можно и нужно «дома», т.е. в нашем родном гуманитарном институте.

Как говорил один мой хороший знакомый, который не прочь был похвастаться своей «московской школой», в Москве, чтобы слыть вундеркиндом, достаточно время от времени читать афиши. А теперь, наверное, рекламу... Но ведь в них ничего чувашского нет и не было.

Чувашеведов надо готовить дома! И в Чебоксарах, и в Москве студенты и аспиранты занимаются по одним и тем же программам, штудируют одни и те же учебники... Образовательный стандарт, однако...

Поэтому не устаю повторять: *ex oriente lux!* Свет идет с востока! Нам надо ввести в практику: каждый молодой чувашевед должен, просто обязан, пройти стажировку в известных центрах востоковедения. И на Западе, и на Востоке. Каждый чувашевед должен, обязан знать хотя бы по одному восточному (кроме тюркского) и европейскому языку. Наряду с чувашским и русским.

Каждый чувашевед. Не только языковед, но и историк, филолог, этнолог, культуролог, философ и иже с ними.

Войти в науку «путем наименьшего сопротивления» не дано никому. *Per aspera ad astra!* Только «через тернии к звездам»!

И.И. Бойко, доктор исторических наук, заведующий отделом чувашской энциклопедии ЧГИГН

1. Наверное, прежде всего надо определиться с понятием «Чувашское гуманитарное сообщество». Я понимаю под ним не просто определенное число исследователей языка, истории, фольклора и т.д. С этой точки зрения можно говорить об относительном благополучии, поскольку работают аспирантуры, советы по защите диссертаций, и за последние 10–15 лет контингент лиц, имеющих ученые степени, значительно расширился. Но наличие определенного числа кандидатов и докторов наук еще не свидетельствует о том, что научная работа ведется продуктивно. Уровень ее развития определяет в первую очередь такой критерий, как глубина и фундаментальность изданных трудов, как индивидуальных, так коллективных монографий. А каким образом и кто дает оценки книгам и статьям именно по таким критериям? Для специалистов вопрос, конечно, риторический. Мы ведь развиваемся не в изолированном сообществе, есть коллеги из других регионов и стран, которые работают над подобными проблемами, есть понимание того, что соответствует «нормальному» уровню, а что превышает или же не дотягивает до него. Иначе говоря, необходимы объективные рецензии, в которых доброжелательно, но строго, а не комплиментарно оценивается та или иная работа. К сожалению, данное направление в практике чувашского гуманитарного сообщества не стало осознанной необходимостью, обязательным элементом нашей научной практики. Наоборот, критические замечания нередко воспринимаются как личные выпады, как неприятие не методики, концепции, системы доказательств и т.п., а самого автора. Наверное, во многом это связано с тем, что у нас не сформировался такой важнейший элемент нашего сообщества, каким являются научные школы. Это ведь не просто наличие научных руководителей и аспирантов, соискателей и т.п. О научной школе можно говорить в случае решения важных проблем той или иной науки, накопления кадрового потенциала, появления различных точек зрения на перспективы развития приоритетных научных направлений. С этой точки зрения достижения у нас имеются, но они достаточно немногочисленные и, наверное, не они определяют общий вектор развития чувашеведения. И еще одно важное замечание. Из вышесказанного вовсе не следует, что мы не читаем друг друга, что у нас нет собственного мнения о тех или иных изданных трудах. Верх берет неверно понимаемая некая цеховая (региональная) солидарность, боязнь обидеть человека, с кем ты до сего дня находишься в хороших отношениях и т.п. Повторюсь, но это еще одно доказательство отсутствия серьезных традиций научной школы.

Если развивать эту мысль далее, то непременно следует спросить себя о следующем. Хорошо, коллеги из Чувашии не пишут рецензий, но почему мало таких публикаций, авторами которых являлись бы научные работники, преподаватели вузов из других регионов, Москвы, Санкт-Петербурга и др. научных центров. Безусловно, присутствует разрыв научных связей, последовавший в 1990-е годы и до сих пор до конца не восстановленный, но одним этим фактором сложившуюся ситуацию не объяснишь. Нельзя не иметь в виду и последствия политической суверенизации, когда некоторые деятели науки из республик начали обвинять московских и питерских коллег в непонимании, невнимании к проблемам народов, регионов и т.п. При этом следует отметить, что рациональное зерно при этом присутствовало, но было много крайностей и перегибов. С этого времени вертикаль власти была восстановлена, но с точки зрения развития науки многие контакты, продуктивное взаимодействие были утрачены. И самое главное – иногда надо задавать

себе и такой вопрос: а интересны ли наши работы для коллег, есть ли в них новое слово, которое было бы важным и для них. Возможно, и с этой точки зрения не все обстоит благополучно.

Если говорить о взаимодействии и научных контактах, то существует еще одна очень серьезная проблема – изоляция значительного большинства отечественных исследователей, в первую очередь работающих в регионах, от достижений наших зарубежных коллег. Здесь много причин, в том числе перешедших к нам от времени идеологических и государственных запретов, когда абсолютное большинство гуманитарной литературы, изданной в западных странах, было нам недоступно. Сейчас другие времена, и даже незнание языков (что очень прискорбно), оказывает не такое пагубное последствие, поскольку издается переводная литература. Но мы еще остаемся вне современных методических и методологических принципов, которые разработаны нашими коллегами. Сразу же отмечу, что это не означает принятие абсолютно всего, что имеется в арсенале зарубежных исследователей. Но, по крайней мере, знать о том, что есть и как используется – необходимо. Сейчас же нередко получается своеобразный замкнутый круг: преподаватели и научные сотрудники не осваивают современные достижения как западной, так и современной российской гуманитарной научной мысли, а студенты, не получая этих сведений, завершают учебу, поступают в аспирантуру, пишут диссертации, защищаются, используя старый багаж своих учителей. Мое достаточно категоричное утверждение относится не ко всем молодым научным сотрудникам, есть пытливые исследователи, понимающие недостатки нашей образовательной системы и самостоятельно работающие в этом направлении. Но на мой субъективный взгляд, для большинства тех, кто занимается научной работой, это не характерно. Чтобы не быть совсем голословным, сошлюсь на исследования проблем, которые мне ближе и понятнее. Например, сюжеты о социальной структуре (социальной стратификации) рассматриваются все с тех же позиций, которые господствовали в отечественной науке в 1960–1970-е годы. История Великой Отечественной войны прирастает новыми проблемами, которые ранее не были достаточно хорошо изучены (например, формирование воинских частей, подготовка резервов для Красной Армии, проблемы эвакуированного населения и т.п.), и это хорошо, это обогащает наше понимание исторической действительности. Но, к сожалению, историкам еще не удалось показать все тяготы и лишения, которые пережили наши тыловые регионы, их население в годы войны. Речь не идет о смаковании трудностей. Ведь величие подвига не будет понято во всем его объеме, если эти трудности не освещать подробно, а лишь отмечать их, как нечто второстепенное.

2. Когда чувашеведение стало научным, культурным и общественным явлением? На мой взгляд, когда появились первые серьезные публикации по тем или иным отраслям гуманитарных знаний, тогда эти материалы и стали явлением науки, культуры, общественного признания. Другое дело, что круг людей, которые понимали это, был еще очень узок, и он оказывал слабое воздействие на жизнь общества. С формированием государственных институтов, одной из функций которых стало развитие науки (вузы, НИИ при Совете Министров Чувашской АССР), цель и задачи чувашеведения стали приобретать системный, долговременный и плановый характер. С другой стороны, шел рост образовательного уровня, общей культуры населения, поэтому пришло и другое понимание важности и необходимости научных исследований, в том числе и в гуманитарной сфере. В советское время гуманитарная наука (хотя и не только она) в значительной мере испытывала идеологическое воздействие, авторы не могли выйти за пределы, очерченные партийным руководством. Наука таким образом выполняла общественную функцию, определенную не внутренним развитием самой науки, а другими обстоятельствами. В конце 1980-х и в 1990-е годы существующие препоны были сломаны, но нельзя утверждать, что наука за эти годы обогатилась фундаментальными трудами, шел поиск новых путей, осмысление прошлого. Но роль и место науки, на мой взгляд, не стали адекватными целям и задачам развития общества в новом столетии. У некоторых чиновников, имеющих отношение к руководству наукой в Чувашии, отношение к ней, по-моему, перешло из советских времен. При этом я понимаю, что при существующей системе финансирования науки государство не только вправе, но и обязано спрашивать об эффективности использования бюджетных денег. С другой стороны, это нередко воспринимается как необходимость руководства не только тематикой исследований, но и их содержанием, по крайней мере, в той степени, в какой речь в них идет о современных исторических процессах. Все это, конечно, печально.

Чувашский государственный институт в течение 80 лет является головным научным учреждением по развитию чувашского языкознания, литературоведения, фольклористики, истории, искусствознания и др. дисциплин гуманитарного профиля, имеющих непосредственное отношение к истории и культуре народа и региона. О важности нашего института свидетельствует хотя бы такой факт. До начала 2000-х годов практически все доктора наук по таким отраслям, как история, языкознание, литературоведение, искусствознание или трудились в институте, или начинали в нем свои научные исследования. Иначе говоря, в институте был заложен фундамент чувашской гуманитарной науки, на котором она еще и продолжает развиваться. Безусловно, проблемы, о которых говорилось выше, были характерны и для института, но нацеленность на конечный научный результат приносила свои плоды, и именно в институте были созданы обобщающие научные труды по истории, языкознанию, искусствознанию и др., ставшие важными вехами на пути развития науки. С этой точки зрения институт имел и имеет определенные преимущества перед вузами, поскольку работники последних не имеют возможностей посвятить себя только исследовательской деятельности, а без такого погружения создавать серьезные научные труды непросто. Если вести речь об институте как о храме науки, то следует отметить, что в нем сложился коллектив единомышленников, который нацелен на решение важных исследовательских задач. Не все получается в равной мере, очень многие трудности характерны и для гуманитарного института, но без них не обходится ни одно научное учреждение. Главное – видеть их и пытаться изменить ситуацию к лучшему.

3–4. На мой взгляд, отсутствие подобного «бума» фундаментальных исследований отчасти закономерно, поскольку таких трудов не может быть написано много за столь короткое время. Был сломан один барьер, но остались другие, которые, возможно, проявились четче. Причем эти барьеры были видны не для всех, кто мог и занимался научными исследованиями. Если вести речь о «нормальных» научных работниках, то понятно, что отказ от господствовавшей методологии не означал автоматическое овладение иными принципами, которые, в свою очередь, не могли быть волшебной палочкой. По-прежнему требовалось создание источниковой базы, нового осмысления фактов, явлений и т.п. Процесс этот достаточно длительный. Одновременно увидели свет работы, авторы которых объявляли о совершенно новых концепциях происхождения народа, давали оценки историческим периодам, неизменно на каких фактах основанные, объявляли известных и добросовестных ученых фальсификаторами и т.п. Вот для таких «исследователей» не было барьеров на пути, на котором они якобы овладевали новой методологией. Пожалуй, что на 1990-е годы пришелся бум таких изданий, и я должен отметить, что наш институт противостоял им, несмотря на случаи поддержки из высоких правительственных учреждений. Например, институт выступил против включения в школьные программы положений книги, в которых речь шла о совершенно «революционной» гипотезе происхождения чувашского народа, хотя на этом настаивал ряд депутатов Верховного Совета Чувашии.

В то же время прошло уже достаточно много времени, чтобы ожидать более солидных результатов по сравнению с полученными. Здесь нельзя не затронуть проблему кадрового обеспечения науки. Есть ряд молодых исследователей, которые с успехом включились, например, в разработку актуальных проблем истории. Но их вклад не столь высок по сравнению с численным приростом кандидатов исторических наук в республике. Я сам уже состою полтора десятка лет сначала в кандидатском, затем в докторском совете при Чувашском госуниверситете. Конечно, это очень облегчило задачу для целого поколения молодых историков: не надо выезжать в другие города, искать совет и пр. С учетом низкого финансового обеспечения работников бюджетных учреждений, создание таких советов сыграло важную роль в обеспечении вузовской и академической (институтской) науки кадрами. Но надо смотреть на эти вещи диалектически и видеть недостатки существующей системы подготовки, а они есть и весьма серьезные. Сравнивая свое пребывание в аспирантуре Института истории СССР АН СССР, где учились коллеги из других регионов страны, и учебу современных аспирантов в республике, должен отметить, что тогда подход к подготовке диссертации был гораздо солиднее. Одной из причин такого положения дел обусловлен тем, что в академическом институте были научные школы, о важности которых я говорил выше. Присутствуя на заседаниях отделов, секторов, участвуя в обсуждении работ, мы пытались впитывать то, что еще не знали сами. Принести

своим старшим коллегам неподготовленную рукопись было просто нельзя, этого бы никто не понял. Может быть, это возрастное, но иногда мне кажется, что некоторые мои молодые коллеги сегодня не представляют, что такое завершенная рукопись, будь это статья или диссертация. Поэтому положения глав диссертаций на обсуждениях не отстаиваются, а сами работы перепишутся по много раз. Хорошо, если в конце концов цель будет достигнута, но нередки случаи, когда этого не происходит. Я полагаю, что прерывание связей по направлению аспирантов в вузы и институты Москвы, Санкт-Петербурга сыграло свою роль в снижении уровня подготовки молодых научных работников. Еще раз отмечу, что понимаю роль финансовой составляющей в этом процессе, но если мы хотим иметь классных специалистов, в том числе и по направлениям, которые на местах практически не разрабатываются, то надо восстанавливать частично существовавшую ранее систему подготовки кандидатов и докторов наук.

Ю.М. Артемьев, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы ЧГУ им. И.Н. Ульянова

1. Сегодня на ниве чувашеведения действительно трудится более чем достаточное количество специалистов самых разных областей фундаментальных и прикладных наук. Давно известно, что результаты научных изысканий могут быть более весомыми при условии, если группа ученых во главе с одаренным (это обязательное условие!) доктором, нередко и кандидатом наук объединяет весь свой потенциал для проведения комплексно-теоретических исследований. Это был бы идеальный вариант. Но фактически сегодня представители даже одной научной области или направления трудятся «фразроленно», тратя свои резервы нерационально. О междисциплинарных взаимоотношениях и не приходится говорить. Еще в начале 90-х годов в одной из статей под названием «Кашши чăваш – хай патша» (газ. «Хыпар») я попытался указать на одну особенность чувашского менталитета – склонность к «монологическому» мышлению или, по-другому, интровертный характер психологии. Сама по себе эта тенденция мало о чем говорит. Деятельность ученого – это одиночная работа кабинетного затворника, такова специфика творческого процесса. Конечно, научный работник от Бога обязан следить за прорывными идеями и заслуживающими внимания достижениями научного сообщества, но он вовсе не обязан вступать в диалог с авторами наукообразных банальных обобщений и тривиальных выводов. Хотя систематизаторская работа (как бухучет), обзор научного хозяйства должны вестись тружениками от науки, не хватающими звезд с неба, но это – работа второстепенная. Нет сомнения, в научных изысканиях количество – не решающая величина. И дискуссии не всегда приносят результат, так как еще в недавнем прошлом их проводили чаще всего для того, чтобы узаконить и «освятить» мнение власть предержащих или «назначенных» авторитетов в самой науке. Как не вспомнить Г. Ибсена: «Злейший враг истины – сплоченное большинство».

Что касается вопроса о том, что «новейшие теории и концепции мировой гуманитарной науки» несколько отдалены от нас, то это объясняется, на мой взгляд, тем, что они ушли вперед слишком далеко, поэтому диалог равных был невозможен. Возьмите хотя бы венгерских исследователей. Начисто отбрасывая идеологическую чешую, они все время нацеливались на первозданные глубинные слои чувашской культуры (языка, истории, фольклора, этнологии), находя в них общечеловеческие, неповторимые ценности. Так они шли к себе, то есть через нас глубже осмысливали собственные исторические корни. В то же время для нас намного привычнее и удобнее было делить деятелей культуры на «правильных» и классово чуждых, буржуазных...

2. Думаю, сегодня правильнее было бы говорить об этапах становления и развития Чувашского гуманитарного научного сообщества. В строгом смысле основы этого института заложили выдающиеся исследователи – Н.И. Ашмарин, Н.В. Никольский, Г.И. Комиссаров, В.Г. Егоров и др. В советский период в эту общую копилку внесли свой вклад представители еще нескольких поколений ученых-гуманитариев. Другое дело, что развитие науки вовсе не напоминает ровную и прямую беговую дорожку стадиона. Успехи и неудачи науки связаны с целым рядом объективных и субъективных факторов. Достаточно вспомнить беспощадные жернова репрессий, через которые вынуждены были проходить многие представители чувашской науки и культуры. Могут сказать одно: золотой фонд чувашского литературоведения и литературной критики советских лет накапливался только благодаря стоическому противо-

стоянно жесткому идеологическому диктату самых разных форм цензуры. Это был специфический «естественный» отбор. В связи с этим несколько слов по поводу «относительно небогатого научного наследия», которое досталось чувашским гуманитариям. Только один пример. Чувашская культура еще до революции взрастила выдающегося ученого мирового уровня – профессора Николая Васильевича Никольского. Но посмотрите, сколько человек в 30–70-е годы XX в. стали докторами и кандидатами исторических наук, выводя на «чистую воду» его (и еще нескольких!) «реакционно-поповские» и «либерально-буржуазные» воззрения. И уж совсем грустно становится, когда вспоминаешь, что эти архивные мыши, бесконечно высасывающая соки и питательные идеи из его уникальной фундаментальной научной копилки и собранного ученым архивного фонда, не имеющего, пожалуй, аналогов в мире, вместо благодарности непременно старались лягнуть автора, очернить его или шельмовать. Именно по этой причине Н.В. Никольский не получил возможности полностью реализовать себя, как невестребованный пророк в своем Отечестве, и вынужден был продолжать научную деятельность в научном учреждении соседней республики. Пример Никольского в чувашской культуре – явление не единичное. Восстановление его доброго имени и «ползучее» возвращение его бесценного наследия произошли по сценарию, типичной для судеб особо одаренных личностей и их открытий: сначала – хором: «чушь!», потом – «в этом что-то есть» и, наконец – «кто не знает, что он выдающийся ученый». А ведь имя ученого подобного масштаба может явиться гордостью любого научно-исследовательского центра, и поэтому оно выглядит как пробел или даже вырванная страница в славной истории Чувашского научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР. На мой взгляд, этот институт всегда был главной кузницей кадров для гуманитарных наук. Это – единственный во всем мире центр чувашеведения, и его уникальный статус накладывает большую ответственность на всех, кто трудится в его стенах. Мне кажется, в целом институт со своей важной миссией справляется. Но исследования могли бы быть более фундаментальными и концептуально емкими, с теоретико-методологической точки зрения масштабными, если бы представители разных направлений для ведения комплексно-теоретических исследований объединились во временные, неформальные научные группы с ведущими учеными вузов республики.

3–4. Я не ностальгирую о Прошлом и считаю, что если даже человек по-настоящему подвергался гонениям и притеснениям, он не должен об этом кричать и извлекать выгоды из этого, а тем более, если он беспробудно пил, тунеядствовал и пытался при этом натянуть на себя маску несправедливо обижаемого литератора.

У подобного типа людей неожиданно появилась возможность выступить в качестве прокурора и судьи «на судебном процессе», где обвинялась советская идеологическая система. Мне же ближе слова поэта: «Но поражение от победы ты сам не должен отличать». Ученый, заряженный на победы и награды, для настоящей науки явление покойное.

Наука о литературе и литературно-художественная критика в советские годы находилась под сильным прессом цензуры. За последние двадцать лет произошла девальвация духовных и нравственных ценностей, а профессия ученого-гуманитария стала непрестижной. В таких условиях ученая степень тоже стала товаром, который, если нельзя купить за деньги, то за большие деньги обязательно возможно купить. Поэтому публикации нынешних ученых по глубине анализа фактического материала, по методологической фундированности, как правило, уступают прежним исследованиям. Хотя и сегодня появляются труды, производящие впечатление фундаментальности, хорошо причесанные и даже претендующие на государственную премию. Но сама премия, на мой взгляд, давно стала рудиментом Прошлого.

Серьезный бич сегодняшней науки в невозможности создать научной школы, которую, как правило, основывает одаренный ученый и личность. В наше время штамповать десятками кандидатов наук стало гораздо проще, а научную школу сформировать до невозможности трудно. Все дело, как говорит Л. Гумилев, в принципе комплиментарности. Дело не только в исследовательских способностях, а в большей степени – в человеческом факторе. Каков научный руководитель – таковы аспиранты и соискатели, а количество здесь ничего не решает. Честный, самозабвенно преданный науке и Богом рожденный для нее ищет такого же руководителя или же уйдет навсегда, не встретив такого. Всё. А приспособленцы и конформисты не имеют лица необщего выражения. Аура «чистой» научности может окружать только большую личность.

В.М. Михайлов, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики, управления и кооперации Чебоксарского кооперативного института Российского университета потребительской кооперации

1. Действительно, в научном пространстве сегодня безраздельно господствует монолог. Численность ученых, предметом исследований которых служат явления чувашского гуманитарного пространства, если учитывать их познавательные, а не карьерные и иные интересы, не так велика, как это может показаться на первый взгляд. Следует также учесть, что в образовании, которая традиционно оттягивает основной контингент ученых гуманитарных специальностей Чувашии, научная работа объективно является сопутствующим, а не основным видом их деятельности. Практика свидетельствует, что здесь научное познание, оказавшись за пределами профессиональной деятельности, чаще всего не содержит исследовательских целей и задач, предполагающих применение современных методологий и методик, и не направлено на приобретение нового знания.

Большинство научных изданий по чувашской тематике страдает от избытка работ с банальными выводами и обобщениями, ординарность которых исключает их широкое обсуждение научной общественностью. Кроме того, научная дискуссия предполагает наличие общего семантического поля и адекватных методолого-методических подходов, исключающих возможность злоупотребления исследователями свободой научного творчества. Однако отход от научных принципов изучения и описания исследуемых явлений и фактов, в настоящее время ставший типичным недостатком при подготовке научных работ, делает невозможной корректную полемику их авторов, способную перерасти в диалог.

Вместе с тем отсутствие оригинальных выводов и суждений в исследованиях и их заурядность компенсируются комплиментарным характером отзывов, авторы которых, таким образом, во-первых, стараются замаскировать научную несостоятельность исследования и, во-вторых, подготовить условия для оправдания недостатков в своих будущих работах, рецензентом которых вполне может выступить данный автор. Круговая порука, связанная нарушением учеными и остепененными преподавателями вузов принципов научной этики, неизбежно ведет к снижению качества научного знания и увеличению ее макулатурной составляющей. Эти негативные последствия, проявления которых усугубляются пристрастностью и тенденциозностью в оценке научного вклада ученого, ведут к коммерциализации науки и принижению ее познавательной и прогностической роли, лишая чувашеведение исторической перспективы и способности к динамическому развитию согласно современным мировым стандартам.

2. Становление чувашеведения органически связано с деятельностью ученых Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН). Несмотря на относительную молодость, это направление гуманитарных исследований успело занять заметное место в российской системе гуманитарного знания. При этом, как самостоятельная отрасль гуманитарного знания, чувашеведение в этот период развивалось в русле общесоюзных тенденций.

Советская власть, действуя в рамках общей государственной научной и национальной политики, не только обеспечивала финансирование исследований по национально-территориальной тематике, но и проводила большую кадровую работу по подготовке специалистов для НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР из жителей республики в исследовательских учреждениях АН СССР и вузах страны. Эти специалисты, существенно увеличив научно-исследовательский потенциал чувашеведения, сделали его весьма заметным культурным и общественным явлением страны, не по форме, а по существу превратив это научно-исследовательское учреждение республики в Храм науки. Однако, сложившись как советский государственный механизм решения национального вопроса в СССР, такая система организации исследований чувашского гуманитарного пространства прекратила свое существование вместе с тем государством, которое ее создало.

Российское государство, как социальная организация политической власти в стране, не заинтересовано в развитии профессиональной гуманитарной науки национального региона.

Кроме того, несмотря на то, что наличные интеллектуальные ресурсы старейшего научно-исследовательского учреждения Чувашии до сих пор продолжают эксплуатироваться в интересах республики, региональная власть не в состоянии финансировать научные исследования не только на уровне требований стандартов современной российской, но и региональной науки. В результате наука здесь сводится, на мой взгляд, в ряде случаев к переосмыслению достижений предыдущих поколений исследователей согласно современным политическим стандартам, а также к отдельным направлениям исследований, проводимых немногими энтузиастами в ущерб своим материальным интересам.

3. Комментируя третью группу вопросов, хотелось бы отметить, что для советской региональной науки действительно был характерен идеологический пресс, связанный с претворением в жизнь социальной и национальной политики государства. Он являлся своеобразной платой за то, что советское государство финансировало научно-исследовательскую сферу чувашского гуманитарного пространства, требуя взамен выполнения интеллектуальной работы по стандартам господствовавшей в стране идеологии. В отличие от советского прошлого современное состояние чувашеведения характеризуется мизерным финансированием научных исследований и отсутствием интереса со стороны государства к научным работам теоретического характера, составляющим фундаментальную основу прикладной науки. Такой подход к гуманитарным наукам не только привел к снижению численности кадрового состава научных работников, но и обусловил существенное снижение профессионального уровня оставшихся.

4. Пессимистический прогноз на развитие чувашского научного гуманитарного знания может не оправдаться. Он реализуется лишь в том случае, если чиновники и народные избранники, олицетворяющие власть в государстве, на гербе которого изображены символы титульной нации, не осознают, что в современных условиях любой народ, не выделив на создание достойных условий для деятельности группы профессиональных ученых, способных к научному исследованию гуманитарных проблем этноса, необходимых ресурсов, в лучшем случае обречен прозябать на обочине истории, а в худшем вскоре уступит географическое пространство, занимаемое им ныне, своим более удачливым конкурентам. При этом следует помнить и о том, что не все кандидаты в исследователи будут способны оправдать возлагаемые на них надежды. Из этого, однако, не следует, что по этому основанию нужно отказаться от поиска, выявления и направления кандидатов в исследователи в научные центры страны или прекратить их подготовку в рамках отечественной научной базы.

Я вспоминаю рассказ ныне покойного историка-исследователя Г.А. Александрова о том, что во второй половине 60-х годов XX в. один из кандидатов на целевое обучение в аспирантуре Института философии АН СССР, направленный из Чувашии, на вопрос одного из членов отборочной комиссии: «Что Вы еще знаете?», ответил: «А еще я умею играть на гармошке». Тем не менее этот кандидат был принят на обучение в аспирантуру Института философии АН СССР и, не будучи мудрым, успешно ее закончил, сделав в дальнейшем блестящую карьеру профессионального философа.

Мораль этой истории заключается в том, что в российской науке можно быть философом, не обладая даром мудреца, следовательно, и ученым историком можно стать, не выработав навыков научного исторического исследования. Однако при этом следует помнить о том, что такие, с позволения сказать, «специалисты», не должны определять теорию и практику науки, а также ее кадровую политику. Все они должны оставаться лишь «подлеском», обеспечивающим существование науки как сложно организованной саморазвивающейся многоуровневой системы научного познания, на вершине которой доминируют творчески одаренные исследователи, способные к интеллектуальному прорыву на избранных ими направлениях исследований. В ином случае неизбежны явления застоя и деградации, которые чрезвычайно губительны как для науки, так и для общества в целом.

(Продолжение следует.)

ЧГВ, 2010 г., № 5
© Ю.В. Гусаров

О ПОСЕЩЕНИИ ПЕТРОМ ВЕЛИКИМ
ГОРОДА ЧЕБОКСАРЫ

В ходе Персидского похода 1722–1723 гг., направляясь во главе войска по Волге в Астрахань, Пётр I в сопровождении жены и свиты, 1-го (по новому стилю 12-го) июня 1722 г. посетил г. Чебоксары. Побывал в доме купца гостиной сотни Игумнова. В исторической литературе данный факт не получил документального освещения.

Ключевые слова: Каспийский поход 1722–1723 гг., Пётр I, гостиная сотня, «петербургские переведенцы», купцы Игумновы, памятники архитектуры г. Чебоксары, «Дом Соловцова».

Пётр Великий оставил глубокий след в исторической памяти чувашей. В посвящённых императору сказках оградилась мечта народа о добром и справедливом царе¹. Память о царе-реформаторе сохранили исторические предания, повествующие об отправлении чувашами лашманной повинности и разработке корабельных лесов, их участии в Северной войне, строительстве Петербурга и др.² Известна легенда о «Царском дубе», якобы посаженном Петром I близ Старо-Сундырской почтовой станции³ (д. Помекейкино, ныне в черте д. Малый Сундырь Чебоксарского района). В 1872 г., когда отмечалось 200-летие со дня рождения императора, козьмодемьянское земство обновило решётку вокруг лесного великана, гордо возвышавшего свою главу среди растущих вдоль Большого Московского тракта берёз, и установило памятную табличку: «Посажен Петром I»⁴. Отметим, что на самом деле близ этого дуба менял лошадей император Павел I, совершавший в 1798 г. поездку в Казань⁵. В отличие от него, Пётр I в 1722 г. держал путь в Астрахань. Причем не в карете, а на речном судне. Здесь речь идёт о Персидском походе 1722–1723 гг., предпринятом для обеспечения торговых интересов России на Каспийском море и сдерживания турецкой экспансии в Закавказье.

Юрий Владимирович Гусаров – кандидат исторических наук, доцент Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Подготовка к названному походу началась после окончания Северной войны. Тогда 20 пехотных батальонов, возвратившихся из Финляндии, были расквартированы в верхневолжских городах, где в спешном порядке началось строительство десантных и грузовых кораблей. К 20 мая 1722 г. в г. Нижний Новгород было приказано привести суда с пехотой и боевым снаряжением (всего 274 судна, вместе с построенными в Нижнем Новгороде и Казани их стало 442)⁶. Для царя в Коломне была построена галера, «да верейка, да полубаржа». Два последних судна были обтянуты красным сукном и зелёной тафтой с шёлковыми шнурками. Галера имела каюты на корме и по 18 гребных вёсел на носу; над скамьями палубы был устроен тент из частой сетки⁷. 15 мая 1722 г., провожаемый толпами народа, под звуки военной музыки, звон колоколов и пальбу из пушек, Пётр I со свитой, куда входили генерал-майор И.М. Головин, кабинет-секретарь А.В. Макаров, князь Д.К. Кантемир, живописцы, учёные, танцоры, музыканты и прочий люд, отправился из Москвы по рекам Москва и Ока в Нижний Новгород для соединения с основным караваном⁸. Царя сопровождали два батальона гвардии (личный конвой) и два армейских полка (Ингерманландский и Астраханский) со снаряжением⁹. В Коломне к императору присоединилась его жена Екатерина I, тайный советник П.А. Толстой (возглавлял походную канцелярию) и др.¹⁰ Для ускорения плавания по всему пути были приготовлены переманные команды гребцов из крестьян.

27 мая императорская флотилия прибыла в Нижний Новгород¹¹, где войска были пересажены на новые суда. Первым делом царь осмотрел флотилию, предназначенную в поход, распорядившись достроить десантные суда с учётом его указаний. Он ознакомился с городом, осмотрел судовую верфь, проинспектировал присутственные места и др. 30 мая, в день своего 50-летия, посетил гробницу Кузьмы Минина, нанёс ряд официальных визитов, а затем вместе с женой до глубокой ночи пировал у бургомистра Якова Пушникова. 31 мая в 2 часа по полуночи царь сел в галеру и продолжил свой «низовый поход» – уже по реке Волге¹². 2 июня из Нижнего Новгорода выступило и судовое войско, разделённое на пять отрядов, шедших друг за другом¹³. В походе Пётр I не прекращал заниматься государственными делами: чуть ли не ежедневно посылал чиновникам указы с поручениями, разбирал частные жалобы и споры, сочинял «Манифест» о причинах войны для народов, обитающих в Персии, а также посещал «встречающиеся города и любопытные места»¹⁴. Полноводная весенняя Волга быстро несла суда, так что путь казался «как бы прогулкой»¹⁵. Из книги расходов кабинетного подьячего (бухгалтера) Гаврилы Замятнина узнаём, что 31 мая на императорском судне сменилось три команды гребцов, в том числе в с. Лысково и г. Козьмодемьянске¹⁶.

...С конца 1940-х годов деятелям культуры Чувашии не давала покоя мысль о том, что в своём плавании Пётр I не мог миновать Чебоксар. Историки П.Г. Григорьев, В.Д. Дмитриев, П.Н. Николаев в своих статьях и брошюрах сообщали об осмотре Петром I корабельных роц в окрестнос-

тях города, а художник Н.К. Сверчков написал для республиканского краеведческого музея картину «Пётр I в чебоксарских лесах», на которой изобразил царя, опершегося на могучий дуб, олицетворяющий чувашский народ¹⁷. Письменные источники опровергают эту легенду. Целью публикации является восполнение пробела в исторической хронике г. Чебоксар.

В 1848 г. редактор неофициальной части «Казанских губернских ведомостей» историк А.И. Артемьев в примечании к статье священника Введенского собора Чебоксар А.И. Кроковского упомянул о сохранявшихся в Чебоксарах «древних частных домах», освящённых преданиями о пребывании в них Петра I и Екатерины II, пригласив местных краеведов к сотрудничеству¹⁸. Словно откликаясь на это приглашение, А.И. Кроковский опубликовал статью о посещении Чебоксар Екатериной II. Ссылаясь на дело из архива городского магистрата под № 697, он сообщил, что первоначально для встречи императрицы планировалось построить пристань на берегу Волги напротив Свято-Троицкого монастыря. Однако купеческий и ремесленный старосты чебоксарского магистрата объяснили, что намеченное место «...очень крутое, и берега особого не имеет; притом же во время вешнего половодья при том месте течение воды бывает очень быстрое; да и место оное между строением тесное», поэтому для причала была выбрана площадка, «...где в 1722 году, в шествие блаженные и вечной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Первого Волгою рекою в низовый корпус, пристань при городе имеется»¹⁹. Как известно, 25 мая 1767 г. шлюпка с Екатериной II причалила напротив Свято-Троицкого монастыря. Значит, причал находился в устье р. Чебоксарки у подножия западного косогора, где не было быстрого течения. По приказу Казанского губернатора А.Н. Квашнина-Самарина, к приезду императрицы усилиями горожан обветшавшая пристань была отремонтирована и украшена столярной резьбой²⁰.

О дне, когда Пётр I ступил на чебоксарскую землю, узнаём из записей кабинетного подьячего Г. Замятнина: «Июня в 1-й день дано 93 человеком, которые от Кузюдемьянска до Чебаксар 40 вёрст гребли на галере его величества, по гривне человеку, итого 9 р[уб]. 10 ал[тын]. Июня в 2-й день дано 97 человеком, которые гребли на галере его величества от Чебаскар до Свиажску 80 вёрст, по 5 ал[тын] каждому, итого 14 р[уб.] с полтиною»²¹. Бухгалтерский отчёт умалчивает о том, чем занимался Пётр I в нашем городе, однако, учитывая короткое расстояние – 40 вёрст, которое плавучий караван преодолел 1 июня (тогда как 31 мая – 160 вёрст, 2 июня – 100), царь располагал достаточным временем для отдыха (ночлега), в том числе и для пресловутой поездки в дубовую рощу.

До недавнего времени мы были уверены в этом выводе, пока от историка В.Д. Кочеткова не получили выписку из «Походного журнала 1722 г.» – очень редкого издания, которое долго разыскивали. Как и ожидалось, оно содержит новую информацию о событии почти 290-летней давности: «[Июня] 1-го. Вполдни приехали к Чебоксарам, где переменяв гребцов, пошли в путь, а Его Величество в том городе был у некоторого посацкого [человека] с

четверть часа; и, не доехав до пристани Новой Волшски, ночевали у берегу за великою погодою, а поутру к оной пришли, где обрели и судно Его Величества»²². В приложении к дневнику читаем: «Июнь в 1 день. Приехали вполдни [в] Чебоксары и ночевали у пристани Новой Волжски»²³. Итак, в полдень 1 июня 1722 г. суда прибыли в Чебоксары, где произошла смена гребцов. Пётр I сошёл на берег и посетил дом местного купца (как увидим, ему не пришлось ходить далеко), с которым беседовал около 15 минут. После короткой остановки плавучий караван поднял якоря, но был застигнут непогодой (бурей) и заночевал у берега, а утром приплыл к новой хлебной пристани (возникла в 1710-е годы²⁴) у д. Козловка (ныне одноимённый город), где догнал галеру императора. Стоянка и здесь была недолгой – 2 июня в 10-м часу утра суда направились к Свияжску²⁵.

Походный журнал не называет имени купца, с которым встречался император, но благодаря народному преданию, оно не кануло в Лету. Вот цитата из статьи того же А.И. Кроковского о посещении Чебоксар родственником царей Романовых принцем П.Г. Ольденбургским в сентябре 1857 г.: «Поднявшись близ Вознесенской церкви в город, Высокий Посетитель прошёл мимо дома, незабвенного по пребыванию в нём императора Петра I-го в 1722 году, и остановился на несколько минут против здания, занимаемого уездным и приходским училищами ведомства Министерства народного просвещения»²⁶. В примечании автор указал, что дом, в котором побывал Пётр I, «в то время ... принадлежал С[анкт]-П[етербургск]ой сотни купцу Игумнову»²⁷.

Игумновы входили в число крупных купцов Чебоксар, так называемой гостинной сотни. Братья Михаил (ок. 1661–1732) и Алексей (ок. 1671–1729) Фёдоровичи владели мельницами, винокуренными, салотопенными, воскобойными, кожевенными заводами, торговали с границей, Сибирью, Архангельском, Астраханью, Петербургом и другими городами. В 1714 г. по указу Петра I они были записаны в купечество Петербурга²⁸. Однако в 1724 г. посадские люди Чебоксар жаловались в Главный магистрат, что М.Ф. Игумнов «подлогом» выдавал себя за «петербургского переведенца», чтобы не платить налогов и не нести повинностей в родном городе. Там же указывалось, что он жил в усадьбе с каменными палатами, где в розницу продавались «всякие заморские и персицкие, и сибирские товары». О его младшем брате сообщалось, что он построил дом в столице, но продолжал на законных основаниях заниматься торгово-промышленной деятельностью в Чебоксарах²⁹. Думается, что Пётр I встречался с А.Ф. Игумновым, которого знал заочно. Беседовать они могли о развитии промышленности и торговли, чему царь уделял много внимания и заботы.

Среди архитектурных памятников старых Чебоксар известен одноэтажный каменный «Дом Игумнова» (назван по владельцу, другое название – Соляная контора), который располагался на ул. Перевозная, на склоне холма, спускавшегося от Свято-Троицкого монастыря к Волге (восстановлен на ул. Сеспеля). Напротив него, выше по склону, располагалась Вознесенская

церковь (1702 г.), которая являлась приходской для купцов Игумновых. В 1763 г. один из их представителей рядом с ней построил Казанскую церковь, которая прославилась своей падающей колокольной (в 1870 г. храм с колокольной были разобраны по ветхости)³⁰. Московский искусствовед А.А. Максимов так описывает «Дом Игумнова»: «Это типичный для русской жилищной архитектуры XVII в. тип каменного дома на подклете, с центрально расположенными сенями и двумя боковыми жилыми палатами... Постройка здания Соляной конторы ... относится к первой половине XVIII в.»³¹.

На плане Чебоксар, составленном вскоре после опустошительного пожара 30 апреля 1773 г., видно, что усадьба купца 2-й гильдии П.А. Игумнова (1759–1811), состояла из двух зданий и находилась в нескольких десятках метров от «Дома Соловцова»³², что не позволяет ей претендовать на звание чебоксарского домика Петра I. Дело в том, что в одной из своих статей, говоря о доме, в котором побывал Пётр I, А.И. Кроковский сообщал, что казна купила его у наследников купца Игумнова для уездного училища³³, то есть отождествил с «Домом Соловцова» (ныне размещается художественное училище). Вслед за ним и историк П.Г. Григорьев утверждал, что в 1722 г. Пётр I останавливался в «Доме Соловцова»³⁴.

Известно, однако, что «Дом Соловцова» принадлежал одному из богатых купцов Чебоксар Ф.Н. Котельникову (ок. 1699–1755). Своими боковыми стенами он выходил на улицы Успенскую и Вознесенскую (ныне ул. Союзная). В 1760 г. дочь и наследница купца Татьяна Фёдоровна (ок. 1747–1789) вышла замуж за отставного капитана, дворянина-промышленника И.И. Соловцова (неизв. – не позднее 1782)³⁵, который владел лесными угодьями, лесопильной и мукомольной мельницами, металлургическим «заводом», бумажной фабрикой, торговал хлебом, лесом и пиломатериалами³⁶. Имя нового владельца закрепилось в названии дома. В 1803 г. сыновья И.И. Соловцова Игнатий, Петр и Матвей продали родовой дом чебоксарским купцам А.С. Арбатову (ок. 1754–1807) и Ф.Г. Кологривову (ок. 1759 – после 1819), а в 1817 г. его купила казна для указанной выше цели.

В середине XIX в. с именами Петра I и Екатерины II связывали два разных здания (вспомним реплику А.И. Артемьева). Подтверждает это и рассказ путеводителя по Волге Я. Кучина о достопримечательностях Чебоксар: «В нескольких сажнях от училищного дома («Дома Соловцова». – Ю.Г.) находится дом мещанина Михайлова; в нём останавливался Пётр Великий в 1722 г.»³⁷. Можно думать, что противоречие в статьях А.И. Кроковского мнимое и речь идёт о двух соседних зданиях, некогда составлявших усадьбу купца гостиной сотни Игумнова, а позднее перешедших к его наследникам, к которым мог относиться и Ф.Н. Котельников. Действительно, в начале XIX в. напротив «Дома Соловцова» (через Вознесенскую улицу), находилось обветшавшее каменное здание с тремя комнатами (одна – со сводчатым потолком), подвалом, чуланом и сенями, составлявшее единство с первым³⁸. В данных переписи городской недвижимости за 1838 г. напротив уездного училища указан одноэтажный каменный дом с деревянным

флигелем уже другого владельца – мещанской жены Е.И. Поповой стоимостью 1800 руб.³⁹ Сведений о мещанине Михайлове обнаружить не удалось. Неизвестно также, имел ли его дом отношение к усадьбе Е.И. Поповой. Наверняка, он был каменный (деревянный не простоял бы 150 лет) и располагался в непосредственной близости от «Дома Соловцова». Не берёмся гадать, в одном из указанных или другом, неизвестном нам доме побывал Пётр I, однако место, где он находился, ныне на дне Чебоксарского водохранилища.

В XIX в. памятником посещения Петром I г. Чебоксар считали две ленты «трёхчетвертной длины» (то есть длиной в $\frac{3}{4}$ аршина – 53 см) с изображением российского герба и надписью по-французски: «Vivat Petruse Alexiewitz tszar (Да здравствует царь Петр Алексеевич)», которые хранились в Покровской церкви Чебоксар⁴⁰. Это означает, что в Чебоксарах к визиту императора готовились. Вероятно, как и в других городах, его встречали под звон колоколов, пальбу из пушек и восторженные крики собравшегося народа.

Со временем память о значимом для нас событии была утрачена. Настало время ликвидировать пробел в исторической хронике города: «1-го (по новому стилю – 12-го) июня 1722 г. Чебоксары посетил император Пётр I, который в сопровождении жены Екатерины I и свиты, во главе войска направлялся по Волге в Астрахань. Побывал в доме купца гостиной сотни Игумнова». Памятную доску с такой записью следует установить в исторической части города.

Источники и литература

¹ Сидорова Е.С. Сюжеты чувашских бытовых сказок // Чувашский язык, литература и фольклор. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 185.

² Дмитриев В.Д. Чувашские исторические предания. Чебоксары, 1993. С. 275, 277, 281.

³ Николаев Н.М. Леса Чувашии: прошлое, настоящее и будущее. Чебоксары, 1988. С. 11; Гурьев Д.Г. Леса и лесное хозяйство Чувашской АССР. Чебоксары, 1970. С. 122.

⁴ Загоскин Н.П. Император Павел Первый в Казани. Казань, 1893. С. 53.

⁵ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского государственного университета. Рук. № 213. Л. 432 об.

⁶ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. 2-е изд. Т. 9. М., 1838. С. 24–25; Чистяков С.А. История Петра Великого. М.–СПб., 1903. С. 440; Смирнов Д.Н. Нижегородская старина. Н. Новгород, 1995. С. 211.

⁷ Смирнов Д.Н. Указ. соч. С. 213; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 101, 104; Голиков И.И. Деяния Петра Великого... Т. 9. С. 47.

⁸ Смирнов Д.Н. Указ. соч. С. 213–214; Голиков И.И. Указ. соч. Т. 9. С. 122.

⁹ Голиков И.И. Указ. соч. Т. 9. С. 25; Дирин П.Н. История лейб-гвардии Семёновского полка. СПб., 1883. Т. 1. С. 146; Чичерин А.К. История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1883. Т. 1. С. 457.

¹⁰ Каспийский поход (1722–1723): <file://localhost/F:/Петр%20Первый.mht>

¹¹ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. С. 106.

¹² Смирнов Д.Н. Указ. соч. С. 215, 216; Царственные особы в Нижнем Новгороде: <http://www.biblioteka.r52.ru/information>.

¹³ Боевая летопись русского флота: Хроника важнейших событий истории русского флота с IX в. по 1917 г. М., 1948. С. 304.

- ¹⁴ Голиков И.И. Указ. соч. Т. 9. С. 127.
- ¹⁵ Карцов П.П. История лейб-гвардии Семёновского полка. СПб., 1852. Ч. 1. С. 151.
- ¹⁶ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. С. 106, 107.
- ¹⁷ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 550. Л. 88, 233, 297; Димитриев В.Д. Дореволюционное прошлое Чебоксар. Чебоксары, 1969. С. 9; Николаев П.Н. Пётр Великий у Чебоксар // Советская Чувашия, 1991. 14 сентября; Сверчков Н.К. Счастье (Воспоминания художника). Чебоксары, 1976. С. 84.
- ¹⁸ Кроковский А.И. Древности Чебоксарского Введенского собора // Казанские губернские ведомости (КГВ). Часть неофициальная, 1848. 14 октября.
- ¹⁹ Он же. Посещение города Чебоксар императрицею Екатериною Великою // КГВ. Часть неофициальная, 1857. 29 июля.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. С. 107.
- ²² Походный журнал 1722 года. 2-е изд. СПб., 1913. С. 37.
- ²³ Там же. С. 96.
- ²⁴ Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века. Чебоксары, 1959. С. 259.
- ²⁵ Походный журнал 1722 года. С. 37.
- ²⁶ Кроковский А.И. Письмо из Чебоксар // КГВ. Часть неофициальная, 1857. 20 октября.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Гусаров Ю.В. Игумновы // Чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2008. Т. 2. С. 109.
- ²⁹ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 473. Оп. 1. Д. 3. Л. 179–180. А.Ф.Игумнов скончался в Чебоксарах 3 апреля 1729 г. См.: ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 3. Д. 3. Л. без нумерации.
- ³⁰ ГИА ЧР. Ф. 324. Оп. 1. Д. 24. Л. 68 об.
- ³¹ Максимов А.А. Архитектурные памятники XVII–XVIII вв. в Чебоксарах // Памятники Отечества. М., 1975. Кн. 2. С. 254–255.
- ³² НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 6848.
- ³³ Кроковский А.И. Посещение города Чебоксар... // КГВ. Часть неофициальная, 1857. 29 июля.
- ³⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 550. Л. 88, 233, 297.
- ³⁵ ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 3. Д. 31. Л. 1 об. (Метрическая книга Никольского собора г. Чебоксары на 1760 г.).
- ³⁶ Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века. С. 237, 241; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 51. Л. 35; Ф. 337. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.
- ³⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 551. Л. 510 (Выписка из книги: Кучин Я. Путеводитель по Волге между Нижним [Новгородом] и Астраханью. Саратов, 1865. С. 99).
- ³⁸ ГИА ЧР. Ф. 102. Оп. 1. Д. 139. Л. 6.
- ³⁹ Там же. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1090. Л. 23.
- ⁴⁰ Кучин Я. Указ. соч. С. 99. Дореволюционные Чебоксары располагали ещё одной реликвией, связанной с царём-реформатором, – серебряным с позолотой ковшом с четырьмя клеймами и надписями на них, пожалованном царями Иваном и Петром Алексеевичами чебоксарскому посадскому человеку, винному целовальнику (продавцу казённого вина) Никите Плотникову за увеличение питейного сбора. В 1820-е годы ковш хранился в Христорожественской, а в 1890-е годы – в Благовещенской церквах Чебоксар, а в 1930-е годы – в Центральном чувашском музее. См.: ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 2. Д. 80. Л. без нум.; Приволжские города и селения в Казанской губернии. Казань, 1892. С. 49; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 25. Л. 200.

Y.V. Gusarov. About Peter the Great visited the city of Cheboksary.

During the Persian campaign 1722–1723, Peter the First visited the city of Cheboksary 1st of June (12th in the new style) 1722, when he, accompanied by his wife and the retinue, moved down the Volga to Astrakhan at the head of army. He has visited the house of a merchant of gostinaja sotnja Igumnov. This fact has not received documentary elucidation in the historical literature.

Вильям Эндрю Каррик – выдающийся российский фотограф второй половины XIX в. В его коллекции светописей представлен солидный материал и о народах Симбирской губернии.

Ключевые слова: В.Э. Каррик, светопись, Санкт-Петербург, Кунсткамера, Симбирская губерния, этнография.

Вильям Эндрю Каррик (William Carrick, 1827, Эдинбург, Шотландия, 1878, Санкт-Петербург) – выдающийся российский фотограф второй половины XIX в. Сумма его светописей позволяет говорить о нем как о фотографe этнографического направления. Его объектив запечатлел все слои населения, особенно низовые. Вильяма Каррика интересовали люди на улицах Петербурга. Его тянуло на Волгу, Суру. Он был истинным художником России. Цель настоящего сообщения – обратить внимание исследователей средневожского региона на творческое наследие светописца.

Проживала семья Каррик на 5-й линии Васильевского острова. Девятилетнего Вильяма отдали учиться в английскую школу на этом же острове, а в 16 лет его определили в Академию художеств. В 1865 г. Вильям Каррик открыл первое в России фотоателье в Санкт-Петербурге в доме № 19 на Малой морской улице. За серию снимков «Русские типы», исполненные в формате «карт-визит», Вильям Каррик в 1862 г. был награжден сыном императора Александра III цесаревичем Николаем бриллиантовым перстнем¹. Его мастерская на Малой морской просуществовала до 1876 г. Затем он перевез свою фотостудию в дом № 23 по 6-й линии Васильевского острова. В этом же

Антон Кириллович Салмин – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела восточных славян и народов Европейской России Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург).

Александр Иванович Терюков – кандидат исторических наук, заведующий отделом восточных славян и народов Европейской России Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург).

доме в 1900–1910-х годах арендовал помещение для своей мастерской скульптор И.К. Репин². В.Э. Каррик дружил с Д.И. Менделеевым, Н.А. Некрасовым, В.М. Гаршиным и другими известными людьми своего времени.

В 1885 г., через 7 лет после кончины мастера, его коллекция фотографий была приобретена Музеем этнографии и антропологии (Кунсткамера) Российской Академии наук (МАЭ РАН). Скорее всего, принес фотографии в музей его сын Валерий. В этой описи 197 наименований. Однако №№ фотографий не сплошные, поэтому самым большим номером в этом списке значится № 734. А это значит, что на 1885 г. на руках у Валерия Каррика имелось не менее 734 фотографий отца. Но в фондах МАЭ РАН, согласно описи № 160, составленной в мае 1902 г. Е. Петри, 267 №№. Из них №№ 1–264 кабинетного формата, а №№ 265–267 – меньшего размера³. Последние, видимо, попали в коллекцию Каррика случайно и не принадлежат ему. Они могли оказаться в коллекции потом – между 1885 и 1902 гг. Однако авторство этих трех фотографий пока остается открытым.

Таким образом, на сегодняшний день в МАЭ РАН хранятся 264 фотографии, авторство которых смело можно отнести Вильяму Каррику. Это – его самое крупное собрание в мире. Притом только в МАЭ РАН имеется рукописная опись подлинников. Очень желательно, в конечном счете, составить наиболее полный список фотоколлекции Вильяма Каррика. Для этого вернее всего в основу положить номера, нанесенные от руки на распечатанные фотографии. Правда, не на всех фотографиях имеются такие пометки. Тем не менее такой подход простой и верный. Он может помочь выяснить даты, места съемок, народности, а также объединить разрозненные коллекции, сохранившиеся в разных регионах.

Предлагаем реестр фото по Симбирской губернии согласно имеющимся порядковым номерам, нанесенным от руки на распечатках фотографий, приклеенных на паспорта. №№ в 1-м ряду означают цифры, нанесенные от руки на фотографиях, №№ в скобках – порядковые номера фотографий по описи МАЭ РАН. Притом следует учесть, что в Поволжье он был трижды – в 1871, 1875 и 1878 гг. Постепенно можно будет, по мере новых находок, идентифицировать фотографии и заполнять отсутствующие №№. В порядке начинания в этот раз в Единый реестр включили несколько фотографий с номерами из Российской национальной библиотеки (РНБ).

Вильям Каррик был простым и доступным человеком. Его симбирский друг Н.М. Соковнин позже вспоминал: «В 1871 году, уступая приглашениям, он приехал к нам в Симбирскую губернию, со своим товарищем Мак-Грегором, таким же, как он сам, простодушным, бессребренным человеком... Здесь-то составила та замечательная коллекция великорусских типов и видов, типов инородцев (татары, мордва, чуваша)... Широкая любвеобильная Русь пришлась Каррику по его широкому любвеобильному сердцу, его тянуло опять на Волгу, и в 1875 году он опять был у нас (на этот раз уже один)... Этнографические работы Каррика не были у нас в России оценены по достоинству»⁴.

Реестр фотографиям Вильяма Каррика

- № 36 (216) – Симбирская губерния: Типы мордвы.
№ 98 (146) – Симбирская губерния: Типы русских.
№ 99 (145) – Симбирская губерния: Типы русских.
№ 100 (151) – Симбирская губерния: Тип отставного солдата.
№ 101 (149) – Симбирская губерния: Тип отставного солдата.
№ 102 (150) – Симбирская губерния: Тип отставного солдата.
№ 103 (148) – Симбирская губерния: Собиратель на построение храма.
№ 104 (147) – Симбирская губерния: Типы русских.
№ 343 (210) – Симбирская губерния: Женские типы мордвы.
№ 344 (218) – Симбирская губерния: Типы мордвы.
№ 345 (208) – Симбирская губерния: Женские типы мордвы.
№ 347 (219) – Симбирская губерния: Типы мордвы.
№ 348 (207) – Симбирская губерния: Женские типы мордвы.
№ 350 (144) – Симбирская губерния: Странствующие мужики.
№ 351 (221) – Симбирская губерния: Типы мордвы.
№ 354 (165) – Симбирская губерния: Сцены из жизни крестьян.
№ 355 (217) – Симбирская губерния: Типы мордвы.
№ 357 (164) – Симбирская губерния: Сцены из жизни русских крестьян.
№ 358 (162) – Симбирская губерния: Сцены из жизни крестьян.
№ 359 (143) – Симбирская губерния: Странствующие мужики.
№ 363 (211) – Симбирская губерния: Типы мордвы.
№ 363 (223) – Симбирская губерния: Три молодых мордвина у стога сена.
№ 367 (163) – Симбирская губерния: Сцены из жизни крестьян.
№ 368 (209) – Симбирская губерния: Женские типы мордвы.
№ 370 (215) – Симбирская губерния: Типы мордвы.
№ 371 (159) – Симбирская губерния: Две русские крестьянки у окна.
№ 372 (167) – Симбирская губерния: Сцены из жизни крестьян.
№ 373 (222) – Симбирская губерния: Типы мордвы.
№ 374 (200) – Симбирская губерния: Мужские типы мордвы.
№ 375 (220) – Симбирская губерния: Типы мордвы.
№ 376 (160) – Симбирская губерния: Великорусский крестьянин.
№ 377 (261) – Симбирская губерния: Сцены на реке Суре.
№ 378 (212) – Симбирская губерния: Типы мордвы.
№ 379 (225) – Симбирская губерния: Типы мордвы.
№ 380 (226) – Симбирская губерния: Мордва на Каменской ярмарке.
№ 381 (187) – Симбирская губерния: На Каменской ярмарке.
№ 382 (180) – Симбирская губерния: На Каменской ярмарке.
№ 383 (179) – Симбирская губерния: На Каменской ярмарке.
№ 384 (181) – Симбирская губерния: На Каменской ярмарке.
№ 385 (186) – Симбирская губерния: На Каменской ярмарке.
№ 386 (178) – Симбирская губерния: На Каменской ярмарке.
№ 387 (177) – Симбирская губерния: На Каменской ярмарке.
№ 388 (224) – Симбирская губерния: Типы мордвы.
№ 389 (236) – Симбирская губерния: Типы чувашей.
№ 391 (189) – Симбирская губерния: На Каменской ярмарке.

- № 393 (188) – Симбирская губерния: На Каменской ярмарке.
 № 393 (139) – Симбирская губерния: Крестьянин с телегой.
 № 396 (214) – Симбирская губерния: Типы мордвы.
 № 398 (199) – Симбирская губерния: Мужские типы мордвы.
 № 399 (206) – Симбирская губерния: Женские типы мордвы.
 № 400 (183) – Симбирская губерния: На Каменской ярмарке.
 № 402 (185) – Симбирская губерния: На Каменской ярмарке.
 № 403 (184) – Симбирская губерния: На Каменской ярмарке.
 № 405 (182) – Симбирская губерния: На Каменской ярмарке.
 № 408 (232) – Симбирская губерния: Мордвины за полевыми работами.
 № 410 (233) – Симбирская губерния: Мордвины за полевыми работами.
 № 411 (РНБ) – Симбирская губерния: Жница.
 № 412 (234) – Симбирская губерния: Группа мордвы, возвращающихся с поля.
- № 415 (246) – Симбирская губерния: Татары-нищие.
 № 416 (258) – Симбирская губерния: Татарские мечети.
 № 417 (242) – Симбирская губерния: Группа татар.
 № 419 (252) – Симбирская губерния: Девочка-татарка с нагрудными украшениями из монет.
- № 420 (244) – Симбирская губерния: Группа татар.
 № 421 (247) – Симбирская губерния: Татары-нищие.
 № 422 (243) – Симбирская губерния: Группа татар.
 № 423 (249) – Симбирская губерния: Татарин с палкой (ср. № 426).
 № 424 (251) – Симбирская губерния: Два татарина.
 № 425 (257) – Симбирская губерния: Татарские мечети.
 № 426 (250) – Симбирская губерния: Татарин с палкой (ср. № 423).
 № 427 (253) – Симбирская губерния: Вид татарских деревень.
 № 428 (241) – Симбирская губерния: Группа татар, состоящая преимущественно из детей-подростков.
- № 429 (255) – Симбирская губерния: Татарские избы.
 № 430 (256) – Симбирская губерния: Татарские избы.
 № 431 (240) – Симбирская губерния: Группа татар за постройкой сруба.
 № 432 (254) – Симбирская губерния: Вид татарских деревень.
 № 435 (191) – Симбирская губерния: Крестьянские избы.
 № 449 (194) – Симбирская губерния: Вид деревни Бакшандыно.
 № 451 (137) – Симбирская губерния: Зажиточный крестьянин.
 № 452 (152) – Симбирская губерния: Типы зажиточных крестьянок.
 № 453 (153) – Симбирская губерния: Типы зажиточных крестьянок.
 № 454 (154) – Симбирская губерния: Типы зажиточных крестьянок.
 № 455 (157) – Симбирская губерния: Девушка и баба села Порецкого.
 № 456 (239) – Симбирская губерния: Черемиска.
 № 457 (161) – Симбирская губерния: Русский мужчина умывается.
 № 459 (156) – Симбирская губерния: Девушка села Порецкого Алатырского уезда.
- № 460 (197) – Симбирская губерния: Лесные шалаши.
 № 462 (196) – Симбирская губерния: Будка полесовщика.

- № 471 (198) – Симбирская губерния: Лесные шалаши.
 № 478 (170) – Симбирская губерния: Сцены из жизни крестьян.
 № 479 (171) – Симбирская губерния: Сцены из жизни крестьян.
 № 481 (172) – Симбирская губерния: Крестьяне на полевых работах.
 № 490 (192) – Симбирская губерния: Крестьянские избы.
 № 491 (193) – Симбирская губерния: Крестьянские избы.
 № 492 (190) – Симбирская губерния: Крестьянские избы.
 № 501 (263) – Симбирская губерния: Паром на р. Суре.
 № 502 (264) – Симбирская губерния: Лодка на р. Суре.
 № 508 (166) – Симбирская губерния: Два русских мужика и одна женщина.
 № 533 (176) – Симбирская губерния: Крестьяне на полевых работах.
 № 535 (168) – Симбирская губерния: Косарь.
 № 541 (262) – Симбирская губерния: Сцены на реке Суре.
 № 547 (158) – Симбирская губерния: Русская крестьянка за стиркой.
 № 548 (174) – Симбирская губерния: Крестьяне на полевых работах.
 № 549 (175) – Симбирская губерния: Крестьяне на полевых работах.
 № 557 (259) – Симбирская губерния: Рыбаки на реке Суре.
 № 560 (248) – Симбирская губерния: Татары у стога сена.
 № 574 (260) – Симбирская губерния: Паром на реке Суре.
 № 676 (205) – Симбирская губерния: Женские типы мордвы.
 № 677 (203) – Симбирская губерния: Женские типы мордвы.
 № 678 (204) – Симбирская губерния: Женские типы мордвы.
 № 680 (227) – Симбирская губерния: Типы мордвы.
 № 687 (237) – Симбирская губерния: Типы чувашей.
 № 688 (238) – Симбирская губерния: Типы чувашей.
 № 689 (142) – Симбирская губерния: Странствующие мужики.
 № 691 (141) – Симбирская губерния: Русский странник.
 № 695 (201) – Симбирская губерния: Мужские типы мордвы.
 № 697 (202) – Симбирская губерния: Мужские типы мордвы.
 № 698 (155) – Симбирская губерния: Крестьянка с мальчиком.
 № 700 (235) – Симбирская губерния: Типы чувашей.
 № 701 (140) – Симбирская губерния: Извозчик.
 № 702 (138) – Симбирская губерния: Крестьянин.
 № 707 (195) – Симбирская губерния: Вид деревни Знаменка.
 № 731 (173) – Симбирская губерния: Крестьяне на полевых работах.
 № 734 (169) – Симбирская губерния: Три русских крестьянина и одна женщина заняты мерой ржи.

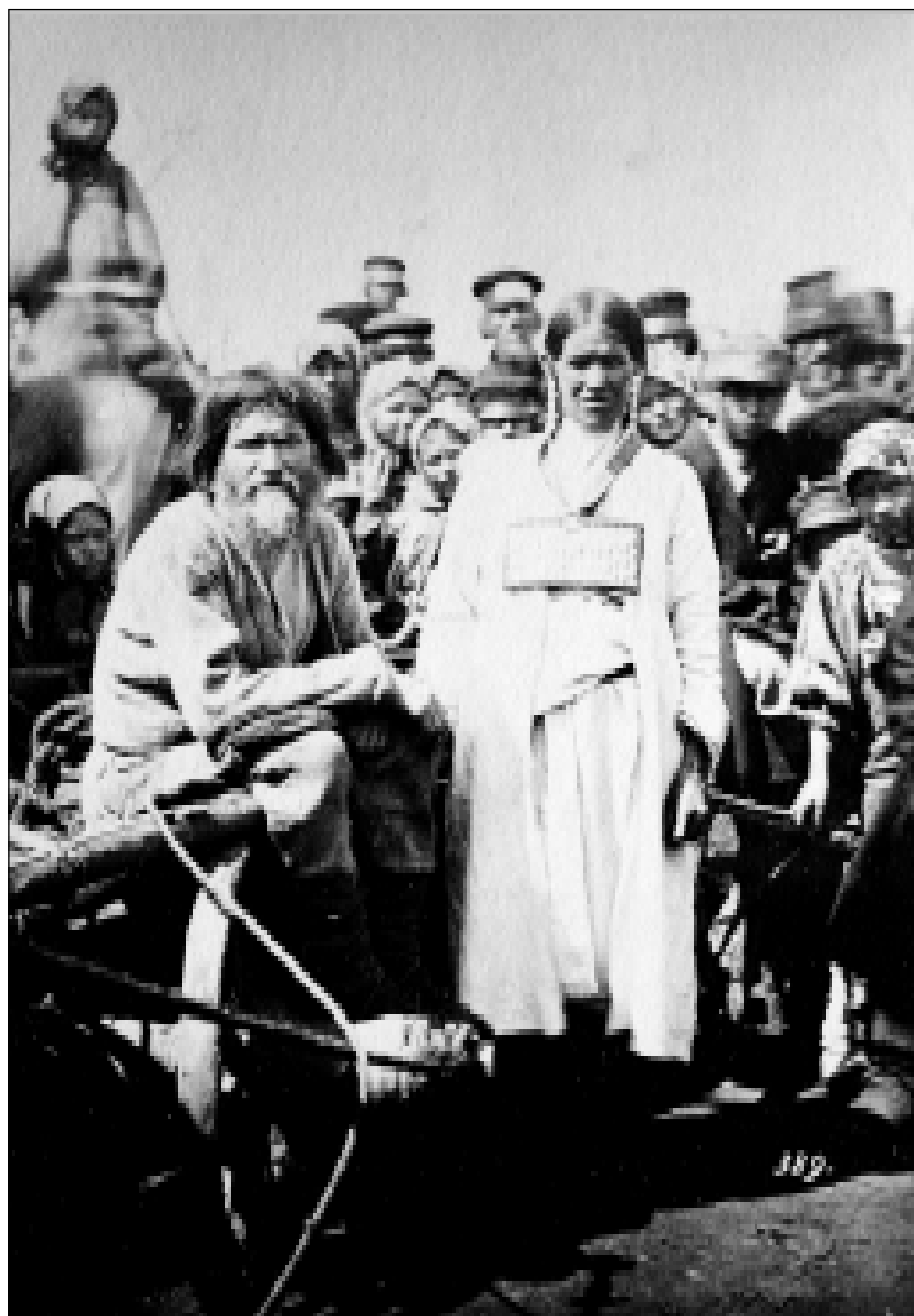
Источники и литература

1. Бархатова Е. Русская светопись: Первый век фотоискусства. 1839–1914 гг. СПб.: Альянс; Лики России, 2009. С. 366.
2. Эйби Ф. Из «Симбирского цикла» В. Каррика // Советское фото, 1978. № 4. С. 28; *он же*. Новое о Вильяме Каррике // Советское фото, 1985. № 4: С. 36; Улицы Васильевского острова // <http://voinf.ru/street-vo/street-vo.3378.html>.
3. МАЭ РАН, отдел Европы. Фотоколлекция № 160 – Фотографии Вильяма Каррика. 1885 г. Всего 267 №№.
4. Срезневский В. Воспоминание о Василе Андреевиче Каррике // Записки Императорского русского технического общества. Вып. 3. СПб.: Тип. экспедиции заготовления гос-х бумаг, 1879: С. 118.

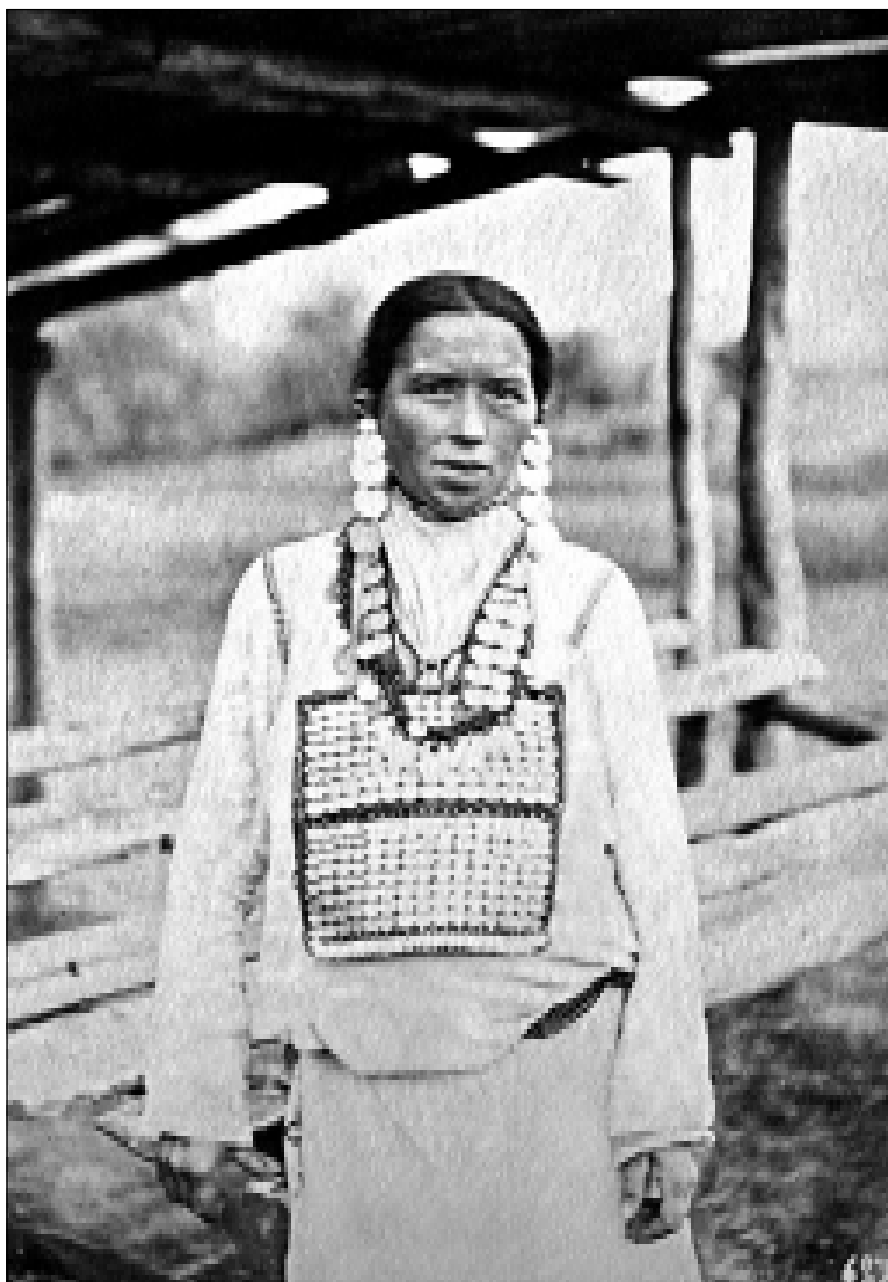
Некоторые фотографии из коллекции В. Каррика

Отдел Европы Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Коллекция 160. 1885 г. Фотографии Вильяма Каррика. Ед. хр. 235: Чувашки Симбирской губернии. Две девочки босые, на шеях – украшения из монет.

Отдел Европы Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Коллекция 160. 1885 г. Фотографии Вильяма Каррика. Ед. хр. 236: Чуваши Симбирской губернии. На Каменской ярмарке.

Отдел Европы Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Коллекция 160. 1885 г. Фотографии Вильяма Каррика. Ед. хр. 237: Чувашки Симбирской губернии. Сваха.

A.K. Salmin, A.I. Teryukov. Simbirsk province in the lens of William Carrick.

William Andrew Carrick – the outstanding Russian photographer of the second half of the XIX century. In his collection of photography the considerable material about the peoples of Simbirsk province is presented.

ЧГВ, 2010 г., № 5

© В.П. Иванов, М.Х. Сафин

МАЛАЯ РОДИНА ПОЭТА К.В. ИВАНОВА
В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ
ПО ЕГО РОДОСЛОВИЮ

Представлены вновь выявленные архивные источники и литературные сведения о генеалогических корнях выдающегося чувашского поэта К.В. Иванова – уроженца села Слакбаш Белебеевского уезда Уфимской губернии. Документально подтвержден факт, что предком поэта был переселенец из д. Байгильдино Цивильского уезда Казанской губернии. Рассмотрены новые материалы о возникновении с. Слакбаш, города Белебея и некоторых других окрестных чувашских селений.

Ключевые слова: миграция, генеалогия, предок, легенда, ревизские сказки.

В собрании сочинений Константина Иванова, увидевшем свет в 1990 г., был опубликован небольшой рассказ «Потомки Прты» (Пӑртта ачипчи), написанный шестнадцатилетним поэтом на основе семейных преданий и воспоминаний старших¹. В этой же книге дается схема родословия К.В. Иванова начиная с прадеда Волка (*Каишӑр*) и прабабушки (*Пӑртта*), составленная самим поэтом (см. Приложение I).

В том же 1990 г. известный чувашский краевед из Уфы, доктор технических наук, профессор А.А. Кондратьев, заинтересовавшись генеалогией поэта, решил проверить, насколько приведенные им данные соответствуют действительности. Ему удалось обнаружить в Государственном архиве Башкирской АССР некоторые материалы, относящиеся к предкам К.В. Иванова. Как пишет А.А. Кондратьев, выявленные им архивные сведения в основном подтверждают факты, приводимые в записках юного поэта, хотя при этом в них выявились и отдельные неточности². По рассказу Константина Иванова, пращура его рода называли Волком (*Каишӑр*), и якобы от него ос-

Виталий Петрович Иванов – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнологии и антропологии Чувашского государственного института гуманитарных наук, директор Фонда историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова.

Мударис Харисович Сафин – историк-краевед (г. Стерлитамак, Республика Башкортостан).

тались двое сыновей: один – Волков Иван, другой Волков Кузьма... Женой у Ивана Волкова была Пртта. Здесь, однако, следует отметить, что согласно архивным документам, выявленным А.А. Кондратьевым, основателем рода поэта был Антон Данилов (родился он, как пишет А.А. Кондратьев, в 1728 г. и умер в 1785 г.). Его как раз и называли Волком. Жену его звали Марией Тимофеевной (рождения 1733 г.). По данным А.А. Кондратьева, у них было не два, а три сына: Василий (1763–1799), Михаил (1772–1798), Иван (1774–1813). Кроме того, были еще две дочери: Дарья (1764–1783), Анна (1768–?).

Надо сказать, что А.А. Кондратьеву удалось составить в целом достаточно исчерпывающую генеалогическую схему рода поэта. Что интересно отметить: подтвердилось высказывание другого выдающегося чувашского поэта Якова Ухсяя о том, что происходит он из одного рода с Константином Ивановым (хотя, в свое время, эти слова Я. Ухсяя многие его коллеги всерьез не воспринимали (см. *Приложение 3*).

Таким образом, во всех сколько-нибудь научно обоснованных версиях истоков рода поэта Иванова его пращуром считается, как уже отметили, Антон Данилов, прозванный Волком. Однако до сих пор не было известно, откуда он был родом. Происхождение Антона Данилова осталось загадкой и для А.А. Кондратьева. Константин Иванов в своем рассказе о родословии пишет: «Знающих достаточно хорошо, откуда прибыл сам Волк, нет. Старики говорят, что они выходцы из Белебея, что рассеялись оттуда, когда наехали туда русские. На том месте, где сейчас расположено наше село, прежде были сплошные леса, и водилось много волков. И наш пращур, как поселился в лесу, занялся ловлей волков. Говорят, поэтому его и прозвали Волком»³.

Для начала было бы и уместно, и полезно остановиться на некоторых исторических фактах и событиях, связанных с историей родного края нашего поэта. Действительно, наряду с общим, что характерно в целом для истории появления большинства чувашских селений в данном регионе Башкирии, возникновение Слакбаша отличается интересным своеобразием, обусловленным фактом прямой связи истории села с основанием города Белебея. Судя по материалам, собранным в свое время слакбашским учителем-краеведом Г.С. Макаровым (1890–1933), основателями села Слакбаш были чувашские крестьяне, переселившиеся в составе 12 семей в 1618 г. из с. Тупах Чебоксарского уезда Казанской губернии (ныне Тансарино Урмарского района Чувашии)⁴. Однако первоначально мигранты поселились на местности, составляющей ныне старую часть г. Белебея.

По данным, имеющимся в Белебеевском городском музее, выясняется, что, действительно, первоначально на месте будущего города было селение, основанное беглыми чувашами в конце XVII в. В последующий период, в середине XVIII в., уже в ходе насильственного крещения чувашей, сюда в деревню «Белебеева» переселяются чувашаи из Казанского, Свияжского, Цивильского уездов Казанской губернии. В зарегистрированной в Уфимской провинциальной канцелярии 19 марта 1715 г. под № 172 «Записи ясачных татар Казанской даруги...» говорится о невхождении в их вот-

чинные владения земель «по реке Усень до вершины речки Белебейки, где чувашаи уже жили и называли свое поселение так же, как называли до них и башкиры»⁵.

Согласно опубликованным сведениям⁶, Белебей⁷ начал строиться как город примерно с 1745 г.: «Из исторических документов видно, что основателями и коренными жителями города являлись чувашаи, переселившиеся из Казанской губернии, где их царское правительство стесняло и принуждало креститься. Старики-чувашаи рассказывают, что в старину Белебеевский кантон представлял из себя широкое раздолье – степи, где лишь башкиры кочевали со своими табунами скота. По словам этих стариков, земля, где поселились чувашаи, принадлежала карамалинским башкирам, а чувашаи платили им налог – ясак. По приезде сюда чувашаи стали заниматься тем же, чем они занимались в Казанской губернии, то есть земледелием, скотоводством и пчеловодством. Через тридцать пять лет деревня Белебей становится маленьким уездным городом Оренбургской губернии⁸. С этого времени город начинает расти: сюда переселяются русские и другие национальности... Чувашаи были очень недовольны тем, что их деревню обратили в город. Они боялись, что русские попы и чиновники опять принудят их креститься, и, чтобы избавиться от попов, чувашаи сожгли вновь выстроенную деревянную церковь. Лет через 50–60 после того, как Белебей был превращен в город, коренные жители его, чувашаи, не захотели дальше оставаться здесь, переселились за версту от города и назвали свою деревню «Малой Белебейкой», где живут и до настоящего времени...». Кстати, данный исторический факт подтверждается также и современными башкирскими публикациями⁹.

По другим сведениям, одна группа белебеевских чувашей тогда же, в середине XVIII в., закупила у башкир земли в районе нынешнего Слакбаша и обосновалась здесь¹⁰. Надо, однако, заметить, что первое свое поселение основали они близ речки Сильби, в семи километрах севернее от нынешнего Слакбаша (следы этого старинного селища сохранились до наших дней). И только со временем сильбийцы переселились в верховья реки Слак, отчего селение и получило название *Слакнус* (по-башк. *Слакбаш*, то есть буквально «исток реки Слак»).

По всей видимости, действительно, выселившись из деревни «Белебеевка», первоначально одна из групп чувашей поселилась в местности легендарной деревни Сильби, хотя числились они в Слакбаше (явление это было распространенное в эпоху массовых крестьянских переселений). Более того, ни в одном архивном документе не обнаружено сведений о населенном пункте с названием Сильби/Силпи.

Судя по ряду других данных, первопоселенцами села Слакбаш были не только белебеевско-сильбийские чувашаи, но также и какая-то новая группа переселенцев, принеся с собой, в частности, название своего прежнего поселения Кавал. Дело в том, что верхняя и самая старинная часть Слакбаша, где река Слак берет свое начало, называется «Кавал». В первые годы

организации колхозов в 1928 г. в этой части села был образован колхоз под названием «Кавал». Некоторые семьи здесь издавна носили фамилию Ковалевы (Ковалевы). Как отмечает краевед из Чувашии П.Е. Пряников, ссылаясь на ревизские сказки 1719 г., в 1703 г. из села Ковали (Кавал), что находится ныне на территории Урмарского района Чувашии, сбежали жители 21 домохозяйства: «В Чувашском крае было только одно село Кавал, от которого отпочковались и другие селения и выселки. Вполне вероятно, что сбежавшие в 1703 г. из села Кавал чувашские крестьяне основали одну из улиц Слакбаша...»¹¹ (В доме-музее К.В. Иванова в Слакбаше хранятся документы о покупке земли слакбашевцами у башкирских старшин Кирилландской, Илькильминской, Каилинской и Якубиллинской волостей в 1730 и 1770 гг.)¹².

А теперь вернемся к вопросу о том, откуда был родом пращур поэта – Волк (*Кашкӑр*) – Антон Данилов. По выявленным нами сведениям, хранящимся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), выясняется, что Антон Данилов родился на территории Чувашии. На основе материалов ревизских сказок и ландрат-книги Цивильского уезда 1719, 1748 и 1762 гг.¹³ устанавливается, что Антон Данилов родился в семье ясячных крестьян в деревне Багильдино (современное название «Байгильдино», по чув. *Пайкилт*), что «на Хирпосях (Хирбосях)» Второ-Тугаевской волости Цивильского уезда. Ныне деревня Багильдино/Байгильдино находится в составе Канашского района. Согласно указанным материалам, родился Антон Данилов в 1731 г., а не в 1728-м, как это утверждает А.А. Кондратьев¹⁴.

Согласно выявленным сведениям, пращуром Антона Данилова был Емей. В 1649 г. у него родился сын Ирмет (Ирляк) Емеев. Его сын – Ижевара (Андрюха Ирметов) – родился в 1704 г. У Ижевара родились два сына: в 1731 г. Васюк Андрюхин, по крещении – Антон Данилов, и в 1734 г. Симук Андрюхин, по крещении – Семен Данилов (см. *Приложение 3*).

Общеизвестно, что сразу же с началом массовой насильственной христианизации в конце 1740-х годов чувашские крестьяне активно начали переселяться за пределы своего края. В данном случае следует иметь в виду, что особенно массовой была волна переселений в промежутке именно 1752–1756 гг.

Так вот, согласно данным II ревизии (1744–1745 гг.), братья Васюк и Симук Андрюхины были еще некрещеными. А материалы III ревизии (1763 г.) свидетельствуют уже о том, что к этому времени они были крещены и выбыли в Уфимский уезд Оренбургской губернии. И, действительно, данные этой III ревизии (то есть 1763 г.) по Башкирии подтверждают, что два брата Андрюхины к этому времени уже зафиксированы в деревне «Белебеевка». Причем указано, что Васюк Андрюхин новокрещен, и имя его – Антон Данилов, что он выходец из Второ-Тугаевской волости Цивильского уезда.

Следовательно, далеким предком поэта Константина Иванова со стороны отца был выходец из деревни Байгильдино нынешнего Канашского района

Антон Андреевич Данилов. Поскольку именно он в роду поэта первым появился «откуда-то из других дальних краев», то неудивительно, что потомкам было неизвестно его происхождение, и имя его обросло легендами.

Таким образом, как выясняется, основателями Слакбаша были переселенцы не из одного, а по меньшей мере трех селений – Кавал (Ковали) и соседнего Тупах (Тансарино) нынешнего Урмарского района, а также Байгильдино нынешнего Канашского района. По-видимому, в верховьях реки Слак первыми появились и осели выходцы из селения Кавал (Ковали) и, возможно также, из деревни Тупах (Тансарино), что, естественно, нашло отражение в первоначальном названии их селища (как уже отметили, верхняя часть центральной улицы Слакбаша называется «Кавал»). Несколько позднее чуваша-первопоселенцы будущего уездного городка Белебея, выдвинутые отсюда царской администрацией, основывают неподалеку от него селение «Белебеевка» (Малая Белебейка). Часть белебеевцев переселяется в верховья реки Слак (в их составе как раз и были багильдинцы/байгильдинцы, в том числе и Антон Данилов), а также в местность, известную нам как Сильби. Со временем сильбийцы подселяются к ковалийцам. Так, в общем плане, и образовалось собственно село Слакбаш.

Надо здесь отметить еще одну интересную деталь. Как выясняется, в истории возникновения с. Слакбаш много общего с историей образования другого крупного чувашского селения в данном регионе – с. Кош-Елга (*Хушӑлка*), расположенного всего в 15 км от Слакбаша. Об этом селе, как и о Слакбаше и легендарном Сильби, знает, пожалуй, почти каждый чуваш. Одна из глав поэмы «Нарспи» так и называется – «Хушӑлкара» (В Хужалге): *Аслӑ ял та Хушӑлка – Икӗ тӑвӑн хушинче...* (Кош-Елга – село большое, лежит меж двух гор...). Согласно поэме, именно здесь жил богатый деревенский деспот *Тӑхтаман*, взявший в жены юную красавицу *Нарспи* из Сильби¹⁵.

Согласно местным преданиям, основатели Кош-Елги переселились сюда «из-под Чебоксар, из деревень Тугаево (Тукай) и Ковали (Кавал)»¹⁶, то есть тоже, как в случае со Слакбашом, не из одной, а как минимум из двух селений Чувашского края, предположительно из уже упомянутого села Ковали нынешнего Урмарского района и из еще до конца не уточненной деревни Тугаево/Тогаево¹⁷. Подтверждается это и тем, что в Кош-Елге по сей день, центральная улица села (*Аслӑ урам*) называется не иначе, как «Тукайушкӑн» (то есть Тугаевский род, Тугаевское общество)¹⁸. Есть в селе также род Ковальцовых – прямых потомков переселенцев из Ковалей¹⁹.

По нашему предположению, происхождение старинного тугаевского рода в Кош-Елге связано не с названием отатарившейся деревни Тугаево (см. примечание), а с одноименным названием ряда деревень и двух смежных волостей Цивильского уезда. Так, в составе Тугаевской волости находились две деревни под названием «Тугаево» (одна из них имела еще другое название – Чиршикасы, а в составе соседней Второ-Тугаевской волости состояли еще две деревни с аналогичным названием «Тогаева» и «Напольная Тугаева»²⁰. Напомним, что именно во Второ-Тугаевскую волость вхо-

дила и деревня Багильдино (указывается, что жители «живут в Хирбоси», в 1719 г. 10 дворов, 42 муж., в 1747 г. – 45 муж. душ). По-видимому, с территории данных смежных волостей переселилась в Башкирию достаточно значительная группа чувашей, которые и на новом месте – в данном случае в Кош-Елге – поселились кучно, кланово, одной улицей. Отсюда и «Тукай урамё» (Тугаевская улица), и «Тукай ушкән» (Тугаевский род).

Вывод один – необходимы дополнительные исследования.

Таким образом, корни рода К.В. Иванова просматриваются до восьмого колена (по крайней мере, по мужской линии). Теперь имеется достаточно оснований утверждать, что легендарный для поэта его предок *Каишкәр* (Волк) есть не кто иной, как Васюк Андрухин – по крещению Антон Андреевич Данилов (1731–1785), и является он уроженцем деревни Байгильдино нынешнего Канашского района Чувашской Республики. Поиск корней родословия поэта позволил нам некоторым образом уточнить и дополнить устоявшиеся уже представления о возникновении известных крупных чувашских селений в одном из регионов Башкирии – Белебеевском крае. Вновь выявленные материалы, относящиеся к XVIII столетию, позволяют утверждать, что в царскую эпоху переселение чувашских крестьян происходило далеко не беспорядочно, что выбор местностей для основания своих поселений производился не случайным образом, а продуманно. Вероятно, что немалая часть переселенцев как до выезда, так и по прибытии на новые земли все-таки располагала каким-то минимумом сведений о месте размещения ранее эмигрировавших сородичей, земляков и соплеменников. Скорее всего, решения принимались на основе данных предварительных разведочных поездок. Такая хотя бы минимальная информированность о предстоящем местожительстве и о его населении с учетом весьма прочных у чувашей патриархально-родовых отношений, особенно сильно выраженных у язычников, способствовала формированию в целом ряде местностей Волго-Уральского региона своеобразных локально-территориальных групп селений, основанных выходцами из определенных культурно-географических ареалов.

Литература, источники и примечания

¹ *Иванов К.В.* Сочинения. Чебоксары, 1990. С. 201–202.

² Родники Слакбаша: литературно-краеведческий сборник / Сост. *А.А. Кондратьев*. Уфа, 1996. С. 9.

³ *Иванов К.В.* Указ. соч. С. 201.

⁴ См.: *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары, 2005. С. 135.

⁵ Там же.

⁶ Башкирский край. Уфа, 1930.

⁷ «В народе бытует следующая легенда о происхождении названия Белебей. Первые поселенцы Белебей – чуваша – прозвали хозяина земель вокруг будущего города (возможно, старшину башкирской волости, на территории которой возникло новое поселение) *бэлэбей*, то есть злой бай, господин, приносящий беду» (См.: Белебей: от века XVIII к веку XXI. Уфа, 2006. С. 31).

⁸ «В самом начале 1782 года и было возведено в ранг уездного города небольшое чувашское поселение Белебей» (Там же. С. 29).

⁹ Напр.: Белебей: от века XVIII к веку XXI.

¹⁰ См.: Белебеевская районная газета «Вперед» от 19 сентября 1989 г.

¹¹ Рукопись *П.Е.Пряникова*. Хранится в архивном фонде Дома-музея К. Иванова в Слакбаше.

¹² См.: *Иванов В.П.* Указ. соч. С. 136.

¹³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 4013. Л. 228, 229 об.; Д. 4019. Л. 772, 774 об.; Д. 4023. Л. 405, 408 об.

¹⁴ Родники Слакбаша. С. 9.

¹⁵ Надо сказать, что кош-елгинцев и слакбашевцев издревле связывали тесные родственные связи, основанные на взаимном, так сказать, «обмене невестами». К примеру, младшая сестра матери поэта К.В. Иванова была замужем за кош-елгинцем Фролом Гильдеевым. Поэтому поэт еще с детских лет часто гостил с родителями в Кош-Елге, знал жизнь местных чувашей.

Из воспоминаний старожилов известно, что дед автора «Нарспи» – Николай Семенович Иванов – учился в Кош-Елге, стал писарем и, разбогатев, сумел послать свою дочь Евгению (тетю поэта) учиться к И.Я. Яковлеву в Симбирскую чувашскую школу (см.: *Иванов В.П., Архипов И.А.* Из истории старинного чувашского села Кош-Елга // Чуваша Приуралья. Чебоксары, 1989. С. 126). Кстати, Е.Н. Иванова (1881–1903) стала одной из первых чувашских учительниц (см.: *Иванов К.* Килчӗ ыраӗ суркунне. Шупашкар, 1980. 8 с.).

¹⁶ *Максимов В.В.* Некоторые особенности говора села Кош-Елга Белебеевского района Башкирской АССР // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары, 1969. Вып. III. С. 173; Полевые материалы В.С. Григорьева. Комплексные экспедиции ЧНИИ 1987 г. // Научный архив ЧНИИ. Отд. III. Ед. хр. 873. Инв. № 6781. Л. 43.

¹⁷ Имелась в виду бывшая чувашская д. Тугаево, что находится в 6–7 км от Ковалей, но уже на территории современного Татарстана. Данная деревня входила в 1721 г. в Чекурговскую волость Свияжского уезда, потом в Новоковалинскую волость; в 1921 передана в состав Татарской АССР.

¹⁸ *Тугай* в татарском языке означает 1) «извив», «излучина» (реки); 2) «луг», «пойма», «поляна».

¹⁹ Представляет интерес слово «*Кавал*». Вероятно, это языческое имя, как утверждает Н.И. Ашмарин в своем словаре (т. VI). К примеру, в одном из преданий, выявленных В.Д. Дмитриевым, говорится: «В Закамье жил чуваш Кавал. У него были сыновья Семка, Кучелин, Калуга, Эльке, Симула. Кавал с сыновьями построил небольшое судно и на нем поднялись вверх по Волге, затем – вверх по Свияге, завернули на реку Ара. Остановились на речке *Кӗлеҫе*. Они выкорчевали участок леса и построили дом. Он стоял на том месте, которое ныне называется *Кивсұрт*. Так возникло селение Ковали (*Кавал*) Урмарского района» (*Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Чебоксары, 1993. С. 60).

²⁰ *Димитриев В.Д.* Чувашские материнские селения Свияжского, Кокшайского, Чебоксарского, Козьмодемьянского, Цивильского, Ядринского, Курмышского и Симбирского уездов первой половины XVIII века. Справочник. Чебоксары, 2006. С. 37, 38.

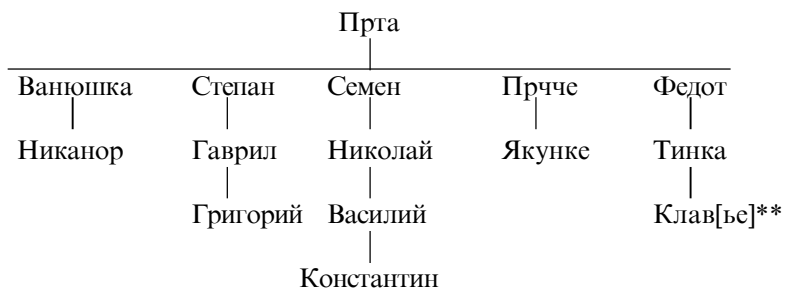
V.P. Ivanov, M.H. Safin. The small native land of poet K.V. Ivanov in view of new facts on his genealogy.

The new archival sources and literary findings on genealogic roots of the outstanding Chuvash poet K.V. Ivanov – the native of the big village Slakbash of Belebeev district of Ufa province are presented. The well-documented fact that the ancestor of the poet was an immigrant from the village Baygildino of Tsvilsk district of Kazan province. The new materials about origin of the big village Slakbash, the town of Belebey and some other neighboring Chuvash settlements are considered.

**Схема родословия К.В. Иванова,
начиная с прадеда Волка (Кашкър)**

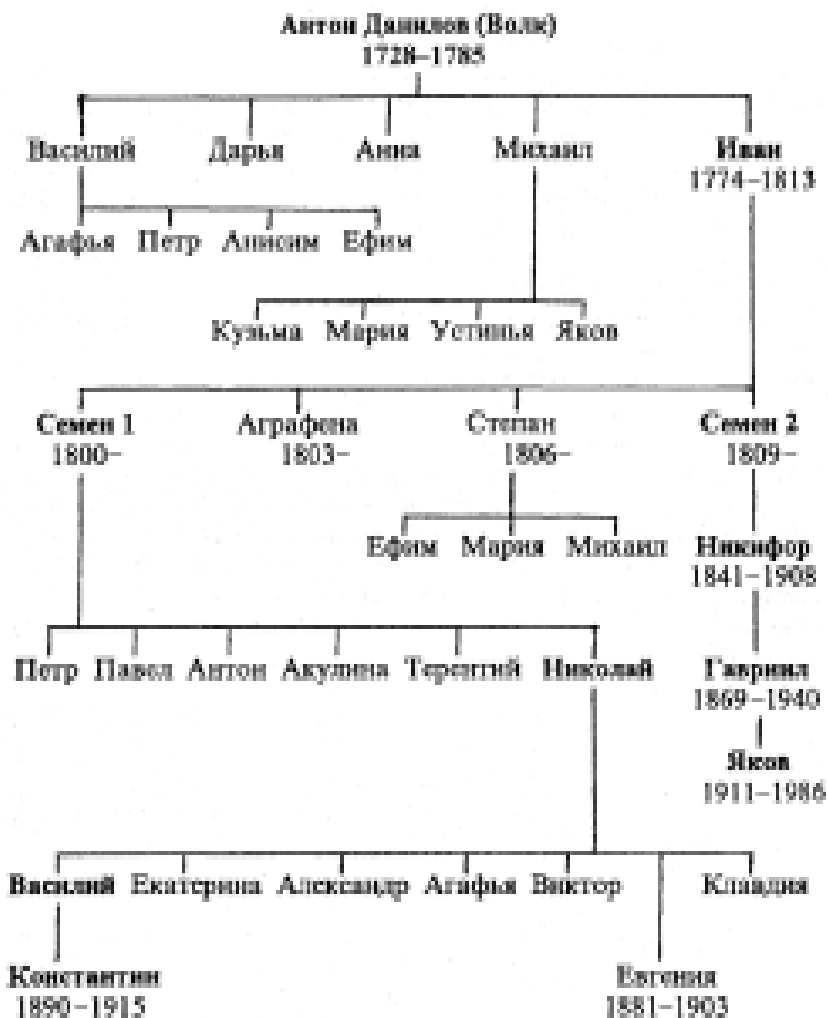
**Схема родословия К.В. Иванова,
начиная с прабабушки Прты (Пъртта)**

* Из «Записной тетради» К.В. Иванова за 1906 г. (См.: Родники Слакбаша: литературно-краеведческий сборник. Сост. А.А. Кондратьев. Уфа, 1996. С. 7).

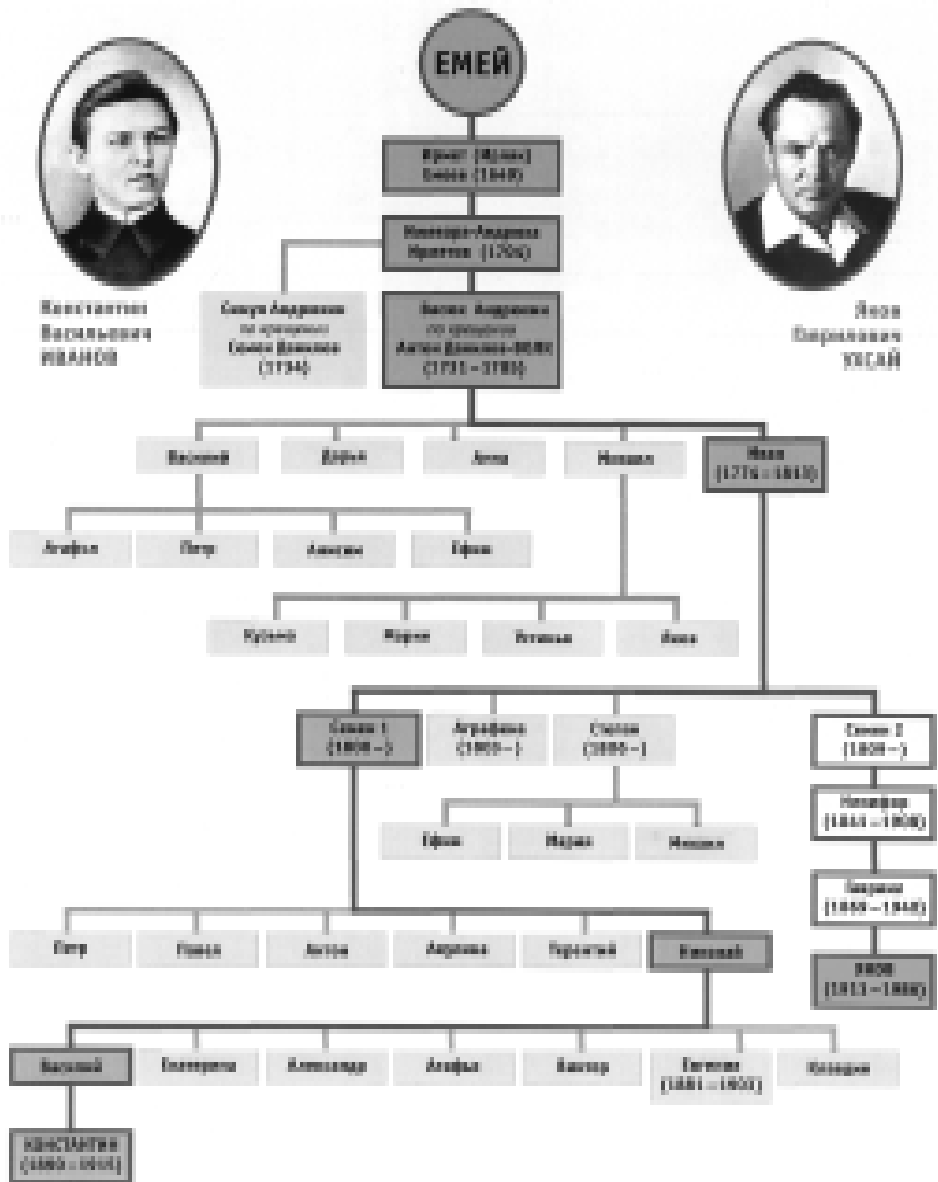
** Видимо, Клавдий Тимофеевич Федотов (род. в 1880 г.).

Схема родословия К.В. Иванова и Я.Г. Ухся
по мужской линии
(Составлена А.А. Кондратьевым по данным
ревизских сказок и метрических книг)*

* См.: Родники Слакбаша: литературно-краеведческий сборник. Сост.: А.А. Кондратьев. Уфа, 1996. С. 166.

Генеалогия К.В. Иванова и Я.Г. Ухсяя по мужской линии*

* Составлена В.П. Ивановым и М.Х. Сафиним на основе схемы А.А. Кондратьева, по данным ревизских сказок и ландраг-книги Цивильского уезда Казанской губернии.

ИЗ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК*

Есть личности, жизнь и творчество которых составляют целую эпоху в истории общества, крупных и малых обществ, учреждений. Из «гнезда» Чувашского государственного института гуманитарных наук, 18 августа 2010 г. отметившем свое восьмидесятилетие, дорогу в мир большой науки проторили десятки исследователей. В их числе есть ученые, чьи имена в научной аудитории произносятся с трепетом и огромным уважением. В авангард данной когорты ученые-гуманитарии сегодня по праву причисляют доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Чувашской АССР и РСФСР Василия Димитриевича Димитриева. Его труды, составляющие гордость и славу Института, шире – наследие народа, являют собой весомую часть сокровищницы чувашеведения. Вклад Василия Димитриевича в «оживление» Прошлого столь масштабен, что нет никакого сомнения в том, что он – вклад – будет предметом пристального изучения еще не одного поколения исследователей. Феномен его творческой лаборатории еще предстоит раскрыть. Отрадно отметить и то обстоятельство, что он и сегодня, будучи в весьма солидном возрасте, продолжает служить науке.

В Василии Димитриевиче Димитриеве талант кропотливого исследователя гармонично сочетается с талантом крупного организатора науки. В том, что сегодня Чувашский государственный институт гуманитарных наук является центром гуманитарных наук Чувашской Республики, есть большая доля труда Василия Димитриевича как руководителя учреждения: в 1968–1988 гг. он являлся директором Института. В истории учреждения период «димитриевского правления» стал самым результативным как по объему выпущенной научной продукции, так и масштабам развития его материально-технической базы. Членам редакционной коллегии научного журнала «Чувашский гуманитарный вестник» Учитель не раз рассказывал о нелегких буднях Института, о шагах, предпринятых им, как директором, для подъема уровня чувашеведения. В частности, о том, как руководство НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР постоянно обращалось к отделениям АН СССР с просьбой об участии в исследовании проблем гуманитарных наук Чувашии. С сожалением В.Д. Димитриев констатировал, что в изучении проблем истории чувашского народа, в особенности в разрешении спорных вопросов

* Материал к печати подготовлен Г.А. Николаевым.

этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья, центральные научные учреждения АН СССР существенного участия так и не приняли.

Ниже публикуется выступление директора НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР В.Д. Димитриева на одном из научных форумов «высокого ранга» по проблемным вопросам развития чувашеведения.

Выступление директора Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, члена Советского комитета тюркологов В.Д. Димитриева на VIII пленуме Советского комитета тюркологов 10 марта 1982 г. (г. Москва, Институт языкознания АН СССР).

Уважаемые коллеги! Я, как представитель Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, с огромным удовлетворением и восхищением выслушал доклады о замечательных, грандиозных успехах азербайджанского и казахского языкознания во всех областях национальной лингвистики. Чувашское языкознание, к сожалению, не может похвалиться подобными достижениями. Разумеется, нельзя отрицать того, что сделано выдающимся чувашеведом членом-корреспондентом АН СССР Николаем Ивановичем Ашмариным, который выполнил работу, посильную только значительному научному коллективу. Немалый вклад внесли в чувашское языкознание член-корреспондент АН СССР Б.А. Серебренников, профессора Николай Александрович Баскаков, Игорь Георгиевич Добродомов, Лия Сергеевна Левитская, чувашские профессора Василий Георгиевич Егоров, Михаил Романович Федотов, Иван Андреевич Андреев, Леонид Павлович Сергеев, Матвей Михайлович Михайлов, Николай Петрович Петров и др. Однако многие направления и проблемы чувашского языкознания остаются неисследованными. Мы не смеем даже помечтать о подготовке словарной картотеки с помощью электронновычислительных машин или о фонологической лаборатории. Все дело заключается в том, что в республиках, где нет академических научных учреждений, очень малочисленны языковеды, литературоведы, историки и этнографы. В нашем институте работает всего 7 языковедов, из них только двое кандидаты наук. На кафедре чувашского языкознания Чувашского университета работают 1 профессор и 3 доцента. Чувашские языковеды ныне заняты подготовкой трехтомного труда «Современный чувашский язык» на русском языке и многотомника «Этимологический словарь чувашского языка». В широком плане изучается и чувашская фразеология. По сравнению с тюркоязычными союзными республиками количество языковедов, да и специалистов по другим гуманитарным наукам, у нас меньше до 20 раз. Мы сегодня узнали, что в Азербайджане плодотворно трудятся 60 докторов и 600 кандидатов филологических наук.

Чувашская АССР уступает Азербайджанской ССР по численности населения в 3,8 раза, по числу докторов филологических наук – в 10 раз, по числу кандидатов филологических наук – в 20 раз. Чувашей, как вы знаете, в Советском Союзе около двух миллионов человек, почти столько же, сколько туркмен, киргизов. Чувашский язык, как один из древних тюркских языков, представляет большой интерес для лингвистики. Мы с радостью узнали сообщение о том, что Тувинский, Алтайский и Хакасский научно-исследовательские институты будут приняты в систему Сибирского отделения АН СССР. Хотелось бы попросить Советский комитет тюркологов поддержать просьбу Чувашского, а также, я уверен, Кабардино-Балкарского, Карачаево-Черкесского, Калмыцкого, Северо-Осетинского, Марийского, Мордовского и Удмуртского научно-исследовательских институтов о приеме их в систему Академии наук СССР. От этого была бы только общая польза и для Академии наук, и для местных институтов.

Я намерен обратить внимание уважаемых членов Советского комитета тюркологов на одно критическое и неблагоприятное обстоятельство в нашей тюркологии. В последние десятилетия некоторые казанские языковеды, археологи, этнографы и историки занялись систематической, целенаправленной деятельностью по пересмотру вопросов истории татарского и чувашского языков, этногенеза и древней истории татарского и чувашского народов. Вопреки тому, что выдающимся русскими, советскими и зарубежными лингвистами, этнографами и историками доказано, что татарский язык – кыпчакский язык, что татарская народность сформировалась к началу XV в. в Золотой Орде, когда кыпчаки-тюрки восприняли этноним родственных им татар, уже ассимилировав к тому времени оставшихся в Орде несколько тысяч монгольских семей, некоторые казанские ученые стремятся доказать, что татары произошли от болгар, что болгарский язык это и есть татарский язык, что болгаро-хазарской группы тюркских языков вообще не было. Предков, как известно, не выбирают. Кыпчаки-тюрки были одним из культурных народов средневековья, имели города, высокоразвитое ремесло, широко занимались торговлей, были воинственны и мужественны. По сравнению с кыпчаками болгары никакого превосходства не имели. До золотоордынского времени у них не было даже каменного зодчества. Современные рядовые татары или чувашаи безразличны к тому, были ли их предки кыпчаками или болгарами. Но наука должна разрешить эти вопросы объективно, для науки прежде всего – истина. Некоторые казанские ученые, признавая татарский язык продолжением болгарского языка, не могут объяснить не только существование современного чувашского языка, болгарские эпитафии XIII–XIV вв. с чувашизмами, именованники князей дунайских болгар и др., такие массовые факты, каким образом в марийский язык проникли 1500 чувашских слов, в удмуртский – более 500, в коми – до 350, в венгерский – более 300 чувашских слов с ротацизмом и ламбдаизмом. Эти слова – древнеболгарская лексика, они вошли в перечисленные языки в период существования Волжской Болгарии VIII–XII веков (в венгерский – в VII–IX веках). Семантика заимствованных слов указывает на влияние государствен-

ного, общественно-политического строя, хозяйства, торговли, ремесел, быта и культуры волжских болгар на указанные народы. Казанские коллеги в последнее время объявили, что мишари также происходят от болгар, хотя по историческим письменным источникам известно, что они происходят от переведенных в область Мещеры сарайских кыпчаков-татар, смешавшихся с мещерой. Казанские коллеги стали объявлять, что Волжская Болгария не входила в состав Золотой Орды, что она была лишь данницей Золотой Орды, как и русские княжества. На самом деле Волжская Болгария была основным земледельческим улусом Золотой Орды, ее житницей, а город Болгар до 60-х годов XIV в. являлся второй столицей Золотой Орды, летней резиденцией ее ханов. В Болгаре в XIII–XIV вв. чеканились золотоордынские, джучидские монеты. В изданных недавно двух курсах «Истории Татарской АССР» вовсе нет золотоордынского периода, Камско-Волжское болгарское государство непосредственно перерастает в Казанское ханство. Подобным же образом фальсифицируются факты и события некоторыми казанскими археологами и этнографами. Те же из казанских ученых, которые пытаются становиться на действительно научный путь объяснения проблем этногенеза татар и чувашей, истории татарского и чувашского языков, подвергаются уничтожающей критике. Последними образцами такой критики являются опубликованные в 1981 г. две статьи профессора Мирфатыха Закиевича Закиева – «За марксистскую методологию в татарской лингвистике» и «Татарское языкознание 70-х годов в свете достижений советской лингвистики». Не находя научных аргументов против утверждений членов-корреспондентов АН СССР Николая Ивановича Ашмарина, Сергея Ефимьевича Малова, Бориса Александровича Серебренникова, профессоров Николая Александровича Баскакова, арабиста Андрея Петровича Ковалевского, Михаила Романовича Федотова, Игоря Георгиевича Добродомова и многих других советских ученых, а также видных зарубежных ученых Паасонена, Рясянена, Вихмана, Гомбоца, Рамстедта, Немета, Рона-Таша и других по вопросам болгаро-чувашских этнокультурных и языковых отношений, Мирфатых Закиевич встал на путь огульного обвинения их в том, что они не стояли и не стоят на позициях марксизма-ленинизма. В действительности же вся подоплека обвинения сводится к тому, что ни один из названных ученых не считает татарский язык прямым продолжением болгарского языка, не относит татарский язык к болгаро-хазарской группе. Н.И. Ашмарин обвиняется М.З. Закиевым и в том, что он несколько лет был русским цензором, поэтому, выполняя заказ русской буржуазии, стремился сталкивать татар с чувашами. Ашмарин действительно в годы Первой русской революции и позднее исполнял обязанности цензора чувашских и татарских изданий, но он подписывал в печать полтора года первую чувашскую революционно-демократическую газету «Хыпар» (Вести), а также ряд татарских революционно-демократических изданий. После революции Ашмарин был избран членом ЦИК Чувашской АССР, членом-корреспондентом АН СССР. Мирфатых Закиевич утверждает, что зарубежным лингвистам вообще нельзя верить, т.к. они не стоят на марксистско-ленинских позициях. Он призывает не считаться с од-

ними только лингвистическими фактами, а интерпретировать их в совокупности со всеми археологическими, этнографическими, историческими фактами. На самом деле кыпчакская основа татарского языка и народа как раз и доказывается всеми археологическими, этнографическими и историческими фактами, не только лингвистическими.

Научные работники Чувашии обращаются к Советскому комитету тюркологов с просьбой поинтересоваться отмеченными выше обстоятельствами и помочь выйти из создавшегося положения, провести в Москве научную сессию по проблемам этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья.

Примечание: После его выступления, согласно свидетельству В.Д. Дмитриева, председательствующий председатель Советского Комитета тюркологов академик АН СССР А.Н. Кононов сказал примерно следующее: «В Чувашской АССР докторов и кандидатов филологических наук не так много. Они присылают мне свои труды. Их исследования стоят на высоком уровне российской и мировой лингвистики. Что касается предложений В.Д. Дмитриева о приеме гуманитарных научно-исследовательских институтов при Советах Министров автономных республик, то этот вопрос желательно решить положительно. Научную сессию по проблемам этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья, по моему мнению, надо провести».

РЕЦЕНЗИИ

ЧГВ, 2010 г., № 5

© Г.А. Дегтярёв. Рец. на: **Чернов М.Ф. Русско-чувацкий фразеологический словарь** / Под. ред. Л.П. Сергеева. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 536 с.

Словарь хайласси – алхпӑл тумалли ӗс мар. «Вырӑсла-чӑвашла фразеологи словарьне» М.Ф. Чернов иртнӗ ӗмӗрӗн сакӑрвунӗмӗш ӗлӗкӗнче хатӗрлеме пуҫланӑччӗ. Ӗнӗ ӗмӗрте тинех вӑл вулакансем патне ҫитрӗ.

«Вырӑсла-чӑвашла фразеологи словарь» шкул ачинчен пуҫласа хаҫатҫӑпа сыравҫӑ таранах кирлӗ. Кулленхи информацие ытларах вырӑсла паллашнӑран тӑван чӗлхен пуянлӑхӗпе сӑнарлӑхне манса пыратнӑр. Ҫавӑнна пичетре те час-часах ҫакнашкал предложенисем тӗл пулаҫҫӗ: «*После меня хоть потоп*» *текен шухӑшла пураҫҫӗ*; «*Вёсен (еврейсен) земля обетованная пур*»; «*Вырӑссем калашле, хоть шаром покати*»... Хаҫатҫӑсем чӑвашла куҫарнӑ хӑш-пӗр фразеологизмсене ӑнланса та илеймӗн: *шурӑ чана пек* «как белая ворона (?)», *Турӑ хул хушшинче* «как у Христа за пазухой (?)», *шӑршӑ номер* «дохлый номер (?)». Ҫакӑн пек пӑтрашусен («дохлый» ~ «тухлый») авторӗсем словарь уҫса пӑхма та ӗркенесҫӗ пулас. Вӗсем мӗн сырнине М.Ф. Черновӑн «Вырӑсла-чӑвашла фразеологи словарь» танлаштарса пӑхар-ха:

«кӑнтӑр кунӗнче аҫа ҫапнӑ пекех» – *уяр аҫа пек, тӑр уяр кун аҫа ҫапнӑ пекех, уяр ҫанталӑкри аслати пекех*;

«стена ҫине пӑрҫапа пенӗ пекех» – *стенана каланӑ пекех, хӑнк та тумасть, хӑлхана та чикмест*;

«рак пӑхӑрсан тин» – *автан ҫӑмарта тусан, хура курак шуралсан, хӗвел кӑмака хыҫӗнчен тухсан*;

«пысӑк чӗреллӗ ҫын» – *ырӑ кӑмӑллӑ ҫын, ырӑ чуллӑ ҫын*;

«пус ҫеҫ илсе килет» («влетит в копеечку») – *питӗ хакла ларать* т. ыт. те.

1975 ҫ. словарьпе («Краткий русско-чувацкий фразеологический словарь») танлаштарсан, ҫӗннинче автор чӑвашла сӑмах ҫаврӑнӑшӗсене ӑнӑҫлӑрах тунма пултарнӑ пек туйӑнать. Сӑмахран, «бездонная бочка» тенине ылманштарма *шампа хырӑм, лаххан хырӑм, тӗпсӗр пыр* фразеологизмсем сӗннӗ (шел, ку сӑмах ҫаврӑнӑшӗн тепӗр пӗлтерӗшне – *укҫа мурӗ, тӗпсӗр авӑр* – палӑртман). Чылай фразеологизмӑн чӑвашла куҫарӑвӗсем синонимсемпе пуянланнӑ: «давать жару» – *пӗҫеркке пар*, «держат язык на привязи» – *чӗлхене пӑркӑчла*; «легко на подъем» – *ҫӑмӑл шӑм-шаклӑ*; «лить крокодиловы слезы» – *суя куҫсуль юхтар*; «ни в медный грош не ставит» – *ҫӗрти ҫуп вырӑнне те ан хур, чӗрне хури тӗпше те ан хур*.

Анчах та М.Ф. Чернов профессорӑн ҫӗнӗ словарьне туянсан та киввине пӑрахӑшла васкамалла мар иккен. 1975 ҫ. словарьте пулнӑ ӑнӑҫлӑ сӑмах ҫаврӑнӑшӗсемех вырӑн-вырӑн (тем сӑлтавпа ӗнтӗ) ҫӗннине кӗреймесӗр юлнӑ.

Геннадий Анатольевич Дегтярёв – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Тёслёхрен, «бесструнная балалайка» фразеологизма малтанхинче карма *савар, чёлхе ласси, халап чэйги, чараксёр чёлхе* тенёччө, сөнө словарьте (2003) савсенчен пёри кәна – ман шутпа, чи әнәссәрри – тәрса юлнә. «Бить баклуши» тенине хальхинче әнлантарса сөс кусарнә: *вәхәта усәсәр ирттер, кирлө-кирлө мар ёсле ашаланаса лар*. Малтанхи словарьти кәрөк арки йәвала, хайраса лар, кәл пәрсинне суйла т. ыт. сәмах саврәнәшне мөншөн пәрахәса кәларнә? Савән пекех *сил хәвала, йыт хәвала* теме те пулатчө. Е тата, төслөхрен, «резать глаза» валли хальхинче питө вәйсәр ылмашу тупнә: *куса курәнса тәр*. Малтанхи словарьте вара суйламаләх йышө пурччө: *куса сисе тәр, куса йәмәхтар, куса алчәраттар, куса чаләрт* (әпө *куса си, куса шартар* сөннө пуләттәм). Савән пекех «бить через край», «брать за горло», «валить с больной головы на здоровую», «высосать из пальца», «при царе Горохе», «гусей дразнить», «душа уходит в пятки», «ездить верхом», «закидывать удочку» тата ытти чылай фразеологизмән чәвашла варианчөсем М.Ф. Черновән сөнө словарәнче, малтанхипе танлантарсан, чухәнрах пулса тухнә.

Фразеологизмсен, паллах, түреммөн кусармалла мар, таван чөлхе ырләх-пурләхне туллин шута илмелле, халәх усә куракан сәмах саврәнәшөссене мала хумалша. Анчах фразеологи йышөнче тәнче культурина көнө паллә сәмах саврәнәшөссем, сунатлә сәмахсем пур. Вөссене хамәрлатнә чухне оригинал хай еврөлөхне сыхласа хәвармалла. «Буря в стакане воды» тенине «Вырәсла-чәвашла фразеологи словарьнче» *пули-пулми сәлтгавшән шәв-шав сөклени* тесе кусарнә. Унна пөр-пөр пьесәра е калавра мөнле усә курмалла-ха? 1975 с. словарьте чәвашла түркилү те пурччө: *стакан шыври сил-тәвәл* (әна *шыв стаканәнчи сил-тәвәл* е *стаканри сил-тәвәл* теме пулатчө). Ку – Монтеские философ каларәшө, вәл чәваш интеллигенчөшөн те ют мар. Е тата, төслөхрен, «Вавилонское столпотворение» тени Библине сыхәннә, кунта пайәр ят (Вавилон) та пелтерөшлө. Савәнпа әна чәвашла *пит пысәк пәтрав, йөркесөрлөх, төркешү, хөвөшү* тесе калани сителөксөр, пушлевре усә курмалли вариант – каләшпаннә сәмах саврәнәшө – пулмалла. Әна М.Ф. Черновән сөнө словарьнче мар, каллех 1975 сулхинчи кәларәмра пырама тивет: *Вавилонти хөвөшү*. Словарьте *Ави витисем, Адампа Ева костюмө, Архимед рычагө, Дамокл хөсө* т. ыт. сыхланса юлнә. Анчах «рычаг» тени чәвашла *күсөк* е *ричаг* пулмалла пек, тата Адампа Евән – чәваш кусөпе пәхсан – «костюм» мар, вөсен сарамасләхө – *Адампа Ева тумө*.

Ситменлөхсен тепөр ушкәнне та асәнмасәр иртме сук. Словарь сәпла сөнөт:

«глас вопиющего в пустыне» – *ответсәр юлнә сасә*;

«длинный рубль» – *сәмәллән тупнә пысәк укса*;

«снимать пенки» – *вәй хумасәр чи лайәххине, чи усаллине* (усәллине? –

Г.Д.) *сәптәрса ил*,

«снимать стружку» – *пәсәрлантар, пәскәрт, хәтәр, мәкәрлантар*.

Асәрхарәр-и: чәвашла вариантсем вырәс фразеологизмөсен техөмне пөтөмпөх сөвөртөсө. Словарь авторөн әнлантарса кусарнипе сөс сыхрахмалла пулман, оригинала тивөслө сәмах саврәнәшөссене сөнмелле пулнә. Каләпәр, И.Я. Яковлев вәхәтөнче Библине кусаракансем «глас вопиющего в пустыне» саврәнәша *пушхирте чөнекен сасә* тенө. Халө, тен, тата әнәсләрах эквивалент тупма май килетчө: төслөхрен, *пушхирти тәләх сасә*.

«Длинный рубль», «снимать пенки» сәмах саврәнәшөссен чәвашла түркилевөссем тахәнах пур ёнтө, вөссене аса илме йывәр мар: *хулән укса* тата *хәйминне пухса ил*. «Снимать (снять) стружку» фразеологизма та уйрәм сәмахпа сөс мар, сәмах саврәнәшөспөх кусарма пулат: *төк вөстөр*.

Фразеологи – халәхән тәнче курәмөпе, менталитечөпе сыхәннә япала. Төрлө халәхән шухәшпавөнче, паллах, пөр пекки те, әрасни те чылай. Сакна М.Ф. Черновән словарьне паллашнә чухне те асәрхатпәр. Сәмах көнөкин авторө чылай фразеологизма чәвашла сыхәсуллә кусарнә, сәнарне-төшшине сыхласа хәварма пултарнә: «как

сельдь в бочке» – *çапса хĕснĕ пек*, «как сонная муха» – *кĕрхи шăна пек*, «калиф на час» – *наччаслăх калиф*, «класть зубы на полку» – *шăл шаккаса лар*, «клевать носом» – *сĕнксе лар*, «коломенская верста» – *хăмла шалси...* Анчах вырăс фразеологизмĕсене ытлашши тўреммен куçарни те словарьте сахал мар: «брат на буксир» – *буксира ил* (*буксира турт* та темен), «вилами на воде писано» – *шыв çине сенĕкпе сырă*, «филькина грамота» – *филькин грамоти*, «шарашкина контора» – *шарашкин кантурĕ* т. ыт. те. «Буксира ил» вырăнне чăн чăвашла *пичеве кўл, пичеве яр* е *пĕрешкеллĕ кўл* теме пулатчĕ. «Шыв çине сенĕкпе сыр» тени килĕшўсĕр илтĕнет, çитменнине вырăсла сăмах çаврăнăшĕнче «вилы» сенĕке мар, шыв сыйĕнчи ункăсене пĕлтерет. Çавăнпа *шыв çине кĕсменне сыр* тени йўнесўллĕ пек туйăнать (унпа çывавсăсем усă кураççĕ). Вырăс чĕлхинчи *филька* тата *шарашка* сăмахсенчен пулнă формăсене словарь авторĕ хушаматсем пек аңланнă-ши – *филькин грамоти* тата *шарашкин кантурĕ* сăмах çаврăнăшĕсем сĕннĕ (словарь вĕсĕнчи кăтартмăшра вĕсене пысăкран пуçласа сырă). Тĕрĕссипе вара вĕсен вырăнне *шарашка кантурĕ* тата *филька сырăвĕ* (*филька* е *филя* вырăс чĕлхинче «глухой, недалёкий человек» тенине пĕлтерет, танл.: *простофиля*) е *сўтĕкле хут* пулмалла. Пайăр ятсенчен пулнă фразеологизмĕсене куçарнă чухне автор пĕр-пĕр принципа тĕпе хуни палăрмасть. Тĕслĕхрен, «содом и гоморра» сăмах çаврăнăшне аңлантарса кăна куçарнă: 1) *пит пысăк йĕркесĕрлĕх, пăтрашу, тĕркешў, шăв-шав*; 2) *аскăнлăх, ĕске ярăнни*. Сайра тĕл пулакан «гог и магог» вара чăвашла та çапшипех юлнă – *гог тата магог* (*гогна магог* та темен). Ман шутпа, *гог тата магог* тенинче чăваш вулаканĕшĕн нимĕнле информаци те сук, çавăнпа та ун вырăнне е унпа пĕрле чăвашла тўркилў сĕнмелле пулнă – тĕслĕхрен, *элес те мелес, элес-мелес*. *Содомпа гоморра* сиччен вара чылайăшĕ илтнĕ, апа чăвашла çаплах хăвармаллаччĕ. Паллах, синонимсем те ытлашши пулмĕччĕ, тĕслĕхрен: *айлă-сийлĕ пăтрану, урăм-сурăм пăтрав*.

Тепĕр тесен, çитменлĕх тупаси ансат: калтăксем пахалăх пек мар, тўрех куçа тăрăнаççĕ. Анчах вĕсем те сăмах кĕнекин пĕлтерĕшне икĕлттермеççĕ. Анатолий Франс калашле, словарь вăл – алфавит йĕркипе вырнаçнă сўт тĕнче, кĕнекесен кĕнеки. Унта халăхăн – мăн асаттесемпе хальхи арусен – шухăшĕ-ĕмĕчĕ, пурнăçĕ-пăрнăçĕ, ырлăхĕ-шырлăхĕ сăнланнă. Икĕ чĕлхеллĕ словарь вара харăсах икĕ халăхăн культура пуянлăхĕне паллаштарать, вĕсене шайлантарса кăтартать.

© Кузнецов А.В. Рец. на: Л.П. Сергеев. Диалектная система чувашского языка: Монография. Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет им. И.Я. Яковлева, 2007. 428 с.

Чăваш, тĕрĕк аслăлăхне Л.П. Сергеев профессор 350 ытла ĕспе (архивсенче управканнисем, личетленменнисем тепĕр çавăн чухлĕ пулĕ) пуянлатнă. Вĕсен шутĕнче монографисемпе вĕрентў пособийĕсем (теçеткешер), чăваш диалектологийĕне, ареаллă лингвистикăпа, лингвогеографи, сырулăх историйĕне, лексикологие, фразеологие, чăваш тата вырăс чĕлхисене вĕрентес ĕç методикипе сырă тĕрлĕ тĕпчевсем, статьясем, диалектологи атласĕсем, энциклопедисем, сăмахсарсем, учебниксем т. ыт. те пур. Леонид Павлович чĕлхе пĕлĕвĕ тытăмĕн пĕтĕм юхамĕнче те – фонетикăра, морфологие, синтаксисра, лексикологие, лексикографире тарăн йĕр хăварнă асчах. Анчах та пĕтĕм тĕнче шайне вăл чăваш чĕлхин диалекчĕсемпе вырăнти калаçăвĕсене тĕпчесе, тарăннăн та пур енлĕн сўтатса парса çĕкленнĕ.

Александр Валерианович Кузнецов – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Л.П. Сергеев «Диалектологический атлас чувашского языка» (НА ЧГИГН, рукопись), «Диалектологический словарь чувашского языка» (Чебоксары, 1968. 104 с.) ёсёсене пĕлмен, вĕсем синчен илтмен чĕлхе тĕпчевĕ республикăра анчах мар, Атăлпа Урал тăрăхĕнче те, пĕтĕм тĕрĕк тĕнчинче те сахал пулĕ.

Чăваш чĕлхе пĕлĕвĕнче лингвогеографине ареаллă лингвистикăна никĕслесе, аталантарса пырса, диалектологсен шкулне йĕркелесе хальхи вăхăтра тĕрлĕ тăрăхра пуранакан чăвашсен чĕлхи-пушлевне тĕпчекен пĕртен-пĕр лабораторие ертсе пыни асчахăмăр умĕнче пуç тайма хистет.

Çур ёмĕр ытла пухса пынă диалектологи материалне Л.П. Сергеев сулсерен темиçешер тĕшлĕ статья сырса кун çути кăтарса пынă. Çĕршер тĕпчевре каланă пухăшсене пĕтĕсгерсе, тĕрлĕ сăлтавсене пула калайман сăмахсене халăха пĕлгерес кăмăлпа асчахăмăр нумай пулмасть «Диалектная система чувашского языка» (Чебоксары, 2007. 428 с.) монографие кун çути кăтартрĕ. Çак пулăм чăваш чĕлхе пĕлĕвĕшĕн анчах мар, пĕтĕм тюркологисĕн, çавăн пекех финно-угроведенишĕн те пысăк пĕлтерĕшлĕ.

Л.П. Сергеев çак анлă ёсре Чăваш Республики территорийĕнчи чăваш чĕлхин виçĕ тĕп диалектне те туллин, пур енлĕн хак парать, республика тулашĕнче пуранакан милиона яхăн чăвашĕн чĕлхи-пушлевĕн Тутарстанпа Пушкăртстан республикисенче, Чĕмпĕр, Самар, Саратов, Пенза, Оренбург, Тюмень т. ыт. облаçсенче сарăлнă хай еврĕлĕхĕсене те шута илмесĕр иртсе каймасть.

«Чăваш чĕлхин диалект системи» монографин пĕрремĕш пайĕнче Л.П. Сергеев чăваш чĕлхин виçĕ диалектĕн **фонетикипе** (уçă тата хупă сасăсен системисемпе пĕтĕмĕшле, лабиализаципе, дифтонгсемпе, фонетика ушпăнăвĕсемпе, кайри ретри уçă сасăсемпе малти ретри уçă сасăсен тўркилĕвĕне, уçă сасăсен килĕшĕвĕне, редуципе, уçă сасăсем тата сыпăксем тухса ўкнин е кĕрсе ларнин сăлтавĕсемпе, хупă сасăсен хай еврĕлĕхĕне, вĕсен тўркилĕвĕне, метатеза пулăмĕне, хупă сасăсем тухса ўкнипе е кĕрсе ларнипе, çавăн пекех пусăм йĕркипе), **грамматикипе** (морфологин япала ячĕсемпе, паллă ячĕсемпе, хисеп ячĕсемпе, ят ылмашсемпе, ёс-хĕлсемпе, ёс-хĕл çумĕсемпе, пулăшу пĕлтерĕшлĕ сăмахсемпе сыхăннă ыйтăвĕсемпе), **лексикипе** (тутар, сармăс, вырăс чĕлхисенчен йышăннă сăмахсен йышĕне, тĕрлĕ тематика ушкăнĕсенчи – тумтир, апат-çимĕс, чир-чĕр, ыльăх-чĕрлĕх, ўсен-тăран т. ыт. те – сăмахсен тишкерĕвĕне) туллин паллаштарать.

Монографин иккĕмĕш пайне хисеплĕ асчахăмăр чăваш чĕлхи диалектсем çине пайланнин сăлтавĕсене, вĕсен тĕп уйрăмлăхĕсене çутатса парас ыйтăва халалланă. Кăсăкланакансем Чăваш Енĕн кĕске историйĕне, чăваш чĕлхине диалектсем тăрăх пайлас ёс мĕнле аталанса пынипе, хальхи вăхăтра мĕнле диалектсем, вырăнти калаçусем, вак калаçусем пуррипе, виçĕ тĕп диалектна вĕсен вырăнти калаçăвĕсен тишкерĕвĕне паллашма пултарасçĕ.

Л.П. Сергеев монографие каланă пухăшсене вулакансем лайăхрах туйса илчĕр тесе «Хушса пани» пая кĕртнĕ. Унта экспедицисем вăхăтĕнче тĕрлĕ тăрăхра сырса илнĕ текстсен расшифровкисене вырнаçтарнă, ёс-хĕлсен вĕслĕнĕвĕне сăпатланăвĕн тĕслĕхĕсене илсе панă, библиографине тĕрлĕ кĕскетĕсен списокне шанăçтарнă.

Çак пысăк пĕлтерĕшлĕ те паха ёсре, пирĕн шутпа, ситменлĕхсем те тĕл пулкаласçĕ. Чи малтанах «хутăш диалект» (смешанный диалект) тенипе килĕшес килмест. Ку тăрăхра икĕ диалект паллисем тĕл пуласçĕ, анчах та кунта сĕç сарăлнă чĕлхе-пушлев уйрăмлăхĕсем йышлă. Л.П. Сергеев та «хутăш диалектра» хайне анчах тивĕслĕ уйрăмлăхсем пуррине (С. 363) палăртать, анчах та çак пухăша темшĕн малалла аталантармасть. Тишкерекен диалекта Леонид Павлович скобкăра илсе панă «вăта диалект» терминпа палăртни вырăнлăрах пулĕччĕ тетпĕр. Редуциленнĕ уçă сасăсен килĕшĕвĕ синчен каланă чух тĕпчевсĕ вăта диалектра тури диалектăн вырăнти калаçăвĕсенче тĕл пулакан туталăх палли пулнине (ă°, ě°) палăргать, çакна хутăш диалект пулнине сирĕплетме уçă курать. Анчах та тури диалектра вырăн-вырăнпа анчах тĕл пулакан паллă республикăн хĕвел тухăç енче – Сĕнтĕрвăрри, Куславкка, Вăрмар, Тăвай районĕсенче тата

Сәрпүле Канаш районёсен хёвел тухаҫ енче талккәшпех сарәлнә. Ҷакә туталәх палли тури диалект витёмёне мар, вәта диалектра хәйёнче авалтанах пуллине сирёшлетме пултарать. Пирён шутпа, Л.П. Сергеев «куҫам зони» тесе паләртәкан тәрәхра -сем нумайлә хисеп аффиксё тёпре тәрать, хутран-ситрен -сен тёл пулө. Раҫсей әсләләх академийён Чёлхе пёлёвё институтёне Гуманитари әсләләхёсен институтчө 2004 ҫ. ирттернө экспедици вәхәтёнче эфир ҫакән нек пуләмна темиҫе хут та тёл пултәмәр: сирён нумайлә хисеп аффиксё мөнле күленеллө тесе ыйтсан Сөнтөрвәрри районёнчи ултә ял тата Тәвай районёнчи икө ял ҫыннисем пурте -сем теҫҫө, анчах каласнә вәхәтра *хәрсөм*, *лашасәм*, *ачасәм*, *усәм*, *хуммесәм* т. ыт. те тухать, ҫак икө районги тёлченө ялсенче нумайлә хисеп аффиксён тәватә фонетика варианчө тёл пулать: -сәм / -сөм; -сәм / -сөм.

Анатри диалект пирки каласнә чухне Тәвай чәвашёсен каласәвне пётёмпех ку диалект шутне кертни вырәнлах мар пулө. Районән ытларах пайёнче нумайлә хисеп аффиксё тәватә вариантлә пулать: -сәм / -сөм; -сәм / -сөм; пёрремөш сыпәкри *ә*° сасә хыҫҫән сарлака *а* сасә *а*° ~ *о* сасса куҫать, *тә*° *монолло* пәхать, *тә*° *ронторсо* пётерме сук; редуциленнө уҫә сасәсем туталәх енчен килёше тәни т. ыт. те.

Эфир илсе панә төслөхсем Л.П. Сергеев ҫителёксөр ёсленине, ёҫе ҫиелтен тунине кәтартакан палләсем мар. Шел пулин те, нумай чухне информаторсем хушнә ёҫе төшлөн тумасәр төрөс мар төслөхсем сырса парса төпчевёсене йәнәштарасө. Пирён чөлхемөрөн диалектёсене юлашки тәватә-пилөк теҫетке султа төпрен илсен Л.П. Сергеев анчах төпчет. Пёр ҫын пётём диалектри, пур каласури кашни лексәмәна, морфемәна, фонемәна төрөслеме, хаклама ниеше те пултараймасть.

«Чәваш чөлхин диалект системи» монографин пёлтерёшнө чөлхе пёлёвёшөн пысәк тесе калани ҫөҫ сумлә төпчевён хакне чакарать пулө, мөншөн тесен асәннә ёҫ тухни чәваш халәхөн пётём культуришөн, историйёшөн пёлтерёшлө пуләм пулса тәчө. Көнекене тишкерсе тухнә хыҫҫән вәл чәваш чөлхипе историн төрлө тапхәрөнче хутшәнава кёнө ытти нумай чөлхе (төрөк, монгол, финн-угр, славян) төпчевёсисемшөн те паха ҫәл куҫ пулса тәни уҫсәнах курәнәт.

Леонид Павловичән ҫакән нек пёлтерёшлө ёҫө кун сути курни ҫывәх вәхәтрах унән тәватә теҫетке сул каяллах пиҫсе ҫитнө, халиччен Раҫсейри ытти төрөк халәхёсен пулман «Чәваш чөлхин диалектологи атласө» пичетленсе тухас, пётём халәх патне ҫитес шанчәк ҫуратать.

ЧГВ, 2010 г., № 5

© С.В. Гончарова. Рец. на: И.В. Сухарева. **Чуваши Башкортостана в XVII – XIX веках: Экономическое развитие и социальная структура.** Уфа: Гилем, 2007. 272 с.

До недавнего времени в отечественной литературе история регионов обширной российской державы изучалась, мягко говоря, без должного учета культурного многообразия населявших их народов. Об ущербности такого подхода вряд ли стоит особо распространяться, ибо он позволяет рассмотреть историческую реальность, образно выражаясь, лишь в черно-белых тонах. Позитивные сдвиги в названном направлении исследований наметились только в новейшее время. Еще одно тому подтверждение – выход в свет монографии И.В. Сухаревой, посвященной истории чувашского населения Башкортостана с момента заселения до конца XIX в.

Территориальная рассредоточенность – характерная черта многих десятков народов Российской империи. Не составляют в данном плане исключения и чуваша. Уже не одно столе-

Светлана Валерьевна Гончарова – младший научный сотрудник отдела чувашской энциклопедии Чувашского государственного института гуманитарных наук.

тие одна из крупных диаспор этноса проживает в отрыве от основного его «костяка» – в Башкирии. В ходе совместного проживания с местными и пришлыми народами региона чувашимигранты обрели ряд черт, придавших их хозяйству, быту, языку и менталитету существенное своеобразие. Так или иначе, но они нашли свою нишу в социокультурном пространстве Приуралья. Раскрытие и анализ этого феномена – одна из насущных задач, стоящих перед отечественными исследователями.

Структурно монография состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка источников и литературы, Списка сокращений и Приложения. Во Введении дана постановка проблемы, охарактеризованы имеющаяся по теме литература и привлеченные для анализа источники, определены хронологические и территориальные рамки исследования, намечены цели и задачи предпринятого сочинения.

Первая глава «Переселение чувашей в Башкирию» посвящена анализу расселения чувашей на территории Башкортостана. В ней автор подробно исследует положение мигрантов на их исторической родине в XVII—XIX вв. В целом, касаясь причины миграции чувашей на башкирские земли, А.И. Сухарева солидарна с мнением большинства исследователей: в основном отток сельского населения из средневожского региона был вызван ухудшением их экономического положения. Конкретные проявления данного процесса она справедливо видит в росте малоземелья, вызванного в жизнь естественным ростом населения и концентрацией земель общинников в руках сельской верхушки. Опираясь на сочинения Н.В. Никольского, П.Г. Григорьева, В.Д. Димитриева, исследователь прослеживает усиление феодально-крепостнической эксплуатации крестьянства Чувашии на всем протяжении XVII—XIX вв. Помимо перечисленных факторов, причиной переселения ею обоснованно названо нежелание чувашей принять крещение. Вполне правомерно отмечено также, что само правительство было заинтересовано в заселении окраин. В целом же автору удалось дать достаточно подробную характеристику основным причинам, вызвавшим отток чувашского населения на окраины обширной державы, в частности, в Оренбургский край. Вместе с тем их перечень не полон. Так, в работе не отражены мотивы, побудившие покинуть край дедов и отцов представителей социальной верхушки. Слабо прослежена также судьба чувашских крестьян, приписанных в начале XVIII в. к служилым людям для строительства укрепительных линий в Оренбургском крае. Они в основной массе своей нашли вторую малую родину в Башкирии.

В названном разделе монографии дана также подробная характеристика этапов переселения чувашей в Башкирию. Опираясь на различные источники, автор выделил два этапа освоения чувашами земель Башкирского края: первый – XVII – первые десятилетия XVIII вв.; второй – 30–40-е годы XVIII—XIX вв. И.В. Сухаревой освещены пути и условия заселения башкирских чувашей, особенности их географического размещения в регионе, взаимоотношения с местными и пришлыми народами, описаны ход и темпы расселения, обозначены наиболее характерные черты каждого из этапов переселенческого движения. Отрадно отметить, что, раскрывая данный проблемный блок вопросов, исследователь уделил внимание и сюжету о возникновении чувашских сельских поселений на башкирских землях, что вполне логично и к месту. Автором вполне правомерно отмечено, что «значительная часть чувашей являются переселенцами сравнительно раннего времени – XVII—XIX столетий. Именно на этот период приходится основание самого большого числа чувашских населенных пунктов края, расположенных в западных, юго-западных и центральных районах Башкирии» (с. 131).

Во второй главе «Хозяйство и социальная структура чувашей Башкирии (XVIII—XIX вв.)» детально рассмотрены вопросы хозяйственного развития и социально-экономического положения чувашской диаспоры. Автором достаточно глубоко изучен строй хозяйственной жизни башкирских чувашей – пашенное земледелие, домашнее животноводство и промыслы. При этом много внимания уделено описанию специфики землевладения и землепользования чувашского населения края, показу их обеспеченности земельными угодьями. Подробно освещены изменения в системе земледелия, технологии выращивания основных полевых культур, использовании сельскохозяйственной техники и орудий труда. Раздел содержит интересный материал о переходе чувашей Башкортостана к более развитым приемам ведения полеводства, освоении ими картофелеводства, огородничества и садоводства. Здесь же показана

эволюция их животноводства и неземледельческих занятий (пчеловодство, рыболовство, охота). Описывая развитие различных отраслей крестьянского хозяйства башкирских чувашей, автор отмечает постоянный обмен сельскохозяйственным опытом между пришлым и местным населением края. Исследователь приходит к достаточно убедительному выводу о том, что в процессе активного взаимодействия и сотрудничества произошли значительные положительные перемены в хозяйственном и культурно-бытовом укладе как башкирского, так и чувашского населения.

Конечно же, совместное проживание пришлого и местного населения имело и «оборотную сторону». Как правило, эти две категории сельских обывателей стояли на различных ступенях хозяйственного и общественного развития. В этих условиях сожительство двух различных культур, двух самобытных, образно выражаясь, цивилизаций не могло быть абсолютно бесконфликтным. Как показывают новейшие публикации, пришлые чуваша в Приуралье в отдельных его районах испытывали земельные и хозяйственные притеснения со стороны башкир¹. К сожалению, данный аспект темы совершенно не затронут автором.

Большой интерес представляют подразделы, посвященные промыслам, ремеслам, торговле и социальной структуре башкирских чувашей. Весьма правомерно отмечен второстепенный, вспомогательный характер кустарных промыслов чувашских крестьян по отношению к таким отраслям хозяйства, как земледелие и скотоводство. Заслуживает доверия утверждение о преобладании натурального хозяйства и существовании эпизодической связи с рынком на первом этапе освоения чувашами новых земель. Солидарны с мнением автора о заметном проникновении со второй половины XVIII в. товарно-денежных отношений в крестьянское хозяйство, что способствовало социальному расслоению населения Башкирского края. На наш взгляд, в названном разделе работы недостаточно освещены такие сюжеты, как социальная структура и положение чувашей в Башкирии. Характеристика положения общинной верхушки чувашского населения (*коштанов, пуянов*) и крестьянской массы (*тенярей, бобылей*), описание их роли и места в развитии мирской организации являются важными задачами при исследовании социальных отношений в крае. Их решение невозможно без изучения глубинных процессов социально-экономического порядка, происходивших в общине в XVII – XIX вв. Следовало более подробно раскрыть данный проблемный блок вопросов.

Работа имеет ценные Приложения, включающие карту расселения чувашей на территории Башкирии в XVII—XIX вв. и иллюстрации сельскохозяйственных орудий башкирских чувашей.

В целом выполненная И.В. Сухаревой монография весьма содержательна и заслуживает всяческого одобрения. Она представляет большой интерес как для специалистов, занимающихся исследованием истории чувашского, башкирского и других народов Волго-Уральского региона, так и широкой читательской аудитории.

Литература

¹ См.: Николаев Г.А. Обретение чувашскими переселенцами второй малой родины на башкирских землях в XVIII – начале XX веков // Чувашский гуманитарный вестник, 2007. № 1. С. 154–179.

ЧГВ, 2010 г., № 5

© Д.В. Басманцев. Рец. на: Н.В. Никольский. **Собрание сочинений. Том II. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей** / Сост., автор Предисловия, Комментариев и Примечаний Г.А. Николаев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 447 с.

Выдающийся ученый, педагог и общественный деятель Николай Васильевич Никольский (1878–1961) внес поистине бесценный вклад в изуче-

Дмитрий Викторович Басманцев – младший научный сотрудник отдела истории Чувашского государственного института гуманитарных наук.

ние истории и этнографии народов Среднего Поволжья. Опубликованные им труды и богатейший рукописный фонд вот уже в течение многих лет служат кладью мудрости для многих поколений исследователей и широкой аудитории любителей истории и этнографии. Увидевшие свет сто лет назад исследования Н.В. Никольского давно стали библиографической редкостью. Отрадно отметить, что возможность прикоснуться к жемчужинам научной мысли сегодня значимо возросла. Чувашский государственный институт гуманитарных наук, реализуя Указ Президента Чувашской Республики «О 125-летию со дня рождения Н.В. Никольского», выпустил в свет четыре тома Собрания сочинений первого чувашского профессора.

Во второй том собрания сочинений Н.В. Никольского вошли труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей, опубликованные в 1904–1915 гг.: «Родной язык как орудие просвещения инородцев» (1904); «Народное образование у чуваш» (*Исторический очерк*) (1906); «Переводческая комиссия в Казани и её просветительская деятельность среди инородцев» (*По поводу отчёта Казанской Переводческой комиссии за 1904 год*) (1905); «Конспект по истории христианского просвещения чуваш» (1909); «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках» (*Исторический очерк*) (1912); «Распространение христианства среди нижегородских чуваш до 1764 г.» (1915). Открывается же книга «Словом о Н.В. Никольском и его трудах по истории христианизации и христианского просвещения чувашей», написанном составителем сборника Г.А. Николаевым. Автору Предисловия удалось лаконичным и красивым слогом охарактеризовать особенности и научную значимость включенных в сборник трудов. В нем показывается, как всего за десяток лет 21-летний юноша, вступивший в новое столетие мало кому известным чувашским студентом Казанской духовной академии, стал признанным в научном мире и обществе ученым-гуманитарием, педагогом, общественным деятелем и просветителем. Объясняя феномен быстрого превращения Н.В. Никольского в начале XX в. из начинающего исследователя в зрелого ученого, Г.А. Николаев выделил два фактора – внутренний (личные природные данные) и внешний (учеба и работа в учебных заведениях и научных обществах Казани). Красной нитью через все Предисловие проходит мысль о быстром прогрессе Н.В. Никольского как исследователя.

Нельзя не обратить внимания и на еще одну специфику Предисловия. В нем Н.В. Никольский предстает с весьма неожиданной для многих стороны – не только как ученый, но и как ревностный миссионер, примыкавший к школе Н.И. Ильминского. Это позволяет лучше понять содержание вошедших в сборник трудов, которые, как справедливо отмечает составитель, хотя и не свободны от упущений и спорных обобщений, но «в своих основных положениях продолжают оставаться современными... служат живительным родником, питающим своими освежающими водами могучую реку Знаний» (с. 23). Вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что второй том Сочинений ученого получился бы более цельным, если бы в него были включены такие миссионерские работы Н.В. Никольского, как «Чуваши-говельщик» и «К жизнеописанию преподобного Серафима Саровского чудотворца», опубликованные в 1904 г. в «Известиях по Казанской епархии». Составитель почему-то счел нужным «отлучить» эти сочинения исследователя от включенных во второй том трудов и переиздать их отдельно на страницах научного журнала Чувашского государственного института гуманитарных наук (см.: «Чувашский гуманитарный вестник», 2007/2008. № 3. С. 101–117).

Составителем проделана кропотливая работа по сверке включенных в том текстов. И, надо заметить, она оказалась не лишней. Приведем лишь один пример. В сочинении Н.В. Никольского «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках», увидевшем свет в 1912 г., прошла досадная ошибка. В словосочетании «*Вёлтёрен тёрри кайякё турри*» типографские работники при печати пропустили второе и третье слова. В итоге смысл текста изменился. Получился Бог крапивы. Произведенная составителем коррекция позволила вернуть тексту первоначальное значение – Бог зябликов¹.

Большое значение для понимания содержания трудов Н.В. Никольского имеют составленные Г.А. Николаевым Примечания и Комментарии к тексту. В них даются объяснения многочисленных христианских, мусульманских и языческих понятий и терминов, а также краткие биографические сведения о лицах, упомянутых в тексте сочинений. Однако, на наш взгляд, учитывая научно-популярный характер книги, следовало определения ряда религиозных по-

нятий раскрыть более подробно. Например, для неискушенного в религиозной тематике читателя вряд ли будет понятно значение слова «дервиш», которое составителем объясняется как «член суфийского братства» (с. 410). Шагом вперед, по сравнению с первым томом Собрания сочинений, является, безусловно, наличие в книге Именного и Географического указателей.

Уникален по своему содержанию опубликованный в томе картографический материал – «Карта Среднего Поволжья в XVI–XVII веках», на которой обозначены районы распространения различных конфессий, и «Карта Среднего Поволжья конца XVIII в.» с обозначением сел и деревень, в которых проживали новокрещенные чуваш.

Исследовательское мастерство Н.В. Никольского вкуче с квалифицированными Комментариями и Примечаниями, волнующим Предисловием и прекрасной полиграфией внушают уверенность в том, что рецензируемая книга найдет своего благодарного читателя и будет востребована далеко за пределами Чувашии.

Литература

¹ См.: *Никольский Н.В.* Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках (Исторический очерк). Казань, 1912. С. XXX.; *Никольский Н.В.* Собрание сочинений. Том II. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей / Сост., автор Предисловия, Комментариев и Примечаний *Г.А. Николаев*. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. С. 133.

ЧГВ, 2010 г., № 5

© **К.Н. Сануков**. Рец. на: **Е.К. Минеева. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920–1930-е годы)**. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2009. 594 с.

В периоды радикальных изменений как общественно-политического устройства, так и социально-экономических отношений особую значимость в государстве приобретает исторический опыт, имевший место в прошлом и аккумулированный обществознанием, главным образом – исторической наукой. Наиболее востребованными при этом выступают исследования, акцентированные на современной проблематике, содержащие актуализированную трактовку позитивных результатов опыта, доведённую до уровня практических рекомендаций. В этом не только аналитическом, но и прикладном аспекте монография Е.К. Минеевой представляет несомненный научный интерес. Изучение вопросов становления в России особого типа федерации, основанной на национально-территориальном принципе и продолжающей свое развитие в Российской Федерации, потребно и насущно.

Структура монографии логична. Исследование включает Введение, четыре главы, Список источников и литературы, Приложения. Отвечая цели и задачам, структура позволила автору последовательно и емко рассмотреть основные аспекты темы. Каждый параграф монографии объемлет крупный самостоятельный по своей направленности вопрос в рамках единой научной проблематики.

В первой главе монографии «Теоретические основы исследования» представлены методология, историография и источниковая база исследования. Наряду с подходами, методами и принципами научного познания, Е.К. Минеева подробно остановилась на раскрытии сущности ряда дефиниций и понятий, без уяснения смыслового содержания которых сложно понять авторскую концепцию. Особо хотелось бы отметить то, что она не пытается обходить такие дискуссионные понятия, как «нация», «регион», «диаспора», «национальные меньшинства» и т.п. Напротив, выражает свою точку зрения на терминологию, вводя новые понятия,

Ксенофонт Никанорович Сануков — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной истории Марийского государственного университета.

принципиально важные для рассмотрения малоизученных аспектов проблемы. При аргументации собственной позиции автор опирается на источниковые и историографические факты.

Исследованию присущ серьезный анализ отечественной и зарубежной литературы. Историографический параграф монографии, в котором прослежены основные этапы ее развития, выявлены научные школы, дискуссионные и слабоизученные в профильной и смежной литературе вопросы, представлен на высоком аналитическом уровне. При анализе историографии умело и корректно отражена собственная позиция автора, опирающаяся на богатые материалы, составляющие восемь групп источников. Главной из них стали документы 77 фондов 9 центральных и региональных архивов страны, что позволило исследователю не только проанализировать те или иные аспекты проблемы становления автономий, но и выявить перспективные направления изучения. Многие архивные источники введены в научный оборот впервые.

Во второй главе монографии «Национальный вопрос в Советской России: теория и практика осуществления» исследуются вопросы теории и практики национальной политики советской власти в 1920–1930-е годы. Глава включает 2 параграфа – «Национальная политика советской власти в 1920–1930-е годы» и «Наркомнац РСФСР: задачи, структура, итоги деятельности», в которых рассматриваются этапы национальной политики и их особенности, создание различных видов автономий и их компетенция, Наркомнац, его задачи и структура, административно-территориальное деление и роль экономических краев в деле развития автономий, взаимоотношения управления в центре и на местах, аграрный вопрос и контуры его реализации.

В первом параграфе главы автор дает предысторию проблемы, доказывает, что в Российской империи по отношению к нерусским народам проводилась политика русификации и христианизации, отмечает, что ограничения по национальному признаку, несмотря на их отсутствие в российском законодательстве, существовали на практике. Выявляя причинно-следственные связи, автор отвечает на вопрос, почему народы России приняли идеи большевиков по национальному вопросу, и как этническая интеллигенция оценивала главный принцип их программы – право наций на самоопределение. По убеждению исследователя, национально-освободительное движение многочисленных этносов страны стало составной частью революций в России 1917 г. Вывод автора о том, что право наций на самоопределение вплоть до образования собственного государства и федерация по национально-территориальному принципу, в отличие от унитарной империи и великодержавного российского шовинизма, были признаны абсолютным большинством народов России как благо для национального развития (с. 135), звучит доказательно.

Интересным и аргументированным является взгляд исследователя на причины изменения официальной идеологии Советского государства, постепенную централизацию власти, оказывавшую влияние на становление автономий. Убедительно звучит и вывод автора о трех основных этапах в процессе автономизации (с. 209–210, 487–490). В этой связи уместным стало рассмотрение изменявшегося отношения советской власти к крестьянству в ходе военного коммунизма, нэпа, коллективизации. Следует согласиться с утверждением Е.К. Минеевой, по которому аграрный и национальный вопросы в многонациональных регионах страны фактически составляли единое целое. Мелкособственническая природа крестьянской психологии сохраняла опасность для власти. Поэтому решение национального вопроса в стране имело тесную связь с аграрной политикой Советской России (с. 175). Не случайным стало изучение исследователем системы управления в центре и на местах, административно-территориального деления и экономического районирования. Важными являются выводы исследователя о путях поиска советской властью административно-территориального деления страны с учетом гармоничного использования национального и территориального принципов. Введение новых данных по вопросам экономического районирования на территории РСФСР позволило автору доказать, что оно было тесно связано с развитием автономных образований.

Интересно и живо написан параграф, касающийся Народного комиссариата по делам национальностей. С уверенностью можно сказать, что Е.К. Минеева является одним из немногих специалистов по данной проблеме. Такой вывод напрашивается не столько потому, что на второй параграф главы, посвященный Наркомнацу, в монографии отведено 45 страниц, что не мало, а потому, что содержание параграфа высоко аналитично. В нем рассматриваются причины

происхождения, цели и задачи деятельности этого своеобразного органа власти, его структура, сравниваются количественные и качественные показатели работы его комиссий и отделов, личного состава. Основательная работа с архивными данными позволила Е.К. Минеевой уточнить такие малоизученные аспекты истории Наркомнаца, как дискуссии в Малой и Большой коллегиях, деятельность его Отдела национальных меньшинств, федеральных комитетов, Коммунистического университета трудящихся Востока. Автор монографии анализирует и ранее практически не освещавшиеся события: например, обращение ряда автономных областей в 1923 г. через Наркомнац к центральным органам власти государства об их преобразовании в автономные республики. Позиция Е.К. Минеевой отличается взвешенностью выводов, стремлением к объективности, подтверждаемой обращением к источникам, но это не следование за источником, а анализ исторической ретроспективы. Например, рассматривая причины упразднения Наркомнаца, автор отходит от традиционно, неоднократно повторявшегося советскими историками утверждения о том, что с созданием СССР Наркомат национальностей исчерпал себя, а потому, якобы, был механически упразднен. Исследователь не согласен с подобной упрощенной трактовкой событий 1923–1924 гг. Е.К. Минеева убеждена, что причины закрытия такого органа власти, каковым являлся Наркомнац, намного глубже и связаны они с взаимоотношениями И.В. Сталина (наркома) с членами коллегии и «делом» Султан-Галиева. По мнению автора монографии, события 1923 г. доказывали, что Наркомнац был использован Сталиным для укрепления личной власти. Возбуждение «дела» Султан-Галиева именно в стенах Наркомнаца объяснялось стремлением наркома деморализовать орган, начинавший выходить из-под его контроля. Психологически сломив наиболее активных работников комиссариата, от которых зависели основные решения наркомата, Сталину было легче упразднить в прошлом довольно «строптивый» орган – Наркомнац (с. 223–224). Кстати, собственная авторская позиция, основанная на глубоком анализе событий и фактов, прослеживается в информационном поле всей монографии.

Весьма обстоятельно в сравнительно-сопоставительном ключе написаны третья: «Создание Марийской, Мордовской и Чувашской автономий» и четвёртая: «Реализация национальной политики Советского государства в 20 – 30-е годы XX века» главы монографии. В них собран богатейший материал, как фактический, так и аналитический. Третья глава включает три параграфа. В первом из них «Особенности развития народов мари, мордвы и чувашей» рассмотрены геополитические условия проживания народов Среднего Поволжья, оказавшие влияние на формирование единых признаков, связывающих этносы. Прошлое в рамках региона сформировало такие характеристики, которые превратились в традиции, объединяющие его многонациональное население. По убеждению автора, сама «история показывает, что регион накопил значительный опыт этноконфессионального взаимовлияния, культурного взаимопроникновения, сотрудничества и интеграции, опыт, который позволяет смоделировать своего рода макет толерантного, взаимовыгодного проживания народов» (с. 244). Автор анализирует также «природу» этносов (финно-угорскую и тюркскую), особенности их исторического развития и территориального проживания, в частности, прослеживает их обеспеченность земельными и лесными угодьями, общинные порядки и т.д., что сказывалось на становлении автономий мари, мордвы и чувашей.

Во втором параграфе главы «Движение за национальную государственность» рассмотрено этническое движение, охватившее волжский регион. Опираясь на уже известный и выявленный новый материал, автор скрупулезно анализирует развернувшуюся здесь борьбу за создание этнотерриториальных автономий. Весьма детально Е.К. Минеева изучила возникновение и деятельность отделов Наркомнаца, сыгравших существенную роль в образовании Марийской и Чувашской автономий, рассмотрела особенности и трудности по образованию Мордовского отдела. Мнение автора монографии о том, что «менявшаяся структура Наркомнаца стала главной причиной смены статуса Мордовского отдела» (с. 285) заслуживает внимания исследователей.

Третий параграф третьей главы «Марийская, Мордовская, Чувашская автономии и экономическое районирование» посвящен анализу образования автономий, а также ранее практически не рассматривавшемуся историками вопросу экономического районирования и участия в нем изучаемых автономных формирований. Собранный и проанализированный

исследователем материал систематизирован равномерно по трем изучаемым автономным образованиям. Можно согласиться с автором в том, что в вопросах становления национально-территориальных единиц в сельскохозяйственном регионе значительную роль сыграли левые эсеры, возглавившие организации, которые непосредственно занимались образованием автономий (с. 250–251, 315). Весомо звучат и выводы относительно специфики процессов создания автономии мордвы, о том, что «дисперсное расселение народа, наличие ярко выраженных двух субэтнотосов самой мордвы, разногласия между губернским руководством и мнение в центре об ассимиляции русскими позволили решить вопрос о Мордовской автономии только в конце 1920-х гг.» (с. 316). Е.К. Минеева по многим направлениям проблемы выступает исследователем-пионером. В третьем параграфе это особенно касается взаимоотношений между Центром и автономиями по поводу создания Волжско-Камского, Верхневолжского, Средневолжского и других экономических районов. Кроме введения в научный оборот новых данных, исследователь на основе анализа событий меняет трактовку некоторых из них, например, относительно первой Конституции Чувашии 1926 г., так и не утвержденной во ВЦИК.

Значительный интерес с точки зрения новизны авторского подхода и включения многочисленного, неиспользованного ранее архивного материала представляет собой четвертая глава монографии. Уже название первого параграфа главы – «Установление административных границ» – говорит о многом. Ранее эта тема практически не поднималась историками. Е.К. Минеева восстановила не только процесс, но и причины пограничных споров. Формирование каждой новой автономной единицы ущемляло территориальные интересы последующих образований. Представленные в работе факты демонстрируют чрезвычайную сложность в делении смежных сёл и деревень, выявляют жизненно важные вопросы, встававшие как перед населением автономий, так и перед их руководством. Аргументированно звучит в монографии вывод о высокой степени проблемности установления административных границ автономных объединений, снятой лишь в конце 1930-х годов. Привлекают внимание размышления автора об отношении Центра к проблеме территориальных споров, например, вывод о том, что Центр использовал их в целях воздействия на руководство автономий, поскольку последнее слово по территориям было за верховными органами государства (с. 501).

Второй параграф «Социально-экономическая и культурная политика» вскрывает многочисленные объективные и субъективные трудности, встававшие на пути развития Марийской, Мордовской и Чувашской автономий, динамику их развития, постепенное превращение их в промышленные районы страны. Не остались в этой связи без внимания попытки руководства автономий внедрять в их экономику элементы нэпа, а также проблемы индустриализации в аграрном Среднем Поволжье. Дискуссионно звучит мнение автора монографии о том, что промышленность здесь насаждалась искусственно, сверху, с большими сложностями, за счет механического присоединения промышленно развитых территорий. Много нового Е.К. Минеева вносит в изучение вопроса пребывания автономных единиц в составе краевых объединений. Убедительно прозвучал вывод об особой позитивной роли краев, в составе которых автономии развивались с конца 1920-х до середины 1930-х годов. Взаимоотношения между органами власти, развитие промышленности и культуры в рамках территориально-экономических конгломератов, сложности, встававшие на этом пути, помощь более развитых регионов страны, русского и других народов стали специальным аспектом проблемы исследования. Ценность представляет и анализ таких малоизученных в историографии вопросов, как коренизация и реализация в автономиях национальных языков. Специфика развития автономий, бюрократия, подготовка этнических кадров, причины пассивности населения к ряду мероприятий, проводимых советской властью, также подробно анализируются в монографии. Впервые данные процессы рассмотрены на основе трех автономных образований, что позволило исследователю выйти на новый уровень обобщений.

Третий параграф четвертой главы монографии «Развитие этнотерриториальных групп» посвящен развитию этнических меньшинств, этнотерриториальных групп изучаемых народов в 1920–1930-е годы. В историографии указанная проблема по-прежнему остается «целинной». Е.К. Минеевой она изучается всесторонне, с точки зрения влияния на ее решение объективных и субъективных факторов. Анализ политики советской власти по развитию этнотерриториальных

групп привел автора к логическому выводу о том, что «теоретически отвергнув национально-культурную автономию, советская власть в 1920-е – первой половине 1930-х годов на практике проводила ее в жизнь» (с. 485).

Монография Е.К. Минеевой представляет собой оригинальное исследование, имеет ярко выраженную авторскую концепцию и является собой завершённое сочинение. Она выполнена на высоком аналитическом уровне, написана превосходным литературным языком.

Акцентируя внимание на высоком уровне исследовательской работы Е.К. Минеевой, при всех безусловных достоинствах проведённого ею анализа, выскажу ряд замечаний, которые не снижают научной значимости монографии. Бесспорно, что Е.К. Минеева внесла значительный вклад в изучение историографии проблемы. В то же время историографические факты 1920–1930-х годов чаще всего являли собой или отчёты, или публицистические обзоры, авторами которых являлись непосредственные участники событий, что отмечает и сам исследователь. Поэтому указанная литература имеет для историков двойное значение. Её можно относить и к источникам, и к историографическим фактам. Вероятно, в монографии отдельным параграфом можно было выделить те достижения, которые изучаемые автором автономии добились в период их пребывания в составе краевых объединений, что позволило бы выделить особенности данного этапа развития Марийской, Мордовской и Чувашской автономий. Тем более, что все эти показатели и выводы присутствуют в самой монографии. Кроме того, хотелось бы видеть больший акцент на идеологии политических партий России начала XX в., что более выпукло очертило бы идеологические установки большевиков и их лидера В.И. Ленина, установки, на основе которых реализовывалась национальная политика Республики Советов.

В одной монографии невозможно детально рассмотреть каждый из обозначенных в ней вопросов. Новаторство исследования Е.К. Минеевой заключается в том, что оно открывает поле для постановки и последующего изучения ряда научных проблем. Исследование показало, что напрашивается дальнейший тщательный анализ идеологии партии левых эсеров и практической реализации их программных положений в таких полиэтнических регионах, как Среднее Поволжье. Последующего всестороннего изучения требуют также районирование и административно-территориальное деление, система управления на местах и её взаимоотношения с Центром, процесс превращения аграрных автономий в промышленно развитые районы страны, постановка и реализация идеи национально-культурной автономии, политика советской власти по развитию этнических меньшинств, по коренизации и реализации национальных языков. В монографии приведены яркие факты повседневной жизни мари, мордвы и чувашей. В перспективе можно было бы написать очерк об отношении различных слоёв населения к национально-государственному строительству.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

НИКИТИН (СТАНЬЯЛ) ВИТАЛИЙ ПЕТРОВИЧ

(К 70-летию со дня рождения)

1 января 2010 г. исполнилось 70 лет известному литературоведу и фольклористу, общественному деятелю, педагогу, краеведу, журналисту и поэту Виталию Петровичу Никитину (Станьялу).

Родился он в д. Малый Сундырь Чебоксарского района Чувашской АССР. Нелёгкой оказалась судьба маленького Виталия. На его долю выпали трудности военного и послевоенного времени. Ему не было и трёх лет, когда на войне погиб его отец. В 11 лет нужда заставила Виттуса впервые взяться за плуг.

Учился Виталий Никитин в Анат-Кинярской средней школе Чебоксарского района Чувашской АССР. Уже в школьные годы он проявлял себя как активный общественник. Парнишка с горящими глазами не мог оставаться в стороне от общественных явлений: его все волновало, брало за душу. Был редактором классной, а затем школьной стенной печати; являясь секретарём комсомольской организации, участвовал на колхозных собраниях. Целеустремлённый юноша освещал жизнь родной школы и колхоза в районной газете, в республиканской газете «Молодой коммунист», всероссийской – «Пионерская правда».

После окончания средней школы в 1957 г. поступил на русско-чувашское отделение историко-филологического факультета Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева. Денег на учёбу не хватало, и студенту пришлось совмещать учёбу с работой. На третьем курсе он устраивается внештатным корреспондентом в редакцию газеты «Молодой коммунист» («*Çамрăк коммунист*») в качестве переводчика. По направлению Министерства образования будущий педагог летом подрабатывает воспитателем в Калининском детском доме (Вурнарский район, 1959), а затем учителем русского языка и литературы в Урмаевской средней школе (Комсомольский район, 1961). И с тех пор никогда не порывает связь со школой.

Получив диплом, Виталий Петрович около трёх лет проработал в Бичурга-Баишевской средней школе (Шемуршинский район, 1962–1964). Затем несколько лет трудится в газетах «Молодой коммунист», «Советская Чувашия» и «*Коммунизм ялавё*». Его профессиональная деятельность складывалась так, что он на всех этапах своего жизненного пути совмещал работу журналиста и педагога. Его непрерывный педагогический стаж составляет более 50 лет.

В 1969 г. в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова открывается аспирантура, и профессор М.Я. Сироткин приглашает своего ученика на учёбу. За время пребывания в аспирантуре Виталий Петрович усердно занимается исследованием истории и теории

чувацкого рассказа. Внезапный уход из жизни профессора М.С. Сироткина круто отражается и на судьбе его ученика: вопрос о защите выполненного сочинения откладывается на неопределенный срок... Суровая зима не вечна. Весной 1973 г. в жизни 33-летнего Виталия Петровича случилось знаковое событие. Во время ледохода он спас тонущую в Волге девушку. Его подвиг отметили: наградили медалью, в газете «Советская Россия» о нем появилась статья. «В этом я вижу некий символ, – так оценивает А.П. Хузангай данное событие, происшедшее с В.П. Никитиным. – Всеми силами души он старался спасти и помочь чувашам – в силу своего профессионального педагогического призвания – особенно младшим поколениям, утопающим в море лжи, пошлости, дерьма, поверхностного знания или даже совсем незнания «чувашского, слишком чувашского», выкарабкиваться на спасительный берег и задаться серьезным вопросом о смысле жизни – своей, родных, нации: *Камсем эфир...*».

После статьи в московской газете безработного Виталия Петровича вновь приглашают на работу в редакцию газеты «Коммунизм ялавё», где он трудится до 1977 г. За время журналистской деятельности (около 14 лет) им написано сотни статей на разные темы по самым насущным проблемам. У него сложился свой стиль изложения материала. Он всегда пишет смело и открыто. Свою мысль выражает через иносказания, иронию, оригинальные метафоры. Без преувеличения его можно назвать мастером меткого слова.

В сентябре 1977 г. журналиста В.П. Никитина пригласили преподавателем кафедры литературы и фольклора историко-филологического факультета Чувашского государственного университета. В 1984 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук по теме «Зарождение и становление жанра рассказа в чувашской литературе» в Мордовском государственном университете (г. Саранск). Его работа была примечательна тем, что в ней автор впервые проанализировал пути зарождения и становления чувашского рассказа на фоне русской новеллистики. В данном сочинении систематизированы малоизученные виды чувашской новеллистики, выявлены признаки своеобразия национального рассказа. Впоследствии этот труд опубликован в виде монографии.

Виталий Петрович не ограничивал себя лишь одной сферой деятельности. Его внутренняя энергия настолько сильна, бьёт ключом, что притягивает вокруг себя разных творческих людей. Он основал и более чем четверть века руководил студенческим литературным объединением «Силсунат» («Сильзюнат»). Будучи поэтической натурой, он усердно опекал, возвращал будущих писателей. Чуткий педагог, влюблённый в свою профессию, по своей инициативе организовал со студентами 27 экспедиций на родину К. Иванова и Я. Ухсяя, П. Хузангая, М. Сеспеля, Н. Шелеби, И. Яковлева, Ф. Павлова и Г. Комиссарова, М. Трубиной и М. Ухсяя, В. Митты и других классиков чувашской литературы.

Перу В.П. Станьяла принадлежит более 80 научных работ, в том числе 6 монографий. Он – автор и руководитель творческого коллектива по разработке программ, учебников, учебных пособий, методических пособий по чувашской литературе и культуре для V–XI классов средней школы и вузов. Будучи старшим научным сотрудником (1993–1998), а затем заведующим отделом (1998–2008) Чувашского государственного института гуманитарных наук, организовал издание многотомного свода чувашского фольклора. Он – научный редактор и один из составителей томов «Мифы, легенды, предания» (2004), «Благословения и молитвословия» (2005). Им изданы работы по исследованию жизни и творчества М. Фёдорова, К. Иванова, М. Юмана, М. Сеспеля, А. Милли, В. Рзая, В. Митты, А. Петтоки, П. Хузангая, Я. Ухсяя, С. Ялавина, В. Паймена и других мастеров художественного слова.

Бурные 90-е годы XX в. втянули Виталия Петровича в свой водоворот. Много сил и энергии вложил он в создание национальных общественных организаций. В их числе таких: Союз чувашских краеведов, Чувашская народная академия, Чувашский национальный конгресс. Эти общественные объединения действуют по настоящее время и играют важную роль в жизни чувашской нации. За какую бы работу ни берется В.П. Станьял: будь то общественная или научная, всегда выполняет ее от души. Он не может иначе, такова его сущность: сострадать, помогать людям и болеть за судьбу чувашского народа.

Круг его научных интересов весьма широк. Помимо литературы и фольклора, его ум занимает древняя чувашская религия. В 1992-х годах В. Станьял в республиканской печати

остро затрагивает проблемы сохранения и развития самобытной религии чувашей. Названная тема получила отражение и в его научных статьях «Табуированный пантеон чувашской религии» (1999), «Словарь чувашских религиозно-мифологических терминов (к обсуждению проблемы)» (2006).

Виталий Петрович многие годы был членом совета по защите диссертаций при Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарёва, членом совета Ассамблеи народов России, членом редколлегии журналов «Ялав», «Тӑван Атӑн», «Халӑх шкулӗ», членом учебно-методических советов Республиканского института повышения квалификации учителей (ныне Чувашский республиканский институт образования).

В.П. Никитин награждён медалью «За спасение утопающих» (1973). Он – лауреат премии Министерства просвещения Чувашской Республики (1996), Союза писателей Чувашской Республики им. Гарина-Михайловского (2004), Международной премии им. Михаила Сеспеля (2008). Он также награждён медалью им. Януша Корчака АПН Российской Федерации (2004). В.П. Никитин удостоен почётного звания «Заслуженный работник образования Чувашской Республики» (2000).

В настоящее время Виталий Петрович активно трудится на факультете чувашской филологии Чувашского государственного педагогического университета, совмещая его с исследовательской деятельностью в Чувашском государственном институте гуманитарных наук. Как и прежде, он в гуще общественной жизни: выступает в круглых столах, научно-практических конференциях, охотно консультирует краеведов и учителей. Как гласит народная мудрость: «Каякана пӗр сӗл, шыракана сӗр сӗл».

Основные научные труды

Звезда поэзии, певец свободы (К 90-летию со дня рождения К.В. Иванова). Чебоксары: Знание, 1980. 12 с.

Чувашский рассказ. Чебоксары: ЧГУ, 1985. 84 с.

Чувашский рассказ: 1921–1941. Чебоксары: Чув. кн. изд-во. 1990. 128 с.

Чӑваш сӑмахлӑхӗ: VIII класӑн вӗренӗпе вулав кӗнеки. Шупашкар: Чӑваш кӗнеке изд-ви. Пӗрремӗш кӑларӑм – 1990; иккӗмӗш кӑларӑм – 1994 (В.Е. Цифаркинпа пӗрле).

Чӑваш сӑмахлӑхӗ: учебник хрестомати. IX класс валли. Шупашкар: Чӑваш кӗнеке изд-ви. Пӗрремӗш кӑларӑм – 1986; иккӗмӗш кӑларӑм – 1990; виççӗмӗш кӑларӑм – 1994. 375 с.

Чӑваш сӑмахлӑхӗ: учебник хрестомати. X класӑн вӗренӗпе вулав кӗнеки. Шупашкар: Чӑваш кӗнеке изд-ви. Пӗрремӗш пайӗ – 1993. 371 с. (Н.Г. Ивановӑпа, С.С. Самсоновӑпа пӗрле хатӗрленӗ); иккӗмӗш пайӗ – 1996. 371 с.

VIII тата IX классенче чӑваш литературине вӗрентесси: меслет кӑтартӑвӗсем. Шупашкар. Пӗрремӗш кӑларӑм – 1988; иккӗмӗш кӑларӑм – 1991. 94 с.

Сеспель и чувашское литературное краеведение // Поэтика М. Сеспеля. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 80–83.

Древнечувашская религия сардаш // Высшая школа народному хозяйству Чувашии. Сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 1992. С. 100–101.

Сторона моя Чебоксарская: материалы по истории Чебоксарского района Чувашской Республики. Кутеси, 1997. 448 с. В соавторстве.

Табуированный пантеон чувашской религии // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1999. С. 248–259.

Наш Сеспель (К 100-летию классика чувашской литературы). Чебоксары: ЧГИГН, 1999. 312 с.

М. Сеспель в воспоминаниях (комплект книг): Г. Кузьмин. Брат мой огнекрылый. 56 с.; П. Бекшанский. Рассказы о Сеспеле. 68 с.; Н. Рубис. Встречи с Сеспелем. 88 с. Чебоксары: ЧГИГН, 1999.

Чӑваш халӑх поэчӗ Яков Ухсай. Шупашкар: ЧПГӐИ, 2001. 64 с.

Хусанкай П.П. Сӑрнисен пуххи. Виççӗмӗш том / Пухса йӗркекеленӗ, ӑслӑлӑх редакторӗ тата ӑнлантарусене сыраканӗ В.П. Станьял. Шупашкар: Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2002. 542 с.

Хусанкай П.П. Сырнисен пуххи. Таваттамёш том / Пухса йёркелекенё, умсамахпа асархаттарусене сыраканё В.П. Станьял. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2003. 479 с.

Мир чувашской культуры (Древняя история и духовное наследие этноса): учебное пособие. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. 196 с. В соавторстве; 2-е изд.: Чебоксары: Новое время, 2007. 307 с.

Чăваш литератури: 8-мĕш класĕн вĕренÿпе вулав кĕнеки. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2003. 320 с.

Чăваш литератури: учебник хрестомати: вăтам школăн 9-мĕш класĕ валли. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2003. 319 с.

Алексей Милли шăпи: пурнăçĕпе пултарулăхĕн тĕрленчĕкĕ. Шупашкар: Çĕнĕ вăхăт: 2004. 24 с.

Чăваш халăх пултарулăхĕ. Мифсем. Легендăсем. Халапсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2004. 576 с. Е.С. Сидоровăпа пĕрле.

Рзай В.Е. Сырнисен пуххи / Пухса йёркелекенё, умсамахĕпе аяллантарăвĕсене сыраканё В.П. Станьял. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2004. 446 с.

Чăваш халăх пултарулăхĕ. Пилсемпе кĕлĕсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2005. 446 с. А.А. Ефимовăпа пĕрле.

Андрей Петтки савăç: пурнăçĕпе пултарулăхĕн тĕрленчĕкĕ. Шупашкар: Çĕнĕ вăхăт, 2005. 36 с.

Вĕрÿ-суру самахлăхĕ // Проблемы культуры в современном образовании: глобальные, национальные, регионально-этнические. Сб. статей // Часть 2. ЧГПУ. Чебоксары, 2006. С. 142–145.

Чăваш юптарăвĕ // Фольклорное и литературное отражение художественно-эстетической памяти народа. Сб. статей по материалам научно-практических конференций / ЧГИГН. Чебоксары, 2006. С. 114–120.

Иван Мучи сырнисен тулли кăларăмĕ валли // Там же. С. 212–240.

Чăваш халăхĕн вĕрентÿ меслечĕсем: чăваш школĕн 5–11 класĕсенче вĕрентекенсем валли. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2006. З.С. Антоновăпа пĕрле.

Живём памятью народа: доклады и материалы съездов ЧНК и ЧНА. Чебоксары: Новое время, 2008. 48 с.

Нарратологический анализ чувашского мировоззрения в лиро-эпических творениях Петера Хузангая // Художественная словесность и проблемы чувашской духовной культуры. Сб. материалов научно-практической конференции отдела литературоведения и фольклористики / ЧГИГН. Чебоксары, 2008. С. 161–169.

Илле Тукташ – халăх юрăси // Савăнтах. С. 173–183.

Словарь чувашских религиозно-мифологических терминов (к обсуждению проблемы) // Там же. С. 243–272.

Сравнительное изучение древнетюркской мифологической эпики и чувашского фольклора // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики. Сб. материалов Международной научной конференции, посвящённой 90-летию языковедов М.Р. Федотова и 60-летию Н.И. Егорова. Часть 2. ЧГИГН. Чебоксары, 2009.

О.Н. Терентьева.

ТРОФИМОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

(К 75-летию со дня рождения)

29

января 2010 г. доктору искусствоведения, главному научному сотруднику Чувашского государственного института (работающему в нем с 1969 г.) А.А. Трофимову исполнилось 75 лет. Юбилей ученого был отмечен презентацией его новой монографии «Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура. Религия. Культурная архитектура. Скульптура. Прикладное искусство. Священные Знания».

вызвавшей большой интерес общественности, в том числе и зарубежной. В частности, в письме посла Республики Болгария в Москве г-на Пламена Грозданова говорится: «Для нас особенно ценно внимание автора к праболгарской культуре и его стремление проследить этногенез культур чувашского и болгарского народов... Уверен, что монография вызовет интерес среди болгарских ученых, которые выразят свое компетентное отношение к высказанному автором научным тезам... Пользуюсь случаем пожелать Вам, уважаемый господин Трофимов, дальнейших успехов в Ваших научных поисках, а всем нам – новых встреч с трудами человека, позволившего нам сегодня прикоснуться к загадке корней своего культурного развития». На расширенном заседании Ученого совета ЧГИГН А.А. Трофимову был вручен орден «За заслуги перед Чувашской Республикой».

Научное творчество известного искусствоведа освещено в статье, публикуемой в рубрике «Чувашеведение в лицах» (с. 170–180) настоящего журнала.

Основные научные труды

О чувашском орнаменте // Искусствоведение. Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1967. С. 117–124.

Авалхи чăвашсен тĕрĕри сырулăх (Узоры-письмена древних чувашей) // «Тăван Атăл» (Родная Волга). Чебоксары, 1970. № 2. С. 67–70.

Коллекции чувашской вышивки (Краеведческий музей Чувашской АССР) // Искусствоведение. Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1970. Вып. 50. С. 126–151.

Поиски истоков чувашской вышивки // Чувашское искусство. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1971. Вып. 1. С. 68–106.

Знаки чувашской вышивки, аналогичные руническим письменам // Чувашское искусство. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1971. Вып. 1. С. 107–121.

Несĕлсен тĕрĕри сырулăхĕ синчен (Узоры-письмена) // 100 лет новой чувашской письменности. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1972. С. 35–46.

К вопросу о художественном образе в чувашской вышивке // Чувашское искусство. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1973. Вып. 2. С. 124–141.

Композиция узоров чувашской вышивки // Чувашское искусство. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 71–98.

Цвет в чувашской вышивке // Чувашское искусство. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 99–126.

1972 сұлхи чăваш изобразительнăй искусствине (Обзор чувашского изобразительного искусства за 1972 г.) // Чувашское искусство. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 218–247.

Некоторые вопросы чувашского монументально-декоративного искусства // Чувашское искусство. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1975. Вып. 57. С. 121–126.

Коллекции чувашской вышивки. Музей антропологии и этнографии АН СССР // Чувашское искусство. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1975. Вып. 57. С. 179–204.

Искусство пурнăçĕ (Жизнь искусства) (Обзор чувашского изобразительного искусства за 1974 г.) // Чувашское искусство. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1975. Вып. 57. С. 222–236.

Вопросы изучения чувашской народной вышивки // Чувашское искусство. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1975. Вып. 4. С. 155–189.

Коллекции чувашской вышивки (Куйбышевский областной музей краеведения; Башкирский краеведческий музей) // Чувашское искусство. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1975. Вып. 4. С. 190–202.

Космогонические представления древних чувашей и отражение их в орнаменте вышивки // Чувашское искусство. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1976. Вып. 70. С. 3–52.

Искусство пурнăçĕ (Жизнь искусства) (Обзор чувашского изобразительного искусства за 1975 г.) // Чувашское искусство. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1976. Вып. 70. С. 125–135.

Его герои – хлеборобы // «Художник». № 6. М., 1976.

К вопросу о возникновении чувашской вышивки // Сообщения Государственного Русского музея XI. «Изобразительное искусство». М., 1976.

1-я Республиканская выставка декоративно-прикладного искусства и скульптуры. Каталог. Чебоксары, 1976.

Выставки произведений творческой группы, работавшей в Ордена Ленина колхозе «Гвардеец» Батыревского р-на ЧАССР. Каталог. Чебоксары, 1976.

Орнамент чувашской народной вышивки. Вопросы теории и истории. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1977. 112 с.

Чувашская вышивка. Комплект 16 цветных открыток. Л.: «Аврора», 1977.

О чувашской вышивке XVIII века // О чувашском искусстве. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1977. Вып. 75. С. 38–53.

Поиски выразительных средств в чувашском изобразительном искусстве // О чувашском искусстве. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1977. Вып. 75. С. 93–109.

Искусство пурняё (Жизнь искусства) (Обзор чувашского изобразительного искусства за 1976 г.) // О чувашском искусстве. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1977. Вып. 75. С. 130–145.

Заслуженный художник РСФСР, народный художник ЧАССР Н.В. Овчинников. Каталог. «Советский художник». М., 1978.

Антропоморфизация модели мира и народный женский костюм чувашей // Актуальные вопросы истории и теории чувашского искусства. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1979. Вып. 90. С. 3–44.

Български и чувашски нагръдни шевици // Българска етнография. Год. IV. Кн. 3—4. Българска Академия на науките. София, 1979.

Изобразительное искусство Советской Чувашии. М.: Советский художник, 1980. В соавторстве.

Изобразительное искусство Советской Чувашии. Альбом. М.: Советский художник. 1980. В соавторстве.

Земля родников (О современном чувашском искусстве) // «Волга». Саратов, 1980. № 2.

Художественные приемы в современном чувашском изобразительном искусстве // Вопросы мастерства о современном чувашском искусстве. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1981. С. 3–26.

Современное чувашское монументально-декоративное искусство // Вопросы мастерства о современном чувашском искусстве. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1981. С. 104–127.

О художественном мастерстве А.А. Кокеля // Вопросы мастерства о современном чувашском искусстве. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1981. С. 145–152.

Чувашское народное искусство. Альбом. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. 246 с. В соавторстве.

Художественные приемы в современном чувашском изобразительном искусстве // Чувашское искусство (поиски и решения). Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1983. С. 3–34.

Современность и чувашское изобразительное искусство // Современность и чувашское искусство. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 24–45.

Проблемы народного искусства Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. 112 с.

Древний язык чувашского орнамента // Чувашское народное творчество. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 3–18.

Чувашская народная скульптура малой формы и ее истоки (Опыт сопоставления с данными археологии) // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 32–52.

Народное и самодеятельное декоративно-прикладное искусство // Культура и быт низовых чувашей. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 48–73.

Чувашская народная каменная скульптура // Исследования по древней и современной культуре чувашей. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 5–20.

Развитие монументально-декоративного искусства Чувашии // Вопросы истории чувашского искусства. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 35–50.

Чувашская народная деревянная скульптура (Монументальная форма) // Традиции и поиски в чувашском искусстве. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1989. С. 3–42.

A csuvas ornamens [si nyelve // Zom[nc, Email 1989—1990, Nemzetk[zi zom[ncm[veszeti alkot[telep. Kecskemet, 1991. (с. 51—57); A csuvas n[pi himz[sek jelrendszer, a rov[sbet[kh[iz

hasonlo jelekri // Zomnc, Email 1991—1993. Nemzetkzi zomncmveszeti alkottelep. Keskemet, 1992.

Проблемы развития архитектуры Чебоксар (1920—1930 гг.) // Вопросы истории и теории искусств. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1992. С. 3—24.

Воссоздание алфавита древнечувашиской рунической письменности // Проблемы письменности и культуры. Материалы конференции, посвященной 250-летию со дня рождения чувашского ученого и просветителя Ермия Рожанского. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1992. С. 15—26.

Книжная графика В.И.Агеева // Национальное и народное в Чувашском искусстве. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1993. С. 3—19.

Руническая надпись на памятнике из Клементейкина // Вестник Чувашской национальной академии, 1993. № 1. С. 44—54.

Древнечувашиская руническая письменность. Памятники. Алфавит. Дешифровка. Чебоксары: ЧНИИ, 1993. 52 с.

Чувашская народная культовая скульптура. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 237 с. Feuer und Wasser, Die tschuwaschischen Kultusplastiken // Wostok. [Berlin], Nr. 3/96, Mai—Juni 1996.

Архитектор Петр Егоров. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. В соавторстве. Научный редактор и составитель.

Анатолий Данилов. Живопись. Книга-альбом. Чебоксары, 2004. 176 с.

Мастера народного искусства и художественных промыслов. Предприятия и мастерские, создающие произведения художественных промыслов. Каталог-справочник. Чебоксары, 2004. 128 с.

Искусство: Избранные труды. Сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. 604 с.

Чуваши Татарстана. Книга-альбом. Чебоксары, 2006. 544 с. В соавторстве.

Владимир Нагорнов. Скульптура. Каталог произведений. Чебоксары, 2006. 54 с.

Искусство чувашской народной вышивки в музеях России (XVII—XX вв.). Чебоксары: ЧГИГН, 2007. 144 с.

Трофимов А.А. Понятие «Ренессанс» и чувашская культура конца XIX – начала XX вв. // Ренессанс Поволжья: Конец XIX – начало XX вв. – период духовного возрождения народов. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 19–38 [Проблемы художественной культуры Чувашии. Вып. IV].

Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура. Религия. Культовая архитектура. Скульптура. Прикладное искусство. Священные Знания. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. 256 с.

Время и Искусство. К проблеме теории о стилевых направлениях и художественных образах в чувашском изобразительном искусстве // Союз художников Чувашии. 75 лет. Чебоксары, 2010.

М.Г. Кондратьев.

СИДОРОВА ЕФРОСИНИЯ СЕРГЕЕВНА

(К 80-летию со дня рождения)

16 февраля 2010 г. исполнилось 80 лет со дня рождения известного чувашского фольклориста, кандидата филологических наук, доцента Ефросинии Сергеевны Сидоровой.

Е.С. Сидорова родилась в 1930 г. в д. Верхние Ирх-Сирмы (чув. *Тури Унакасси*) Мариинско-Посадского района Чувашской АССР. В 1938–1945 гг. училась в Алмандаевской (чув. *Вăта Унакасси*) семилетней школе. К началу Великой Отечественной войны ей было 11 лет. В тяжелые для Отчизны годы испытаний юная Фрося, как и все ее сверстники, до времени оказалась в водовороте взрослой жизни. Наравне со взрослыми от зари до зари она работала на колхозных полях: пахала, жала, косила... Трудности военного лихолетья закалили ее характер, укрепили стремление к знаниям, мечту стать учительницей, как старшая сестра Софья. В

1945 г. она поступила в Акулевскую (чув. *Шемшер*) среднюю школу Чебоксарского района Чувашской АССР. Расстояние до места учебы в восемь километров каждый день, в любую погоду Фрося шла пешком туда и обратно.

В 1948–1950 гг. Ефросиния учится в Чувашском учительском институте на русском отделении историко-филологического факультета. После завершения учебы молодой педагог начинает работать в Яншиховской (чув. *Енишик*) семилетней школе Батыревского района Чувашской АССР учителем русского языка и литературы. Здесь она ведет литературный кружок, активно участвует в жизни села: руководит хором сельской молодежи, играет в оркестре народных инструментов и т.д.

Ещё будучи руководителем школьного литературного кружка, Ефросиния Сергеевна начала записывать со своими учениками чувашские народные песни. Собранный материал они прислали в Чувашский научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР (ЧНИИ; ныне – Чувашский государственный институт гуманитарных наук). За свое научное подвижничество Е.С. Сидорова была поощрена «Учеными записками» института. Награда воодушевила молодую учительницу на дальнейшую исследовательскую работу. В 1957 г. Ефросиния Сидорова закончила отделение русского языка и литературы Чувашского государственного педагогического института. В 1957 г. она вместе с супругом П.А. Сидоровым приезжает в Чебоксары и устраивается на работу в ЧНИИ. Здесь Ефросиния Сергеевна трудится с перерывами с 1957 по 1998 г.: в 1957–1962 гг. заведующим научного архива, в 1967–1970 – в отделе литературы и фольклора старшим научным сотрудником, в 1970–1977 – заведующим отделом; в 1993–1998 гг. – старшим научным сотрудником отдела.

В биографии и географии семьи Сидоровых были и другие города. В 1962–1963 гг. они жили в городе Чите. Здесь Ефросиния Сергеевна работала ученым секретарем Забайкальского НИИ Сибирского отделения Академии наук СССР. В 1963–1967 гг. семья проживает в Минске: Ефросиния Сергеевна работает учителем в средней школе, совершенствует свои навыки по пению и игре на народных инструментах в Общественном институте музыкально-хоровой культуры.

В 1967 г. открывается Чувашский государственный университет (ЧГУ). Сидоровы возвращаются в родную республику. Ефросиния Сергеевна вновь начинает работать в ЧНИИ, где приступает к исследованию темы «Чувашская бытовая сказка». В 1973 г. в Московском областном педагогическом институте им. Н.К. Крупской она защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Интерес к жанру сказки прослеживается на всем протяжении творчества Е.С. Сидоровой. Она является составителем двух томов сказок свода «Чувашское устное народное творчество» (1–2 тома). Исследователю принадлежит ряд интересных статей, посвященных данной теме: «Из наблюдений над современными чувашскими бытовыми сказками» (1972), «Национальное и интернациональное в сказках» (1973), «Сюжеты чувашских бытовых сказок» (1974) и др.

В ряду самых значительных работ Е.С. Сидоровой – сбор и составление свода «Чăваш халăх сăмахлăхĕ» в 6 томах (7 книгах). Помимо двух томов сказок (1973, 1976), она является составителем томов «Вак жанрсем» (Малые жанры, 5 том), «Мифсемпе халапсем» (Мифы и предания, 6 том, 2-я книга, 1987). Самое активное участие принимала исследователь в редактировании всех семи книг серии. За это академическое издание Е.С. Сидорова вместе с коллегами была удостоена Государственной премии Чувашской АССР имени К.В. Иванова (1988 г.).

С осени 1978 г. Ефросиния Сергеевна начала трудиться в ЧГУ на кафедре чувашской литературы. В период работы в университете (до 1990 г.) она проявила себя как талантливый педагог-методист: опубликовала восемь методических пособий для абитуриентов и студентов ЧГУ, ряд учебных программ. Здесь Е.С. Сидорова читала курсы лекций по чувашскому фольклору, дореволюционной чувашской литературе, фольклорно-литературным взаимосвязям, вела семинарские и практические занятия, руководила фольклорно-диалектологическими экспедициями и педагогической практикой студентов, их курсовыми и дипломными работами.

Е.С. Сидорова была участником и организатором 25 научных экспедиций в районы Чувашии, Татарстана, Башкирии, Ульяновской и Куйбышевской (ныне Самарской) областей. Их итоги, как правило, излагались в отдельных научных статьях. Её работы «Современное устное творчество чувашей Поволжья (по материалам экспедиций)» (1970), «О песенном фольклоре

сихтерминских чувашей» (1977), «Слакпуç çăлкуçĕсем» (Слакбашские родники, 1980) и др. не утратили своей актуальности и сегодня. Бесценным вкладом в чувашскую фольклористику является статья «Фольклор Чебоксарского района (по материалам экспедиции 1974 года)» (1975). Она знакомит научную аудиторию с уникальными фольклорными материалами, собранными в 20 населенных пунктах Магазского и Чемурашского сельсоветов Чебоксарского района Чувашской АССР. Эти деревни сегодня не существуют (снесены по причине строительства ряда крупнейших предприятий и Чебоксарской ГЭС на Волге). Ряд экспедиций под руководством Е.С. Сидоровой собирал фольклорный материал на родине известных чувашских поэтов К.В. Иванова, П.П. Хузангая, Я.Г. Ухсяя и др. Впоследствии Ефросиния Сергеевна написала несколько исследований о фольклорных истоках их поэтического дарования. Особо подчеркнем, что Е.С. Сидорова обладает весьма важным качеством, талантом для фольклориста – талантом собирателя. Она умеет располагать к себе людей, настроить их на диалог, раскрыть их внутренний потенциал.

Исследования Е.С. Сидоровой внесли значительный вклад в изучение многих жанров устного народного творчества чувашей, генезиса и поэтики прозаических и поэтических жанров фольклора. Диапазон её научных интересов весьма обширен. Она публикуется как в республиканских газетах и журналах, так и во всероссийских изданиях – в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург), Саранске, Казани. Сотрудничает и с зарубежными коллегами. При её содействии вышла книга О. Табаковой и И. Либерада «Чăваш халăх юмахĕсем» на украинском языке (Киев, 1976); книга чувашских народных сказок, подготовленная известным исследователем А. Рона-Ташем, на венгерском языке («Омах юман тăрринче». Будапешт, 1977). В основе исследований ученого Е.С. Сидоровой – глубокое знание и чувство фольклорного текста. Объект анализа во многих её работах рассматривается в синхронии и диахронии. Способность видеть текст в историческом контексте позволяет Ефросинии Сергеевне занимать объективную, аргументированную позицию в отношении всякого рода фальсификаций и мистификаций, псевдонаучных изысканий. В частности, проанализировав огромный материал, она убедительно доказала, что тексты песен, приписываемые «иволге Чувашии» Эмине, являются народными [Ĕнтĕç çил çавăрнат, çил çавăрнат («Эмине юрисем» синчен), 1978]. По вопросам чувашского фольклора и литературы Е.С. Сидорова написала около ста работ.

Свою жизнь Ефросиния Сергеевна посвятила изучению родного Слова, сохранению бесценных образцов устного народного творчества, приобщению к «мудрости народной» последующих поколений. Формула «очарованная мудростью народной» (Н. Егоров, В. Родионов) очень точно характеризует жизненный и творческий путь Е.С. Сидоровой. Будучи уже давно на заслуженном отдыхе, исследователь продолжает работать и творить: пишет статьи и книги, консультирует молодых ученых...

Ефросиния Сергеевна награждена медалями «Ветеран труда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне в 1941–1945 гг.», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне в 1941–1945 гг.», «65 лет Победы в Великой Отечественной войне в 1941–1945 гг.». В 1996 г. ей присуждено звание «Заслуженный работник образования Чувашской Республики».

Основные научные труды

Чувашские бытовые сказки (Тематика и идейно-художественные особенности) // Учен. зап. ЧНИИ. Вып. 39. Чебоксары, 1969. С. 211–222.

Ленин халăх чĕринче (Сборник фольклорных произведений о В.И. Ленине). Сост. и автор предисл. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1969. 152 с.

Научный архив Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР // Учен. зап. ЧНИИ. Вып. 47. Чебоксары, 1969. С. 216–225.

Современное устное творчество чувашей Поволжья (по материалам экспедиций) // Учен. зап. ЧНИИ. Вып. 49. Чебоксары, 1970. С. 91–105.

Н.И. Ашмарин – собиратель и исследователь чувашского фольклора // Н.А. Ашмарин – основоположник чувашского языкознания. Чебоксары, 1971. С. 236–252. (В соавторстве с Н.И. Ивановым.)

Чувашский фольклор в творчестве К.В. Иванова // Чувашский язык, литература и фольклор. Вып. 1. Чебоксары, 1972. С. 352–364.

Влияние взаимосвязей и взаимопроникновения национальных культур на тематику чувашских бытовых сказок // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск, 1972. С. 118–128.

Записи и публикации чувашских сказок в 19 – начале 20 в. // Чувашский язык, литература и фольклор. Вып. 2. Чебоксары, 1973. С. 246–277.

Чувашская бытовая сказка: Автореферат дис. ... канд. филологических наук. М., 1973. 17 с.

Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Юмахсем. 1 том. Пухса хатĕрленĕ, ум сăмахне тата асăрхаттарусене сыраканĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1973. 440 с.

Поэтика и стиль чувашских бытовых сказок // Чувашский язык, литература и фольклор. Вып. 4. Чебоксары, 1974. С. 194–217.

Сюжеты чувашских бытовых сказок // Чувашский язык, литература и фольклор. Вып. 3. Чебоксары, 1974. С. 171–202.

События общественной и литературной жизни Советского Союза (1917–1967). Чувашская литература // История советской многонациональной литературы. Т. 6. М.: Наука, 1974. С. 617–634. (Соавт. Ф.Е. Ефимова, Н.П. Павлов.)

Чувашский фольклор периода Великой Отечественной войны // Чувашский язык и литература. Труды ЧНИИ. Вып. 59. Чебоксары, 1975. С. 185–198.

Современное чувашское устное народное творчество // Фольклористика Российской Федерации. Л., 1975. С. 120–125.

Фольклор Чебоксарского района (по материалам экспедиции 1974 года) // Чувашский язык, литература. Труды ЧНИИ. Вып. 53. Чебоксары, 1975. С. 189–203.

Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Юмахсем. 2 том. Пухса йĕркеленĕ, ум сăмахне тата асăрхаттарусене сыраканĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1976. 408 с.

О песенном фольклоре сихтерминских чувашей // О чувашской литературе. Труды ЧНИИ. Вып. 77. Чебоксары, 1977. С. 143–158.

Сăнавсемпе паллăсем, тĕшмĕшсем // Чăваш литературоведенийĕн ыйтăвĕсем. Тĕпчев ĕçĕсем. 82-мĕш кăларăм. Шупашкар, 1978. С. 115–124.

Образ Джалиля в чувашской поэзии // Муса Джалиль. Материалы научной конференции. Казань, 1978. С. 95–99.

Ĕнтĕ сил савăрнать, сил савăрнать («Эмине юрисем» синчен) // Чăваш литературоведенийĕн ыйтăвĕсем. Тĕпчев ĕçĕсем. 82-мĕш кăларăм. Шупашкар, 1978. С. 104–114.

Чувашские легенды и сказки. Сост. *Е.С. Сидорова*. Пер. *С. Шуртаков*. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1979. 222 с.

Песни низовых чувашей. Книга первая. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1981. 144 с. (Подготовка к печати чувашских поэтических текстов и русские переводы).

Песни низовых чувашей. Книга вторая. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1982. 176 с. (Подготовка к печати чувашских поэтических текстов и русские переводы).

Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Вак жанрсем. 5 том. Пухса йĕркеленĕ, ум сăмахне тата асăрхаттарусене сыраканĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1983. 352 с.

Возникновение и развитие жанра частушек в чувашском фольклоре // Исследования по чувашскому фольклору. Чебоксары, 1984. С. 119–142.

Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Мифсемпе халапсем. 6 том. Иккĕмĕш пайĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1987. 448 с. (Пухса хатĕрленĕ, асăрхаттарусене сыраканĕ; *И.И. Одюков, Г.Ф. Юмартпа* пĕрле).

Сын земли чувашской. Сидоров Петр Александрович. Чебоксары: ЧГУ, 1997. 52 с.; 2007 (2-е изд., доп.). 46 с., 14 ил.

Чăваш халăх пултарулăхĕ. Мифсем, легендасем, халапсем. Пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăв. кĕн. изд-ви, 2004. 567 с.

Слакпуç çăлкуçĕсем (К.В. Иванов сĕр-шывĕнчи сăмахлăх). Шупашкар: ЧПУ изд-ви, 2010. 318 с. (Авторсен коллективĕ).

В.В. Никифорова.

ДЕГТЯРЁВ ГЕННАДИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

(К 50-летию со дня рождения)

2 августа 2010 г. исполнилось 50 лет со дня

рождения известного чувашского языковеда, лексикографа, специалиста по терминологии, переводчика Геннадия Анатольевича Дегтярёва.

Г.А. Дегтярёв родился в с. Ахманеи Моргаушского района Чувашской АССР. В 1967–1977 гг. учился в Москакасинской и Калайкасинской школах. С ранних лет у юного Геннадия проявилась тяга к родному слову. Мальчик с головой уходил в увлекательный мир чтения. Вероятно, он мог бы сказать о себе словами Жана-Поля Сартра: «Я начал свою жизнь, как, по всей вероятности, и кончу ее, – среди книг». Но эта читательская страсть порождает (хотя и не у всех) желание писать самому. Геннадий с 14–15 лет становится активным внештатным корреспондентом районной газеты «Сёнтёрү ялавё». Тематика его коротких заметок была весьма разнообразна, о чем свидетельствуют их заголовки: «Шурă халатлисем», «Сăкăр пёсересси – хисплё ёс», «Агитатор тата вырма», «Ўсёме сынсем тăваççё», «Сёнтёрү сунат хушатă», «Амăшён савăнăçё» и др. В этих корреспонденциях видим реалии колхозно-деревенской жизни, которая окружала подростка. Параллельно он публикует шуточные рассказы с оттенком своеобразной иронии. Это иронически-здоровое отношение к происходящему и к самому себе Г.А. Дегтярёву удалось сохранить до настоящего времени. В 1977 г. он становится лауреатом конкурса «Самрăк журналист», объявленного газетой «Пионер сасси» и Чувашским государственным университетом.

Все эти занятия («читать»>«писать»), естественно, привели Г.А. Дегтярёва к осознанному решению: стать словесником. В 1977 г. он поступает на отделение чувашского языка и литературы историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, вероятно, втайне мечтая о карьере журналиста. Во время учебы он продолжает писать и публиковать социально-бытовые заметки, интересуется творчеством поэтов-земляков, ахманейцев – Андрея Петтоки и Михаила Ахманэ (Львова). К этим именам он будет возвращаться и позднее. Но в жизни не всегда мы сами выбираем свою стезю и профессию. Порой они сами «открываются» перед нами, и нужно найти в себе лишь смелость, чтобы пойти по новому, неизведанному пути.

Такая возможность появилась у Г.А. Дегтярёва и его сокурсника В.А. Андреева (1960–2002) после трех лет обучения на чувашском отделении. По рекомендации профессоров И.А. Андреева и М.И. Скворцова, обоих направили на турецкое отделение Восточного факультета Ленинградского государственного университета. В 1982 г. Г.А. Дегтярёв получил заветный диплом востоковеда-филолога.

В августе 1982 г. молодой специалист становится ассистентом кафедры чувашского языкознания Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. С сентября 1982 г. по октябрь 1983 г. он – стажер-исследователь Восточного факультета Ленинградского государственного университета, с декабря 1983 г. по ноябрь 1986 г. там же – аспирант при кафедре тюркской филологии.

Почти семь лет, проведенных в Ленинграде – Санкт-Петербурге, атмосфера самого Восточного факультета, по сути являющегося колыбелью классического российского востоковедения, возможность общения и обучения у выдающихся представителей отечественной тюркологии – А.Н. Кононова, С.Н. Иванова, В.Г. Гузева, Д.М. Насилова, С.Г. Кляшторного и др. – были весьма благотворны для творческого становления молодого ученого и получения им глубокого филологического образования.

В декабре 1986 г. Г.А. Дегтярёв начинает свою трудовую деятельность в отделе языкознания Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне – Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН): до февраля 1988 г. являлся и.о. старшего научного сотрудника отдела языка, с февраля 1988 г. по январь 2001 г. – старший научный сотрудник, а с января 2001 г. по настоящее время – ведущий научный сотрудник.

Начав свои исследования с проблем номинации и семасиологии в сфере земельной лексики чувашского языка, сбора диалектного материала, Г.А. Дегтярёв постепенно расширяет поле своего научного поиска. Его интересуют развитие и тенденции изменений чувашского языка в новейшее время (постсоветский период).

Успешно защитив в феврале 1988 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологии по теме «Лексика земледелия в чувашском языке» в Институте языкознания АН СССР и тем самым как бы отдав дань традиционной культуре чувашей, которые всегда были отличными хлебопашцами, молодой ученый с головой погружается в актуальную проблематику чувашского языкознания. Время было перестроечное – 2-я половина 80-х годов XX века. Общество, в том числе и чувашское, жаждало перемен. Г.А. Дегтярёв не ограничивается сугубо академическими штудиями. Он активно выступает на страницах республиканской периодики, участвует в дискуссиях и предпринимает конкретные действия для защиты чувашского языка. Тема «Язык современного чувашского социума в самых разнообразных формах его проявления» с той поры определяет направление его творческих поисков.

В 90-е годы Г.А. Дегтярёв активно участвует в реализации «Закона о языках в Чувашской Республике»: ведет занятия по практическому курсу чувашского языка в вузах и предприятиях республики, в аппарате Кабинета министров Чувашии, издает учебные пособия «Чувашский язык для начинающих» (1991), «Изучаем чувашский язык» (1995), «Чувашско-турецко-русский разговорник» (1996, в соавт.), совместно с П.К. Андреевым готовит радиуроки чувашского языка (1995–1996). Книга «Чувашский язык для начинающих», изданная массовым тиражом, стала первым после 60-летнего перерыва учебным пособием по чувашскому языку для русскоязычных читателей республики и чувашской диаспоры. По инициативе Г.А. Дегтярёва был организован цикл радиопередач «Чёлхе – тёлёнтермёш тёнче (Язык – изумительный мир)». Он не гнушается «черновой» работы: переводит законы, тексты избирательных бюллетеней и вывесок-названий учреждений, наименования улиц и остановок общественного транспорта. Для Г.А. Дегтярёва в языке нет мелочей. Он «помогает» родному языку, чтобы он «заработал» в полную силу во всех социально актуализированных сферах жизни.

Г.А. Дегтярёв – признанный специалист по лексике и семантике современного чувашского языка. Является автором «Неологического словаря чувашского языка (Чăваш чĕлхин сĕнĕлĕх словарĕ)», монографии «Чувашская народная агротерминология» и около 100 научных статей по актуальным проблемам чувашской и тюркской филологии. За составление «Неологического словаря чувашского языка» в 2004 г. ему присужден Диплом лауреата Республиканского конкурса «Чувашия – новое время» в номинации «Научно-исследовательский проект».

Г.А. Дегтярёв с особой симпатией отзывается о своем руководителе-наставнике по аспирантуре С.Н. Иванове, который известен и как автор блистательных переводов из средневековой тюркской поэзии. И самого Г.А. Дегтярёва время от времени посещает вдохновение – он автор ряда стихотворений и поэтических переводов.

Благодаря его усилиям было возвращено и введено в контекст чувашской культуры духовное наследие А. Петтоки. То, что это возвращение действительно состоялось, свидетельствует любовно подготовленная Г.А. Дегтярёвым книга «Андрей Петтоки (Осмысление жизненного и творческого пути поэта)». Говоря несколько перифразированными словами Назыма Хикмета в переводе Дегтярёва (русский перевод Л. Мартынова):

<i>Эп сунмасан,</i>	<i>Ведь если я гореть не буду,</i>
<i>Эс сунмасан,</i>	<i>И если ты гореть не будешь,</i>
<i>Этир сунмасан,</i>	<i>И если мы гореть не будем,</i>
<i>Эпле тухĕç тĕттĕмрисем</i>	<i>Так кто же здесь</i>
<i>сутта, тăван?</i>	<i>рассеет мглу?</i>

Другой чертой его характера является отзывчивость, он всегда готов прийти на помощь: проконсультировать, отыскать редкое слово в малоизвестных лексиконах, отредактировать текст, сделать корректный перевод термина и т.д.

Дегтярёвым подготовлены краткие русско-чувашские словари музыкальных, хореографических и компьютерных терминов. Он является научным редактором «Краткого русско-

чувашского психиатрического словаря» (2000) и ряда сборников статей. В качестве научного консультанта по терминологии и переводчика на чувашский язык он участвовал в подготовке книг «Народное наследие: вопросы сохранения и развития» (1996), «Чувашский костюм: от древности до современности» (2002), получивших широкий общественный резонанс. В 2002–2009 гг. он принимал участие в переводе Библии на чувашский язык в качестве эксперта-консультанта по языковым вопросам, за что был удостоен в 2010 г. Архиерейской грамоты.

В настоящее время Г.А. Дегтярёв возглавляет авторский коллектив трехтомного «Толкового словаря чувашского языка», готовит к изданию II том «Неологического словаря чувашского языка» и монографию «Ёмёрсен чиккинчи чăваш чĕлхи (Чувашский язык на рубеже веков)».

Он является ответственным секретарем Межведомственной комиссии по чувашскому языку Чувашской Республики, членом Комиссии по использованию государственных языков Чувашской Республики (при администрации г. Чебоксары), членом Редакционного совета по подготовке и изданию Справочника об административно-территориальном делении Чувашской Республики. В 1988 г. награжден знаком ЦК ВЛКСМ «За отличие в труде». В 2005 г. удостоен Почетной грамоты Чувашской Республики.

Самодостаточность – хорошая черта. Как говорил А.П. Чехов: «Добывание себя из себя в качестве акта личной воли – единственная продуктивная форма участия человека в собственной судьбе». Но наши деяния действительно продуктивны, когда сердце открывается сердцу. Геннадий Анатольевич это определяет так: «Чёререн чĕрене – чўрече (Открыто сердце сердцу)». Оставайся же с открытым сердцем!

Основные научные труды

- О номинации трав в чувашском языке // Советская тюркология, 1986. № 1. С. 75–78.
- Названия сорных растений в тюркских языках // Четвертая всесоюзная школа молодых востоковедов. М., 1986. Т. 3. С. 62–63.
- Заемствования сельскохозяйственной лексики из русского языка в чувашский // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. Л., 1986. Вып. 2. С. 116–117.
- Ономазиологическая структура чувашской сельскохозяйственной лексики // Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии чувашского языка. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 33–54.
- Чăваш хаçачĕн чĕлхи // Тăван чĕлхе икчĕлхелĕх тапхăрĕнче. Ст. пуххи / ЧНТИ. Шупашкар, 1991. С. 57–82.
- Чувашский язык для начинающих. Учеб. пособие / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. 78 с.
- Названия полевых культур в системе диалектного языка // Чувашский язык: история и современность. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1994. С. 5–15.
- Традиционные названия морфологических частей, этапов роста и процессов онтогенеза сельскохозяйственных культур в чувашских диалектах // Там же. С. 16–26.
- Заметки о пейоративно-оценочной номинации в чувашском языке // Вестник Чувашской национальной академии. Чебоксары, 1994. № 2. С. 68–72.
- О метафорической номинации в тюркских языках // Чувашский язык и алтаистика. Чебоксары: ЧГИГН. 1995. С. 97–100.
- Изучаем чувашский язык. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. 1995. 127 с.
- Чувашско-турецко-русский разговорник. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1996. 189 с. В соавторстве.
- Хальхи чăваш чĕлхинчи музыкăпа хореографи терминĕсем // Халăх эткерĕ: упраса аталантарас ыйтусем. Ст. пуххи / ЧПГĂИ. Шупашкар, 1996. С. 142–154.
- Чувашский язык в постсоветское время: аспекты эволюции в новых условиях // Образование, язык, культура на рубеже XX–XXI веков: Материалы Международной научной конференции. Часть II. Уфа. 1998. С. 113–115.
- Н.Н. Поппе – N. Rorpe // Чăваш чĕлхе пĕлĕвĕ. Ст. пуххи / ЧПГĂИ. Шупашкар, 1999. С. 165–171.

«Новый» язык чувашской публицистики // Средства массовой информации: История и современность. Сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 1999. С. 258–268.

Язык современного чувашского социума: Основные тенденции развития // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1999. С. 107–126.

Об инновациях в онимической лексике чувашской прессы // Ономастика и языки Урало-Поволжья. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2002. С. 37–41.

Наум Урхин «Фауст» кусарăвĕ // Н.А. Андреев – Урхи Наумĕ. Ст. пуххи / ЧПГĂИ. Шупашкар, 2002. С. 45–50.

Чувашская народная агротаническая терминология. Монография / ЧГИГН. Чебоксары, 2002. 140 с.

Чăваш чĕлхин сĕнĕлĕх словарĕ / Неологический словарь чувашского языка. В 2-х томах. Т. 1 / ЧГИГН. Чебоксары, 2003. 228 с.

Н.В. Никольский лексикографири пултарулăхĕ // Проблемы изучения научного наследия Н.В. Никольского: Материалы конференции, посвященной 120-летию со дня рождения ученого / ЧГИГН. Чебоксары, 2003. С. 28–42.

Хальхи чĕлхери сĕнĕ тата кивĕ сăмахсем // Вестник Чувашского государственного педуниверситета им. И.Я. Яковлева. Внеочередной выпуск. Чебоксары, 2004. С. 23–27.

Поэт шăпи // Андрей Петтоки (Осмысление жизненного и творческого пути поэта) / ЧГИГН. Чебоксары, 2005. С. 7–23.

Николай Резюков тата «Чăваш сăмахĕсен кĕнеки» // Чăваш чĕлхи: аваллăхран малашлăха. Ст. пуххи / ЧПГĂИ. Шупашкар, 2007. С. 5–34.

Хаçат чĕлхинчи сĕнĕ сăмахсем тата вĕсемпе сыхăннă йăнăшсем // Чăваш чĕлхи тата алтаистикăн хальхи сивĕч ыйтăвĕсем / Чувашский язык и современные проблемы алтаистики. Сб. материалов Международной научной конференции / ЧГИГН. Чебоксары, 2009. Ч. 1. С. 153–154.

Компьютерти чăваш чĕлхи: терминологие йĕркелес ыйтусем // Вестник Чебоксарского филиала МГОПУ им. М.А. Шолохова. Чебоксары, 2009. № 6. С. 258–267.

Чувашский язык и компьютер: проблемы и перспективы взаимодействия // Чувашский язык: история, современность, проблемы. Сб. статей / ЧГПУ. Чебоксары, 2009. С. 45–53. В соавторстве.

Изучаем чувашский язык: Пособие для самообразования. 2-е изд., испр., доп. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. 127 с.

А.П. Хузангай.

МИНЕЕВА ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА

(К 50-летию со дня рождения)

1 декабря 2010 г. исполняется 50 лет со дня рождения известного учёного, признанного специалиста в области национально-государственного строительства чувашского народа и народов Среднего Поволжья, доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории им. А.В. Арсентьевой историко-географического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (ЧГУ) Елены Константиновны Минеевой.

Е.К. Минеева родилась в г. Чебоксарах Чувашской АССР. Училась в средней школе № 1. В 1983 г. с отличием окончила историко-филологический факультет ЧГУ по специальности «Историк. Преподаватель истории и обществоведения».

В студенческие годы активно участвовала в вузовских и республиканских научных конференциях, ездила в экспедиции. Азам исследовательского мастерства училась у преподавателей В.Ф. Каховского, И.Д. Кузнецова, В.Д. Димитриева, П.В. Денисова, Д.М. Макарова, В.М. Михайлова и др. Доцент Ю.П. Смирнов, у которого она специализировалась, стал пер-

вым её научным наставником. По программе «шефа» талантливая студентка серьезно занималась социологическим обследованием рабочей молодежи на заводах в гг. Чебоксары и Новочебоксарск. Большое влияние на становление будущего учёного оказали заведующий сектором историко-социологических исследований Института истории АН СССР д.и.н., профессор В.Е. Полегаев и научный сотрудник сектора к.и.н. И.Л. Корнаковский. В 1982 г. в составе группы из трёх человек выезжала на Байкало-Амурскую магистраль для интервьюирования и тестирования рабочих БАМа. Результаты опроса были проанализированы в дипломной работе, после успешной защиты которой руководство ЧГУ направило способную выпускницу в целевую аспирантуру.

В 1983–1984 гг. проходила стажировку в Ленинградском государственном университете им. А.А. Жданова, где была прикреплена к кафедре новейшей истории России. Её первым научным руководителем стал известный ученый, д.и.н., профессор Владимир Александрович Овсянкин. Регулярно посещала лекции именитых профессоров И.Я. Фроянова, В.В. Мавродина, Р.Г. Скрынникова, И.Я. Иванова, А.Л. Шапиро, этнолога Р.Ф. Итса, археолога А.Д. Столяра. Не только учебный процесс (занятия по философии, иностранному языку) и регулярная работа в библиотеках (в легендарной «Публичке» и в знаменитой Библиотеке Академии наук) занимали время молодой провинциалки. Она посещала театры и музеи, изучала город на Неве, который сам по себе являлся школой приобщения к высокой культуре. В 1984 г., успешно выдержав все экзамены, Е.К. Минеева поступила в аспирантуру.

В 1984–1989 гг. Елена Константиновна обучалась в аспирантуре Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова, где под руководством известного историка, профессора Геннадия Леонтьевича Соболева подготовила и досрочно защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук по теме «Создание и деятельность Чувашского отдела при Наркомнаце (1918–1922 гг.)». В ней она восстановила историю возникновения и деятельности органа власти, который ранее практически не изучался. Главный вывод её диссертационного исследования состоит в том, что создание в 1920 г. Чувашской автономной области явилось результатом многогранной деятельности отдела Наркомнаца, что отдел нельзя назвать только исполнительным органом, так как, реализуя поставленные перед ним задачи, он координировал все сферы общественно-политической, экономической и культурной жизни чувашского населения. Кроме того, решение ВЦИК об упразднении Наркомнаца автор исследования рассматривает как поспешное, поскольку создание СССР не решало всех проблем и вопросов в области национальных отношений. Вернувшись в 1989 г. в Чебоксары, Е.К. Минеева более 20 лет работает в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова. В 1989–1992 гг. – ассистент кафедры региональной истории; 1992–1994 гг. – ассистент, 1994–1998 гг. – доцент кафедры всеобщей истории ЧГУ. В 1996 г. ей присвоено звание доцента. Проводила занятия по таким учебным дисциплинам, как «Этика» и «История этики», «Эстетика» и «История эстетики», «Мировая художественная культура», «История мировых цивилизаций», «История средних веков». В 1998 г. работала в должности декана исторического факультета. В 1998–2005 гг. – доцент кафедры средневековой и новой истории Отечества, 2005–2008 гг. – докторант ЧГУ. В 2005–2009 гг. – доцент кафедры отечественной истории им. А.В. Арсентьевой, с 2009 г. по настоящее время – профессор той же кафедры университета. В 1996–2004 гг. вела занятия в Алатырском, Батыревском филиалах, Ядринском учебно-консультационном пункте ЧГУ. На протяжении многих лет основными читаемыми Е.К. Минеевой курсами были и остаются «История России с древнейших времен до конца XVIII века», «История государственных учреждений дореволюционной России», «Отечественная история», «История отечественной культуры», «Формирование и развитие государственности чувашского народа», «Формирование и развитие автономий в РСФСР» и др. Под её научным руководством защищено множество дипломных работ. В преподавательской работе Е.К. Минеева использует разнообразные методы и формы проведения занятий. Она не останавливается на достигнутом, разрабатывая новые и совершенствуя уже имеющиеся курсы и спецкурсы.

В 1996 – 2006 гг. Елена Константиновна преподавала в гимназии при Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова, гимназиях № 46, 59 г. Чебоксары. Многие годы

эффективно работает по организации и проведению гимназических, вузовских, общегородских и региональных, а также республиканских конференций типа «Exelsior», «Юность Большой Волги» школьной и студенческой молодежи. Неоднократно была председателем секций и подсекций по различным гуманитарным дисциплинам. Руководит педагогической практикой студентов.

Е.К. Минеева проводит плодотворную научно-исследовательскую работу, принимая участие в круглых столах, региональных, всероссийских и международных научных конференциях. Сфера её научных интересов – национальная политика советской власти, Народный комиссариат по делам национальностей, становление и развитие национально-территориальных автономий в Среднем Поволжье. В 2000-е годы ею были написаны десятки статей по самым различным аспектам данной темы, которые увидели свет в Чебоксарах, Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Саранске и других городах. Первая её монография «Наркомнац РСФСР и становление автономии чувашского народа (1918–1925 годы)» (Чебоксары, 2007) написана в основном по итогам кандидатской диссертации. В ней на основе богатого фактического материала автор анализирует деятельность Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР, работу Чувашского отдела при Наркомнаце. В монографии сделан вывод о том, что многогранная деятельность отдела по политическому, социально-экономическому и культурному развитию чувашского населения создала необходимые предпосылки для образования Чувашской автономии. В 2007 г. вышла в свет вторая её монография – «Наркомнац и становление Марийской, Мордовской, Чувашской автономных республик: исторический опыт и уроки» (Чебоксары, 2007). В ней на основе богатого материала, во многом впервые вводимого в научный оборот, изучена деятельность Наркомнаца РСФСР, его отделов в Среднем Поволжье, впервые проанализированы процессы становления не одной, а нескольких автономий региона, что позволило автору выявить как общие, так и специфические их особенности. Монографией Е.К. Минеева сказала новое слово в науке по проблеме национально-государственного строительства в годы советской власти.

В 2008 г. Е.К. Минеева успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Становление Марийской, Мордовской и Чувашской автономий в 20–30-е годы XX века». В 2009 г. вышла её третья монография «Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920–1930-е гг.)», которая доказывает, что автор зарекомендовал себя крупным специалистом по исследуемой проблематике. Впервые ею были подняты и стали изучаться такие проблемы, как административно-территориальное деление, экономическое районирование в многонациональном поволжском регионе. История создания автономий в Среднем Поволжье с опорой на источники по многим вопросам получила в трудах Е.К. Минеевой новое звучание, иную интерпретацию. Е.К. Минеева внесла существенный вклад в изучение национальной политики советской власти, истории Наркомнаца РСФСР, административно-территориального деления и экономического районирования страны, автономизации мари, мордвы и чувашей, установления административных границ, вопросов коренизации и реализации национальных языков, развития этнических меньшинств в указанный период. Третья монография была удостоена диплома на втором Приволжском региональном конкурсе на лучшее вузовское издание «Университетская книга – 2009» в номинации «Лучшее научное издание по истории, политике, социологии и культуре».

С 2009 г. Елена Константиновна становится членом, а с 2010 г. председателем объединённого диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по истории, действующего при ЧГУ. Она неоднократно выступала в качестве официального оппонента, готовила и продолжает составлять отзывы на авторефераты диссертаций, отзывы по отечественной истории от ЧГУ как ведущей организации, является научным руководителем и консультантом аспирантов и докторантов, ответственным, научным редактором монографий, сборников научных статей и учебных пособий. К настоящему времени Е.К. Минеева – автор около 100 научных публикаций, в том числе 3 монографий, 7 учебно-методических разработок и пособий. Учебную и научно-исследовательскую деятельность Е.К. Минеева успешно сочетает с общественной работой.

Неоднократно являлась председателем предметных комиссий ЧГУ по всеобщей и отечественной истории. На протяжении многих лет – член предметных комиссий по истории и обществознанию Единого государственного экзамена (ЕГЭ). В 2010 г. – председатель республиканской предметной комиссии ЕГЭ по истории. В 2009 г. тайным голосованием она была избрана членом Учёного совета ЧГУ, является учёным секретарём комиссии университета по присуждению премий в области науки и техники.

За многогранную и плодотворную деятельность неоднократно награждалась почётными грамотами Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова и Министерства образования и молодёжной политики Чувашской Республики.

Основные научные труды

Создание Чувашского отдела при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР / Вестник Ленинградского университета. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. Вып. 4. Л., 1988. С. 75–78.

Создание системы руководства культурой и просвещением в 1917-1920 гг. (На примере Чувашского края) // Октябрьская революция и осуществление ленинской национальной политики в Поволжье и Приуралье (К 70-летию образования Башкирской АССР). Уфа: Изд-во Башк. гос. ун-та, 1989. С. 112–115.

О деятельности Чувашского отдела при Народном комиссариате по делам национальностей // История Чувашии: Проблемы и задачи изучения. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1993. С. 51–54.

Преобразование Симбирской семинарии в Чувашский институт народного образования. И.Я. Яковлев и духовный мир современного многонационального общества. Материалы Международной научной конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1998. С. 97–99.

Национальный вопрос в программах РСДРП // Столетие РСДРП. М.: ИНИОН РАН, 1999. С. 170–171.

Деятельность Чувашского отдела Наркомнаца РСФСР среди крестьян края: особенности переходного периода // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. М., 2005. С. 496–506.

Деятельность Чувашского отдела Наркомнаца РСФСР по формированию национального самосознания чувашского народа // Народы на переломе эпох (XX – начало XXI вв.). Казань, 2005. С. 136–140.

Национальный вопрос в первое десятилетие Советской власти: вариант современной трактовки // Проблемы новейшей истории России. СПб., 2005. С. 298–305.

Национальный вопрос в трудах В.И. Ленина в конце XIX – начале XX веков // Первая русская революция 1905–1907 гг.: Исторический опыт разрешения внутриобщественного кризиса и современность. Ульяновск: Област. кн. изд-во «Симбирская книга», 2005. Ч. 2. С. 77–91.

Государственность чувашского народа в контексте отношений «центр – регионы»: современные подходы изучения // Проблемы оптимизации взаимодействия федерального, регионального и местного уровней власти в современной России. Чебоксары: Новое время, 2006. С. 213–221.

Концепция национально-государственного развития чувашского народа в трудах И.Д. Кузнецова // И.Д. Кузнецов – учёный, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века. М.: ИНИОН РАН РФ, 2006. С. 160–174.

Опыт советской национальной политики 20–30-х годов в контексте современной глобализации // История народов Поволжья и Приуралья: исследовательские традиции и новации. Казань: КГТУ, 2006. С. 34–43.

Народы Среднего Поволжья: традиции и современность // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск. Философия. Отечественная история. Право. Педагогика. Политология. Лингвистика. 2006. С. 73–83.

Чувашская диаспора в трудах исследователей конца XX – начала XXI веков // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки, 2006. № 6. С. 58–73.

Наркомнац РСФСР: цели, задачи, структура // Вестник Чувашского университета, 2006. № 7. С. 23–33.

Аграрный вопрос в первые годы советской власти (На материалах мари, мордвы, чувашей) // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 292–301.

Национально-территориальная государственность как фактор развития народов России в 1917–1922 годах (На примере Чувашского края) // Регионология, 2007. №2. С. 264–270.

Формирование и развитие национальной государственности в педагогическом наследии историков Чувашии // Вестник Чувашского университета, 2007. № 1. С. 11–26.

Национальный вопрос в первые годы советской власти: теория и практика // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета, 2007. № 16 (2). С. 161–165.

Деятельность Наркомнаца РСФСР и его отделов в национальных районах Среднего Поволжья по подготовке и коренизации специалистов в первые годы советской власти // Учёные записки РГСУ, 2007. № 3. С. 112–119.

Изменение государственного статуса Чувашии в 1920–1925 гг. // История и регионология: грани пересечения. Казань: КГТУ, 2007. С. 208–228.

Создание национально-территориальной автономии народов мари, мордвы и чувашей // Известия Самарского научного центра РАН, 2007. Т. 9. № 2. С. 373–383.

Наркомнац РСФСР и становление автономии чувашского народа (1918–1925 годы). Монография. Чебоксары: Изд-во Л.А. Наумова, 2007. 182 с.

Определение территориальных границ автономий Среднего Поволжья (1920–1930 гг.) // Федерализм, 2007. № 3. Теория. Практика. История. С. 183–192.

Органы управления в условиях формирования государственности народов Среднего Поволжья (20–30-е годы XX века) // Государственная служба, 2007. № 6 (50). С. 187–192.

Наркомнац и становление Марийской, Мордовской, Чувашской автономных республик: исторический опыт и уроки. Монография. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 300 с.

Национальный вопрос в России на рубеже XIX–XX веков (На материалах народов мари, мордвы и чувашей). Учебное пособие. Чебоксары: Изд-во Л.А. Наумова, 2008. 164 с.

Автономии Среднего Поволжья в системе экономического районирования Советской России (20–30-е годы XX века) // Вестник СГСЭУ, 2008. № 1 (20). С. 113–117.

Административные границы Чувашской автономии с Ульяновской губернией в 20-е годы XX века // Вестник Ленинского мемориала. Ульяновск: Изд-во «Вектор-С», 2007. Вып. 9. С. 398–410.

Национальный вопрос в России и народы Среднего Поволжья в начале XX века // Россия и Удмуртия: история и современность. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2008. С. 824–831.

Роль русского народа в становлении промышленности автономий Среднего Поволжья (20–30-е годы XX века) // Актуальные проблемы истории Поволжья и Приуралья. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 323–341.

Этнические меньшинства: объект национальной политики Советского государства (На примере диаспор народов мари, мордвы и чувашей) // Изучение истории народов Среднего Поволжья: новые аспекты и сюжеты. Чебоксары: Изд-во Л.А. Наумова, 2008. С. 157–167.

Первые годы существования Марийской и Чувашской автономий // Изучение истории народов Среднего Поволжья: новые аспекты и сюжеты. Чебоксары: Изд-во Л.А. Наумова, 2008. С. 127–156.

Вопросы национально-государственного строительства в трудах историков – педагогов Чувашии // Преподаватель. XXI век. 2008. № 2. С. 115–122.

Экономическая и культурная политика Чувашии в 20–30-е годы XX века // Вестник Чувашского университета, 2008. № 3. С. 43–53.

Политика «коренизации» в Марийской и Чувашской автономиях в 1920-е годы // Формирование единого пространства образования и науки в российской высшей школе: история и перспективы. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. С. 492–498.

Экономическая и культурная политика Чувашии в 20–30-е годы XX века (окончание. Начало в № 3) // Вестник Чувашского университета, 2008. № 4. Гуманитарные науки. С. 82–93.

Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920 – 1930-е гг.). Монография. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. 594 с.

Голод в Чувашской автономии в 1921–1923 гг. // Актуальные проблемы истории России XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш ун-та, 2008. С. 14–24.

Национально-территориальные автономии в регионе Среднего Поволжья: Проблема преобразования ЧАО в ЧАССР // Российские регионы на современном этапе: культура, политика, экономика, управление. Чебоксары: Новое время, 2009. С. 31–38.

Левобережье Волги как объект территориальных дискуссий между Марийской и Чувашской автономиями в первой половине 1920-х годов // Проблемы изучения взаимосвязей города и деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2009. С. 334–341.

Влияние РКИ на обеспечение правопорядка в первые годы Чувашской автономии // Актуальные проблемы безопасности и их отражение в процессе преподавания социально-гуманитарных дисциплин. Чебоксары: Чебоксарский филиал Нижегородской академии МВД России, 2010. С. 109–115.

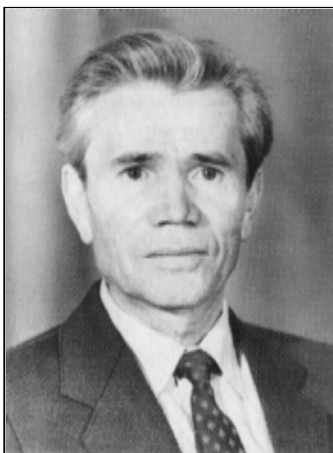
Опыт взаимодействия краевых объединений и автономий Среднего Поволжья // Инновационная парадигма и кадровый потенциал в сфере государственного управления современной России. Чебоксары: Новое время, 2010. С. 446–454.

Этническая самоидентификация народов Среднего Поволжья: традиции и современность // Этническая культура народов Волго-Камья: традиции, трансформации и современные процессы. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2010. С. 99–112.

Роль Советского государства в становлении и развитии национальных меньшинств Среднего Поволжья (20–30-е гг. XX века) // Проблемы исторической регионалистики. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2010. Ч. 1. С. 191–198.

Г.А. Николаев.

ПАМЯТИ КОЛЛЕГ

МАЛЮТИН СТАНИСЛАВ РОМАНОВИЧ
1929–2010

21 июня 2010 г. на 81 году ушел из жизни организатор науки, профессор, доктор экономических наук, видный ученый и педагог Станислав Романович Малютин. Он родился 28 октября 1929 г. в д. Пронькасы Чебоксарского района Чувашской АССР в семье служащих. Его юность пришлась на годы Великой Отечественной войны: за самоотверженный труд в години суровых испытаний в 1946 г. семнадцатилетний юноша награждается медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Окончив Ишакскую среднюю школу, в 1947 г. поступает на исторический факультет Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева. После окончания вуза работает в Шигалинской средней школе Урмарского района, директором родной Ишакской средней школы. С 1960 г. Станислав Романович свою жизнь тесно связывает с Чувашским сельскохозяйственным институтом (ныне Чувашская государственная сельскохозяйственная академия – ЧГСХА). Сначала работает старшим преподавателем кафедры марксизма-ленинизма, в 1963–1976 гг. – доцентом, с 1977 г. – профессором, зав. кафедрой политической экономики, в 1978–1989 гг. проректором по учебной работе института, в 1997–2004 гг. занимает должность заведующего кафедрой финансов и кредита. С 2004 по 2010 г. Станислав Романович – профессор той же кафедры.

В 1989–1996 гг. С.Р. Малютин возглавлял Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, переименованный в 1994 г. в Чувашский государственный институт гуманитарных наук. За годы работы в институте ему пришлось решать ряд научных, организационных, структурных вопросов. Основные усилия были направлены на сохранение и развитие научного потен-

циала коллектива, внедрение новых методов финансирования и организации деятельности института для выполнения актуальных и приоритетных научных тем. Под руководством Станислава Романовича началась работа над подготовкой «Чувашского энциклопедического словаря». В 1989 г. правительством республики были утверждены главная и отраслевая редакции, с 1992 г. началась работа с авторами по написанию энциклопедических статей.

Станислав Романович стоял у истоков создания Академии наук Чувашской Республики. В 1992 г. при его активном участии была создана Чувашская национальная академия. Он стал первым ее президентом.

С.Р. Малютин являлся крупным ученым-экономистом в области аграрных проблем. Объектами его исследования были: совершенствование механизма хозяйствования в АПК республики, внедрение арендных хозяйственных отношений, разработка регионального хозрасчета, формирование земельного рынка и другие сюжеты. Станислав Романович принял активное участие в экономической оценке земель Чувашской АССР и непосредственно руководил этой работой. Под его руководством было осуществлено сельскохозяйственное районирование Чувашской АССР. Его исследования в области сельского хозяйства получили положительный отклик экономистов и аграрников Самары, Киева, Москвы и других городов страны. Свои теоретические изыскания в области экономики он выносил в качестве практических рекомендаций при разработке Программы перехода к рыночным отношениям, Концепции программы возрождения и развития чувашского народа.

Ряд работ Станислав Романович посвятил изучению вопросов этнической истории чувашей: «Проблемы этногенеза и этнической истории чувашей» (1996); «Этногенез чувашского народа» (2000), ряд разработок – подготовке Концепции государственной национальной политики в Чувашии. С.Р. Малютин являлся автором более 80 научных работ, в том числе 9 монографий и брошюр.

Станислав Романович принимал непосредственное участие в подготовке научных кадров, он являлся научным руководителем аспирантов и докторантов, научно-исследовательских работ студентов и аспирантов кафедры финансов и кредита ЧГСХА. До конца своей жизни активно помогал экономическому факультету вуза в деле подготовки молодых научных кадров.

На протяжении всей жизни С.Р. Малютин вел общественную работу: он был членом комитета ВЛКСМ института, руководителем студенческого кружка, сельского лекторского объединения, внештатным пропагандистом, депутатом Урмарского районного и Чебоксарского городского Советов, членом Совета по экономическому образованию и многих комиссий по развитию чувашского народа и его экономического потенциала и т.д.

Станислав Романович много лет проработал в сфере высшего профессионального развития республики. Будучи проректором сельскохозяйственного института, он внес весомый вклад в разработку основных направ-

лений перестройки учебно-воспитательного процесса, комплексных мер по управлению учебно-методической и воспитательной работой. Лекции, читаемые им, пользовались большим успехом у студентов. Его авторитет как преподавателя среди студентов и коллег был неизменно высок.

Высокий профессионализм, организаторские способности, лидерские качества С.Р. Малютина всегда привлекали к нему людей. Ему были присущи тактичность, деликатность, отзывчивость, умение ставить и достигать поставленные задачи. В памяти коллег он навсегда останется глубокой и чуткой личностью.

За годы своей трудовой и общественной деятельности С.Р. Малютин был удостоен ряда правительственных наград. Он награжден значком «Отличник народного просвещения РСФСР», медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Чувашской АССР, Почетной грамотой Чувашского обкома КПСС и Совета Министров Чувашской АССР, медалями «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», «Ветеран труда», почетным знаком Советского фонда Мира. Он был удостоен почетных званий «Заслуженный работник высшей школы Чувашской АССР», «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Светлая память о Станиславе Романовиче Малютине навсегда сохранится в наших сердцах.

А.В. Шилов, В.Г. Харитонова.

Правила для авторов

1. Материалы для публикации должны соответствовать тематике журнала и представлять оригинальное научное исследование, не издававшееся ранее. Как исключение к печати могут быть приняты сочинения, издававшиеся частично – до 25% объема. Текст представляемой научной продукции должен быть тщательно выверен авторами на предмет наличия орфографических ошибок и опечаток.

2. Представляемые в редакционную коллегию материалы должны иметь титульный лист, содержащий следующие сведения: фамилия, имя, отчество автора; почтовый адрес; адрес электронной почты; номер телефона (домашнего, рабочего, мобильного); место работы; должность; ученая степень и ученое звание; тематика научных изысканий. На первой странице рукописи печатаются: название статьи (сообщения); инициалы и фамилия автора (инициалы перед фамилией). Заголовок набирается строчными буквами. На первой странице под текстом указываются: полное имя, отчество и фамилия автора; ученая степень, ученое звание и должность. Форма: Иванов Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературоведения Чувашского государственного университета.

3. Материалы для публикации должны быть напечатаны в 2 экземплярах, на одной стороне листа. В редакционную коллегию они представляются вместе с электронным вариантом (на дискете). Распечатанный текст должен быть подписан автором (авторами). Основные параметры верстки печатного и электронного текстов: кегль – 14 пунктов, междустрочный интервал – полуторный, формат страницы – А-4, выравнивание по ширине (для заголовка – по центру), отступ абзаца – 1 см, все поля 2 см, без переносов, нумерация страниц снизу и по центру листа. Гарнитура Times New Roman. Редактор – MS Word. При наличии таблиц и рисунков они должны быть созданы стандартизированными средствами MS Word и внедрены в текст. Таблицы и рисунки должны иметь собственную нумерацию и названия. В таблицах обязательно указываются единицы измерения величин. Названия и нумерация к ним помещаются над конструкцией и набираются полужирным шрифтом 12. Текст внутри таблиц набирается шрифтом 12. Нумерация и пояснения к рисункам помещаются под конструкцией и набираются шрифтом 12. Формулы располагаются по центру страницы. Шрифт для греческих букв Symbol, для всех остальных – Times New Roman. Число таблиц и рисунков в рукописи не должно превышать 6. Фотографии прилагаются в двух файлах – в тексте рукописи и отдельной единицей – с разрешением 300 dpi в формате TIFF, JPEG.

4. Рукописи в редакционную коллегию авторами предоставляются вместе с двумя рецензиями, написанными кандидатами или докторами наук по профильной научной дисциплине. Они должны быть заверены печатью той организации, где работают рецензенты. Решением редакционной коллегии полученные материалы могут быть приняты к печати, отправлены на дополнительное рецензирование или возвращены на доработку. Возвращение рукописи на доработку не означает, что она принята к печати.

Доработанный текст автор вправе вновь предоставить вместе с первоначальным его вариантом и ответами на замечания в редакционную коллегию журнала.

5. Поступившие в редакционную коллегию рукописи, как принятые к печати, так и отклоненные, а также рецензии и сопутствующие материалы поступают в научный архив ЧГИГН. Они авторам не возвращаются.

6. В рукописях допускается использование общеизвестных аббревиатур (СССР, РСФСР и др.). В случае оперирования с малоизвестными аббревиатурами в тексте при первом употреблении им должны предшествовать расшифрованные формы. Например: Всероссийский союз городов (ВСГ). Замена ключевых понятий исследования (например, «СО» вместо «сельское общество») аббревиатурами не допускается.

7. Структура статьи (сообщения) должна определяться соображениями целесообразности. В ее (его) вводной части (не менее 0,5 стр.) обязательны постановка проблемы и определение исследовательских задач, в заключительной (не менее 0,5 стр.) – полученные в ходе анализа выводы. Статью (сообщение) завершают Примечания и Краткое резюме. Используемая литература и источники указываются в Примечаниях.

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравление Президента Чувашской Республики М.В. Игнатъева	5
Знаменательные даты	
<i>Ю.Н. Исаев, Г.А. Николаев.</i> Дорогу осилит идущий	6
История	
<i>В.Д. Димитриев.</i> Информация Московского правительства о русском протекторате над Казанским ханством и о присоединении его к России, переданная дипломатами Священной Римской империи	17
<i>Е.В. Касимов.</i> Коллективизация сельского хозяйства Чувашии как научная проблема: историографические заметки	24
<i>Д.А. Захаров.</i> Уроженцы Чувашии в немецком плену в годы Великой Отечественной войны	43
Полемика	
<i>Н.И. Егоров.</i> Огур-пӓлхар-чӓваш этноглоктогенезӓн тӓп проблемисем (Авалхи тапхӓр)	69
Филология	
<i>В.Г. Родионов.</i> История чувашской литературы XX в. (Концепция)	104
<i>Г.И. Федоров.</i> К проблеме создания «Истории чувашской литературы второй половины XX века»: некоторые размышления	122
Этнология	
<i>Г.А. Николаев.</i> Поликонфессиональная деревня Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века: «свой» и «чужие»	138
Искусствоведение	
<i>Л.И. Бушуева.</i> Фольклоризм и проблема национального в чувашской музыке	160
Чувашеведение в лицах	
<i>М.Г. Кондратьев.</i> Творчество искусствоведа в картине мира	170
Дискуссии и обсуждения	
«Чувашское гуманитарное научное сообщество в зеркале мнений ученых-гуманитариев» (<i>Материал к печати подготовлен Г.А. Николаевым</i>)	181
Историческое краеведение	
<i>Ю.В. Гусаров.</i> О посещении Петром Великим города Чебоксары	192
<i>А.К. Салмин, А.И. Терюков.</i> Симбирская губерния в объективе Вильяма Каррика	199
<i>В.П. Иванов, М.Х. Сафин.</i> Малая родина поэта К.В. Иванова в свете новых данных по его родословию	207
Исторический архив	
Из истории Чувашского государственного института гуманитарных наук (<i>Материал к печати подготовлен Г.А. Николаевым</i>)	217

Рецензии

<i>Г.А. Дегтярёв.</i> Рец. на: Чернов М.Ф. Русско-чувашский фразеологический словарь / Под. ред. Л.П. Сергеева. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 536 с.	222
<i>Кузнецов А.В.</i> Рец. на: Л.П. Сергеев. Диалектная система чувашского языка: монография. Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет им. И.Я. Яковлева, 2007. 428 с.	224
<i>С.В. Гончарова.</i> Рец. на: И.В. Сухарева. Чуваша Башкортостана в XVII–XIX веках: Экономическое развитие и социальная структура. Уфа: Гилем, 2007. 272 с.	226
<i>Д.В. Басманцев.</i> Рец. на: Н.В. Никольский. Собрание сочинений. Том II. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей / Сост., автор Предисловия, Комментариев и Примечаний Г.А. Николаев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 447 с.	228
<i>К.Н. Сануков.</i> Рец. на: Е.К. Минеева. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920–1930-е годы). Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2009. 594 с.	230
Наши юбиляры	235
Памяти коллег	254
Правила для авторов	257

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Чувашский гуманитарный вестник
2010 № 5

Научный журнал

Ответственный редактор *Г.А. Николаев*
Редактор *В.А. Прохорова*
Художественный редактор *А.А. Трофимов*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Верстка *Э.В. Кирилловой*

Публикуемые материалы не обязательно отражают
точку зрения редколлегии
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Чувашский гуманитарный вестник» обязательна

Учредитель: ГНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-39825 от 12 мая 2010 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписано к печати 11.09.2010. Формат 70 × 100¹/₁₆. Печать оперативная.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman Cyr
Усл. печ. л. _____. Уч.-изд. л. _____. Тираж 200. Заказ № _____.

Издатель – ГНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
428015, Чебоксары, Московский пр., 29, корп. I.
тел 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05
e-mail: human2000@yandex.ru